

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

МЕЖДУ АМУРОМ И НЕВОЙ

Происшествия из службы
сыщика Алексея Лыкова
и его друзей

Annotation

Роман «Между Амуром и Невой» описывает события 1883 года. В Петербурге происходят загадочные убийства беременных женщин. Благово подозревает, что за этими событиями скрывается подготовка к какому-то страшному преступлению. Чтобы выяснить это, Лыков внедряется в банду преступного «короля» столицы Лобова. Под видом уголовного сыщик по этапу отправляется через всю Россию в Нерчинский каторжный район и далее в Манчжурию, в республику золотоискателей Желтугу... В это же время друг Лыкова барон Таубе борется с английской разведкой на Памире.

- [Николай Свечин](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Послесловие](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)

- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)

- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)

- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)

- [181](#)
 - [182](#)
 - [183](#)
 - [184](#)
 - [185](#)
-

Николай Свечин
Между Амуром и Невой

Глава 1

Три Ивана

Саженого роста негр в обтягивающем атлетическую фигуру заморском трико быстро выкинул вперёд правый кулак. Рыжий крутоплечий бородач замер на секунду, голова его дёрнулась назад, ноги подкосились. Готов...

Распластавшееся тело оттащили в сторону, негр оскалился, окинул весёлым уверенным взглядом собравшуюся толпу.

— Ну, кто ешшо? Выходи на честной бой! Не бойсь, православные, негра до смерти не убьёт, он удар чувствует, какому мужчине какой отвесить по чину. Кто тут есть смелый? Бой по правилам аглицкаго боксу, на кону пя-а-тьдесят рублей, кто чёрного победёт, тот деньги и унесёт!

Мужичонка в синем картузе ходил по кругу, образованному зрителями во дворе нового доходного дома на Ближней Рогатке и потрясал сложенным в кулаке банковским билетом, тщетно вызывая смельчаков. Разномастная, из простого люда сбита толпа гудела, подзуживая сама себя, но в круг никто ступить не решался. Больно уж ловко чертяка-негр укладывал самых-самых силачей увесистыми кулаками. Двух уже отвели, а одного так и отнесли к дровнику. Даже Степана Вагина чёрный бес завалил, сильнейшего в Питере ломового извозчика! Кто ж теперь, после такого, решится?

Негр, разгорячённый боем, поднял руки, что-то гортанно закричал. Что — не понятно, но явно для общества явно обидное. Народ засвистал, заулюлюкал, пьяные плечистые парни крикнули из задних рядов в ответ, чем они сейчас гостя порадуют. Однако с места никто не сдвинулся. Публика, понимая, что дураки кончились и зрелища больше не будет, начала уже расползаться, весело матерясь, как вдруг из подворотни что-то колыхнулось. Уходившие уже люди толпой бежали назад. Посреди них, возвышаясь над всеми, как башня, вразвалку, неспешно шёл гигант с русой бородой, русыми волосами и сочными голубыми глазами на мужественно-красивом лице. Однако при всей такой писаной красоте улыбался он как-то нехорошо и вообще от всей его фигуры, от гордо-ленивой осанки веяло чем-то грозным и недобрым.

— Пересвет пришёл! Пересветушко сейчас этой облизьяне покажет! — кричали вокруг синюшные от водки люди, плотным кольцом

вновь окружая импровизированную арену. Мужик в синем картузе нахмурился настороженно, и так же подобрался негр-боксёр, внимательно и оценивающе осматривая нового бойца. Плечи такие же, как у только что побитого Вагина и рост не выше, и так же самоуверен, но что-то в нём есть такое...

— Ну, валяй, арапская харя, кажи свой бокс.

Бойцы стали друг против друга. Негр принял стойку, подняв кулаки и выглядывая из-за них, как из укрытия; русак стоял спокойно, но смотрел зорко, готовый ко всему, как сжатая пружина. Толпа мгновенно затихла.

Негр сделал стремительный выпад, Пересвет отшатнулся назад, чёрный кулак просвистел слева направо прямо перед его носом.

— Левый свинг, не получился, — громким шёпотом прокомментировал рослый студент своему не менее рослому товарищу. — Нам в Гимнастическом обществе показывали.

Негр постоял секунду, затем мгновенно сблизился с соперником и с невероятной скоростью нанёс ему серию из четырёх ударов, причём как минимум два из них попали в цель. Русак отскочил назад, недовольно затряс головой, из рассечённой губы его хлестала кровь. Толпа неодобрительно загудела.

— Апперкот прошёл! Как же он не упал? — ахнул студент.

Негр, по-видимому, тоже этого не понял и смотрел на русака озадаченно. Зато тот сразу озверел.

— Ах, ты, сволочь! Вот ты, значит, как! Ну, держись, каторга!

Пересвет надвинулся на негра, как паровоз на кролика, хотя роста они были одинакового. Чернокожий боксёр быстро-быстро замахал руками, пытаясь остановить эту гору мускулов, но русак будто не замечал эти страшные удары. Через секунду он прорвался к противнику, дёрнулось его правое плечо, раздался шлепок удара и какой-то противный хруст. Негр упал как подкошенный, Пересвет набросился на него и стал ожесточённо, со всей силы пинать, выцеливая сапожищами голову, лицо, висок. В наступившей тишине — народ от ужаса оцепенел — слышно было лишь пыхтение русака и глухие звуки ударов. Наконец Пересвет успокоился, постоял секунду над поверженным телом, смачно плюнул, молча вырвал у мужика в картузе банковский билет и так же молча, вразвалку, удалился.

Толпа мгновенно расступилась и исчезла, будто её и не было. Посреди двора на вытоптанной траве осталось огромное чёрное распростёртое тело с залитым кровью лицом, с нелепо вывернутой рукой; только «картуз», охая, причитал над ним.

— Вань, а что это был за удар? — спросил шёпотом второй студент у

первого.

— Пошли отсюда, — угрюмо ответил тот и они быстро скрылись в арке.

— Как же это, православные? — всхлипывал мужичонка, беспомощно озираясь вокруг. — Убил ведь, чёрт яманный, Абдулку! Убил, без обману... Куда ж я теперь? И в полицию не сунешься...

Вечером этого дня, осмотрев труп несчастного негра в морге Александро-Невской части, Благово сказал Лыкову:

— Видишь, Алексей? Такой вот у них Пересвет. Представляешь, каков тогда Челубей?

На следующий день, в двенадцатом часу пополудни, Лыков сидел в трактире «Три Ивана», самом зловещем и грязном из всех трактиров Лиговки. На нём был среднего качества, опрятный сюртук с георгиевской ленточкой в петлице; картуз лежал по правую руку. По-солдатски тщательно начищенные, второго срока носки, сапоги тускло блестели, ногти на руках пострижены, усы и короткая русая борода аккуратно подбриты. По виду Алексея всякий бы определил в нём вчерашнего служаку, но затруднился бы в определении статуса. На офицера не похож, для фельдфебеля чересчур молод, для унтера слишком самоуверен. Малый знает себе цену, и плечи у него ого-го, сидит кум королю, но, видать, в прогаре, раз оказался в эдаком месте...

Лыков не спеша потягивал водку (взял сразу полуштоф^[1]), закусывая пирогом с визигой, и осматривался вокруг. В «Три Ивана» сыщики с давних уже пор не совались. Четыре года назад, в семьдесят девятом, здесь, прямо у стойки, зарезали двух «наружников» с Офицерской, из сыскного, а трупы подбросили на Калашниковскую набережную в пакгаузы. Облава была потом злая, но ничего не дала, а через три месяца сменился пристав и дело закрыли. Сыскари с тех пор, затаив обиду, обходили «Иванов» стороной, чем вся лиговская шпанка очень гордилась. Единственный представитель власти, рисковавший появляться здесь, был податный инспектор Сорока, хитрый хохол, пьянчуга и взяточник — лиговцы считали его своим, не опасались и не обижали.

Большое, на тридцать столов, помещение трактира было освещено довольно скупо, а клубы табачного дыма поддерживали вечные сумерки. В дальнем углу за стойкой возвышался крупный, пузатый и совершенно лысый мужик в фартуке, формальный хозяин заведения Прохор Демидыч. Он зорко оглядывал залу, одним движением бровей направляя в нужную точку или шустрого полового с грязным полотенцем на плече, или пару

сурового вида вышибал. Дрались, впрочем, в «Иванах» не часто — хозяин больно строг, и при необходимости обменяться любезностями обычно выходили на улицу. Но случалось всякое... Публика, по наблюдением Алексея, была сплошь уголовная: сидели только два-три спивающихся «ханурика», простых обывателей не замечалось ни одного. Многие посетители трактира на вид были «деловые элементы», спокойные, уверенные и серьёзные; они сидели кучками и вполголоса что-то обсуждали. Даже пили они как-то солидно, почти скучно. Ещё больше было «красных», то есть воров — маровихеров, шниферов, мойщиков, глухарей^[2]; эти вели себя шумно, вольготно, многие уже пьяны в угар. Их столы, обсаженные марухами, густо заставленные бутылками, занимали большую часть зала, для них играл драный, с сизым носом, румын-скрипач. За одним из угловых столов сидели два серых человека и о чём-то шептались — не иначе, как блатер-каины, скупщики краденого, тырбанили слам^[3]. Прямо за спиной Лыкова два приятеля-маровихера, не выдавшиеся, почитай, с самого Томска, торопливо напивались; волей-неволей Алексей слушал их разговор, непонятный обычному человеку:

— ...Взял я тогда с верхового ширмана лопатошник, да бимбары ещё...

— Нешто скуржавые?

— Ха! скуржавые! Бери, товарищ, выше — рыжие!

— Эх, барно!

— Ещё бы не барно. Три собаки от съёмщика, жидомора, получил! А в лопатошнике ещё финажек на большую.

— На большую! — ахнул собеседник. — Ну, товарищ, тебе и подфартило! Ну и подфартило!

— Ты слушай, что дальше было. Отлил я, сколько положено, тырцику да и всунул на мельницу к Тимохе Огороднику. Ну и... тово... замазался. Укутался прям в полусмерть. Спойли меня у Тимохи пивом на окурках и раздели. Утром отверзел, смотрю — хрустов ни серса, как есть пустой, и даже пальтукан со двора свели!

— Да, братан, така наша жисть: был фарт, а стал локш.

— Вот-вот. Ну, пошёл я по музыке — кумпол свиндит, грабки дрожат. Отлежаться бы мне, в спокойствие войти, а я уж духовой совсем заделался. Решил сей же час гальё насунуть, штоб, значит, отбить всё взад.

— На ширмака проехаться надумал!

— Точно! Ну, и облопался, конечно. Определили меня с бутором на Литейном.

— Подлипалы али добровольцы?
— Подлипалы, из первого участка, с Гагаринской улицы.
— Знаю, знаю, там майор Степовой командирит, строгий мужчина.
— Он самый, Николай Василич, отец родной. Сразу почал гнать под меня шары — я же с бутором!

— Банки ставил?
— Не то слово! Надрал когтями на полный завтрак! Миног наелся — щёту нет. А все почему? Они мне прицеп повесить хотели, будто я избушку дяди Коли чистанул, аржаны увел. Это я то — честный маровихер! Фараонам для отчёту надоть дело закрыть, а клюкаря изловить силенок не хватает; и решили на меня списать. А там срока совсем другие: не наши три с полтиной, а шесть лет за Буграми жигана водить!

— Да, ну ты влип. И как управился?
— Как-как...Я стойку держу. В индии три недели прожил, а как перевели в общую, я и смыслил лытки сделать, из хезника.
— Так ты от дяди, с цинтовки ушёл! — восхитился второй вор.
— Оттель, оттель. Теперь сижу в долушке, как был пустой, бусаю на халтон, хожу жохом, совсем ракло стал. Паша-родский обещает к Троице в свою артель впустить, а пока... угости, товарищ, тарачкой!

(Представляю читателю самому сделать вольный перевод этой абракадабры, сообщу лишь ключевые слова: верховой ширман — наружный карман; лопатошник — бумажник; бимбары — часы, скуржавые — серебряные, рыжие — золотые; барно — хорошо, здорово; съёмщик — скупщик краденого; финажки — кредитные билеты; большая — тысяча рублей; тырщик — помощник вора, толкающий и отвлекающий жертву; мельница — тайный игорный дом; замазаться — проиграть больше, чем имел; укутаться в полусмерть — проиграться полностью; хрусты — деньги, серсо — рубль, локиш — неудача; идти по музыке — воровать; грабки — пальцы; духовой — отчаянный; насунуть гальё — украсть деньги; проехаться на ширмака — на авось; облопаться — попасться; определить с бутором — взять с поличным; подлипалы — сыщики; гнать шары — готовить обвинительный материал; ставить банки — бить; надрать когтями на полный завтрак, есть миноги — быть битым плетью; избушка дяди Коли — Никольская церковь; аржаны — серебряные оклады икон; клюкарь — вор, грабящий церкви; держать стойку — не сознаваться; индия — карцер; лытки — ноги; хезник — уборная; цинтовка — тюрьма; за бугры жигана водить — отправлять в Сибирь; долушка — тайный притон; бусать на халтон — пить и есть на чужой счёт; ходить жохом — быть в нужде; ракло — босяк; родский —

старший вор; тарачка — папираса.

Читатель должен также понимать, что все диалоги уголовных должны звучать примерно так. Но, дабы не утомлять ваш слух, автор облагораживает их речь, изредка вставляя в неё лишь отдельные необходимые выражения из уголовного жаргона второй половины XIX века).

Допивая второй стаканчик, Лыков заметил, что привлёк к себе внимание одного из завсегдатаев «Трёх Иванов» — замухрышку в драной паре, по виду шпанку из тех, что в тюрьме образует свиту «делового элемента». Такой тип подпевал был Лыкову хорошо знаком — сейчас будет просить налить чарку...

И точно, драный уселся напротив, уставился на гостя наглыми и одновременно трусливыми глазами и сказал, стараясь быть покровительственным:

— Слышь, кавалер! Налей-ка за знакомство!

Лыков, глядя сквозь него, нацедил себе ещё полстакана и молча выпил. Драный сразу окрысился.

— Ах, ты... Вавило — свиное рыло! Пришёл в чужой дом, да ещё и хозяев не уважил! Сдаётся мне, паря, что ты «двадцать шесть»^[4], слухач — старатель. Чтой-то я тебя здесь раньше не видел. Знаешь, что мы тут с такими делаем?

Алексей, не обращая на крикуна никакого внимания, лениво пережёвывал визигу.

Сидящие вокруг начали на них оборачиваться, кто-то вполголоса сказал: «Тузик опять на выпивку зарабатывает, горлопан лиговский». Почувствовав поддержку, драный ещё больше обнаглел и решил уязвить незнакомца побольнее:

— Ишь, егорьевскую ленту надел, а у самого рожа, что огонь — хоть онучи суши. Поди, в трынку крест-то выиграл?^[5]

Все вокруг загоготали. Тузик, довольный собою, гордо озирался, как вдруг Лыков мгновенно схватил болтуна за ухо, перетащил вокруг стола к себе и другой рукой сильно защемял ему нос. Тузик завизжал от боли, как дворняжка, оправдывая свою собачью кличку; из разорванного носа хлынула красным ручьём кровь. Брезгливо вытерев руку об поддёвку шпанки, Алексей развернул униженного врага к себе задом, не вставая, дал крепкого пинка и снова взялся за пирог. Всё это он проделал, по-прежнему не говоря ни слова.

Отлетевший к порогу Тузик поднялся с пола и, скуля и размазывая

кровь по лицу, выбежал на улицу. В «Иванах» стало тихо; тот час же от стойки отделился один из вышибал, огромный детина, весь в оспинах и угрях, и направился решительными шагами к Алексею. Лыков спокойно лил водку себе в стакан, не обращая на это никакого внимания. Подойдя, верзила неожиданно схватил его двумя руками за пояс и, крикнув, легко поднял на воздух, оторвав от пола на поларшина. Придвинул к своему лицу и, густо дохнув табаком, сказал зло:

— Чего, язёвый лоб, всегдатаев обижаешь? Жили мы тут без тебя... А давно ли ты рылом хрен не пахал?

Алексей, болтаясь на весу, даже на секунду растерялся. Вышибала держал его, пятипудового, легко, словно ребёнка, а весь зал с интересом наблюдал, чем вся эта история закончится. Сам не раз проделывавший подобные номера, Лыков оказался «на воздухе» впервые, но быстро сообразил и с полузамаха обоими кулаками сильно ударил обидчика по ушам. На рябом лице детины мелькнуло удивление, он выпустил Алексея из своих ручищ, тот легко соскочил на пол и снова сел к бутылке. Вышибала, глупо выпучив глаза, постоял ещё секунды две, потом молча, медленно осел перед Лыковым на колени. Зал ещё ничего не понимал. Лыков покосился на стойку, лениво отпихнул угреватого носком сапога, и почти саженого роста детина без звука растянулся на заплёванном полу — он был без сознания.

Ближайшая к Алексею шпанка резво очистила скамьи, деловые по углам грозно нахмурились, кто-то торопливо метнулся на улицу — стать на стрёму. В тишине, мягко ступая, подошёл и сел напротив, как минуту назад Тузик, сам трактирщик Прохор Демидыч. Двинул бровью, и перед ним появилась рюмка. Лыков молча налил в неё из своей бутылки. Мужчины выпили, глядя друг на друга, затем хозяин вежливо спросил:

— Кто таков будете?

— Весь народ из одних ворот, — уклончиво ответил Алексей.

— От дяди?

— От него.

— С заячьей квартиры?^[6]

— Никак нет, вчистую с биркой.^[7]

Прохор Демидыч внимательно осмотрел крепко сбитую фигуру Лыкова и его явно не уголовный вид, подумал немного и спросил:

— Вы, кажись, не из этих... (кивнул за спину на притихшую публику). Брус? Четыреста восемьдесят четвёртая, глядя по характеру?^[8]

— Без обдуманного намерения, в запальчивости, — пояснил Лыков. —

Народ нынче хлипкий пошёл, от щелчкадохнет.

— Видим мы, какие у вас щелчки, — неодобрительно сказал трактирщик, глядя, как начавшего приходить в себя вышибалу утаскивали волоком в соседнюю комнату. — В нашем заведении, позвольте вас спросить, что делаете?

— В вашем заведении, позвольте вам сказать, человеку водки спокойно выпить не дают всякие прощелыги. Сижуспокойно, никого не трогаю, так на тебе...

— За Тузика извиняйте, мы ему опосля добавим за хамоватость. Так что делаете в нашем-то заведении?

Лыков оглянулся, трактирщик понял его, легко и быстро, как подросток, поднялся и кивнул в угол, где стойка:

— Позвольте вас угостить; вон там комнатка есть, в ней нам покойно будет.

Лыков пошёл за ним, не забыв прихватить недопитую бутылку. Двое оставшихся в строю вышибал конвоировали его, настороженно наблюдая за каждым движением. Алексей так им улыбнулся, что те отступили ещё на шаг...

Хозяин заведения провёл гостя за стойку, в небольшую чистую комнату, из которой шумный зал почти не просматривался. В комнате было всего два стола, за один из них Прохор Демидыч и усадил Алексея. Усадил так, что дверь в дальнем углу оказалась у него за спиной. Лыков недовольно оглянулся на неё, посмотрел выразительно на хозяина, но тот распоряжался закусками, делая вид, что ничего не замечает.

Как по мановению волшебной палочки, на столе появились приборы польского серебра, а так же балык, солёные рыжики, холодная белуга с хреном и горячая ветчина. Вдруг Алексей почувствовал сзади опасность и резко оглянулся. Дверь за его спиной бесшумно отворилась, в комнату тихо вошли и уселись за другой стол двое мужчин. Алексей вежливо их поприветствовал («здоровы будете»), но те не удостоили его ответом. Один из них был вчерашний красавец-волгарь Пересвет, нагло-самоуверенный гигант (Лыков узнал его по портретному описанию, что изучил в полицейской картотеке), второй оказался колоритнее. На полголовы выше Лыкова, с атлетичной, стройной фигурой и повадками силача и красавца, с выразительным лицом и умным, внимательным взглядом, человек этот не потерялся бы в любой компании. Что он тут делает? Черты у него были русские, но с тонкой примесью какой-то восточной крови, и это делало лицо незнакомца ещё интереснее. Что-то значительное было, в этом человеке, что-то симпатичное, и одновременно он вызывал чувство

опасности. Русский с татарскими чертами... Неужели тот самый Челубей, которого даже приблизительного портрета нет ни в одной картотеке?

С большим трудом Алексей заставил себя повернуться спиной к этим людям и сказал кабатчику с ухмылкой:

— Плохо всё-таки в вашем заведении с воспитанием. Ты им «здрасьте», а они... Ну, нальём, что ли?

Он взялся было за принесённую с собой бутылку, но Прохор Демидыч отстранил её и выставил на стол свою посуду — штоф тёмного стекла с изящным золотым ярлыком.

— Для такого гостя хорошую откроем.

Двойная померанцевая завода Штритера, отметил Лыков. Дорогая вещь, а главное, лимон любой вкус забьет. Вряд ли его хотят отравить — и опасно, и пока ещё не за что; скорее попытаются усыпить и обыскать.

— Выпейте, уважаемый, этого, в знак, так сказать, извинения, а я уж вашу допью, чтоб добру не пропадать.

И трактирщик быстро и ловко налил две рюмки: Алексею — померанцевой, а себе из его бутылки, и получилось у него это так естественно, что и нечего возразить.

— Позвольте представиться: Чулошников Прохор Демидович, здешний хозяин.

— Лыков Алексей Николаевич.

Мужчины встали, пожали друг другу руки, затем сели, выпили и принялись закусывать. Несмотря на лимонную горечь, Лыков сразу различил в водке приторный вкус веротрина^[9]. Не пожалели добра, сволочи! Больше двух рюмок пить нельзя, опасно; падать надо уже после следующей...

Словно прочитав мысли сыщика, трактирщик сразу же налил ещё по рюмке, спросил, чавкая ветчиной:

— А что пытаете в наших краях, Алексей Николаевич?

— Да вот службу ищу, Прохор Демидович. Человек я серьёзный, с образованием, не в белые же дворники мне идти.^[10]

— Вестимо дело. А по какой части ищите? Да вы пейте, пейте!

Выпили по второй, в затылке у Лыкова заломило.

— Странная у вас какая померанцевая, аж с ног валит... А позвал меня в ваше заведение барон Флагге, который Тимофей Шелашов, телохранителем своим предлагает стать, — сказал, понижая голос и оборачиваясь, Алексей. — У меня, вы видели, с силой-то всё в порядке. А чего они там сидят за моей спиной? Не люблю я этого.

— Ничего, они нам не помешают, люди тихие, — успокоил трактирщик начавшего уже заговариваться Лыкова. Голос его доносился до Алексея откуда-то издали, глухо, словно из погреба. Сыщик потряс головой, и в ней ненадолго вновь прояснилось. — Трудно проверить ваши слова, Алексей Николаевич. Замели вчера Тимоху, барона-то нашего, и остались вы, значит, без службы.

Это была легенда, удачно придуманная Благово. Известный петербургский карточный шулер Шелашов, вхожий в полусвет и выдававший там себя за остзейского барона Флагге, всегда ходил с телохранителем. Занятие у него было опасное, без этого нельзя... Четыре дня назад сыскные взяли на облаве Федьку Зобикова по кличке Зоб, охранника «барона», и тот принялся искать ему замену. А вчера под вечер взяли и Шелашова, за нарушение правил прописки и присвоение чужого звания (высылка на полтора года из столиц).

— Без службы... — вяло повторил вслед за трактирщиком Алексей, протянул было руку за третьей рюмкой, упрямо зажал её в кулаке и так, вместе с ней, повалился на пол.

Он ещё чувствовал, как два силача легко подняли его, унесли во внутренние комнаты, уложили на диван и стали обыскивать. Вынули из внутреннего кармана завёрнутые в чистую тряпицу паспорт, Георгиевский крест с двумя медалями, и приговоры: Думы знака отличия Военного ордена 161-го Александропольского полка и Думы знака отличия Св. Анны Кавказского отдельного корпуса.

— Гляди-кошь, «вечность»^[11]! — удивлённо сказал Пересвет. — Так они у нас из благородных...

— Знаем мы эти «вечности», — недоверчиво пробурчал трактирщик. — Гусялки тебе за червонец такую малашку сделают, не то, что в дворяне, в архиереи запишут.^[12]

— Нет, паспорт, похоже, настоящий, — прервал его Челубей. — А уж приговоры обеих Дум точно подлинные. Господин Лыков у нас потомственный дворянин из города Петрокова, крест получил за войну с турками на Кавказе. Как же он дворянином-то остался, после арестанских рот? Там же, помнится, «лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ» следует. Или он не сидел?

— Разберёмся, — коротко, но с угрозой в голосе сказал Пересвет, и на этом Лыков хнул в глубокую, чёрную яму беспамятства.

Глава 2

Нижегородцы в Петербурге

Начальник Нижегородской сыскной полиции статский советник Павел Афанасьевич Благово и его помощник титулярный советник Алексей Лыков оставили свои должности в августе 1881 года. За полтора месяца до этого, 20 июня, молодой император посетил Нижний, чтобы участвовать в освящении собора Александра Невского, небесного покровителя и его самого, и убитого бомбистами отца. В феврале этого страшного, омрачившего всю страну года в ледяных подвалах собора разыгралась кровавая драма. На Александра Второго готовилось очередное покушение, причем в этом случае — эпизод, доселе неслыханный — «Народная Воля» призвала на помощь уголовных. Узнав, что нападение состоится во время приемки императором иконостасов храма, Благово попытался спасти своего монарха.

В тот раз государя удалось уберечь, но дорогой ценой. Какая-то невидимая, но мощная сила расчищала убийцам путь в подвалы собора, чтобы произвести оттуда покушение. Погибали при загадочных обстоятельствах сыщики и их осведомители, был изгнан из охраны императора лучший офицер военной разведки ротмистр Таубе. Затем проломили голову самому Благово, и предотвращение покушения легло на плечи двадцатичетырехлетнего Алексея Лыкова. Кульминацией стала бойня под собором, в ходе которой злоумышленники были перебиты, убежал только знаменитый Фроленко, сидящий ныне в Петропавловской крепости. Все трое защитников государя, спустившиеся тогда в черноту подвала, пролили свою кровь. Легче всех отделался Лыков: бронебойный панцирь под шинелью спас его от смерти, контузия в голову и простреленная ключица не в счет. Ротмистр Таубе получил два ранения, каждое из которых доктора называли смертельными, но каким-то чудом барон выжил и даже не стал инвалидом. Старый же друг Алексея Федор Ратманов по кличке Буффало, отошедший от прежних опасных своих занятий, женившийся и начавший наконец мирную торговую жизнь, был убит наповал.

Когда вечером 1 марта, сидя дома с плохо заживающей рукой, Лыков узнал от прибежавшего курьера об убийстве в столице императора, он впервые в жизни заплакал. Получалось, что он втянул в свое полицейское

дело, за которое ему платили жалование, мирного статского человека, погубил его этим, и все зазря...

Россия оцепенела от ужаса, и даже известный своим твердым характером молодой император предпринял беспрецедентный шаг. Пока озверевшие полицейские выкуривали уцелевших террористов из их явочных квартир, Александр Третий вступил в заочные переговоры с зарубежными руководителями бомбистов. По поручению графа Воронцова-Дашкова, личного друга императора и начальника его охраны, в Женеву приехал некий доктор Нивинский. Он встречался с самим Лавровым и привез в Питер написанный им манифест «Народной Воли» с пунктами, на которых возможно перемирие с властью. Следом за ним в Париже появился Николай Николадзе, грузинский публицист и общественный деятель, либерал, умный и по-кавказски эмоциональный человек. Он пообщался со Львом Тихомировым, самым крупным народовольцем из тех, кто к тому времени еще не попал в крепость или на эшафот.

Николадзе приехал в Женеву, чтобы предложить страшному всесильному Исполнительному Комитету выдвинуть условия, на которых тот хотя бы временно, до коронации, согласен прекратить террор. Тихомиров сразу понял, какая удача пришла ему в руки. Правительство, пораженное цареубийством, не успело ещё понять, что силы партии надорваны и её остается только добить. После длительных переговоров было решено, что власть объявляет общую политическую амнистию, свободу печати, социалистической пропаганды, свободу обществ, и освобождает немедленно одного важного политического преступника в доказательство искренности своих намерений. Кого именно освободить, Лев Александрович придумать не смог, отдал это на откуп Николадзе, и тот сам решил, что лучше всего Чернышевского... Не забыли и о злате-серебре. «Какое-нибудь благонадежное третье лицо в Париже» должно было задепонировать у себя на счете миллион рублей залога и возвращать их частями в Россию в случае выполнения правительством своих обязательств, а при невыполнении передать Исполнительному Комитету. Так бы эта торговля на крови и состоялась, но в это время гениальный сыщик Судейкин арестовал в Одессе отставного штабс-капитана Сергея Дегаева, который и сообщил властям об истинном, жалком положении якобы всесильной партии. Николадзе немедленно был отозван в Россию...

К этому времени в воцарившемся хаосе начали закладываться первые камни будущего порядка. 15 апреля директором Департамента государственной полиции вместо бестолкового барона Велио (перелицованного в полицейские из главных почтмейстеров) был назначен

Вячеслав Константинович фон Плеве. Это стало первым назначением молодого монарха, и оно оказалось на редкость удачным. Всего лишь тридцатипятилетний бывший прокурор Петербургской судебной палаты, три дня как получивший первый «генеральский» чин действительного статского советника, Плеве железной рукой быстро и эффективно начал наводить в империи порядок.

29 апреля подал в отставку любимец покойного государя, покоритель неприступного Карса, генерал от кавалерии, украшенный Георгием 2-й степени и Владимиром 1-й степени с мечами, Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Хитрый, умный, храбрый и энергичный армянин даже после цареубийства не отказался от идей введения в России народного всесословного представительства. А ведь именно он по должности министра внутренних дел нес главную ответственность за гибель венценосца, он должен был выжигать крамолу, а не либеральничать перед окровавленным троном...

Трудно понять, почему Александр Третий назначил на освободившийся пост руководителя важнейшего (особенно в эпоху смут) ведомства графа Николая Павловича Игнатьева. Никогда не бывавший в бою полный генерал неожиданно для всех сделался министром внутренних дел огромной взбаламученной страны. Не имея навыков государственной работы такого масштаба, не знающий тайных технологий управления петербургского чиновничества, граф, вместо того, чтобы заняться полицейской прозой, ударился в прожектерство. Весь год, что он был министром, Игнатьев в окружении вызванной им из Москвы кучки бородатых людей в неопрятных пиджаках сочинял проект созыва Земского собора. Из всего состава МВД делом занимались только Плеве со своими людьми. Вот на подмогу этому человеку, и без того умному и даровитому, Игнатьев и вызвал из Нижнего Новгорода Благово с Лыковым, обещая им свое покровительство.

Служба на ярмарке под руководством графа нравилась сыщикам, и предложение его в качестве министра показалось им соблазнительным. Кто ж тогда знал, что это лишь на год... Нижегородцы переехали в столицу. Благово стал одним из двух вице-директоров департамента и в этом качестве курировал все общеполцейские дела за минусом политических преступлений. Лыкову был предложен пост помощника начальника второго делопроизводства, занимающегося в том числе и сыском. Однако бюрократ из Алексея получился плохой: он постоянно путал предикты^[13] в официальной переписке, да и заниматься «рабочим вопросом» или наблюдением за питейными заведениями (что тоже входило в обязанности

делопроизводства) ему было скучно. В итоге в декабре 1881 года Лыков оказался в Женеве в качестве наружника зарубежной агентуры Департамента. Он следил за Плехановым и Лавровым, и снова без особых успехов — мешало плохое знание языков. Через три месяца Алексей вернулся в Россию с ощущением своей ненужности в МВД. По счастью, Благово сумел включить его в состав Летучего отряда, который помогал полициям обеих столиц и крупных городов в розыске и поимке наиболее опасных преступников. Чины отряда выезжали в Варшаву, Одессу, Пятигорск, на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки, «чистили» Москву к коронации. Задержания производили обязательно в масках или в гриме. Служба была лихая и опасная — из двадцати человек кадра за год погибли двое. Здесь Лыков оказался в своей стихии и был на хорошем счету у Плеве. Как чиновник особых поручений IX класса при Департаменте полиции, он стал далек от чернильных дел, а выполнять «особые поручения», зачастую очень рискованные — вот это было по нему...

В мае 1882 года Игнатьева отставили от министерства. Государь, решивший навести в стране порядок, не собирался играть с Земскими соборами и прочими конституционными реформами. Граф же так увлекся поиском популярности у говорунов-либералов, что не смог понять очевидного. Победоносцев собрал совещание, на котором Николай Павлович выглядел очень жалко, пытаясь доказать, что задуманный им созыв всесловных представителей — лишь красивый кордебалет к коронации в духе царя Алексея Михайловича. Когда император заставил его прочесть вслух проект указа, написанный его собственной рукой, ложь Игнатьева стала очевидной. В последний день мая новым шефом МВД стал граф Дмитрий Андреевич Толстой. Старик и не мечтал уже о возвращении во власть после увольнения его прежним государем из министров народного просвещения. Тогда, при моде на все либеральное, имя Толстого было символом реакции; теперь оно означало твердость характера и жесткость решений. Все разговоры про Земское собрание в России сразу прекратились.

Благово с Лыковым закручинились. Репутация любимчиков их опального покровителя теперь больно била по ним. Недоброжелатели, до сей поры не смевшие нападать на нижегородцев, тут же подняли головы. У Павла Афанасьевича произошла резкая стычка с управляющим судебным отделом Петром Дурново, самым влиятельным после Плеве человеком в полицейском ведомстве. Лыкова попытались отчислить из экстерната Петербургского университета, куда его успел всунуть Игнатьев, и обошли чином. Тогда неудачливые столичные чиновники написали бывшему

начальнику генералу Каргеру, продолжавшему служить в Нижнем Новгороде полицмейстером — нельзя ли блудным сыновьям вернуться назад? Каргер быстро переговорил с губернатором Безаком и отбил телеграмму: «ВСЕ ПОРЯДКЕ ЖДЕМ РАДЫ». И тут, как снег на голову — смена Безака генералом Барановым!

Николай Михайлович Баранов прославился в 1877 году. Тогда маленький торговый пароход «Веста», переоборудованный под сторожевой корабль, под его командованием вступил в бой в районе Констанцы с сильным турецким броненосцем «Фетхи-Буленд». Турки превосходили его огневой мощью в несколько раз; исход схватки стального крейсера с деревянным судном, имеющим скорость 10 узлов, был очевиден. Тем не менее, в ходе пятичасового боя «Веста» победила. Удачным выстрелом из кормового орудия лейтенант Рождественский повредил машину броненосца и тот ретировался. Россия ахнула в восхищении, Баранов получил сразу Георгия, Железный крест и Почетный легион.

Бывший морской офицер, Благово усомнился в достоверности этой истории. Понятно, что во время войны нужны герои; понятно, что, когда их нет, героев приходится выдумывать. Но общаться с такими газетными орлами Павел Афанасьевич не любил. После окончания войны начались суды. Автор «меткого выстрела» лейтенант Рождественский обвинил Баранова в авантюризме и раздувании своих заслуг. Участники знаменитого боя рассказывали в узком кругу, что и боя-то никакого не было — так, удирали, удирали, да и удачно-таки смылись... Затем военноморской суд приговорил Баранова к исключению со службы за оскорбление начальства и нарушение дисциплины. Цесаревич Александр спас склочного моряка от позора, переведя его в генерал-майоры артиллерии и затем в ковенские губернаторы. После 1-го марта новый император, с симпатией относившийся к Николаю Михайловичу, неожиданно для всех назначил его петербургским градоначальником. Здесь энергичный, честолюбивый и склонный к очковтирательству Баранов затеял, вместо ловли жуликов, странные игры в либеральные реформы на полицейской ниве. Пришлось переводить его аж в Архангельск, но за несколько месяцев своей буффонадной столичной службы герой «Весты» успел поссориться с обоими нижегородцами.

Благово навлек на себя его неприязнь тем, что однажды в Яхт-клубе провел саркастический, но блестящий анализ славного боя под Констанцей, неопровержимо доказав лживость всей этой раздутой газетчиками истории. Баранов, как оказалось, сидел в это время в соседней комнате и все слышал; только внезапный вызов его на пожар пресек уже начавшуюся

ссору.

С Лыковым получилось еще смешнее. По вторникам он занимался атлетизмом в Полицейском гимнастическом обществе, в третьем этаже съезжего дома Коломенской части. Слава о молодом титулярном советнике, отжимающем лёжа с груди двадцать пять пудов, дошла до градоначальника и уязвила его. Баранов обладал огромной физической силой и склонен был считать себя непобедимым и самым лучшим. Однажды вечером он ввалился в съезжий дом во время упражнений и потребовал от Алексея схватиться с ним на поясах.

Лыкову в тот вторник менее всего хотелось бороться. За день до этого, в Новой Деревне он участвовал в задержании банды дезертиров из второй гвардейской стрелковой дивизии, убивших мирового судью. Два огромных парня, убегая, наткнулись на Алексея и успели порядком намять ему бока, прежде чем он их уgomонил. Каждый двенадцати вершков росту^[14], раскормленные на гвардейских харчах, убийцы очень не хотели на каторгу и сопротивлялись с невиданной яростью. У Лыкова было выбито правое плечо, гематомы на груди и боку, рассечена бровь, разбиты костяшки пальцев... Натертый оподельдоком^[15], он стоял себе тихо в углу и осторожно работал с малым весом, пытаясь восстановить плечо. Ссориться с градоначальником он вовсе не хотел и пытался свести все к шутке, потом показал свои разбитые пальцы, предлагал перенести борьбу на недельку. Баранов был настойчив до наглости. Его бесцеремонность разозлила-таки Лыкова, и схватка состоялась. Подняв героя «Весты» левой рукой (правая сильно болела), Алексей развернул его в воздухе вниз головой и сильно припечатал об тюфяк... Больше им встречаться не приходилось. Офицеры столичной полиции месяц жали Лыкову руку, благодарили на ухо за урок их шефу и втихомолку смеялись.

Злопамятный Баранов написал тенденциозное отношение к Плеве, в котором обвинял Благово в оказании помех градоначальнику при исправлении им своей ответственной должности. Владимир Константинович показал письмо своему вице-директору и затем молча выбросил его в корзину, не тратя времени на объяснения. И вот теперь Баранов — нижегородский губернатор!

Неопределенность положения сыщиков прошла очень быстро благодаря другому Дурново — Ивану Николаевичу. Приглашенный в товарищи министра из екатеринославских губернаторов графом Игнатьевым и сам уже подумывающий об отставке при новом министре, он неожиданно ловко смог сдружиться с Толстым. Войдя к нему в полное

доверие, Дурново вскоре фактически стал управлять министерством, оставляя своему начальнику лишь самые важные либо ритуальные функции. Иван Николаевич, известный отзывчивым характером и доброй душой, симпатизировал Благово, да и умному Плеве требовались сильные работники. Нижегородцы остались в столице.

Павел Афанасьевич поселился в хорошей квартире в доме МВД на Театральной улице, с ватер-клозетом, казенными дровами и свечами. Он нанял кухарку и зажил так же по-холостячки, как и в Нижнем. Завел еще рыжего кота, и назвал его попервоначалу Васькой. Но очень быстро кот отъелся, достиг пудового веса, сделался огромным, ленивым и солидным, как кондуктор сверхсрочной службы^[16], и его стали уважительно звать Василием Котофеевичем Кусако-Царапкиным. По вечерам рыжий любил сидеть у хозяина на коленях и урчать, как машина броненосца...

По происхождению своему статский советник был вхож в высший свет, воспитания отменного, должность занимал неплохую, поэтому в знакомствах недостатка не испытывал. Благово ведут свой род от князей Смоленских и Заболоцких. Афанасий Иванович Благой был воеводой в Березове в 1594 году при Федоре Иоанновиче, Борис Петрович — послом в Царьграде в 1584, Афанасий Федорович Благово — стольником самого патриарха Филарета, отца первого Романова. По свойству Благово не чужие Волконским, Новосильцевым, Баташевым и Арбеньевым. Как человек очень умный, Павел Афанасьевич сразу же вошел в Яхт-клубе в «кружок политиков», к мнению которого сильно прислушивались в Министерстве иностранных дел. Однако ни с кем особенно Благово не сближался, больше всего любил проводить время в общении с Лыковым, по воскресеньям читал «Отче наш», «Верую», «Достойно» и «Аминь»^[17]. Каждые полтора месяца ездил на два дня во Владимир, где вел курс в недавно созданной школе сыскных агентов. Да еще ловил рыбу летом в гатчинских прудах, возле самой царской резиденции, усиленно охраняющейся после известных событий. Туда скромного статского советника впускали по распоряжению генерала Черевина, нынешнего начальника личной охраны государя. Никто кроме них двоих не знал, что в 1875 году Черевин чуть не погиб на Нижегородской ярмарке, неосторожно отведав «малинки» в уголовном трактире Зотыкевича. Бесчувственного гостя положили в погреб на ледник, чтобы утопить, когда стемнеет. По счастью для него, вечером Благово ворвался в трактир с очередной облавой и спас незадачливого выпивоху, сделавшегося теперь близким другом государя.

Лыков, не имея в роду стольников и воевод, долго маялся в столице,

привыкая к новой жизни. Все его раздражало: толкотня, бешеные цены, натянутые чиновные нравы. По ночам Алексею часто снились его конные прогулки за Казанской заставой, шлемовидные главки Благовещенского собора, милые рожи гордеевских головорезов. В холодной чопорной столице, где положение человека определяется либо капиталом, либо расположением министра, Лыкову было тошно. Только оказавшись в кадре Летучего отряда и занявшись знакомым делом, Алексей успокоился. Внутри отряда у него была специализация — убийства и вооруженные грабежи. Туда, где пахло жареным, Плеве высылал свою «особую артель», коей Алексей был важным и серьезным членом, и все обычно кончалось задержанием.

В конце 1882 года Алексей, забыв на время свою нижегородскую привязанность — Вареньку Нефедьеву, влюбился в Машеньку Коковцову. Она происходила из хорошей петербургской чиновной семьи среднего достатка. Отец девушки, военный инженер, умер десять лет назад; брат Владимир делал успешную карьеру в Главном тюремном управлении МВД. Когда Лыков в первый раз внедрялся в уголовный мир, именно Коковцов подобрал ему легенду; он же неосторожно и познакомил молодого отчаянного оперативника с сестрой. Машеньке еще не встречались такие ничего не боящиеся люди. Случилось то, что и должно было случиться, и на что карьерный бюрократ вовсе не рассчитывал. Титулярный советник, дворянин во втором колене, без капитала и протекции — такого зятя господин Коковцов себе не предполагал.

Роман завершился сам собой, вследствие длительной служебной командировки Лыкова. Тогда в Петербургской и Сувалкской губерниях появились поддельные металлические четырехпроцентные билеты Государственного банка, всего на сумму почти в миллион рублей. Затем в Сухумском отделе обнаружили отлично сделанные «лексей»^[18] — кредитки двадцатирублевого достоинства. Арестованный с такой кредиткой армавирский купец Лотерейчик показал в сыскной полиции, что и «лексей», и металлические билеты сделаны в одном месте. А именно в Псковской тюрьме!

Чтобы изобличить мошенников, орудующих даже за тюремными стенами, Плеве задумал внедрить туда своего агента. Выбор пал на Лыкова. Несмотря на риск быть узнанным кем-нибудь из своих уголовных знакомцев, Алексей согласился. Он относился к тем людям, внешность которых разительно меняет борода. Отрастив недлинную, русую с проседью бороду, Лыков стал совершенно неузнаваем. Помог — воистину нет худа без добра — и шрам на левой щеке, полученный при задержании

тифлисского налетчика Лежава (за этот шрам и полюбила титулярного советника красавица Машенька Коковцова). Кроме того, лично допрашивать всякую нечисть Лыкову приходилось лишь в течении полутора лет, в провинции, в далеком Нижнем Новгороде; за минувшее с той поры время слава его в уголовном мире забылась. Да и то сказать — не больно слава эта была и велика, хотя ликвидация при задержаниях Осипа Лякина или печально знаменитого Тунгуса сделали на короткое время волжского геркулеса знаменитым. В кадре же Летучего отряда Лыков действовал только в гриме, допросов сам не проводил и вел жизнь засекреченную. Поэтому Плеве и Благово решили рискнуть.

Учитывая отсутствие у Алексея актерских талантов, личность ему придумали максимально похожую на него самого. Решили не менять даже имя с фамилией, чтоб не выдал себя чем; определили только другую родину — Привисленского края губернский город Петроков. Польшу втравили не случайно: дворян там больше, чем крестьян (легче затеряться), а застарелая вражда русских и польских уголовных затруднит, в случае чего, наведение справок.

Так год назад объявился в Псковской тюрьме новый арестант из благородных. Пришел он как подследственный за неумышленное, в запальчивости, убийство. Свежака, да еще из дворян, решили сразу же «положить под нару». Три глота из отчаянных держали в страхе всю тюрьму и не сумели вовремя понять, с кем связались. В результате двое надолго оказались в лазарете, третий добровольно попросился в карцер... Мелкая шпанка и бруссы ликовали, Лыков на волне популярности был единогласно выбран в майданщики. Месяц он царствовал, торговал водкой и табаком, причем последнее у коллег-сидельцев не отымал. Тюрьма его уважала. Алексей сошелся с аристократами цинтовки — «дергачами» и «шниферами», а более всего сдружился со «счастливецем» Потапом Бреховым из Гуслиц, вокруг которого терлись два одесских еврея-гравера.

[\[19\]](#)

Через месяц в Псковскую тюрьму пришло определение от окружного прокурора. Знаменитый адвокат Марголин доказал до суда инобытие [\[20\]](#) подследственного Лыкова, и того следовало из-под стражи освободить. Вся цинтовка знала, что инобытие липовое, что Лыков действительно убил в драке человека, но ловкий уход от наказания вызывает только восхищение уголовных. Алексей вышел на свободу с репутацией тертого парня, который и в лоб дать может, и водкой торгануть, и от наказания отмажется. А еще через месяц Брехова с граверами перевели в Новозыбковский централ, и фальшивые ассигнации на этом закончились. Никто не связал

случившееся с краткосрочным пребыванием в Псковской тюрьме широкоплечего молодца из дворян, гордо носящего георгиевскую ленточку в петлице сюртука. Департамент же получил еще одного законспирированного агента с доказательной легендой, которого можно было использовать при необходимости. И полицейские, и уголовные называли таких людей «демонами», газетчики и преступный эпос складывали легенды об их необычных трудах. И вот новый для Алексея случай наступил...

Глава 3

Высочайшее поручение

Вся изложенная далее история началась 7 мая 1883 года в «дипломатической» гостиной Яхт-клуба. Благово, постоянный и заметный член этого самого аристократического заведения столицы, пользовался особым уважением именно в ведомстве у Певческого моста^[21]. Его обитатели постоянно изводили вице-директора своими вопросами на темы международных коллизий, требовали прогнозы, опробовали на нем свои меморандумы, ноты и демарши. Известный в узких кругах своим парадоксальным умом, часто выводящим его из запутанной ситуации к верному решению, Павел Афанасьевич и сам любил иной раз потренировать логику на каком-нибудь балканском вопросе. Министр Гирс сказал ему как-то: «Вам надо дать белые пуговицы» (то есть, сделать чиновником ведомства иностранных дел). Вот и сейчас он раскуривал старинную трубку потемкинских времен в окружении двух дипломатов, и недовольно брюзжал. Слева от него, молча и внимательно слушая, примостился титулярный советник Сережа Сазонов, всего две недели, как определенный на службу в МИД по окончании Александровского лицея. Ввиду своей молодости и неопытности он внимал Благово раскрыв рот, не смея даже и подумать вставить хоть слово. Вторым собеседником был действительный статский советник и камергер граф Ламздорф, директор канцелярии МИДа и правая рука самого Гирса. Всем в Петербурге было известно, что Ламздорфа уважал лично император; двор пророчил ему со временем министерский пост. Сообразно своего высокого статуса, камергер смело оппонировал полицейскому чиновнику, но аргументы его слушал с уважением.

Речь на этот раз шла о политике внутренней. Благово был желчен и раздражен; у него снова болели почки и утром он встал с отёком ног. Смена волжской воды на невскую обострила брайтову болезнь^[22], во время приступов которой вице-директор становился брюзгой и любил предсказывать всякие ужасы.

— ...Как хотите, господа, но весь этот век наши монархи все более необдуманно раскачивают маятник. Амплитуда его колебаний делается все круче — далеко ли до катастрофы?

— Опять вы с вашими метафорами, Павел Афанасьевич! Что это у вас

теперь за маятник такой?

— Представьте себе, Владимир Николаевич, общий тон нашей внутренней политики в виде огромного маятника, который мечется справа — от абсолютной и реакционной монархии — налево, к либеральным веяниям. Теперь начнем по хронологии с Павла Петровича. Своими сумасбродными идеями он так запугал Россию, что, защищаясь от нарастающего напряжения, общество вынуждено было убить собственного государя. Он перегнул палку, слишком вправо затолкав маятник. И, по логике событий, выпущенный из рук, тот полетел на другой фланг. Помните, Сережа, чем это кончилось?

Сазонов порозовел и быстро взглянул на свое высокое начальство:

— Восстанием... то есть, бунтом на Сенатской площади.

— Вот-вот! Александр Павлович переборщил в другой крайности, и пришлось применить карточь. Дальше все продолжалось в той же последовательности. Его августейший брат повесил пять человек, усил в ссылку Салтыкова и Герцена, заковал в кандалы Достоевского, приструнил всю Европу. И так надоев этой самой Европе, что получил крымскую катастрофу. Спohватившись, Александр Николаевич ухватился за маятник и стал, пытая от натуги (прости, Господи), перетаскивать его справа налево. Появились освобождение крестьян, судебная и военная реформы, земство — а также развязность газет, железнодорожные аферы, стриженные девки с револьверами и лохматые бомбисты. Амплитуда вновь не была рассчитана, и... великому реформатору оторвало ноги на набережной Екатерининского канала. Что же будет сейчас, по вашему мнению?

— Сейчас будет наведение порядка, — авторитетно пояснил Ламздорф.

— Хочется верить, что на этот раз Александр Александрович не затолкает своими могучими руками наш маятник чересчур вправо. Потому что, как показывает русская история, после «чересчур вправо» неизбежно возникает «чересчур влево». И после очередного такого заноса Россия может не уберечься. Лично у меня очень нехорошие предчувствия. Пока все неплохо: террористы сидят по тюрьмам или прозябают в эмиграции, международный престиж империи высок, как никогда, армия укрепляется, в обществе наблюдается что-то, похожее издали на стабильность. У нас давно не было такого приличного императора. Я вообще скептик и пессимист, но сейчас наконец-то не стыдно быть русским. Главное, чтобы он вовремя остановился, чтобы не во всем слушался Победоносцева... И не дай нам Бог, чтобы с ним что-нибудь случилось!

Ламздорф, хорошо изучивший государя, молча склонил голову в знак

согласия. На минуту все замолчали, но тут Сазонов осторожно тронул Благово за рукав:

— Павел Афанасьевич, верно, это вас ищут.

Благово обернулся и увидел высокого, седого и осанистого генерала, беспокойно озирающегося вокруг. Это был новый петербургский градоначальник Грессер, всего три недели, как назначенный на эту должность из харьковских губернаторов. Вице-директор быстро поднялся.

— Неужели опять, Петр Аполлонович?

— Увы, Павел Афанасьевич. Уже пятая. Придется просить вас вставить в «Свод сведений».^[23]

— А плод?

— На этот раз найден. Снова без сердца...

Генерал и статский советник устремились к выходу. Воскресенье для них кончилось.

Через полчаса на Гороховой в управлении петербургского градоначальника собрались Плеве, Благово, Грессер, а также товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и одновременно командир Корпуса жандармов, генерал-лейтенант Оржевский. Известный в столице острослов, Оржевский на этот раз был мрачен. Как старший по должности, он открыл совещание и предложил Грессеру доложить ситуацию «с первого трупа».

— Сегодня в шесть часов пополудни, — начал градоначальник, — городовой № 63 первого участка Выборгской части в подворотне у выгребной ямы дома Янкеля по Ломанову переулку был обнаружен труп молодой женщины с разрезанными внутренностями. Личность жертвы установлена: это солдатка Федосья Гардина, проживавшая неподалеку в собственном доме по Старомуруинской дороге. Убитая была на седьмом месяце беременности. Плод отыскан через два часа на Малой Охте, неродившийся младенец мужского полу, сердце вырезано и исчезло. Как и в прошлый раз...

— Как и в прошлые разы, — дополнил Благово.

— Мы этого достоверно не знаем, Павел Афанасьевич, — возразил Оржевский. — Известно лишь, что это уже пятая жертва за последний год, все они беременные женщины и всем им взрезали живот и вынули и унесли плод. Второй раз, как найден унесенный младенец, и второй раз с вырезанным сердцем. Сволочь!!

Генерал скрипнул зубами, секунду все помолчали, затем Благово, как ни в чем ни бывало, продолжил:

— Это так, Петр Васильевич, но я убежден, что со всеми младенцами

поступили одинаково, включая сюда и тех, кого мы не нашли. Всего убийств должно быть девять; значит, осталось еще четыре.

У собеседников Благово вытянулись лица.

— Но почему девять? — словно сговорившись, хором спросили генералы.

— Вы все относительно недавно занялись полицейским делом, господа, хотя у некоторых из вас оно в крови^[24], — несколько менторским тоном пояснил Благово. — Потому вы и не знаете это старое уголовное суеверие. Преступники убеждены, что если съесть сердца девяти неродившихся младенцев, то можно совершить любое преступление совершенно безнаказанно. Любое!

— Но, может быть, это простое совпадение? — спросил молчавший до сих пор Плеве. — Какой-то психопат, сумасшедший, режет беременных женщин просто из безумия...

— Сердца. Почему у младенцев забирают сердца? Нет, здесь не психопат. Здесь идет подготовка чего-то очень серьезного, что пугает самого преступника и он пытается заранее защититься от возмездия. Нас ожидает невиданное, свехстрашное событие. Подобные случаи очень редки, так как чересчур возбуждают общество и заставляют полицию искать особенно старательно. Мне известно только одно такое массовитое убийство, причем давно, в шестьдесят первом году в Москве (в начале века подобное, говорят, случалось чаще). Тогда после девяти таких вот убийств произошел переворот в преступном мире Первопрестольной. Иван Голубев по кличке Стратилат сверг «короля» Хитровки Ивана же Балашиху и занял его место. Была большая резня, свыше двадцати человек собрали за зиму по закоулкам, но Стратилат взял верх. Боюсь, что подобный исход только убедил этот поганый люд в верности суеверия.

— Думаете, и сейчас то же самое? Готовится перемена вождей? — подал реплику Грессер.

— И кто, кстати спросить, является сегодня «королем» Санкт-Петербурга? — добавил вопросов Оржевский.

— Это доподлинно не известно. Личность очень законспирированная... Мы знаем, что его зовут Лобов; возможно, это кличка. Иван Дмитриевич Путилин давно его выслеживает, да Бог удачи не дает. Опять же сдал очень наш первый сыщик, часто болеет, а его ученики не столь талантливы, как он. Сведения очень расплывчивые, но есть один купец первой гильдии в сильном подозрении, и фамилия у него как раз Лобов.

— Купец первой гильдии?

— Что ж в этом странного? Не каретным же мастером ему числиться. В Петербурге 786 купцов первой гильдии, из них не менее 20 подозреваются в разных нехороших вещах: контрабанда, фальшивые деньги, сокрытие доходов. Но этот особенный.

— И он действительно «король»? В том смысле, что обладает в их мире властью, — пояснил свой вопрос Оржевский.

— Всем королям король. Уже два года, со смерти небезызвестного Блохи, Лобов царствует в столице, и подмял под себя все шайки и преступные сообщества. Даже «Черные братья», финские то ли бандиты, то ли сепаратисты, вынуждены были подчиниться ему в пределах Петербургской губернии, после того, как были перебиты две их явочных квартиры. Лобов поставил на поток новый для России вид преступлений — вымогательства. Его отряды обложили данью все мелкие лавки, постоянные дворы, трактиры и харчевни в городе и даже уезде...

(Тут градоначальник смачно выругался, виновато посмотрел на коллег и понурил голову).

— ... Да, да, Петр Аполлонович, ваши предшественники изрядно развратили столицу. Что вы хотите — каждый участковый пристав набирает в лапу не менее тридцати тысяч в год. Это все Лобова деньги; поэтому о нем по сию пору ничего и не известно. Отряды сборщиков дани (в Америке их называют модным словом «рэкетеры»^[25]) хорошо вооружены и решительны. Если лавочник отказывается платить, его лавка на первый раз сгорает; на второй раз могут и убить, поэтому платят все, кто не имеет знакомств в полиции. Кроме того, у Лобова сеть отделений по России, включая сюда и Сибирь; в каждом центре, на каждой каторге имеются свои люди, которые помогают тем членам шайки, кто молчал на следствии и суде. И, естественно, наказывают болтунов. Это самый сильный ход Лобова, до него никому не удававшийся. Его агенты выходят на поселение и живут там, как в командировке, два-три года, обеспечивая связь, поддержку беглых, передачу ценных грузов (например, россыпного золота, украденного с приисков). Затем возвращаются в города Европейской части России, сдавая пост сменщику. Лобов человек серьезный, организация у него будь здоров, и, конечно, без его ведома в столице ничего выдающегося произойти не может. Тем более пять убийств.

— Вы думаете, Павел Афанасьевич, это под него роются? Как в Москве — готовят замену?

— Боюсь, Петр Васильевич, все еще хуже. И намного хуже. Если бы готовился переворот, мы наблюдали бы войну банд. В Москве, например, она длилась полгода до воцарения Стратилата и полгода после. У нас же

все тихо. Я ожидаю совсем нехороших вещей. Хотел бы ошибиться в своей догадке, но... Вы заметили особенность в датах совершения всех пяти убийств?

Плеве и Оржевский недоуменно переглянулись, Грессер зашелестел бумагами:

— Что-то в апреле их много было, а первое в самом начале января. Вот, нашел! 3 января обнаружен труп на Фурштадской, в Литейной части. Потом долго не было, о находке уже забыли, а затем как прорвало: 11 апреля в Кокушкином переулке, 28-го — на Большой Болотной улице (там неподалеку мы нашли первый плод, а до того не находили), 30 апреля — на острове Гоноропуло. И вот сегодня — в Ломакином переулке. Какая же тут система, Павел Афанасьевич?

— Отнимите от всех чисел один день. Ведь трупы всегда обнаруживались утром, а убийства происходили накануне. И задайте себе вопрос: а что у нас было вчера, 6 мая?

— Вчера? Вчера был «царский день», праздновали пятинадцатилетие цесаревича... О, Боже!

Гессер, Плеве и Оржевский вскочили и одновременно принялись вырывать друг у друга «Весь Петербург за 1882 год». Через минуту тягостное молчание повисло в кабинете градоначальника. Наконец его нарушил Плеве:

— Отдаю должное вашей наблюдательности, Павел Афанасьевич. Действительно, если отнять от всех рапортов об убийствах один день, получается, как сказал генерал Грессер, «система». 2 января — день рождения великого князя Алексея Александровича, 10 апреля Владимира Александровича, 27 — младшего сына государя Георгия Александровича, 29 — великого князя Сергея Александровича и 6 мая — наследника, великого князя Николая Александровича. Но что все это значит?

— Да уж ничего хорошего! — рявкнул Оржевский. — Надо немедленно доложить об этом его величеству! А через восемь дней коронация! Августейшая чета и двор уезжают в Москву сегодня вечером! Я считаю своим долгом...

— Позвольте, ваше превосходительство! — еще громче гаркнул Грессер. — Это дело относится до столичного градоначальника! Я сам считаю своим долгом лично доложить обо всем государю еще до отъезда!

Благово встал и молча отошел в сторону. Завязалась обычная чиновная свара, которые он так не любил. Из всех присутствующих Оржевский и Грессер по должности имели право всеподданнейшего доклада, и от того, кто из них первый доложит императору неприятную новость, зависело, в

чьей обработке тот о ней узнает: градоначальник будет валить на министерство, а то, в свою очередь, постарается изгадить градоначальника. Победил в споре Грессер и сразу уехал в Аничков дворец, где остановился перед отъездом государь; эмвэдэшники заторопились к Чернышеву мосту доложить все министру.

В девять часов вечера этого же дня Плеве и Благово стояли навтыжку перед графом Дмитрием Андреевичем Толстым. Чуть сбоку так же тянулся во весь свой огромный рост генерал Грессер.

Министр пожевал бледными болезненными губами, посмотрел недовольно на подчиненных:

— Господа! Господин петербургский градоначальник только что сообщил мне повеление государя императора: найти и арестовать убийц беременных женщин в столице. И выяснить, что все это значит. Я имею в виду странный подбор дат всех пяти преступлений, подмеченный статским советником Благово... Данной мне властью министра поручаю исполнить настоящее повеление департаменту государственной полиции. Вице-директору Благово лично возглавить расследование; директору фон Плеве руководить его действиями и оказать всю необходимую помощь. О ходе расследования докладывать мне раз в две недели перед всеподданнейшими докладами. Учитывая, что начальник столичного сысканого управления Путилин болен и находится на излечении в Пятигорске, приказываю господину градоначальнику оказать содействие чинам министерства в исполнении ими высочайшего повеления по линии столичной полиции. За исход дела вы трое отвечаете персонально! Все свободны. Я уезжаю немедленно в Москву; жду вас, Павел Афанасьевич, через сорок минут на дебаркадере.

Грессер по-военному щелкнул каблуками, и троица покинула кабинет министра. Машина сыска завертелась, но немедленному её действию мешало одно важное обстоятельство — коронация.

Остерегаясь покушения, Александр Третий затянул с ней уже до неприличия долго. Наконец, по прошествии более чем двух лет после воцарения, выяснив у арестованных террористов, что бояться уже некого, он решился наконец появиться в Успенском соборе. Торжества должны были продлиться с 8-го по 18 мая. 8-го, в воскресенье, император со всем семейством приезжает в Москву и прямо с вокзала, по старинному романовскому обычаю, отбывает в пригородный Петровский дворец. Живет там четыре дня, никуда не выезжая и только принимая гостей. 12-го мая — первый выезд в Кремль, к Иверской, представление народу, 15-го — собственно коронация, 18-го освящение храма Христа Спасителя, после

чего августейшая семья возвращается в Гатчину. На все эти дни обычная жизнь замирает, женщин на улицах Питера могут резать сколько угодно — МВД будет не до них, все оперативники уедут в Первопрестольную.

Сложнейший вопрос охраны особы государя и сохранения порядка на всех многочисленных торжествах был возложен не только на общую и дворцовую полицию. Благово имел давние крепкие связи с влиятельными московскими старообрядцами, завязавшиеся четыре года назад при расследовании в Нижнем Новгороде так называемого «дела о завещании Аввакума», Сейчас он их использовал. На масленицу вице-директор вместе с бывшим начальником императорской охраны, а ныне министром двора Воронцовым-Дашковым тайно ездил в Москву договариваться с раскольниками. Арсений Иванович и Алексей Викулович Морозовы, предводители двух наиболее влиятельных ветвей старого толка — беглопоповцев Рогожской общины и беспоповцев Поморского согласия — хорошо помнили нижегородских сыщиков. Да и с властью сотрудничать «тузы» умели всегда. Поэтому Лыков уже с конца апреля жил в Москве во главе группы из десяти агентов. Он тесно взаимодействовал с начальником рогожской секретной службы Степаном Горсткиным, сменившим на этом посту покойного Буффало. Уважение к памяти Буффало, а также пластунское прошлое сблизило двух боевитых мужчин и помогало хорошо вести дела. Лыков отвечал за все перемещения государя вне пределов Петровского дворца и Кремля, и пять тысяч(!) старообрядцев, в тайне от всех, помогали ему в этом. Коронация удалась «от и до». Не произошло никаких чрезвычайных происшествий, если не считать того, что княгиня М.А.Голицина на одном из балов потеряла исподнее...Усердию старообрядцев немало способствовал Закон от 3 мая (тотчас после подписания, с непросохшими еще чернилами императорской подписи, отправленный Лыкову секретным курьером для показа рогожцам). Он назывался «О некоторых правах гражданских и правах по отправлению духовных треб», и давал невиданные ранее свободы раскольникам невинных толков.^[26] Прямым следствием благодарности императора стал еще один Указ от 15 мая о фактически полном разрешении старообрядства; рогожских архиереев тот час же выпустили из Суздальской монастырской тюрьмы.

Примирение нового государя со старообрядцами началось сразу же после его восхождения на престол. При взрыве на Обводном канале, помимо Александра Второго, погиб и чин его конвоя беглопоповец Малевич. Он был первым, кого разрешили публично отпеть и похоронить по староверческому обряду. А уже через четыре дня после царевубийства, 5

марта, в главном храме Рогожского кладбища были сломаны печати, открыт алтарь и состоялась массовая по численности присяга раскольников Александру Третьему.

Спокойствию на коронации немало способствовало и то, что в Петропавловке, в качестве заложников, сидело целых шесть членов Исполнительного Комитета «Народной Воли». Особое присутствие Сената уже приговорило, кого следует, к смертной казни, но исполнение приговора было сознательно отложено. Сняв с могучих плеч горностаевую порфиру, государь заменил всем им виселицу пожизненной каторгой.

Суэта, хлопоты и огромное напряжение этих десяти майских дней отодвинули для Благово и Лыкова все другие дела. Однако уже через два дня по приезде, когда жизнь вернулась в привычное русло, Плеве вызвал их к себе и напомнил про высочайшее повеление. Весь желтый от переутомления, он был еще и подавлен новостями, случившимися в Петербурге за время их отсутствия.

— Езжайте в сыскное. Там еще одну нашли, пока мы с вами в Москве отдыхали...

— Но ведь царских дней не было, — попробовал удивиться Алексей, но директор только сдвинул брови, и нижегородцы быстро удалились. С Плеве шутки плохи... Петербургское управление сыскальной полиции располагалось на Офицерской улице, во втором этаже Казанской части. Путилин все еще болел, поэтому министерских посланцев встретил его многолетний бессменный помощник, знаменитый Виноградов. Кроме него, в кабинете присутствовали лучший агент управления Шереметьевский и начальник секретного делопроизводства Воцинин^[27]. Лица всех троих были угрюмо-сосредоточены. Шереметьевский, кроме того, весь был в белых точках — сыпь выступила от нервного напряжения (тоже оттрубил десять дней на коронации старшим группы филеров).

— Итак, господа, — начал Виноградов, едва дав всем усесться, — генерал Грессер довел до нас повеление государя относительно этих ужасных убийств. Пока вы были в Москве, я внимательно изучил все рапорты о происшествиях с осени прошлого года. Вдруг что-то не заметили, упустили, не связали... И обнаружил задним числом еще одну жертву. 27 февраля в селе Смоленском найден труп крестьянки Подневой, работницы с Обуховского завода. Поэтому и не попала в городскую сводку, прошла по Канцелярии полицмейстера пригородных местностей. Она была на седьмом месяце беременности. С ней поступили... как и в предыдущих случаях.

— Плод нашли?

— Нашли, двойню. Тоже, как в предыдущих случаях...

— Двойню! — оживился Благово. — Значит, ему осталось дорезать только двух.

— Точно так, Павел Афанасьевич. Мы в сыском разделяем вашу версию и тоже считаем, что жертв должно быть девять. И никакой это не психопат-одиночка, здесь план и организация. Шесть убийств в разных частях Петербурга, и нет ни следов, ни свидетелей... Кто-то очень серьезный понтирует.

— Да, и очень в себе уверенный. Если вычесть по моей методе сутки, получается, что Подневу убили в день рождения государя. Значит, у нас есть время до сентября.

— Совершенно верно, — сразу согласился с Благово Виноградов. — Нам тоже пришла в голову эта мысль. Из всей близкой родни государя остались не отмеченные столь ужасным знаком только трое: сестра, Мария Александровна, брат — Павел Александрович, и сама августейшая супруга, императрица Мария Федоровна. Убийцам же случайно подвернулась двойня и они, так сказать, сэкономили одну жертву. Думаю, из своего дьявольского счета они уберут сестру государя, нынешнюю герцогиню Саксен-Кобург (Благово молча кивнул в знак согласия), и тогда остаются две даты: 21 сентября — день рождения Павла Александровича, и 14 ноября — императрицы. Значит, до этого времени мы должны найти убийц.

— Теперь к вопросу, кто понтирует, — продолжил Воцинин. — Человека, который, по нашему мнению, правит преступностью в столице, зовут Анисим Петрович Лобов. Потомственный почетный гражданин, владелец самого крупного кожевенного завода в Чекушах, что на Васильевском острове. Пятьсот человек работников! Снаружи держит вид серьезного промышленника. Проживает в Коломенской части, в собственном доме в Упраздненном переулке, возле набережной Пряжки. Гласный Петербургской городской думы, был один срок старшиной в Купеческом клубе, избирался присяжным заседателем, представлялся столичному генерал-губернатору. Родом из Лаишевского уезда Казанской губернии, но вот уже тридцать лет в родном селе не появляется. И вообще, нам не удалось — а мы старались! — найти ни одного человека, который бы знал господина Лобова с парней. Прошное у кожевенного фабриканта, видать, уж больно тёмное. Сельчане по фотографическому портрету его не признают, хотя и отмечают некоторое сходство.

— Может быть, сильно изменился под влиянием жизненных обстоятельств?

— Все может быть. Отец, мать и брат Лобова угорели в доме

восемнадцать лет назад, все разом, а единственный дядя утонул в проруби. Как хотите, а подозрительно...

— Наблюдение что-нибудь дало?

— Мало. Личности вокруг него самые поганые. Стряпчий Мойша-Рива Погост имеет очень дурную репутацию... Банкир Борейто так просто мошенник, но ухватить его не за что. А особенно колоритен охранник лобовский, Иван Кареткин по прозвищу Пересвет. Ваш, кстати, земляк, из Нижегородской губернии.

Лыков уже слышал о Пересвете, уроженце старинного волжского воровского села Татинец, название которого говорило само за себя.

— ...Легальное его звание — ученик басонщика^[28], но плодов этих его трудов никто никогда не видел. Настоящее же занятие — выполнение особых поручений Лобова. Пересвет трижды был под судом, и трижды оставлен «в сильном подозрении». Штатный убийца, необыкновенно жестокий и очень опасный. Силен неимоверно, говорят, почти, как покойный Тунгус. Лобов без него из дому не выходит. Пересвет очень предан своему хозяину, выполняет только его распоряжения и готов ради него на все. Но там есть и еще один личный телохранитель, некто Челубей. О нем почти ничего не известно, только несколько слухов. Вроде бы, он не без татарской крови. Говорят еще, что он чуть ли не из столбовых дворян, силой не уступает Пересвету, но значительно умнее. Эдакий элегантный боевик. Лобов никого не принимает без предварительной проверки этими двумя головорезами. Вообще он ведет закрытый образ жизни, на людях появляется мало, на фабрике бывает два-три раза за неделю, не подолгу, зато часто заседает в трактире «Три Ивана».

— «Три Ивана»? Том самом, где сыщиков зарезали?

— Том самом, на углу Лиговской набережной и Свечного переулкa. Место нехорошее, настоящий «пчельник»^[29]; обыватели туда не ходят, поэтому и наблюдение вести очень затруднительно. Одного нашего там давеча чуть не взяли в ножи. Настучали изрядно по шее и выгнали, наказали больше не приходить... В «Трех Иванах» никогда не бывает случайных или незнакомых людей. Одним словом, нужен «демон».

При этих словах все, словно сговорившись, посмотрели на Лыкова. Благово ухмыльнулся:

— Понимаем. Он с приезда из Москвы бороду растит, еще недели две потребуется. Покамест ему легенду подновим, он же полгода где-то жить был должен. Как у вас там «барон Флагге», все еще жирует? Не пора ему в Томск?

Так Лыков оказался в трактире «Три Ивана».

Глава 4

Майор Таубе

Таубе прибыл в Париж уже вечером, когда зажгли газовые фонари. Взял фиакр на площадке у Восточного вокзала и назвал вдрес. Интересующий его человек жил на самом краю города, возле старых фортификаций времен Луи Филиппа. Рю де ла Гласьера, бедная, застроенная ветхими неказистыми домами, упиралась одним концом в парк Монсури, другим вливалась в бульвар Порт Ройял. Таубе знал по агентурным сводкам, что где-то здесь живут опасные враги империи Лавров и Тихомиров, но сегодня у него было другое задание, весьма щекотливое. Мутный парижский полуадвокат, полупроходимец Д'Ашэ где-то перекупил письма покойного Николая Александровича, старшего брата государя, бывшего до своей смерти от чахотки в 1865 году в Ницце наследником российского престола. Вот, говорят, вышел бы государь! да Бог не дал... Николай был по любви обручен с датской принцессой Дагмарой и написал ей всего более тридцати писем, весьма частных. Письма эти исчезли вскоре после того, как автор их умер. А принцесса — что было неожиданно для многих — передала руку и сердце, как бы по наследству, новому цесаревичу, а ныне российскому императору Александру Третьему. Теперь Дагмара — императрица Мария Федоровна; с государем у них удивительные семейные отношения, и память о первом женихе, любимом брате государя, лишь скрепляет их брак. А тут какой-то парижский негодяй предлагает купить у него те, забытые, похищенные письма! Держись, мэтр, не переоцени себя...

Фиакр довез его до самого тёмного квартала Рю де ла Гласьера и остановился. Было безлюдно, освещенных окон почти не видать. На другой стороне улицы ярко горело огнями ночное кафе для местного сброда. Оборванные, полупьяные люди сидели за столиками и пили свое печально известное «синее вино»^[30], громко разговаривали, ругались, кто-то пел. Место было небезопасное, и возница крайне неохотно согласился подождать барона четверть часа, и то лишь получив заранее плату, включая обратный проезд, с хорошими чаевыми.

Войдя в парадное, Таубе нос к носу встретился с консьержем — крепким мужчиной совершенно бандитской наружности, даже со шрамом на горле. На стойке за его спиной лежал кастет. Консьерж внимательно,

настороженно осмотрел ротмистра и сделал шаг назад, к стойке. Заглянул в какую-то бумажку.

— Мсье Засурски?

Таубе молча высокомерно кивнул.

— Подымайтесь, вас ждут.

И сразу же запер на засов входную дверь и встал возле нее, скрестив волосатые руки на груди.

Таубе, одернув щегольской редингот, помахивая изящной, с серебряным набалдашником, тростью, двинулся вверх по лестнице. Она отвратительно визгливо и громко скрипела при каждом его шаге. Знакомый прием...

Дойдя до дубовой двери, ротмистр требовательно и властно стукнул в нее дважды и вошел в кабинет мэтра. Просторный, полуосвещенный, какие-то мраморные голые девки по углам, шкаф со сводом законов, старинный камин в углу. Сбоку дверь — поди, за ней какой-нибудь сюрприз в виде парня с револьверами. Что ж, при его ремесле вещь обязательная...

Мэтр Д'Ашэ не спеша, с достоинством поднялся из-за стола, фальшиво-приветливо воздел руки:

— Мсье Загурски, полагаю?

Стряпчий был одет в легкомысленную полосатую визитку; лысый, толстенький, с неприятно бегающими глазками и нелепым «мушем»^[31] на подбородке, потное лицо, короткие пухлые пальцы.

— Засурский, с вашего позволения. Где прикажете сесть? Нам понадобится не более четверти часа.

Д'Ашэ усадил гостя на стул спиной к неприметной дверке, сам уселся в кресло напротив, поправил съехавшее пенснэ.

— Я, честно говоря, так и не понял предмета нашего разговора. Вы хотите что-то купить. Что именно? У меня много интересного. И потом, для чего такая загадочность?

— Вы правы, мэтр, перейдем сразу к делу. Я послан русским двором. Мне нужны письма покойного цесаревича Николая Александровича принцессе Дагмаре.

— Ах, вон оно что! — хлопнул себя по жирной ляжке мэтр. — Я ждал вас, и дождался. Вы пришли узнать мои условия? Охотно!

— Не совсем так, мэтр, — вежливо поправил его Таубе. — Я пришел сообщить вам свои условия, на которых это дело может быть разрешено относительно благополучно для вас. В смысле последствий.

Секунду Д'Ашэ молчал, словно не верил своим ушам, потом резко рассмеялся — противным визгливым смехом, и несколько неестественно.

— Мой дорогой друг! Вы мне еще и угрожаете! Как это замечательно! Ничего, ничего, я уже привык. Вы все одинаково начинаете. У меня такое занятие, что все мне угрожают. Сначала. Потом договариваются. Жак, голубчик! Зайди-ка сюда. Ты, как всегда, понадобился.

Дверь за спиной ротмистра сразу открылась и в кабинет быстро вошел огромного роста мужчина лет сорока, с неправдоподобно широкими плечами, пузатый, с отвислыми усами и цепким настороженным взглядом. Не говоря ни слова, он стал прямо за спиной барона, нависая над ним, как гора.

— Вы не против, мсье Засурски, если Жак поучаствует в нашей беседе? Он чемпион Марсея по савату^[32] и одновременно мой секретарь для общения с такими, как вы, клиентами. Которые, вместо того, чтобы внимательно выслушать мои условия, приезжают со своими... Мои условия от этого лишь ужесточаются. Итак, теперь продолжайте! Но будьте осторожны впредь.

Таубе мельком, без всякого интереса, взглянул на Жака, и, не обращая на него ни малейшего внимания, сказал:

— Ваше ремесло, мэтр Д'Ашэ, вызывает у меня только отвращение (мэтр еще раз хохотнул, а Жак за спиной шумно выдохнул и угрожающе сделал полшага вперед). Условия мои весьма просты. Вы отдаете мне сейчас же письма, и мы расстаемся. Так и быть, император Александр Александрович на первый раз простит вам ваше хамское желание шантажировать его.

— Какое великодушие! А если я не соглашусь, если я все-таки захочу продать эти письма, а не подарить? Уже сейчас некий антиквар из Антверпена предлагает мне за них 75 тысяч золотых франков.

— Ну, если вы не согласитесь, то наша беседа примет другой оборот.

На этих словах Таубе мгновенно, как кием, сильно стукнул стоящего у него за спиной чемпиона по борьбе тростью в пах. Не оборачиваясь. Трость была особенная, сделанная из стальной шестигранной трубки, залитой внутри свинцом, и не раз уже служила барону в подобных ситуациях. Жак вскрикнул и согнулся пополам от боли, причем лысеющая голова его оказалась у Таубе прямо над левым плечом. Тот столь же быстро крутанул трость, как сигару, в тонких пальцах, набалдашник описал стремительный круг и врезался сверху в затылок Жака. Раздался удар, хруст, грохот падения огромного тела, а ротмистр уже, перегнувшись через стол, схватил Д'Ашэ за глотку и, обведя вокруг стола, как барана на веревке, бегом потащил за собой к дверям.

Таубе делал все молниеносно и рассчитывал свои действия по

секундам. Д'Ашэ уже открыл ящик стола, чтобы схватить револьвер, но не успел. Не успеет и этот! Снизу вверх грохотали шаги. «Этот» влетел с площадки в кабинет, размахивая кастетом. Но Таубе уже стоял перед дверью, держа полупридушенного, покорного от ужаса стряпчего левой рукой за шею и едва давая ему дышать. Удар правым кулаком с зажатым в нем набалдашником пришелся консьержу в переносицу; он отлетел обратно на лестницу, с грохотом скатился вниз, и стало тихо.

Ротмистр развернул посеревшего, мелко дрожавшего Д'Ашэ лицом к себе и очень внимательно посмотрел ему в глаза. Мэтр задрожал еще сильнее, хотел сказать что-то, но не мог, а только хрипел.

— Где? — только и спросил ротмистр, слегка ослабив хватку, и для большей убедительности несильно стукнул шантажиста набалдашником своей страшной трости по лбу. Тот обмер, чуть не упал, но, поняв, что его может спасти лишь одно, бегом кинулся отпирать несгораемый шкаф. Вынул дрожащими руками из него пачку перевязанных тесьмой писем и протянул барону.

— Вот... Здесь все. Я... я... я не...

— Понятно, что больше не будешь. Но если вдруг обманешь, от себя обещаю, не от императора, от себя лично, приду еще раз. В последний. Слово офицера.

Д'Ашэ часто-часто закивал, подобострастно и испуганно смотря на ротмистра бараными глазами, готовый ко всему, жалкий и ничтожный.

— Тьфу! — не выдержал Таубе, и уже повернулся, чтобы уйти, но вдруг вспомнил что-то и вновь подошел к стряпчему.

— Чуть не забыл. Это тоже от меня лично. В наказание за твое поганое ремесло, поломаю тебе твои поганные руки.

Он схватил шантажиста за правую кисть, потянул на себя, а затем дернул вниз с резким изломом. Уже спускаясь вниз, барон услышал идущий из кабинета вой, совсем собачий.

Через два дня Таубе входил в гатчинский кабинет императора. Посреди небольшой, квадратной и низкой комнаты, с двумя окнами в сад, стоял простой стол, покрытый до полу синим сукном, на столе — поднос с перьями, карандашами и писчей бумагой. Император встретил барона стоя. Таубе вручил ему письма его покойного брата. Александр Александрович вздохнул, подержал их секунду в своей огромной руке и убрал в бюро.

— Отдам Марии... потом. А вы расскажите, как все было.

Таубе четко, без лишних деталей описал всю сцену «переговоров» с шантажистом. И про Жака, и про наглый тон негодяя, и про сломанную

руку. Последнее особенно понравилось императору.

— Значит, сломали ему ее, барон?

— Сломал, ваше величество. Пусть запомнит, как меряться силами с вами, с Россией.

— Ха-ха! Вот молодец! Жалко, нельзя ему шею сломать, но хоть так...

Александр Третий медленно, задумчиво прошелся к окну и обратно. Потом сунул руку в карман своего генеральского кителя, порылся в нем и протянул Таубе большой серебряный портсигар со своим вензелем:

— Вот! От меня с императрицей в награду за образцово выполненное приватное поручение.

— Служу Отечеству, ваше императорское величество!

— Позавтракаете сегодня с нами. И сейчас (император посмотрел на каминные часы) не уходите, есть разговор.

Он нажал кнопку звонка, мгновенно в двери появился камердинер.

— Зови.

В кабинет с портфелями в руках зашли начальник Главного штаба генерал-адъютант Обручев и директор канцелярии Военно-Ученого комитета генерал-майор Енгальчев.

— Садитесь, господа, — император усадил, после приветствия, всех троих вокруг стола, сел сам и сказал. — Начнем с того, на чем остановились в тот раз — с железных дорог. Что надумали?

— Я по-прежнему настаиваю, ваше величество, на развитии Полесской казенной дороги, — эмоционально заговорил Обручев. — Она стратегическая, без нее мы совершенно определенно не успеем отомобилизоваться против Германии. Министр финансов, как всегда, этого не понимает. Ему удобнее мыслить узко: дебит, кредит, бюджетный дефицит. А как мы будем воевать — война же с германцами неизбежна! — это его не волнует, клистирная его душа!^[33]

И Обручев нервно стукнул портфелем по столу.

— Не сердитесь, Николай Николаевич! — добродушно успокоил государь своего генерала. — Бунге я беру на себя. Но помогите мне в этом. Давайте подробнее — что нужно? в какие сроки?

— Виноват, ваше величество... Я понимаю соображения экономии и буду говорить лишь о самом важном. Основные магистрали Полесской дороги: Вильно — Ровно через Лунинец-Сарны и Брест — Брянск через Гомель надо сделать двухпутными к 87-му году. Кровь из носу, ваше величество.

Император отметил что-то в своем блокноте.

— Далее, Пинско-Жабинскую дорогу необходимо продлить до Ровно.

Это крайне важная рокадная артерия, и, кроме того, по ней можно перевозить крепостную артиллерию к западным крепостям.

— Хм... Знали бы вы, Николай Николаевич, как это знаю я, сколько в русском хозяйстве таких вот крайне важных дел, на которые десятилетиями не хватает денег, — хмуро пробурчал в бороду император. — Казна до сих пор не отойдет после турецкой войны... Ну, ладно. Готовьте доклад на ближайшее заседание Особой комиссии по оборонительным сооружениям. Я его конформирую. Теперь порох.

Енгальчев попытался встать, но Александр жестом остановил его.

— Вы по-прежнему настаиваете на Казани?

— Так точно, ваше величество. Казанский казенный пороховой завод с июня будет готов приступить к разработке и затем выделке бездымного пороха. Для запуска необходимо ассигновать 23 тысячи рублей, желательно побыстрее.

Император снова сделал пометку в блокноте.

— Ружья.

— Созданная в феврале «Особая комиссия по испытанию магазинных ружей» испытывает к настоящему времени четыре переделочных винтовки: Лутковского, Квашневского, Роговцева и Мосина. Наиболее интересен последний образец, хотя он еще дорабатывается.

— Капитана Мосина?

— Так точно, начальника инструментальной мастерской Тульского оружейного завода капитана Мосина. Он представил пока лишь чертежи 4,2-линейной магазинной винтовки, но очень интересного замысла. Комиссия продолжает сбор и изучение отечественных и иностранных образцов.

— Хорошо. Держите меня в курсе этого вопроса. Далее. Крепости.

— Брест-Литовск и Ивангород строятся согласно плана. В июне начнутся первые работы по возведению совершенно новой крепости Осовец. Это будет лучшее в мире укрепление, Ваше Величество! А когда зложим Ковно и Новогеоргиевск, прикроем от германцев все Полесье.

— Кстати о германцах. Как они реагируют на реформу нашей кавалерии?

— Нервно, ваше величество, — ответил Енгальчев уже в качестве начальника военной разведки. — Их необычайно раздражает то, что мы перекомплектовали из четырехэскадронного в шестиэскадронный состав только те полки, которые стоят на нашей западной границе. А тут еще перевод артиллерии на конную тягу...^[34] Германцы видят во всём этом целую систему враждебных к ним действий, и готовятся ответить тем же.

Мы ждём больших осложнений...

Император посидел минуту молча, ковыряя свою огромную ладонь. Генералы и Таубе переглянулись, но тоже молчали.

— Ладно, хрен с ними! — сказал, наконец, государь. — Хочешь мира — готовься к войне. Теперь перейдём к вопросу, который касается нашего всеми любимого ротмистра.

И иронично при этом хмыкнул. Генералы также дружно, незлобливо ухмыльнулись, Таубе скорчил гримасу. Император имел в виду последнюю выходку барона. Тот отказался перевестись из Корпуса жандармов в гвардию, хотя его величество настаивал на этом, и перешёл в армейскую кавалерию. Общеизвестно, что вся армия дружно ненавидела гвардейцев даже не за преимущество в один чин, а именно за отсутствие «у них» звания подполковника. Ротный или эскадронный командир, пусть даже и заслуженный офицер, очень уж скоро получал там в погон два просвета. Таубе этой неприязни не желал, и вместо возвращения в кавалергарды прикомандировался к славному Нижегородскому драгунскому полку, заведомо отодвигая от себя на лишние шесть лет калоши.^[35]

— Как, генерал, — обратился государь к Енгальчеву, — забыли уже англичане ту обиду, что нанёс им барон тогда в Лхасе?

— Да бес бы с ними, даже если и не забыли, ваше величество. Пора ротмистру возвращаться на «Крышу Мира». И наплевать нам при этом на Альбион четыре раза...

— Правильно. Итак, барон, настала ваша очередь вернуться туда, откуда вы временно, по необходимости отлучились.

Таубе глянул на всех сразу повеселевшим взором, придвинулся к столу; под ним тонко дзенькнула шпора.

— Ишь, как копытом-то бьёт, — повернулся государь к Обручеву. — Молодой, ни черта не боится. Только нет там, барон, ничего весёлого. Наглеют англичане, и за Индию свою дрожат, на хрен она нам не сдалась... Трудно нам на Памире, с сильным противником бодаемся, а не бодаться нельзя! Туркестан — огромный кипящий котёл. Русская власть там пока только на бумаге. Не защитим её, не выставим в горах твёрдой границы — всё потеряем, и хлопка опять не будет, и рынки от наших мануфактуристов уйдут. Главное же — подстрекаемый англичанами Афганистан. Коканд он в покое не оставит, и будет на наших южных границах не прекращающийся десятилетиями пожар... Понимаете, Виктор Рейнгольдович, что это такое? Огромная пороховая бочка под нашим боком, фитиль — в Кабуле, а спички в Лондоне.

— Понимаю, ваше величество. Прикажете отбыть немедленно?

Император посмотрел на Енгальчева, тот раскрыл лежащую перед ним папку и подвинул её к Таубе:

— Несколько дней на подготовку и ознакомление с ситуацией мы вам, конечно, дадим. Положение и впрямь очень серьёзное. Британцы действительно обнаглели: наши владения кишат шпионами. Пундиты — специально подготовленные туземные топографы — скрытно ведут картографирование местности, изыскивают караванные пути, переходы через перевалы, броды, проходимые для артиллерии дороги, и так далее. Большая Съёмка^[36] весьма оживилась: она готовит и засылает в Кашгарию и Восточный Туркестан по пятьдесят новых пундитов ежегодно. «Крыша Мира», эта спорная территория между нами и британцами, быстро англизируется; пора поставить этому заслон. Мы наращиваем наше военное присутствие на Памире. В рамках этой программы вы, барон, едете туда для вступления в должность начальника разведочного отделения — старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа. С присвоением, кстати, вам за отличие звания майора.^[37]

Все, как по команде, встали и пожали Таубе руку, причём первым это сделал государь.

Таубе, серьёзный и собранный, молча поклонился, взял енгальчевскую папку и вышел из царского кабинета. Оставшиеся до завтрака полчаса он изучал в помещении охраны секретные бумаги. За простым, но сытным завтраком с императорской четой, Обручевым, Енгальчевым и дежурным флигель-адъютантом говорили только о недавней коронации. Освободившись, наконец, барон приехал на двенадцатичасовой машине из Гатчины в столицу. Первым делом он купил в магазине офицерских вещей на Невском майорские погоны с двумя просветами и двумя звёздочками. Надо было, по обычаю, spraysнуть новое звание. Как говорит Лешка Лыков, целковому голову свернуть. Но с кем? Лучше всего, конечно, с тем же Лыковым. Последний раз они виделись месяц назад, когда шлялись по городу втроём — третьим был Федька Таубе, двоюродный брат и тоже барон, и горячо при этом спорили. Подъесаул Оренбургского казачьего войска, Федька намеревался перейти на службу в Отдельный жандармский корпус и просил у родственника совета и протекции. Виктор и Алексей настойчиво, но безуспешно, его от этого отговаривали. Наконец, устав, Алексей ткнул казака-барона крепким пальцем в грудь и спросил:

— Ну, объясни: почему тебе всё-таки хочется идти именно в жандармы? Там ведь служба тяжёлая и неблагодарная, мёдом не

намазано...

Федька похлопал белесыми немецкими ресницами и неожиданно ответил:

— Призвание чувствую. Именно у них быть мне командиром!^[38]

Виктор и Алексей рассмеялись, и все трое пошли обедать в «Лейнер». Снова, что ли, туда махнуть? Но сначала надо было избавиться от секретной папки. Барон зашёл в дом номер 12 по Адмиралтейскому проспекту, где в здании Военного министерства квартировала, под вывеской Военно-Учёного комитета, русская военная разведка. Оставил там в личном несгораемом шкафу полученные от Енгальчева бумаги, вышел, весело свистнул и сказал часовому загадочные слова:

— Бам-и-Дунья.^[39]

Отойдя шагов на двадцать, Таубе воровато оглянулся, вынул из кармана майорские погоны, любовно их погладил и снова убрал. Посмотрел вдоль улицы, словно ища знакомых. Эх, где ты, Леха, друг сердешный? Выпить не с кем...

Глава 5

Сунуло Ерёмушку к семи чертям

Лыков очнулся в опрятной комнатке с одним, плотно занавешенным, окном под самым потолком, видимо, в полуподвале. Кровать, стул с висящим на спинке сюртуком, да образ в углу. Судя по приглушенному свету — утро.

Голова у Алексея сильно болела, во рту было противно горько от веротина, но помнил он все хорошо и сразу же сел в кровати, готовый действовать. Где он? В «Трех Иванах», в задних комнатах, или его куда-то перевезли?

Алексей бесшумно встал, обулся — сапоги стояли возле, накинул сюртук, взял картуз и потянул тихонько дверь. Та оказалась незаперта. Он вышел в коридор — пусто. Открыл вторую дверь, и оказался в большой комнате с горкой и длинным обеденным столом. За ним восседал Чулошников и щелкал костяшками счет, записывая что-то в тетрадку; перед ним, сложенные в несколько стоп, лежали кредитные билеты.

— Выспались, Алексей Николаевич? — приветливо спросил он, глядя на Лыкова поверх очков спокойными светлыми глазами.

— Не то слово, Прохор Демидыч, — в тон ему ответил Алексей. — С вашего веротрина ох как славно спится, можно и вовсе не проснуться.

— Догадались-таки, — довольно констатировал трактирщик. — А если обиделись на меня, то зря. Иначе и быть не могло, сами должны понимать. У нас тут чужих не жалуют.

— Как не понять. Скажите лучше — проверили меня уже, или как? Бумаги вон забрали... вместе с деньгами.

Чулошников уважительно хмыкнул:

— Приятно иметь дело с умным человеком: ни обид, ни скандалов. Спите вы, Алексей Николаевич, уже вторые сутки. За это время мы нашли двух свидетелей, подтвердивших вашу личность. Про инобытие ваше послушали... Бумаги вам сейчас вернем, деньги тоже — мы не мелкая шушера — да и отпустим с Богом. Вы человек нам чужой, не фатовик и не деловой, но и не опасный. Разойдемся с миром, да и все. Куда теперь направитесь? Флагге-то вашего замели.

— Ляд с ним, с Флагге. Мелко это для меня, какого-то поганого шулера от заслуженных тумачков оборонять. Я серьезную службу ищу, у серьезного

человека, где не только кулаки нужны, а еще и голова. Его превосходительство господин Ратьков, говорят, ищет помощника главноуправляющего, специалиста по 15-му тому; к нему наведаясь.^[40] У него хозяйство большое, дел много, авось договоримся. «Виленцы» опять же зовут консультантом по военному делопроизводству. Сашка-Блинодел^[41] в долю приглашает — ему сбыт нужен, а у меня на Москве и в кавказских губерниях хорошие знакомства среди староверов, там сколь хошь «блинов» уйдет. Не пропаду! Верните бумаги, чайку на дорожку налейте, да и впрямь разойдемся с миром.

Чулошников долго, внимательно смотрел на Алексея, словно хотел залезть ему в душу. Крутил-крутил седой ус, потом что-то надумал и стукнул негромко кулаком в стену. Дверь за его спиной открылась, вошли и степенно сели два богатыря, что давеча маячили у Лыкова за спиной.

— Это Челубей, а это — Пересвет, — представил их трактирщик. — Верните, ребята, господину Лыкову его бумаги и деньги.

Челубей выложил на стол двести рублей кредитными билетами и досрочными купонами^[42], документы Лыкова и в отдельном конверте — Георгиевский крест и две медали. Алексей молча рассовал все это по карманам, взялся было за картуз, но Чулошников остановил его:

— А может, вам и у нас занятие найдется? Давайте покалякаем: что можете, чего хочется, какие деньги за какие дела готовы получать...

— А где это — у вас? В трактире «Три Ивана» Тузика воспитывать?

Челубей с Прохором Демидовичем рассмеялись, а Пересвет грохнул кулачищем по столу и свирепо выпучил голубые, как небо, глаза:

— Он, вишь, еще и смеется, фитюк! Да на хрен он нам сдался! Я таких троих одной левой! Пусть катится в свою Петроковскую губернию паненок щипать, а мы тут и сами обойдемся.

Чулошников зыркнул на гиганта:

— Ты, Ванятка, помолчи — не твоего умишка вопрос! Человека велено сыскать, штучного, пригодного для наших дел. Оборотистого да боевитого. Возможно, Лыков и есть как раз нужный человек. Аттестация на него из Пскова самая наилучшая. Не мешай нам разговаривать, а то враз выгоню из комнаты.

Челубей тем временем пристально рассматривал Алексея, потом вдруг протянул ему через стол крепкую ладонь:

— Яков Недашевский.

Лыков подумал секунду и молча пожал поданную руку.

— Ну, вот и познакомились, — констатировал трактирщик. — А

Пересвет позлиться, да и тоже отойдет, потому, как деваться ему некуда будет. Насчет же службы у нас имею прояснить: служба будет при первой гильдии купце Анисиме Петровиче Лобове по его торговым и иным интересам. Преимущественно по иным.

Лыков сделал серьезно-уважительное лицо:

— Про господина Лобова я хоть и немного, но наслышан; какие у него «иные» интересы, могу предположить. Служить у него дело достойное, спору нет, да только я не в любом качестве могу. Мирное население я трогать не привык, потому, как солдат, а не дергач^[43]. Шушеру уголовную гонять — другое дело, ее не жалко. Но и там мокрушничать зря я не большой любитель: все ж за это в Сибирь посылают. Только при условии, что свои же не сдадут. И жалование хочу приличное. Нужен ли я вам такой?

— Во! еще и ломается, фря! — заорал Пересвет. — Свиная рожа везде вхожа. Полгорода таких, что с почтением за «синенькую» любого удавят, да еще и сдачи два рубля принесут!

— У сочинителя Пушкина в «Руслане и Людмиле» — советую почитать — про меня хорошо написано, — спокойно отвечал ему Алексей.

— Это где же?

— А там, где «еду, еду, не свищу, а наеду — не спущу».

— Ну, ты, ярыжник! — взвился немедленно Пересвет. — Вчера пришел, а нынче уж идола кажешь?^[44] Я те их щас повыбью! Запечатаю в ящик по самый хрящик!

И, перегнувшись через стол, схватил Лыкова за грудки. Чулошников пытался было оттащить его, но Челубей остановил трактирщика. Алексей, хоть и ожидал уже потасовки, но отскочить не успел: бандит крепко вцепился ему в лацканы сюртука и начал тащить через стол, на свою сторону. Сюртук трещал по швам. Высокий, с налитыми плечами, с огромными вздувшимися мускулами и совершенно бешеными глазами, Пересвет был страшен; он уверенно пригибал нехилую лыковскую шею к столу, в глазах у сыщика уже темнело. Упершись ногами в пол, а локтями в столешницу, Алексей изо всех сил боролся, пытаясь удержаться на своей стороне. Так они, натужно пыхтя, простояли полминуты. Наконец Лыков собрался, ухватился поудобнее за запястья противника и включился уже на полную. Через несколько секунд страшных усилий пальцы Пересвета разжались, он захрипел, но тут же дернулся всем телом вперед, целя Алексею головой прямо в лицо. Тот успел в последний момент увернуться, и бандит шмякнулся животом об стол, едва не перелетев через него. Не

мешкая ни секунды, Лыков схватил его одной рукой за пояс, а второй за шею и, как куль, отшвырнул в угол. Пересвет мгновенно и ловко вскочил на ноги, с матерной руганью кинулся было вновь на Алексея. Но, пока он подымался, Лыков успел уже подскочить и сходу заехать ему правой в челюсть. От такого удара все прежние противники сразу летели на пол без сознания; Пересвет же только замер да мотнул головой. Ах, ты, сволочь здоровая, ну теперь держись, подумал Лыков, и замахнулся уже «со всей дури». Таким ударом он убил бы быка, не то, что человека... Но как раз тут к нему подбежал Челубей, обнял крепко, так, что ребра затрещали, и оттащил Алексея от потрясенного уже соперника на середину комнаты.

— Хватит с него, Лыков.

Тот и сам опомнился — все ж в гостях, да еще в таких, где никакая сила не спасет, ежели решат его взять в ножи. Тяжело дыша, Алексей опустил кулаки, сердито оглянулся на Чулошникова и увидел вдруг, что тот довольно смеется, весело переглядываясь с Челубеем. Засмеялся и Пересвет, но охнул, сделал два неверных шага и опустился на скамью.

— Да, есть силенка у ребенка... Сгодится для первого разу. Едва меня не поклат — а все ж таки не поклат, — похвастался он, осторожно ощупывая челюсть. — Надо бы дохтуру показать... уксусу приложить...

— Вторым ударом он бы тебя точно свалил, — хлопнул пострадавшего по плечу Челубей. — Сила, действительно, выдающаяся; я еще не видел, чтобы так круто с тобой обернулись. Что же, поехали к Анисиму Петровичу, он ждет.

Через несколько минут втроем (трактирщик остался в заведении) они сели в пароконную коляску, что дежурила на углу Разъезжей и Лиговки, и поехали через весь город в Коломню. Алексей догадался, что его везут к Лобову домой. Извозчик спокойно проехал по Чернышову мосту вдоль родного Лыкову здания МВД, затем мимо Спасской части на Большой Садовой, за Никольским рынком свернул на Канаву и по Коломенскому мосту въехал в недлинный Упраздненный переулок. Дом, который занимал петербургский «король», стоял на самой Пряжке. Лыков третьего дня проезжал мимо в закрытой карете и знал уже его снаружи: два этажа с полуподвалом, семь окон в переулок, шесть на реку и одно, на скошенном углу, смотрит на Банный мост. Место отдаленное, тихое, но не бандитское, а цивилизованное, как и положено купцу первой гильдии. Говорят, из шести домов по переулку в четырех живут лобовские люди: конторщик, служители по дому, охрана и, кажется, личный доктор и кассир.

Извозчик — рожа у него была вполне арестантская — остановился без напоминания прямо у дубовых ворот. Денег при этом никто ему не давал,

видно, приписанный почасовик. Сразу же на шум выглянул дворник, высокий, атлетически сложенный; внимательно осмотрел Лыкова и молча пропустил в подъезд. Первым уверенно шел Челубей, Лыков следом; замыкал колонну Пересвет, держащий у скулы полотенце, смоченное свинцовым уксусом.

Лыков знал и внутренне устройство лобовского дома — из той самой папки, что дали ему на изучение в сыском. Согласно уложения, брандмауэр должен превышать кровлю защищаемого им от огня строения на аршин. В конце марта к Лобову в сопровождении околоточного явился чиновник из строительной инспекции при канцелярии градоначальника. И потребовал замерить верх брандмауэра, причем самолично залез наверх с плотничьей саженью. Действительно, до указанного значения не хватило двух вершков, пришлось их выкладывать, а пронырливого инспекторишку поить коньяком в столовой, да еще и сунуть ему в конверте четвертной билет. Чиновник тот был на самом деле с Офицерской улицы, и запустил глазнапа во все углы преступного логова, включая даже отхожее место.

Поэтому теперь Лыков вполне ориентировался в помещениях и, на худой конец, имел пути для отступления. Они, кстати, лежали как раз через луфт-клозет, устроенный по дорогой, но прогрессивной гейдельбергской системе, с вывозом нечистот в сменных бочках.

Алексей шел и отмечал детали, говорящие о достатке и основательности хозяина дома. Тротуар перед фасадом выложен клинкерным кирпичом, подъезд залит природным ганноверским битумом, входная дверь железная, обшитая палисандром. Такие хоромы штурмовать придется, как шамилевский аул Гуниб... Полы в доме из гренадилового дерева, на окнах дорогие плюшевые портьеры, ореховая мебель покрыта красным штофом, в углах кадки с комнатными колокольчиками, китайскими розами и цареградским стручком, а на стене в гостиной висит даже пейзаж Клевера. Смотреть на тот пейзаж Лыкову, правда, не пришлось. Прямо под холстом с закатным солнцем сидел и подозрительно смотрел на гостя некрупный, лысоватый, бритый, как актер, человек лет сорока пяти, в запростецкой чесучевой паре. Подбородок у него был очень маленький, куцый, будто срезанный, что придавало человеку вид капризный и обиженный. У окна стоял второй: хорошего роста, моложавый (хотя уже и далеко за пятьдесят), с военной выправкой и тоже с весьма подозрительным взглядом. Опять проверочка, понял Алексей и ухмыльнулся — не нагло, но вполне расковано.

Челубей и Пересвет поздоровались с этими двумя по-свойски за руку и уселись рядом на диван в углу. Лыков остался стоять посреди гостиной,

стараясь не выказать волнения.

— Лыков Алексей Николаевич, — проговорил, словно декламируя, тот, что был похож на военного. — Отца вашего как звали?

— Николай Викулович, — несколько озадаченно ответил Алексей. — А что, знакомы с ним были?

— В Польше Николай Викулович не служил?

— Еще как служил! Три ранения и Владимирский крест выслужил.

— В какой части служил, не припомните?

«Сослуживец батюшкин, что ли? — подумал Алексей. — Ну, тут им меня не поймать, биография-то почти подлинная».

— Очень хорошо помню, — отвечал он с достоинством собеседнику. — При восстании шестьдесят третьего года командовал пехотной ротой в отряде полковника, а затем генерал-майора Ченгеры, начальника Смоленского пехотного полка.

— За что же полковника Ченгеры в генералы произвели? — настойчиво продолжал расспросы «военный».

— Батюшка рассказывал — за дело у Буска 13 марта. Очень тяжелый был бой, до ночи шел. А до этого у Малогоща и у Пясковой скалы рубились с Лангевичем.

— Хм... — озадаченно протянул настойчивый собеседник. — А про сослуживцев своих по отряду батюшка ничего не рассказывал? Фамилии какие-нибудь помните?

— Я все батюшкины рассказы помню. Фамилии он называл следующие: батальонный командир майор Гальцгауэр, ротные командиры — капитаны Сертуков и Николэ. Но чаще других и с особенной любовью он вспоминал лучшего своего товарища, поручика Власа Фирсовича Озябликова...

В лице «военного» что-то дрогнуло, глаза, до сей поры чугунные, окрасились каким-то новым, добрым цветом.

— Влас Фирсович... это вы? — растерянно спросил Лыков и вдруг, к стыду своему, в горле у него незнакомо запершило.

Озябликов шагнул к Алексею, молча крепко обнял его и так застыл на несколько секунд. Потом отступил на шаг, осмотрел с ног до головы и веселым, прямо таки счастливым голосом сказал, обращаясь к бритому:

— Все, Елтистов! Вольно-оправиться. Личность господина Лыкова удостоверена — это сын моего лучшего полкового друга. Любезного, милого моего Николая Викуловича. Как он? жив ли?

Лыков сглотнул комок в горле, сказал глухо, в сторону:

— Умер в 78-м. Похоронен в Лодзи на Военном кладбище. А я даже на

похороны не попал, сам в это время в госпитале тифлисском валялся.

Озябликов молча, с грустью смотрел на Алексея, смотрел долго, потом положил ему руку на плечо:

— Жаль. Как жаль! А ведь он меня из петли вытаскивал. Рассказывали?

— Как же! Это когда вы в плен попали возле Опочны. Вовремя батюшка с полуротой подоспел, вас спас... а капитана Никифорова не успел.^[45]

— Да, повесили они Никифорова, а меня огнем жгли четыре часа, сами устали и отложили. А к вечеру Николай появился. Я ходить уже не мог, лежал под деревом в полусознании, и уж петля была привязана; четверти часа панам не хватило.

— Вы ведь их там тогда...

— А ты сам их бы в плен повел? После четырех часов раскаленных шомполов... А с Кости Никифорова они с живого кожу содрали тесаками, эти любители свободы!

— Нет, далеко бы не повел. До ближайшего оврага только.

— Вот и мы с твоим батькой не повели. Да солдаты бы нам и не дали. Они как увидели меня обожённого, да Никифорова, так все само собой зараз решилось. Отец твой был строгих правил, зверствовать нашим в ответ не дал — а желающие были — но и патроны на них расходовать не позволил. Сказал: патроны побережем для воинов, а этих шакалов повесить...

— Вас ведь оттуда в госпиталь направили, а батюшка через три недели на штыки налетел, еле выжил, да и потерял вас из виду. Все мечтал найти, письма писал в Военное министерство.

— Ушел я из воинской службы, Алексей, по-плохому ушел, — нахмурился Озябликов. — Когда выписался через полгода из госпиталя, в свой полк хотел вернуться, но государь рассудил иначе. За проявленное мужество и перенесенные раны перевели меня следующим чином в лейб-гвардии Преображенский полк. Только прослужил я там месяц с небольшим... Не понравилось этим паркетным шаркунам, что среди них, голицыных да нарышкиных, какой-то Озябликов появился. Вольно-оправиться! Смеялись надо мною, учили нож с вилкой держать, в театры таскали. А там билет стоит три пятьдесят, и далее восьмого ряда сидеть нельзя — полковую честь уронишь! У нас в Смоленском пехотном полковую честь на поле боя выказывали, а у этих — в театре. Как же я, с жалованием сорок восемь целковых в месяц и с матерью больной в Саратове, по театрам-то буду ходить? Чую я, надо из гвардии этой чертовой

лытки делать, к простому народу прибиваться. На польских жолнеров в штыки ходить штабс-капитан Озябликов годился, а шампанское жрать — рожей и кошельком не вышел. Особенно же их фамилия моя не устраивала, полковую репутацию портила... Ну, и не сдержался я, сказал кое-что старшему полковнику, когда он меня в собрании за перчатки второго срока носки разобрал. Да и остальным, кто там хихикал, тоже сказал. Вольно-оправиться! Никто меня, кстати, на дуэль за это не вызвал, зная про мои три ранения и четыре ордена с мечами, больше, чем во всем их сраном полку. Но уйти со службы, конечно, пришлось... Болтался без дела четыре года — я ж только воевать и умею! Был маклером, распорядителем кислещейной фабрики, лесом торговал, в пух заторговался. Потом повезло: заметил меня Анисим Петрович Лобов. Поговорил со мной, понял, что я за человек, и взял к себе. Он любого насквозь видит и любому дело найдет, если человеком тем заинтересуется. Тут, Алексей, совсем другая жизнь, настоящая! Обывателям с улицы даже и невдомек, как на самом деле можно жить, так, что все законы Российской империи не для тебя писаны. Не для тебя — и все!

Так что, я теперь у Лобова начальником штаба, отвечаю за планирование и проведение всех силовых операций...

На этих словах сидевший молча и подозрительно смотревший на Алексея Елтистов вдруг вскочил и вытянулся почти по-военному; капризное лицо его приняло подобострастно-преданное выражение. В комнату вошел человек. Все сразу замолчали, так же, как и Елтистов, встали и подтянулись. Алексей понял, что появился хозяин.

Лобов оказался мужчиной лет пятидесяти пяти; крепкий, весь какой-то особенный, неспешный и очень уверенный. Даже не уверенный... от него словно исходили какие-то волны всеподчиняющей воли. Строгий взгляд из-под седых бровей, седая же борода, тертое лицо много повидавшего на своем веку человека, но самое заметное — это привычная властность. Естественная, ненапускная, осознающая свое право повелевать другими как нечто само собой разумеющееся. В каком-то из романов Достоевского Алексей помнил описание дезертира Орлова, так же естественно подчиняющего себе окружающих — «иванов», гордых кавказцев, тюремное начальство. Чувство превосходства над всеми без исключения... Лобов был, судя по всему, из этой же породы.

Между тем, все расселись полукругом, только Алексей остался стоять посреди комнаты, без стеснения разглядывая «короля» преступного Санкт-Петербурга. Без наглости, но и без стеснения — он решил именно такую манеру выбрать для общения со столь опасным собеседником. Тот же

разглядывал Лыкова без особого интереса, даже и не разглядывал, а просто осмотрел мельком и обратился к Челубею:

— Ну?

— Спокойный, выдержанный, неглупый. Весьма уверен в себе. И очень сильный. Очень.

— Насколько?

— С Пересветом он не без труда, но объяснился. В свою пользу.

— Да ты что! — искренне поразился Лобов, и впервые всерьез взглянул на Алексея. — Такого ж не было никогда, а Ванька?

Пересвет ухмыльнулся, осторожно потрогал челюсть, сказал, по-волжски окая:

— Да как быдто бы не совсем объяснился... не упал я таки...

— Понятно, — констатировал Лобов, и в упор посмотрел на Алексея, как будто углями прожег. — Ну, рассказывай, что ты за человек? Чего хочешь? Во сколь себя ценишь? Говорят, ты нам условия выставляешь при найме: это стану, а то не буду...

— Правильно говорят, — спокойно отвечал Лыков. — Хочу я службы, что мне по силам и по нраву, и ценю себя за такую службу в 500 рублей помесечно («Эка загнул, наглец! — ахнул из угла Елтистов, — стоко и министры не получают!»). Готов за таковые деньги работать тяжелую работу, с риском для жизни и здоровья, к чему мне не привыкать. Любую, какую укажете, кроме одного: я мирное население не трогаю.

— А мента^[46] прикажу тронуть — как тогда?

— С дороги отодвину, бока намну, научу тихую жизнь любить, но убивать не стану. Больно они злы делаются, когда ихнего брата кассируют, а у меня планы на спокойную старость.

— М-да... все капризы... А если велю Васю-Василиска сократить, первейшего охтинского «ивана» — что на это скажешь?

— Такого добра, господин Лобов, сколько угодно.

— Дурак! Это же опасней, чем мента замочить, за него мстить будут.

— Мести уголовных я не опасюсь — сам опасный, а вот месть государства мне к пенсии ни к чему.

— Так, — сказал, минуту подумав, Лобов, — стало яснее, но не до конца. Люди делятся на волков и на баранов. Посередке быть нельзя. У волка никаких ограничений нет, иначе это уже не волк. Ты кто?

— Я уже размышлял об этом. Видимо, волкодав.

В комнате сразу стало тихо.

— Нет, в другом смысле, — усмехнулся Алексей. — Зря напрягаетесь,

я не из «чертовой роты»^[47]. Там, полагаю, дураков таких нет в пасть ко льву забираться... А волкодав потому, что овцы мне не братья, но и волки не товарищи. Так себя ощущаю и так живу. Готов за это платить свою цену. По характеру же я то, что раньше называлось ландскнехт. Наемник. Вы, допустим, волки. Ловит волк, ловят и волка...Наверняка есть у вас среди серых и недруги, причем много. Вот и купите себе волкодава! Хорошего и задорого. Разумеется, с испытанием...

— Копишь, копишь, да чёрта и купишь, — проворчал недовольно Елтистов, но «король» перебил его:

— Теперь совсем понятно. Знавал я таких, и ничего — полезные были люди. Будь хоть пёс, лишь бы яйца нес! Испытаем мы тебя непременно, и ежели окажешься годен — договоримся. Боевитые люди нам сейчас нужны, потому как у нас серьезные дела, и надобно их охранять. Озябликов! Бери его в работу. Что там в первую очередь?

— Как раз «вяземские кадеты» бузят. Стекланный фликель снова закоперщик: мы, говорят, Васе-Василиску под крыло перешли, потому платить не будем. Пора меры принимать, иначе всю Лавру упустим и Сенной рынок вместе с ней.

— Понятно. Васек давно нарывался, пора его сократить. Действуй. Лыкова — в самое пекло! А то — пять сотен в месяц... Елтистова вон чуть кондратий не хватил...

Глава 6

Первые впечатления

По итогам беседы Алексей поступил, с испытательным сроком, под команду Озябликова, а Челубей взял над ним как бы шефство, дабы быстрее освоился. Лыков был весьма доволен таким началом. Все его детство прошло под батюшкины рассказы про верного друга Власа Фирсовича, и вот теперь этот человек — непосредственный ему начальник. Челубей же сразу вызвал у него необъяснимую симпатию, столь разнясь со своим жутким напарником Пересветом. Однажды так же быстро ему глянулся Виктор Таубе, и до сих пор они друзья; но Таубе — русский офицер, а Челубей бандит и, наверняка, убийца. Да и Озябликов, честный солдат за царя и отечество, тоже оказался преступником, притом крупного калибра, а Лыков здесь для того, чтобы засадить его в тюрьму... Даже думать сейчас об этом не хотелось, да было и некогда. А интересно: встретить их Алексей сразу после войны, кем бы он теперь был — сыщиком или уголовным?

Но самое сильное впечатление произвел, конечно, Лобов. Этому человеку не то, что не стыдно — хотелось подчиняться. Будучи знаком с министрами, губернаторами, директорами департаментов, подобной фигуры Алексей еще не встречал. Удастся ли им всем вместе: Плеве, Благово и ему, грешному, одолеть такого противника — это был вопрос...

Челубей тем временем отвел Лыкова в дом через дорогу от лобовского, в котором квартировал сам и где оказалась свободная комната. Хозяйкиного сына послали в Тарасовский дом с запиской и деньгами за лыковским баулом, а сами покамест сели в комнате у Якова — небольшой, аккуратной (не бывший ли юнкер господин Недашевский?), с одним окном в переулок. Яков стал вводить Алексея в курс дела:

— Мы с Ванькой Пересветом — личные лобовские телохранители. Он уже давно, лет шесть, еще с парней, а я только третий год. Без нас, или хотя бы без одного из нас, Анисим Петрович из дому не выходит. Это только так по кабакам говорить, что он питерский «король»; все намного сложнее. Ему традиционно не подчиняются обе Охты — они никогда никому не служили. Поскольку промышленности там никакой нет, оно бы и пусть себе живут, как вздумается, но вот только голодные бойцы оттуда повадились ходить на наши огороды. Сейчас на Охте появился коновод —

молодой, но уже знаменитый Вася-Василиск, деловой, бежал с каторги за тройное убийство. Отчаянный человек, самый настоящий духовой^[48], чудовищно силен, а к тому и весьма неглуп для своего окружения. Что называется, прирожденный вожак. Не боится никого, даже Пересвета, а Пересвета в этом городе боятся все. Кроме, разумеется, Лобова.

Далее, так же исторически нам не подчиняется Петербургская сторона. Она тоже никогда и никому не подчинялась. Там уклад жизни наполовину деревенский, чужих не любят и сразу мутузят. На Большом проспекте даже днем пошаливают, а ночью просто беда. Держат Петербургскую сразу три банды, самые старые в городе: «Роща», «Гайда» и «колтовские». В Петровском и Александровском парках у них полная республика, самоуправляемая «башибузуками»^[49], и там никогда не бывает ни полиции, ни посторонних. То, что делается на нашем берегу Невы, их совершенно не интересует, а интересует их лишь война с Васильевским островом. Противостоянию этому уже более ста лет, началось все еще при Екатерине. За это время с обеих сторон сложились свои бойцовские династии, имеются легендарные герои, создан целый устный эпос.

Впрочем, и сам Василь тоже не однороден. Там сейчас две банды и, в отличие от Петербургской стороны, они друг с другом во вражде. Собственно «васинские» квартируют в Соловьевском садике, а «железноводские» — с Голодая — располагаются к северу от Малого проспекта. Границей между двумя державами является речка Смоленка, и при попытке ее перехода нередко режут насмерть. Полиция там так же не появляется со времен Екатерины...

Кто у нас еще остался за Невой? Да, Выборгская сторона. Она пока совершенно ничья, начиная с шести часов вечера все образованное оттуда удирает, и на улицах хозяйничает пьяная рабочая масса. Поживиться там особенно нечем, но, судя по всему, «заречный король» Вася-Василиск уже начал туда карательную экспедицию и, при отсутствии у выборгских организации, скоро их себе подчинит.

Это вот очерк тех, кто нам не подчиняется. Как видишь, таких немало. Зато Лобову однозначно подчиняется вся Лиговка, а это самый преступный район столицы. Случись большая заварушка, штыков у нас больше всех, а главное — командиром Лобов! Такого вождя нет более ни у кого. Мы управляем также всей Садовой с ее рынками, Калашниковской набережной, Песками, недавно покорили Нарву и Гутуев остров. В конце зимы Пересвет разгромил «Малинник» и убил, в глазах толпы, тамошнего родского по прозвищу Казак Раззявин. Теперь на левом берегу остались лишь два

непокорных аула: Горячее поле^[50] и Вяземская лавра. С Полем-то мы легко разберемся, а вот Лавра... Только Блоха как-то ухитрился держать ее в повиновении — был такой питерский «король», похлеще, говорят, нашего Лобова. Но его убили два года назад, причем не здесь, а в Нижнем Новгороде, непонятно, кто и непонятно, за что. Темная какая-то история... После его смерти началась война между бандами, как это часто бывает. Лобов тогда был старшим на Лиговке и Обводном и входил в близкое окружение Блохи. Ну и вроде бы как унаследовал этот удел... Как раз тогда я к нему и пришел, и навоевался всласть — самое горячее время было. Началось все с менял. Если ты знаешь, меняльное дело очень доходное, потому, как ему всегда сопутствует ростовщичество. В последнем и создаются наибольшие доходы, ибо берут там проценты вдвое более положенных по закону^[51]. Ростовщичеством в Петербурге занимаются исключительно евреи и скопцы, причем первые преимущественно между Невой и Фонтанкой, в своих квартирах, а вторые — в лавках, пассажах, на рынках и, конечно, в Банковской линии. Между ними всегда было соперничество, а поссорились они окончательно, когда не поделили порт и буяны. А ведь на многих из них, особенно на Сельдяном, круглый год раздробительная торговля с большими оборотами, менялам там особый интерес. Скопцы обратились за помощью к Лобову. Анисим Петрович на евреев прикрикнул, сказал, что порт будет за скопцами, а буяны, мол, поделить поровну. И сыны израилевы, недолго подумав, наняли убийц. На Песках правил тогда «удельный князь» Федор Просфиркин по прозвищу Атилла. И этот Атилла с тремя своими гренадерами подкараулил Лобова на выходе с его кожевенного завода в Чекушах. А с Анисимом Петровичем был тогда только Пересвет — меня услали в дом Дероберти за недельной выручкой...

Состоялась схватка. Когда произошло нападение, Лобов сразу побежал наверх, в контору, где у него было ружье, а Пересвет один, в течение двух минут, бился с четверыми. Прорваться в завод песковские так и не сумели — сильно избитый и несколько раз порезанный, Иван продержался и никого внутрь не пустил. Потом прибежал Лобов с двустволкой и свалил двоих, начав с Атиллы. Оставшиеся двое кинулись бежать. Пересвет в дальнейшем уже не участвовал — упал без сознания; его потом долго лечили. А Анисим Петрович бросился в погоню, догнал одного и задушил...

После этого нас уже боялись задирать, и постепенно Лобов занял все, что к югу от Невы. Пересвет сейчас — лобовская кувалда. Если где нибудь

возникает неповиновение, Анисим Петрович присылает Ивана и бунт мгновенно прекращается; с Пересветом шутить нельзя. Он действительно страшный человек: как оранг-утан в джунглях, запросто так может убить кого угодно. Именно кого угодно: женщину, ребенка, даже еще не роди...

Тут Челубей запнулся, поняв, что сказал лишнего:

— Ну, словом, не мне чета, хотя я здорово его подкрепил. Но сейчас особое время. Надобно совершить длинную и опасную командировку в Сибирь: там пропали подряд два наших «золотых фельдъегеря». И с ними пять пудов золотого песка... В одиночку в этом не разобраться, слишком опасно; идти лучше вдвоем, но и хозяина без охраны не оставишь. Поэтому мы и начали поиск нового человека, подходящего для таких дел. Пересвет останется при Лобове, а мы с тобой, если ты выдержишь испытательный срок, отправимся на Амур. Мне бы хотелось, чтобы ты справился... Помоему, мы с тобой поладим. Только Елтистов против тебя, что-то все подозревает, проверяет... Но все тут решает Анисим Петрович, а ему срочно нужен боевик. Так что, Алексей — завтра не подведи.

Благово проснулся посреди ночи от дурного предчувствия. Сел в кровати, отогнал остатки сна, спросил себя: что случилось? Ясно, что Алексею угрожала опасность. Но как, где? Что-то свербило, просилось из памяти, из подсознания, но сформулировать ясно это что-то он не мог. Мелькнула какая-то фраза, строка в рапортах и, не осмысленная до конца, улетела, осталось только ощущение приближающейся беды. Просыпайся, Павел, и думай! думай!

Благово заставил себя успокоиться, испил воды, закурил сигару и пошел в кабинет. Голова стала уже ясной и он понял теперь, где искать. Сейчас! На столе лежали литографированные материалы по банде Лобова. Павел Афанасьевич зажег лампу, выдохнул в потолок дым и, в который уже раз, раскрыл папку. Вот рапорт на Пересвета. Замешан в убийстве князя Мустафы Василь-Сурского; оставлен в сильном подозрении. Убийство Ицки Мордуха Аврушкина: все свидетели отказались от своих показаний... Нет, не здесь. Борейто. Аферы с обменом ассигнаций на серебряную и золотую монету... Контрабандный вывоз металлов... Необандероленные сигареты и папиросы... Не то. Дальше Елтистов. Имя — Елизвой. Эк его угораздило... А жена — Фавста! Ну, и семейка... Легальное занятие — владелец портомойного плота на Фонтанке у Чернышова моста. Прямо под окнами МВД штаны стирает, наглец! Ранее служил в Капитуле Российских орденов старшим кассиром, уволен без прошения за подделку ассигновок...

Тут Благово стукнул себя кулаком по колену. Конечно же! «Крестовые деньги»! Он кинулся к шкафу, быстро нашел нужный том, раскрыл на 368-й статье и прочитал сам себе вслух: «Каждому, удостоенному знаком отличия Военного ордена четвертой степени, назначается в прибавку одна треть годового оклада, а при увольнении в запас, в инвалиды или в отставку, в виде пенсии по смерти». Лыков, как и любой кавалер солдатского Георгиевского креста, получал от Военного министерства через Капитул орденов положенное пособие, весьма незначительное.^[52] Деньги эти по его заявлению пересылались в Нижний Новгород матери и сестре. А не в Петроковскую губернию! Вдруг Елтистов, используя старые знакомства, проникнет в архив Капитула и выяснит этот факт? Благово торопливо кинулся одеваться.

Один из ста двадцати восьми петербургских телефонов был установлен на квартире Плеве. Благово на извозчике добрался до приемной министерства и от дежурного телефонировал своему директору. Когда тот понял, что титулярному советнику Лыкову угрожает опасность, в департаменте полиции собралось экстренное секретное совещание. Приглашенный на него и. о. начальника сыскной полиции Виноградов немедленно вызвал своего заштатного агента, служащего в Капитуле орденов делопроизводителем. Быстро и со знанием дела агент составил новый формуляр на Лыкова и уехал, дабы успеть поместить его в нужную папку.

На другой день он донес, что опасения Благово подтвердились: Елтистов перед обедом приходил в Капитул и долго пропадал в архиве.

Павел Афанасьевич сходил после этого во Владимирский собор и поставил двухрублевую свечу за здоровье раба Божьего Алексия.

Глава 7

Вяземская лавра

В 1852 году отставной штабс-ротмистр князь А.Е.Вяземский купил у Полторацких пустующую землю за садами трех их особняков по правому берегу Фонтанки. Участок между Обуховским проспектом, Сенной площадью, Полторацким переулком и рекой он решил заставить доходными домами. Сначала выстроили огромный трехэтажный дом по проспекту и три флигеля во дворе; затем количество строений постепенно довели до тринадцати. То ли близость Сенного рынка сыграла свою роль, то ли неразборчивость княжеских управляющих, но только весь квартал доходных домов быстро превратился в огромный, развращенный, грязный, самый страшный в Петербурге притон для отбросов общества и уголовных.

Конечно, в обширном квартале «Вяземской лавры» (так прозвали это место в городе) большинство населения составлял честный трудящийся элемент. Многолюдные артели корзинщиков, наборщиков, плотников и хлебопек по утрам выходили из своих тесных квартир на заработки. Внутри лавры были собственная бойня (поражающая антисанитарией и снабжающая всех лотошников Питера рубцом и печенкой), кузница, пекарня; в пристрое Ветошного флигеля имелись бани, и даже с двумя «дворянскими» номерами. Однако в этих чистых номерах гуляли только воры после фарта, а в комнатках над ними был главный в столице притон по изготовлению адресных билетов^[53]. В доме номер 7 по Забалканскому проспекту помещались сразу четыре трактира, в том числе знаменитая «Сухаревка», описанная Достоевским и Вс. Крестовским. Через дорогу стоял не менее знаменитый дом Дероберти, весь первый этаж которого занимали низкопробные дома терпимости. Несколько сот вяземских проституток поставляли себя и туда, и в легендарный «Малинник» на Сенной площади (14 публичных домов в одном здании!).

«Вяземская лавра» сделалась каким-то особым городом в городе, местностью со своими нравами, законами, обычаями и огромным населением. Полицейская статистика насчитывала во всех ее строениях шесть тысяч двести человек — но это лишь по прописанным паспортам. Журналисты и городские администраторы называли цифру десять тысяч. Знатоки петербургского дна, то есть его бывалые обитатели, оценивали численность «вяземских кадетов» в летние месяцы в двадцать тысяч

человек — целый уездный город! Правила в этом городе, как и во всем преступном мире столицы — тряпичники.

Каждое утро вместе с корзинщиками и плотниками тряпичники выходят на промысел и растекаются по улицам Петербурга, не исключая и самых дальних его окраин. Но промысел у них особенный. Заходя во дворы и подъезды, а часто и в квартиры, предлагая продать им тряпки, ношенные старые вещи, вступая в разговоры с жильцами, старьевщики делают ещё одно дело. Они незаметно высматривают обстановку квартир, оценивают достаток их обитателей, запоминают расположение комнат, конструкцию замков и внимательность дворников на воротах. Что-то при этом, конечно, и покупают, торгуются, бранятся... Каждому артельный староста выдал поутру двадцать рублей серебром, и торговля грязным барахлом, лохмотьями и сломанными вещами идет бойко до обеда. В обед тряпичники приходят в те кабаки, которые честному человеку лучше не посещать: «Избушка» по Знаменской, «Рим» в Апраксином переулке, «Пекин» на Моховой или трактир Срамотко на Садовой. Там они усаживаются со своими старыми комиссионерами — квартирными ворами, и обговаривают наметившуюся покражу: указывают дом, рисуют план, сторговываются о цене на добычу. В зависимости от условий, вызывают тех или иных специалистов: шниферов (ночных воров), циперов (таскающих верхнее платье из передних), фортачей (форточников) или скокарей (взломщиков); одновременно скупают дневной улов у маровихеров. Ночью эти же тряпичники или стоят в ближайшем переулке с пролеткой, или дожидаются воров в условленном месте. Украденное мгновенно сбывается, перепрятывается и, если успевают, то и перешивается той же ночью в подпольной пошивочной мастерской хозяина артели. Утром следующего дня переделанные до неузнаваемости вещи уже торгуются на Сенном и Толкучем рынках, а «честные тряпичники» опять выходят на промысел.

Ветошные артели являются важнейшим обслуживающим механизмом преступного мира Петербурга. Они обеспечивают главное: сбыт похищенных вещей, и снабжают непосредственных исполнителей преступлений деньгами, паспортами и квартирами. Не только воры несут им свою ночную добычу, но и грабители, и убийцы. На многих вещах кровь их бывших хозяев, но тряпичникам это дело привычное и ничуть их не смущает. Замоют — и портному на стол. Самые страшные налетчики, на совести которых не одна человеческая жизнь, главари жутких банд, беглые с каторги, которых трепещет весь город, и те вынуждены дружить с коноводами этого обычного на вид ремесла. Хозяева тряпичных артелей —

а их в городе не более двух десятков — влиятельнее любого «ивана» или родского воровской шайки. Потому, как без их поддержки, без их денег не продашь и, значит, попадешься сыщикам. Все эти двадцать человек богаты, имеют каменные дома с лавками, в домах подвалы с потайными комнатами; имеют и конюшни, где спрячут лошадь с повозкой и убитое тело, если потребуется. Наружно они купцы и гласные думы, многие — благотворители и жертвователи на храмы. В артель же они берут людей только из своей деревни, родственников и свойственников, связанных круговой порукой, и орудуют без помех годами и десятилетиями.

Так сложилась элита «Вяземской лавры», верхушка, управляющая всем в этом необычном государстве, расположенном в четырехстах саженях от здания Министерства внутренних дел. Хозяева тряпичных артелей и главари банд объединены в один ареопаг, некий верховный совет, который принимает решения по важнейшим вопросам жизни лавры, обязательные для исполнения ее обитателями. При этом тринадцать домов посреди столицы сделались центром притяжения всего дурного и преступного в восьмисоттысячном городе. Ежедневно лавра пополняется новыми подданными: спившимися чиновниками, беглыми солдатами, беспаспортными бродягами, деклассированными элементами всех мастей и народностей. Нередкие полицейские облавы никогда не приводят к поимке крупной рыбы: беглых каторжников (а известно, что их не бывает менее полусотни зараз), убийц в розыске или опасных дезертиров. Мелочи без адресных билетов, бродяг «не помнящих родства» всякий раз набирают толпами, а на следующий день тесные конурки уже кишат новыми обитателями с сизыми носами...

Главный штаб «Вяземской лавры» расположен не в Ветошном флигеле, часто именуемом так же и Тряпичным. Не здесь двенадцатый круг местного ада, хотя и тут еженощно творятся жуткие дела. Штаб и основная резиденция «иванов» находятся в Стеклянном флигеле, прозванном так за свои большие, часто поставленные, как в теплице, окна третьего этажа. На этом этаже — истинный ад, какой не снился и Достоевскому. Подлинные страшные нравы и условия нечеловеческой жизни этого места некому описать: тот, кто владеет пером, никогда туда не попадет, а тот, кто попал, никогда об этом не напишет... [\[54\]](#)

Они подъехали со стороны Горсткиной улицы на двух пролетках. Вчетвером, колонной по одному, прошли в подворотню Корзиночного флигеля, пересекли сначала Пустой двор — зеленый, засаженный чахлыми березками, потом Порожний — втрое меньший и ничем не засаженный, а

заваленный всяким хламом и залитый грязью так, что зловонная жижа измазала сапоги по щиколотку. Лыков дважды был здесь на задержаниях (не на облавах, а на арестах, в гриме) и знал, откуда эти мусор и вонь. Справа чернела четырехэтажная глыба Тряпичного флигеля, в окна которого десятилетиями выбрасывали на двор всякий хлам его грязные обитатели. Теперь прямо будет Конторский флигель, а налево от него — Стекланный. Тот самый.

Шедший впереди Пересвет приблизился к полуоткрытой двери Стекланного флигеля и остановился. Алексей разглядел в утренних сумерках его лицо — собранное, серьезное. Даже для этого, бесстрашного, пугавшего весь Питер человека, визит сюда не был развлечением.

Все четверо собрались у входа, затем Озябликов молча подтолкнул Лыкова в спину. Пересвет снова вошел первым, за ним — Челубей, потом Лыков; отставной штабс-капитан замыкал колонну. По грязной, заплеванной лестнице они бесшумно поднялись на третий этаж. Какой-то лохматый жилец в исподнем, но в дворянской фуражке как раз выходил из крайней двери — видать, до ветру. Пересвет молча сунул ему под нос огромный кулак, и тот так же молча исчез обратно в квартире.

Вдруг из-за его спины, из черного, зловонного чрева притона, выскочил бородатый детина, голый по пояс, с большим серебряным крестом на гайтане, болтающемся на крепкой волосатой груди. Он схватил Пересвета за ворот и заорал на весь дом:

— Васек! Атанда! Лобовские!

Пересвет, не мешкая, стукнул его кулаком сверху по темени и перешагнул через упавшее тело. Все четверо ворвались в квартиру. Открылся широкий коридор, освещенный масляной лампой; в конце его — большая комната, совсем темная, а в ней шевеление и говор множества людей.

— Пересвет, Челубей — фланкируйте Лыкова, — вполголоса приказал Озябликов. — Я прикрою тыл. Алексей, приготовься! и помни, он совсем бешеный...

Сразу же после этих слов из темноты бросились на них люди — кто в лохмотьях, кто в подштанниках; тускло блеснула сталь топора в чьих-то руках. Первым вырвался в коридор рослый, атлетически сложенный парень в кубовой рубахе, с лихими, веселыми и действительно бешеными глазами.

— Товарищи! Рви лобовских! — крикнул он так задорно, словно все происходящее было игрой. Словно не его пришли убивать.

Пересвет и Челубей расступились, и Вася-Василиск — а это, конечно, был он — налетел на Алексея. И все тут же закончилось. Лыков ударил его

в переносицу, точно и очень сильно. Бандит нарвался на кулак с разбегу, словно ударился головой о стену — он не успел даже прикрыться. Крупное его тело застыло, затем переломилось в поясе, и громила упал комком под ноги Алексею.

Все сразу остановились, застыли, как это бывает во сне. Пересвет и Челубей в боевой стойке замерли по бокам, Озябликов щелкнул сзади курком револьвера, но пять или шесть бойцов «охтинского короля» стояли, как вкопанные. Мертвая тишина, только здоровые детины сопят, да где-то в глубине коридора хнычет ребенок.

Лыков ухватил Васю-Василиска за грудки и потянул вверх, но ворот рубахи лопнул. Тогда он схватил его левой рукой за волосы и оторвал на вершок от пола. Замахнулся, держа на весу. Бандит хлопал глупо глазами, из сломанного носа двумя струйками лилась кровь. Подумав секунду, Алексей прижал Василиска затылком к стене и примерился. Стало совсем тихо. Все наблюдали это, словно боясь пошевелиться. Лыков коротко ударил над переносицей, разжал пальцы, развернулся и молча пошел к лестнице.

Только когда они вышли из Стеклянного флигеля на улицу, внутри начался приглушенный шум. Пересвет зыркнул голубыми глазами:

— Думаешь, убил?

— Зачем убивать, — ответил Алексей. — Найдут тело, полиция станет искать... Живой он. Только будет теперь дураком на весь оставшийся ему срок. И станет ходить по Заднему проспекту полным идиотом, показывая Выборгской стороне и Охте, каково это — ссориться с Лобовым.

Челубей и Пересвет переглянулись, а Озябликов молча хлопнул Лыкова по плечу, и они гурьбой отправились к поджидавшим их пролеткам. Светало. В Стеклянном флигеле дико, по-волчьи, завывала женщина.

Лыков шесть дней не был дома и решил наконец сходить туда переночевать. После удачного налета на «Вяземскую лавру» отношение к нему несколько изменилось. Челубей и Пересвет поняли, что пришел боец не хуже их, Озябликов просто был доволен — нашел сына своего лучшего друга; только Елтистов смотрел по-прежнему капризно и подозрительно. Понятно было, что главные проверки еще впереди, но ликвидация^[55] Васи-Василиска наделала шуму и укрепила позиции Лобова в городе. Прележав без сознания сутки, «охтинский король» действительно очнулся идиотом. Травма головы была, по-видимому, неизлечимой. Слух о том, что Васю

убить не убили, но «прописали на одиннадцатой версте»^[56], потряс преступный Петербург. Лавра испуганно притихла, Охта затаилась за рекой, осиротевшие василисковцы готовили явку с повинной в «Три Ивана». Когда все это выяснилось, Лыков отпросился у Озябликова якобы к женщине и, ближе к полуночи, ушел.

От напряжения последних дней голова стала чугуновой, и он решил пройти к себе пешком, по берегу Невы. Лыков жил в 4-м участке Литейной части, на углу Шпалерной и Воскресенского переулков. Слежки он не боялся: домовладелец был отставной участковый пристав, человек надежный, дворниками же набирал трезвых, неболтливых мужиков под стать себе. Алексей жил в этом доме под своим именем, но без регистрации; об этом знали те, кому положено, из Департамента полиции, и никто более. Даже если люди Лобова вычислят этот его адрес, ничего лишнего они не разведывают. Кроме того, как известно, у каждого серьезного мазурика в Питере не менее двух квартир, и в положении Алексея наличие второго адреса естественно.

Была белая ночь. В воздухе разливался тот необычный свет, который так нравился Лыкову, за который он многое прощал этому холодному, жестокому городу. Он неспеша шел по набережным: Английской, Адмиралтейской, Дворцовой, подходил уже к Гагаринской. Воздух с реки освежал и выдувал усталость. Уличные фонари в Петербурге с 1 мая по 1 августа не зажигаются, поэтому в сумерках желтели только пятна окон да впереди ярко, как костры, горели электрические огни Литейного моста. Из-за решетки Летнего сада бесшумно вышли четверо. Лыков насторожился: он знал, что любой невинный на вид чудик может убить самого могучего атлета. Однажды в Полюстрово, при задержании торговца входящим в моду «кикером»^[57], его чуть не зарезала одиннадцатилетняя цыганская девочка, подкрававшаяся сзади... Но на этот раз все обошлось: дергачи искали более легкую добычу. Поглядев на уверенный вид и широкие плечи Лыкова, они так же бесшумно удалились обратно за угол.

Алексей появился к себе уже в первом часу ночи, с ясной головой и легкой, приятной усталостью. Прошел в залу, зажег свечу и сразу увидел на столе неподписанный конверт. Он вскрыл его, но вместо инструкций от начальства обнаружил темно-бронзовую медаль в память Священного Коронования императора Александра III. К ней был приложен приказ по министерству внутренних дел о присвоении ему «за отлично-примерное исполнение служебных поручений по обеспечению безопасности коронации» следующего классного чина коллежского асессора. То-то

Благово порадовался! Лыков стал титулярным советником еще в Нижнем Новгороде, в семьдесят девятом году, и с тех пор в Табели о рангах не подымался. Павел Афанасьевич полушутя-полуутешительно говорил ему, что чин этот почетный. Сам Пушкин погиб, будучи «тэтээсом»^[58], а Путилин, когда в 1866 году возглавил первое в России сыскное отделение Петербургской полиции, также пребывал в скромном девятом классе. Быть на одной ноге с такими людьми было для Алексея лестно, однако здоровое его честолюбие требовало большего; к старости он определенно желал примерить белые брюки^[59]. Поэтому награда была, чего греха таить, приятна. Теперь он «ваше высокоблагородие»! Видимо, император остался очень доволен тем, как прошла долгожданная, отложенная на два года, коронация, и на ее организаторов пролился наградной дождь.^[60]

Хотелось с кем-то поделиться радостной новостью, обмыть награду. Лучше всех для этого годился, конечно, Таубе. Где ты, барон Витька?

Лыков вздохнул, убрал конверт с приказом в тайник и принялся писать рапорт о произошедших за последние шесть дней событиях.

Глава 8

Опасное задание

Вечером следующего дня Озябликов вызвал к себе Челубея и Лыкова для разговора. Он снимал весь второй этаж дома на углу Витебской улицы и Упраздненного переулка, где жил с невенчаной женою и тремя взрослыми дочерьми. Легальное занятие Власа Фирсовича было — владелец завода ламповой копоты и литографных красок. Ему принадлежало также месторождение литографного камня в Карасубазаре под Симферополем, единственное во всей России. Два этих законных ремесла позволяли Озябликову держать наружность крупного деловика и жить весьма состоятельно. Все домашние знали, однако, истинный род его занятий, почему, когда силачи прошли к хозяину в кабинет, говорить о деле откровенно никто не опасался.

— Вот что, орлы недорезанные, — сказал им начальник лобовского штаба. — Командующий поставил нам очередную непосильную задачу, которую мы с честью выполним. Требуется съездить в Москву и поговорить там по душам с Анчуткой.

— Совсем по душам? — поинтересовался Челубей.

— А это как разговор пойдет. Зададите ему вопрос о пропавших наших «золотых фельдъегерях». Есть подозрение, что без него тут не обошлось... Ежели станет вилять, темнить, или того хуже — хамить, тогда уж совсем по душам с ним поговорите. В том смысле, что душу вон...

— Кто таков этот Анчутка? — спросил Лыков, хотя хорошо знал по оперативным данным, о ком идет речь.

— Это московский нынешний «король». Соместник Анисима Петровича по Первопрестольной. Кличка ему, вольно-оправиться, не просто так дадена; она полностью соответствует его поганому характеру.^[61] Таковую сволочь даже замучишься искать... К тому же еще и гнилозубый — жрет сладкое целыми днями, а лечить клыки боится. Настоящие имя и фамилия его — Фома Петров Ещин. Родом из города Недригайлов Харьковской губернии, сын извозопромышленника. В Москве проживает по чужому паспорту, потому как вышел с каторги «переменив участь». Получил в свое время двадцать лет кандалов за убийство шести человек — семьи и прислуги владельца словолитни Акилизова. Шумное было дело... На каторге пробыл недолго: переложил свой грех на бродягу, быстро

освободился и вот уже третий год, как «московский король». Платит ежегодно к Пасхе приставу две тысячи рублей, и живет себе спокойно. Теперь его фамилия просто Иванов.

— Как его охраняют?

— Об этом и совещание. Обитает Анчутка, как и положено чёрту, в «Аду». Это такой трактир на углу Грачевки и Цветного бульвара, первый московский «пчельник», похлеще «Каторги» и «Сухого оврага». В «Аду» расположена его штаб-квартира, а так же дислоцируется значительная часть активных штыков. Ещдин проводит там ежедневно большую часть дня, жрет, пьет, туда ему и девок возят. В этом месте его не взять — охрана не допустит. Ночует он в собственном доме в Замоскворечье, у Ивана-воина, там тоже не подступиться — караулят три человека с собаками. Наиболее уязвим Анчутка в дороге, где с ним обычно только один кучер. Правда, кучер этот особенный; кличка у него — Коська-Сажень. Он взаправду ровно в сажень росту^[62], на два вершка выше нашего Пересвета, представляете! Силы, говорят, какой-то невероятной, первый на Москве богатырь. Побить его невозможно — высоко, до рожи не дотянешься. Когда делались попытки, Коська просто брал нападавших и отбрасывал от себя на несколько аршин... Белым оружием^[63] тоже опасно действовать: с одного удара такую тушу не свалишь, а второго сделать он уже не даст. Так что, самое верное — пулей. Лучше бы, конечно, из винтовки, но ее на улице не покажешь, так что садите оба сразу из револьверов в голову, с обеих рук и погуще. Алексей, как у тебя с крупнокалиберным оружием? Могу выдать казенное.

— Не надо, у меня «бульдог» пятьдесят седьмого калибра и «веблей-грин» сорок пятого. Разберемся. Есть и на черта гром... План трактира и маршруты анчуткиных перемещений имеются?

— Да.

— Надо полагать, Влас Фирсович, кто-то из своих его сдает, раз такие подробности известны?

— А вот это, Лыков, не твоего ума дело, — осадил Алексея Озябликов, но тот понял, что догадка его верна. — Выезжаете сегодня в ночь на машине. Остановитесь на постоялом дворе Триандафилова в Хамовниках, комната на двоих уже заказана. В кухмистерской на Грачевке — вот она на плане, позади трактира — сдадите заранее оружие официанту Прохору. Анчутка ждет вас в чистой половине «Ада» завтра ровно в три часа пополудни; на входе вас обыщут. Беседа будет короткой; не дерзите, не угрожайте, а сразу уходите. Будут провоцировать — не поддавайтесь.

Выйдете из трактира и сядете в кухмистерской, уже с оружием. Займите место возле окна. Со двора есть особый вход в трактир, не для публики, а для проноса краденного, его там каждую ночь тырбанят. Через него в четыре часа Анчутка выйдет и сядет в одноконную коляску; на козлах будет Коська-Сажень. Двор всегда пустой, полиции не бывает никогда. Там вы и нападете. Вот деньги, виды от Петербургской ремесленной управы; по ним вы писари биржевой артели. Вот еще бирки — плакатные паспорта на торговцев из княжества Липпе. По немецки не шпрехаешь? Ничего, зато Яков владеет в совершенстве. После того, как завалите Анчутку, на вас по всей Москве охота начнется, вот и сподручнее будет под немчуру перекраситься. Уезжайте в противоположную от Питера сторону, на Курск. Сойдете в Молодах, третья станция от Москвы на 69-й версте. Подле станции постоялый двор с кабаком, хозяина зовут Микитич. Это наш человек, он обеспечит ваше возвращение. Все, с Богом!

И Озябликов, наспех простившись, вытолкал их обоих на улицу. Алексей понял, что это он так переживает за вновь обретенного сына своего приятеля. Совсем, как Благово всякий раз, когда Лыков отправляется на опасное дело... Это трогало, но разнюниваться было некогда — до поезда оставалось восемь часов.

Когда через час Недашевский зашел к Лыкову, тот сидел за столом и осторожно размещивал что-то в фарфоровой посуде костяным ножом. Вокруг него веером лежали заряды, капсули и части разобранных револьверов. Заинтересовавшемуся Якову Алексей объяснил, что переделывает пули Снайдерса, начиняя их разрывным составом из равных долей антимония и бертолетовой соли, а костяной нож — для избежания искры. Второй свой револьвер Лыков зарядил крестообразно-расширяющимися пулями лорда Кина, которые при попадании образуют рваную рану диаметром с вершок. Таким образом, оба револьвера Лыкова были снаряжены огнеприпасами повышенной мощности, что при большом калибре не оставляло противникам шансов устоять на ногах даже в случае легкого ранения. Челубей признался, что ничего подобного раньше не видел, хотя почти закончил кадетский корпус и весьма интересовался оружием. «Повоюй с мое», ответил ему Алексей, и принялся сноровисто собирать «веблей-грин».

Поезда в Москву ходят двух видов: пассажирские и почтово-пассажирские, причем вагоны 1-го класса имеются лишь в смешанных составах. Экономный Озябликов снабдил их разъездными исходя из «желтого» тарифа (тринадцать целковых в один конец), но сибарит Челубей предложил Алексею добавить по трешнице из своих до «синего» и

проехаться с комфортом^[64]. Потом он пожелал еще и спальные диваны, а это плюс два пятьдесят сверху; зато уж и ехали они, как баре. Яков подбивал Лыкова даже на семейный вагон, утверждая, что мамыши посылают своих дочек ездить только в них и, значит, есть шансы на добычу, но тут уж Алексей отказался.

В итоге они катили по Николаевке в двухместном отделении вагона (отдельных «купе», как за границей, в России не существует), и вяло созерцали окрестности. До Москвы 604 версты; из тридцати шести станций только в семи устроены буфеты, а кондукторы разносят лишь низкосортный чай. Но Яков оказался заботливым и опытным попутчиком. Сразу после Померанья он вынул из корзины завернутые в накладной свинец фунт «лянзина», рафинад и бисквиты; стало уже веселее. В Окуловке, где стоянка была продолжительной, Челубей с Лыковым сходили в бир-галле и истребили по кружке пива, закусив холодной говядиной с сарацинским пшеном.^[65] Вскоре после этого Алексей заснул, а Яков, закрутив усы и облившись о-де-колоном, отправился на поиски дам. Через четверть часа он вернулся с двумя бойкими и симпатичными бестужевками (народ не без основания именовал их «бестыживками»), разбудил напарника и заставил играть с барышнями в карты на щелбаны с поцелуями. Отсутствие «купе» не позволило знакомству развиваться в приключение; после десятка партий курсистки ушли, но оставили Челубею свои московские адреса. Высокий и сильный, с выразительными чертами лица, Недашевский явно пользовался успехом у женщин и походил в этом на Таубе. Вот бы их в одну компанию — кто кого? подумал Лыков, засыпая.

В одиннадцатом часу утра питерцы сошли на пыльный московский дебаркадер. Сразу видно, что не столица... Ночные гости пискнули им что-то на прощанье и устремились навстречу папашам в бобриковых долгополых сюртуках. Усевшись в шикарную, обитую кожей и жестью коляску, Челубей велел лихачу ехать не в Хамовники, а на угол Моховой и Воздвиженки, в номера Соколова. На вопросительный взгляд Лыкова он только загадочно улыбнулся.

Подъехали к огромному дому, выходящему на две улицы. Расплатившись, Челубей уверенно направился прямо во двор. Там обнаружился высокий, четырехэтажный, чистенький, с большими окнами флигель. Яков вбежал на второй этаж, прошел по длинному коридору в самый конец, остановился перед голубой дверью, зажмурился и нажал на ручку воздушного звонка.

Сразу же, словно их ждали, дверь распахнулась и Алексей увидел на

пороге барышню. Она радостно без стеснения бросилась на шею Челубею:

— Яша! Не соврал, молодец!

Счастливо причитая, хозяйка втащила Недашевского внутрь; Лыков вошел следом и оказался в маленькой, но необыкновенно уютной квартирке. Разглядывать ее долго не пришлось: Челубей взял его за рукав и выдвинул вперед.

— Знакомьтесь! Это Алексей Николаевич Лыков.

— Надежда Петровна Ламанова, — барышня протянула ему ладонь, твердую и цепкую — это была ладонь работающего человека.

Она несколько секунд внимательно смотрела прямо в глаза Лыкову, потом удовлетворенно тряхнула головой:

— Совсем не как твой негодяй Пересвет! Сразу видно порядочного человека.

Лыков смутился — по легенде быть излишне порядочным ему не полагалось. Надежда словно поняла это и заторопилась к самовару.

Все в ней показалось Алексею необычным. Ясное, чистое, не красивое, но милое лицо, серые серьезные глаза, приятный голос. Одета Ламанова была в простое миткалевое домашнее платье, без всяких трендов и турнюров, лишенное какой бы то ни было роскоши. Но сам крой платья был особенный, элегантный, что придавало его хозяйке весьма привлекательный вид. Поймав взгляд Алексея, девушка пояснила:

— Я сама его придумала и сшила.

— Она у меня замечательная портниха! — похвалился Челубей, глядя на Надежду с восторгом.

— Яков всегда меня принижает, я не портниха. Не только шью, но и придумываю фасоны, что намного труднее. В Париже это называется «модельер», но у нас в России такой профессии еще не существует. Но я ее создам! У меня уже есть некоторое имя в Москве и определенный круг заказчиц, преимущественно из артистического мира. Это самый раскованный и творческий круг, поэтому там и не боятся носить то, что я им предлагаю. Денег это, правда, пока почти не дает, а я сама содержу себя и четырех младших сестер, но ничего. Я упорная, пробьюсь.

— Вот такая моя Наденька, — чуть не закричал Челубей, но похвалы себе госпожа Ламанова слушать не пожелала. Она подошла к Якову, взяла его за руку:

— Ты надолго?

— Вечером обратно в Питер. Я забежал всего на минуту — очень хотелось повидаться.

— И ты опять с револьвером...

— У меня такая жизнь, Надежда. Не начинай заново.

Погрустневшая хозяйка налила им чаю, Лыков торопливо выпил его и тактично распрощался. Он прождал Челубея на улице не более пяти минут; тот вышел притихший, грустный. Они поехали теперь в Хамовники. Постоялый двор Триандафилова оказался заведением средней руки, с трактиром и бильярдом на первом этаже, и жилыми комнатами на втором. Бросив вещи, Алексей и Яков спустились вниз перекусить. Взяли три фунта пирога с цыплятами и, для спешки, «голландского» какао^[66], наскоро поели и отправились на угол ловить извозчика. Внутри у Лыкова застыл тот неприятный холодок, какой всегда бывает перед опасным делом. Челубей тоже был напряжен и бледен, но взгляд его оставался твердым.

Глава 9

Выстрелы в Москве

На углу Грачевки и Цветного бульвара стоит трехэтажный приземистый дом Внукова. Своим длинным скучным фасадом он выходит на Трубную площадь. Место на Москве известное: два верхних этажа занимает разгульный трактир «Крым», притягательный центр для любителей низкопробного веселья. Во втором этаже — ресторанные залы, отделанные ярко, но аляповато, с эстрадой для оркестра, органом и двумя хорами — цыганским и русским. Они всегда набиты подгулявшими купчиками, приезжими провинциалами, людьми неопределенных занятий, но с деньгами, и кокотками с претензией, но без денег. Третий этаж — уже трактир, там гуляют шулера, лошадиные барышники, спивающиеся отставные офицеры, публика хоть и мутная, но сравнительно чистая; веселят ее гармонисты. Под этими храмами Бахуса, в цоколе, торговые и складские помещения, а еще ниже, на глубине двух саженей, не видимый ниоткуда — «Ад».

«Ад» разделен на две части. Первая, общедоступная, представляет собой огромный, освещаемый газовыми рожками подвал, в котором в правильном порядке расставлена почти сотня столов: и вдоль стен, и, не менее густо, посередине. Пол засыпан опилками, ежедневно меняемыми, но все равно грязно и пахнет псиной... За столами — до пятиста пьющих, орущих, играющих в карты, а часто и дерущихся между собой мужчин и женщин. Это всё те, кто, как говорится, перековал лемех на свайку. Вот сидит коротко остриженный мужик и с наслаждением пьет странную смесь: ром пополам с чаем. Это, почему-то, любимый напиток обратников (беглых с каторги), а острижен человек коротко для того, чтобы волосы выросли потом равномерно по всей голове.^[67] За соседним столом двое в аккуратных креповых поддевках употребляют «желудочную» и негромко о чем-то договариваются. Это маклаки, всегдашние конкуренты тряпичников, профессиональные скупщики краденого. В Питере тряпичники верховодят и побеждают маклаков, а в Москве, наоборот, ветошные артели слабы и мало уважаемы. Далее сразу десять плечистых парней, у каждого на коленях по «тетке», пьют крепкую «канновку» и говорят негромко и скупно; это зашли с Хитровки пропить ночную добычу «волки Сухого оврага». В углу два маровихера вцепились друг другу в бороды и мутузят по бокам

кулаками — не поделили «слам». От стойки прибегают вышибалы. Несколько взмахов, и скандалистов выволакивают за ноги на улицу, а они, меланхолично глядя в потолок, выплевывают на пол выбитые зубы... Крики, визги, смех, звуки гармоники и непристойные куплеты «Чибирячки» сливаются в один сплошной гул.

Вторая часть «Ада», называемая «Треисподней», доступна весьма немногим. В конце необъятного зала — неприметная дверь, это и есть проход в чистую половину. У двери сидят на табуретах два спокойных молодца. Пропускают они лишь тех, кого знают в лицо, и за весь день не выпьют даже пива. И за весь день не более десятка человек, чаще всего с узлами в руках, не здороваясь, пройдут мимо них. В чистой половине несколько комнат, есть и с кроватями — для наиболее уважаемых посетителей; там обретается головка самых опасных на Москве людей.

Челубей с Лыковым спустились в грязную половину «Ада» без пяти минут три. Огляделись, подошли к стойке. Мужик в фартуке сразу обратил к ним свое рябое, со шрамом на скуле, лицо.

— От Лобова, — тихо сказал Челубей.

Кабатчик молча кивнул, вышел из-за стойки и повел их в «Треисподню». Там сказал одному из караульных: «от Лобова». Тот без лишних слов поднялся и скрылся в проходе.

Потянулись несколько долгих минут. Питерцы стояли под наблюдением кабатчика и второго охранника. Затем вместо одного ушедшего вышли сразу четверо, все как на подбор, ростом с Челубея. Тщательно обыскали гостей, потом обступили наподобие каре и двинулись внутрь.

— Не вздумайте токмо дурить, — прохрипел старший; Лыков молча кивнул.

Они прошли чисто выметенный коридор, свернули направо, потом налево и оказались в небольшом зале, хорошо освещенном и газом, и свечами. Обычная трактирная стойка с томпаковым самоваром, графинами и подовыми пирогами. Высокий потолок. С посудного шкапа свисают засиженные мухами ароматические флаги; в углу чуть слышно шелестит вентилятор. Длинный стол посреди, за ним с десятков мужчин, молча с интересом смотрящих на гостей. И в тишине — сочное чавканье. Сидящий во главе стола бородач, с обрюзгшим лицом, хитрыми и одновременно наглыми глазами, подцепляет двумя пальцами с блюда шептала^[68] и кидает их в рот.

— Ну, с чем пожаловали, питерские стрекулисты? — громко спросил Анчутка, показав действительно гнилые, как и говорил Озябликов, зубы.

Свита «короля» подобострастно засмеялась. — Может, сорги^[69] хотите подзанять? Али бабы вам наши московские ндравятся?

Четверо охранников, по двое на каждого, застыли за спинами лобовских послов, да и прочее анчуткино окружение не походило на собрание библиотекарей. Поэтому Челубей вежливо ответил:

— Анисим Петрович передает вам, уважаемый, свои наилучшие пожелания и заранее благодарит за потраченное на нас время.

— Хм... Черт с вами, потрачу минут пять. Что за дело у Лобова ко мне? Говори при всех.

— Анисим Петрович давно уже получает шлихтовое золото из Сибири по налаженным связям...

— Знаю, с Желтуги ему песок возят; говорят, пудов до десяти за год берет. И чево? Я тут при чем?

— В начале зимы, а затем еще в марте, пропали два подряд «золотых фельдъегеря». Разумеется, вместе с товаром. Вы, господин Ещин, человек влиятельный и много знающий. Не слышали ли чего важного об этих пропажах? Может, догадку какую имеете, что помогла бы нам разобраться?

Анчутка наморщил лоб, недоуменно посмотрел на окружающих.

— Мишка! Может, ты слямзил? Ежели так, то верни хорошим людям ихнее добро в зад!

И первым засмеялся собственной шутке; свита охотно его поддержала. У Челубея только чуть двинулось плечо, как сзади ему в спину тот час же уткнулись два ножа.

— Ты, татарчонок, зубами мне тут не лязгай, нето в совок их соберешь, — зло отрезал Анчутка. — Кому не мило — тому в рыло! Лобову своему передай: догадка у меня и впрямь имеется. Что взяли его рыжые духовые, их за Буграми дополна. Пусть сам в этом разбирается, а мне некогда. И нехай боле никто ко мне от вас не ездит! Заявятся — уши срежу по самый пупок! Лешак, проводи этих мухоротов... Надо бы им, из уважения, по шеям настучать, да простим по первости.

На этом аудиенция закончилась. Под конвоем той же четверки Лыков с Челубеем молча прошествовали через весь подвал до выхода на улицу. Прощаться не стали. Вышли из «Ада» целые и невредимые — и на том спасибо.

Питерцы так же молча обошли квартал Грачевки, вернулись дворами и засели, как и готовились, в портерной на углу; и стол у окна нашелся. Хмурый официант Прохор вернул им в уборной оружие и принес пенника^[70] с салфеточной икрой. Потайной вход в чистую часть «Ада» был

с их позиции невидим, потому, как находился ниже мостовой, с которой спускалась к нему неприметная лестница. Челубей оставался спокоен и собран; Лыков тоже давно унял волнение. Минуты Анчутки были теперь сочтены... Обсудили вполголоса диспозицию: грех бога гневить. Могли намять бока, но не намяли; могли приставить «хвост» на выходе, но не сочли нужным. Легкомыслие московского «короля» поражало: как он дожил до сей поры с таким умишком? И как вообще сумел занять трон? В войске Лобова такой человек получил бы под начало только улицу, и была бы та улица далеко от Невского проспекта...

Через сорок минут во двор въехала одноконная щегольская коляска, на козлах которой громоздился великан в синем кучерском чапане и черной шляпе с галуном. Коська-Сажень нагло поставил лошадь прямо у выхода из кухмистерской, бросил поводья и раскурил папироску. Челубей с Лыковым расплатились, но задержались у стойки, расспрашивая полового о наемных квартирах. Далее оставаться делалось неловко, но Анчутка все не выходил. Появился он, когда питерцы, исчерпав все темы, поплелись уже к выходу. Грузно забрался в коляску, матюгнулся без повода; кучер застегнул кожаный фартук и снялся с тормоза. Тут все и произошло.

Челубей вышел из портерной, сделал четыре шага и оказался прямо перед лошадиной мордой. Крепко взял лошадь под уздцы, посмотрел внимательно на нее, потом на верзилу-кучера. Поджарая саврасая бахматка косила на него влажным карим глазом.

— Эй, шпанка! А вот ожгу!

Челубей, как бы испугавшись, бросил вожжу и тут же, внезапно и быстро, ударил савраску кулаком под ухо. Лошадь брыкнулась и повалилась на бок, обрывая постромки; изо рта ее полезла пена.

— Ле-е-е-шай! — заревел возница и спрыгнул с козел, огромный и страшный. Челубей с трех аршин хладнокровно выстрелил ему в грудь. Полетели клочья ваты, великан откинулся на борт коляски, но быстро оправился. Недашевский выстрелил вторично, целя прямо в сердце. Коська-Сажень, матерясь, пошарил в ногах, вынул топор и двинулся на стрелявшего.

Яков растерянно опустил руку с револьвером, затравленно обернулся. Тут из-за экипажа вышел Лыков и сильным ударом ноги сзади подшиб Коське коленный сустав. Тот охнул и опустил левое колено; голова его при этом оказалась на уровне лыковского плеча. Алексей, не мешкая, ударил его с разворота в висок, вложив в кулак весь свой вес.

«Первый на Москве богатырь» даже не застонал. Его повело в сторону, он навалился на переднее колесо, обнял, словно лучшего друга, и затих, как

заснул. Алексей оглянулся на Челубея: тот стоял бледный, с дымящимся «смит-вессоном» в руке, и смотрел на поверженного великана.

Лыков шагнул к кучеру и дернул его за продырявленную в двух местах полу чапана. Под ним, нашитые на поддевку, обнаружились блестящие латунные иконки и ладанки. Их было множество, не менее сотни; в три слоя они сплошь покрывали бугристую грудь Коськи-Сажени, словно панцирь.

За кожаной полостью раздался знакомый щелчок. Лыков прыгнул к Челубею, схватил его за загривок, мощным рывком пригнул к земле и пригнулся сам. Из утробы коляски раздалось выстрелы, и два заряда волчьей картечи пролетели над их головами. В портерной послышались крики и стон. Питерцы выпрямились и заглянули в коляску. За обрывками полости обнаружился Анчутка с двустольным обрезом в руках, с испуганными, ошалелыми глазами.

— Привет вам от Анисима Петровича, — вежливо сказал Челубей и выстрелил московскому «королю» в лоб.

Тут только раздалось голоса и топот множества ног снизу, из подвального выхода «Ада». Лыков и Челубей бросились туда. Алексей взвел свои револьверы и осторожно заглянул на лестницу. На ее ступенях и дальше в коридоре столпился десяток человек из анчуткиной свиты, те, что смеялся над питерцами час назад. Сейчас, тесно сгрудившиеся в узком пространстве, стесняющие друг друга, они были беззащитны перед Лыковым, как стоя куропаток на мушке у охотника. Алексей стоял над ними и всё не начинал стрелять: эти десять пар глаз живых ещё людей, смотрящих на него из своей ловушки снизу вверх, мешали ему нажать на спуск. Некстати он вспомнил и про разрывные пули, и опустил оружие. Возможно, анчуткинцы так бы задом-задом и ретировались в свой подвал, но у кого-то сдали нервы. С их стороны раздался выстрел и пуля чиркнула Алексея по волосам. Он нажал на оба курка сразу... В несколько секунд Лыков разрядил барабаны в мечущуюся внизу толпу. Все заволокло дымом, из которого доносились крики и стоны поражаемых. Яков тоже стрелял. Когда закончились патроны, они с Челубеем быстро, почти бегом, двинулись вверх по Грачевке, на ходу перезаряжаясь. Отошли на пятьдесят сажень и только тогда оглянулись. Лежала мертвая лошадь, мертвый кучер обнимал колесо своего экипажа. Из «Ада» так никто и не вышел.

— Да, — вымолвил сдавленным голосом Челубей. — Как ты тогда сказал нашему Ваньке? «Еду, еду, не свищу, а наеду — не спущу!»...

Поплутав быстрым шагом десяток минут по Грачевке и Колосовому переулку, они сели на извозчика и велели ехать в Хамовники. Надо было

быстро забрать вещи и где-нибудь укрыться до вечера. По пути решили: замечать следы будут как следует. Доедут на перекладных до Царицыно — первой станции Московско-Курской дороги, и там уже сядут в поезд до Молоди.

Челубей и Лыков вошли в трактир постоялого двора, внимательно огляделись. Обычная картина. Сидят артельщики, пьют кто чай, кто портвейн. В углу три еврея с пейсами мастерят очередную «дуру»: в мездру дешевого польского бобра вшивают седые волосы енота, чтобы продать потом за дорогущего камчатского бобра. Под лестницей четверо, по виду рабочие, азартно режутся на бильярде. Все вроде бы спокойно.

Два пожилых еврея с головой ушли в работу, а третий, молодой парнишка, со смышленным и улыбчивым лицом, волюнит. Нет бы учился у старших, постреленок, так нет: крутит башкой по сторонам, ворон считает. Посмотрел мельком и на Лыкова, вроде бы без интереса, и вдруг, на какую-то долю секунды, поднял глаза вверх, на потолок. Потом отвернулся, уставился в окно, но Алексей его понял.

Он попридержал Челубея, уже направлявшегося к лестнице, и сказал со значением:

— Посмотри вот пока, как люди играют, поучись, а я быстро. Хозяин! где тут у вас ретирадное место?

Триандафилов молча кивнул в конец залы на маленькую дверь. Вид у него напряженный... Челубей, похоже, смекнул, в чем дело. Сунув руки в карманы, он с беззаботным видом стал возле рабочих и принялся следить за игрой. Сейчас посмотрим, что за мастеровые такие, в чем их ремесло...

По пути в уборную Лыков бросил в чрево оркестриона гривенник и крутанул ручку. Старенькая машина с хрипом и свистом громко затянула «Аскольдову могилу». Отлично! Коридор уборной отделялся от черной лестницы на второй этаж крепкой на вид перегородкой. Алексей подошел, налег плечом, и вершковая доска почти беззвучно вывалилась на лестницу. Хрип оркестриона заглушил шум. С трудом протиснувшись в щель, Алексей тихо поднялся наверх, подошел к двери их комнаты, прислушался. И через минуту расслышал внутри шорох. Понятно...

Так же бесшумно Лыков прошел по коридору до парадной лестницы и, уже не таясь, спокойно спустился по ней в зал. «Бильярдисты» старательно расставляли шары и косились на дверь нужника, поджидая его оттуда. Алексей зашел сзади и тронул один из шаров.

— Э, э! Положь кле!^[71] — крикнул лохматый, оборачиваясь. Удивиться он уже не успел: Алексей цапнул его за затылок, так же ухватил второго и с силой толкнул их лбами. Старый и хороший прием, только

делать его надо очень быстро... Двое других взялись было за кии, но Челубей мгновенно повалил их своими могучими руками на стол и крепко прижал, удерживая за глотки. Те хрипели, сучили ногами, потом один вытянул из кармана нож, но ударить не успел: Алексей перехватил его руку и держал. Через минуту лица «игроков» посинели, конечности обмякли. И Яков пожалел их — не додушил. Бандиты едва шевелились, ловя воздух бескровными губами; раньше, чем через четверть часа, не очухаются.

— Пошли отсюда, — приказал Алексей.

— А вещи, деньги с документами?

— В номере засада.

Триандафилов стоял за стойкой ни жив, ни мертв, артельщики застыли со стаканами в руках. Старики-евреи шустро залезли под стол при начале потасовки, а парнишка, подавший Алексею спасительный знак, восторженно смотрел на них во все глаза. Лыков незаметно подмигнул ему, и мальчишка совсем расцвел; поди, читает Пансосу дю Тейрайля...

Они быстро выскочили на улицу. Прямо у входа стоял калибер без таксометра с извозчиком без номера. Лыков за бороду выкинул его на мостовую, и питерцы лихо умчались в сторону Сокольников.

Глава 10

Гость из прошлого

Промчавшись версты с три, Алексей выехал на какой-то пустырь, поставил калибер за сарай и обернулся к Челубею. Тот смотрел настороженно и как-то отстранено.

— Яков! Ты понимаешь, что они нас там ждали?

— Понимаю.

— А как это могло случиться, если мы грохнули Беспятого за полчаса всего лишь до этого?

Недашевский отвел глаза.

— Это что, Лобов твой нас разменял? Таков он, выходит?

Челубей потербил щегольской ус, подумал немного и вдруг повеселел.

— Нет, Алексей, не может того быть. Лобову, конечно, на нас всех плевать с Ивана Великого; понадобится — любого спишут без разбора. И ты должен отдавать себе в том отчет... Но пока мы ему нужны позарез, чтобы одно дело обстроить. Я тебе уж рассказывал: нам готовят командировку в Сибирь. На Амур, в республику золотоискателей на реке Желтуге, откуда Анисим Петрович шихту закупает. И оттуда предстоит пройти по следу пропавших «фельдъегерей», понять, куда они делись, кто их перехватывает. Поездка очень опасная, нам за нее столько денег дадут, что потом можно на покой уходить. Если живые вернемся... Я вот посмотрел сейчас, как ты с анчуткиной охраной управился, или с этими... бильярдистами. И скажу тебе так: у Лобова в отряде подобных людей нет. Есть мы с Пересветом, самые опасные там на сегодня, да ты поопасней нас будешь. Может, даже обоих, вместе взятых. А не в нынешнем положении Лобова нами с тобой бросаться. Может быть, потом, после Сибири, но не сейчас.

Речь показалась Алексею убедительной, и он несколько поостыл. Если Челубей прав, то ответ напрашивался сам собой.

— Помнишь, как Озябликов взвился, когда я предположил, что Анчутку сдал кто-то из своих? Думаю, этот «кто-то» и решил нас, на всякий случай, списать. Вдруг московские ребята осерчают, поймают нас, спросят как следует, и выяснится, что посланцы Лобова слишком хорошо знали подходы. А так концы в воду...

Решив, что работодатель их все же не сдавал, Алексей с Яковым несколько повеселели. Но радоваться было рано: они находились без денег и документов в чужом городе, где их сейчас разыскивали сотни недружелюбно настроенных людей. Надо было срочно где-то укрыться и искать способы вернуться домой.

— Поехали к Надежде, она поможет! — радостно предложил Челубей.

— Дурак ты, Яшка, — огорчился Лыков. — А если за нами следили уже с вокзала?

Вывернули карманы, пересчитали наличность: семь рублей с мелочью. У Алексея двенадцать зарядов, у Якова четыре. И денег, и патронов не густо.

Алексей напряженно думал. Он мог, например, легко выйти на московского обер-полицмейстера Козлова. Три недели назад, на коронации, они общались семь раз на дню и близко сошлись, несмотря на разницу в возрасте и чинах; кроме того, оба были нижегородцы. Еще в 1880 году Алексей порвал на глазах у Козлова закаленную цепь, из которой вырвался знаменитый силач и убийца Тунгус, и тем запомнился генералу... Александр Александрович, разумеется, все сделает, чтобы спасти оперативника Лыкова. Но тогда исчезнет «демон» Лыков, и план подготавливаемого в столице преступления останется неразгаданным. А если действовать с хитростью? Алексей знал две конспиративные квартиры московского сыскного отделения, а их содержатели помнили его. Но помнили, как столичного чиновника с особыми полномочиями. Войдешь эдак с Челубеем, а они тебе: «Здоровья желаем, ваше благородие! Читали про коллежского асессора — поздравляем!». К тому же, чем больше людей знает о «демоне», пусть даже эти люди из полиции, тем выше риск провала.

К счастью, были у Алексея в Москве и другие союзники, никак с властью не связанные. К ним и следовало сейчас обратиться за подмогой.

— Поехали, — коротко сказал Лыков Челубею и тронул вожжи.

— Куда это? Что ты надумал?

— Увидишь. Сейчас мы спрячемся так, что никакой Кожаный Чулок не сыщет.

Они не спеша, стараясь не привлекать к себе внимания, проехали по набережной Яузы до Нижегородского вокзала, потом через Подколокольный переулок и Солянку выбрались на Старую площадь. Лыков подозвал с угла «красную шапку» (в Москве посыльные носили фуражки с красным околышем, а не с черным, как в Питере), взял у него лист бумаги и карандаш, и написал:

«Горстину или Решетову.

Я в Москве с человеком с той стороны и сам, по легенде, оттуда.

Нам срочно нужно укрытие.

Подъедем через пять минут, как закроете лавку.

Записку сию по прочтении уничтожить. Не проговоритесь!

Лыков».

Отдал посыльному вместе с гривенником, объяснил, куда нести, сам не спеша поехал следом. Челубей молчал, но видимо нервничал.

— Сейчас, Яков. Это мои старые товарищи. Потребуется — они здесь пехотный полк спрячут с артиллерией и обозом. Это люди из секретной службы Рогожской старообрядческой общины.

«Красная шапка» зашел во второй от угла дом по Никитниковскому переулку, отдал записку и тут же вышел. Алексей остановился за тумбой и засек по часам пять минут. Мимо густо шли толпы народа, зашабашивший люд растекался по лавкам и трактирам. Среди них вполне могли быть и те, кто их разыскивает. Сейчас сотни глаз шарят по Москве, выхватывают из толпы похожих по приметам, усиленные команды прочесывают вокзалы, обходят постоянные дворы и «шланбои»^[72], перекрывают все дороги из Первопрестольной. Если у Анчутки Беспалого есть такой ловкий сменщик, значит, организация не обезглавлена и способна отмотобилизоваться очень скоро. Вон какая-то рожа зыркает; встал за угол и не уходит, только борода высовывается...

Из лавки с надписью «Мастерская ретирадников привилегированных систем» вышел плотный мужчина в синем картузе, бросил мельком взгляд на Лыкова с Челубеем, повесил на дверь объявление «Закрыто». Стукнул кулаком в ворота, они тот час же приоткрылись и мужчина скрылся во дворе. Это был Антон Решетов, помощник Степана Горсткина, заменившего убитого Буффало-Ратманова на должности начальника секретной службы Рогожской общины австрийского согласия.

Медлить было некогда. Лыков тронул вожжи, заехал во двор; ворота сразу же закрыли изнутри на дубовые засовы. Решетов стоял на крыльце, дожидаясь.

— Здорово, Антон Прович! Вот, встречай гостей. Это — Яков.

— Антон, — мужчины обменялись рукопожатиями, внимательно посмотрели друг на друга. Решетов был на турецкой войне командиром конных разведчиков Киевского гусарского полка. Под Горным Дубняком со своим разездом захватил трёх важных «языков», за что получил Георгия. Это был смелый, опытный и надежный человек, вместе с Лыковым «работавший» недавно на коронации.

— Где Горсткин?

— Ждем через час. У нас тут происшествие вышло: приказчик Якунчиковых взломал кассу на шесть тыщ и убег, дурак, в фекальный колодец. Сейчас его оттуда вынимают. А у вас что за случай?

— Нам надо вернуться в Питер, незаметно. Так сложилось, что мы остались с Яковом без денег и без документов, а нас ищут... анчуткины люди ищут.

— Анчуткины? Эвона как... — протянул задумчиво Решетов. — Ну, пусть ищут. Нас это не касается, и вас теперь тоже. Гостей мы не выдаем. Проходите в лавку, сейчас самовар поставим, колбаса есть немецкая, хорошая.

Алексей с Яковом облегченно вздохнули и пошли внутрь.

Через четверть часа, когда все трое сидели за самоваром, из сеней раздались энергические шаги и в горницу влетел Степан Горсткин: высокий, чернявый, жилистый и быстрый. Он был в кожаном костюме из дорогой опойки и пропитанном озокеритом плаще, в болотных сапогах, по пояс выпачканный в вонючей буро-зеленой жиже. «Сейчас!» — крикнул он, дружески махнув на ходу Лыкову рукой, и скрылся в кухне. Следом за ним там же исчез и Решетов — предупредить, в какой роли находится Алексей сегодня.

Через пять минут Степан вышел, переодетый в сухое и умытый, но все еще пахнувший нечистотами. Радостно обнял Лыкова, поздоровался с Челубеем и сел за стол.

— Что, поймали пловца по дерьму?

— Куда он денется от Горсткина? Горсткину любое дерьмо по колено. Ну, может, по пояс, — весело ответил начальник секретной службы. — Вы-то как? Я, пока ехал, кое-что услышал насчет «Ада». Когда узнал, что Коську-Сажень убили голым кулаком, сразу подумал, что знаю только одного человека, кому такое по силам. Не ошибся, значит?

— Не ошибся.

— А на кой ляд вы его, дуралея-то нашего, Анчутку?

— Я поступил в Питере на службу к человеку по фамилии Лобов. Слышал?

— Представление имею.

— Ну вот. От него мы с Яковом урок и получили, насчет Анчутки.

Челубей толкнул под столом ногу Лыкова, но тот только отмахнулся:

— Брось, Яков! Мы здесь помощи просим, от них сейчас наши жизни зависят; нечего темнить. Я этих людей знаю, дальше них не уйдет, а они должны понимать, чем рискуют, нас с тобой выручая.

И он рассказал Степану и Антону о засаде на постоялом дворе.

— Теперь все понятно, Алексей Николаич. Человека, который вас так хитро хотел сократить, зовут Михаил Мячев; он правая рука и голова покойного господина Ещина.

— Это тот Мишка, что с ним в подвале сидел?

— Мишкой-то его один Беспятый и кликал, и докликался, а для всех остальных он Михаил Ильич. У него даже клички отродясь не было. Давно уж я ждал, что уволит он своего дурковатого начальника без прошения. Мячев весьма умный человек. Ему бы надо быть, по совести, московским «королем», только ходу ему среди «иванов» не было, потому как он ни разу не сидел. Некогда было ему сидеть... Однако сейчас, полагаю, он кого-то уберет, кого-то купит, кого-то сдаст полиции и коронуется. Деньги у Михаила Ильича уже не малые — прорвется!

— Спасая нас от него, чем вы рискуете?

— Ничем, — уверенно ответил Горсткин. — Я же сказал: он умный. Через нас, а если точнее, то лично через меня, он помещает свои деньги в торговые операции. Доход там хороший, терять его Мячеву не с руки. Кроме того, он покупает сейчас, с нашего согласия, большой пай в золотоволоочильной фабрике Вишнякова. Ну и в третьих, с начала года он же поставляет на наши кожевенные заводы квебраховое дерево и кору мимозы, из которых добывают потом дубильные вещества. Тут вообще огромные обороты! Ссориться с Рогожей Михайле сейчас весьма не с руки. Я поговорю с Арсением Ивановичем, получу его согласие на вашу защиту и повстречаюсь потом с Мячевым. Все ему объясню. Ему же не просто так вас убить надо, из злобы какой — он следы замечает. Мы с ним... э-э... поищем другое решение. А вы покудова живите тут, на улицу чтоб носа не высовывать. Антон! срочно вызови сюда пять человек с оружием, пусть караулят, пока дело не разрешится. Их могли засечь, пока они разъезжали... Я к Арсению Ивановичу.

— Степан, — остановил его Лыков. — Найди, пожалуйста, время, заскочи вечером к Триандафилову. Отыщи того пацаненка, что нас спас, и дай ему секретно сто рублей; буду тебе должен.

— И от меня еще сотню, — попросил Челубей. — Как приеду в Питер, вышлю денежным пакетом. А может, и вещи наши можно будет выручить? Пальто там совсем новое...

— Об голове своей думай, а не об вещах, — строго ответил ему Горсткин. — А деньги отдам, ладно. Только уж не обессудьте, они будут говнецом пахивать, потому как я их от якунчиковской пачки отберу — других, извините, нет-с. Ну, да парнишка не обидится. Ох, одне убытки мне от вас...

И, мерзко хихикая, удалился. Вернулся Горсткин через два часа, довольный.

— Арсений Иванович Морозов простерли над вами свою защитительную длань. Это первое. Второе: когда Анчутка давеча шмальнул в вас из коляски, тяжело ранил в портерной одного выпивоху. А тот оказался незаконным сыном нашего вице-губернатора; вся полиция сейчас поставлена на уши, велено к утру сыскать, доставить, в общем, колесовать на месте. Поэтому сейчас Мячев своих ребят с улицы уберет и будет сидеть неделю тише воды, лишь бы его самого не тронули. О как! Везет тебе, Лыков, что черту!

— Да уж. И чего меня, такого справного, девки не любят? — философски вздохнул Алексей, и попросил Решетова послать кого-нибудь за корзиной пива. Теперь можно было отдыхать...

Через час Лыков сидел у окна с бутылкой пецольдовского и, на всякий случай, поглядывал за улицей в щелку между занавесками. Наверное, этого можно было и не делать: Мячеву стало не до них, Арсений Иванович взял под крыло, скоро появятся пятеро угрюмых мужиков для охраны... Но привычка делать все, как положено, превозмогла, и Лыков решил перепровериться. Высовывалась же из-за угла чья-то борода...

Тикали меланхоличные ходики, похрапывал за стенкой уставший от волнений Челубей. Вдруг внимание Алексея привлек парнишка лет пятнадцати, появившийся на другой стороне улицы. Одетый не по-русски, в дорожную куртку с накладными карманами, с пластроном вместо галстука, он внимательно смотрел в бумажку и при этом непрерывно что-то жевал. За версту видать американца! Лыков насмотрелся на них в Швейцарии, когда следил за террористами, и даже видел уже парочку в Петербурге. Самоуверенные и шумные, с вечным кубиком подслащенной камеди^[73] во рту, они удивляли европейцев своей наглой бесцеремонностью. Что тут делает этот заморский недоросль?

Вдруг парнишка выплюнул свой кубик и повернул голову в сторону сыщика. Лыков отшатнулся от окна, словно увидел призрак; бутылка со звоном слетела на пол. На него с той стороны улицы смотрел — Буффало!

Глава 11

Буффаленок

Конечно, это не мог быть он, отчетливо осознал Алексей в ту же секунду. Вот уже два года его верный товарищ лежит на Рогожском кладбище. Но подросток не просто был очень похож на Федора Ратманова — так может проявляться только родная кровь! Это встречается иногда: черты у человека как будто бы другие, но глаза, излом бровей, очертания носа дают узнаваемый эскиз родительского лица, и это не спутать ни с чем.

На той стороне Никитниковского переулка стоял и глядел по сторонам сын покойного Буффало, и в этом не было никаких сомнений. Парню на вид четырнадцать-пятнадцать лет, одет он и ведет себя, как американец. А как раз в то время Федор обжился за океаном. Мог он там сойтись с женщиной и зачать с ней ребенка? Конечно, мог!

Тут парнишка — Буффаленок, как сразу же мысленно окрестил его Лыков — сверился еще раз с бумагой, что держал в руках, и двинулся дальше. Упускать его было никак нельзя: необходимо разобраться, что он тут делает. Неужели ищет отца?

Алексей схватил со стола револьверы, сунул их сзади за ремень, накинул сюртук и выбежал на улицу, успев сказать оторопевшему Решетову, чтобы остался на месте и охранял спящего Челубея. Отпустил подростка саженой на пятьдесят и двинулся следом по другой стороне улицы. И очень быстро обнаружил, что не он один наблюдает за мальчишкой. Двое мужчин, одетых так же по-заграничному, шли по пятам, довольно умело маскируясь в вечерней толпе. Рослые дядьки лет тридцати пяти, рожи чисто русские, несмотря на платье, и вполне бандитские. Что еще за маскарад?

Лыков удвоил осторожность. Задержался у лотка с барменским товаром, зашел в цепную лавку^[74] фабрики Сиу, постоял за чьим-то экипажем. Так они прошли вчетвером до Новой площади, миновали Лубянку и приближались уже к Трубе, на которой Алексею, после недавнего побоища, появляться вовсе не следовало. Что делать? Сейчас мальчишка свернет на Грачевку и через десять минут окажется возле «Ада».

Лыков заколебался, еще больше увеличил дистанцию. Идти прямо в пекло было безумием, но и бросать Буффаленка нельзя, потом всю жизнь

себе не простишь, если потеряешь. Отца погубил, хоть сына защищу, решил Алексей, и упорно шагал следом.

Неожиданно у переулка, где во дворах сгрудились самые грязные на Москве публичные дома, мальчишка развернулся кругом, быстро подошел к своим преследователям и сердито крикнул:

— Что вам надобно, сволочи?

Бородачи сначала смутились, но, оглянувшись по сторонам, мигом схватили подростка под руки и потащили в ближайшую подворотню. Тот пытался сопротивляться — для своего возраста Буффалёнок был крепким и высоким, но что мог он сделать с двумя взрослыми мужчинами? Закричал было «помогите!», но на Грачевке не принято помогать... Лыков понял, что ему пора вмешаться.

Мужики, получив сзади тычка по шее, свалились на колени, выпустив подростка. Но оказались оба на драку не слабые и весьма быстрые — почти мгновенно выхватили револьверы. Ударом ноги в челюсть Лыков свалил одного окончательно, однако второй успел взвести за его спиной курок. Алексей уже бил и его с разворота, но запаздывал: черный зрак ствола сорок четвертого калибра нацелился ему в лоб. И тут вдруг мальчишка очень ловко пнул бандита под ухо — тот смешался, а следом и лыковский кулак подоспел... Даже не охнув, здоровый детина завалился на спину без чувств.

— Бежим! — Алексей потянул подростка за рукав в сторону Лубянки; надо было как можно быстрее вернуться обратно в убежище в Никитниках. Но тот смотрел на своего спасителя недоверчиво и идти с ним никуда не собирался.

— Ты Ратманов?

Мальчишка опешил, потом кивнул, хотел что-то сказать, но Лыков не дал.

— Я был другом твоего отца. Ты очень похож на него... Но сейчас прошу тебя — бежим; здесь нам обоим оставаться опасно!

Буффаленок сразу поверил и резво припустил бок о бок с Алексеем.

— Где он сейчас? Он... жив?

Но ответить Лыков не успел: из-за угла на них вышел бородач в дешевом полукафтани из древесной шерсти^[75], тот, что высывался давеча из-за угла. Выследили!

Он хотел сначала прорваться, но следом за «древесным» появились еще четверо, на ходу вынимая ножи. С подростком на руках, драться с ними Алексей не решился.

— Кто это? — спросил Буффаленок, увидев, как его спутник

переменился в лице. — Еще русские американцы?

— Нет, это уже по мою душу. Говорить теперь некогда; делай, как я!

Лыков, а следом за ним мальчишка бросились в ближайшие ворота. Алексей снес с дороги кинувшегося было им наперерез дворника. Они обежали дом, потом каретный сарай и, ловко забравшись на крышу помойного выгреба, прыгнули в соседний двор. Выскочили через калитку на улицу и снова побежали в сторону Лубянки, но тут навстречу им вылетела пролетка с новыми преследователями. Их умело отсекали от спасительных Никитников и загоняли на Трубу.

Алексей быстро осмотрелся — затравленно, но не испуганно. На той стороне улицы заметил вывеску: «Ф. Пшениснов — духовный портной». Годится!

Они ворвались в мастерскую, перепугав хозяина с работником до смерти — те решили, что это налет. Дверь заперли изнутри на засов, и вовремя: снаружи ее уже через несколько секунд принялись увлеченно ломать.

Так Лыков с Буффаленком оказались в осаде. Алексей первым делом спустил мирное население в погреб, чтобы не пострадало в случае штурма, и закрыл черный ход. На окнах мастерской были решетки, двери и засовы крепкие — оборона обещала быть упорной. С двумя заряженными револьверами он в любом случае продержится до прихода полиции, но лучше было обойтись без нее. Той же точки зрения придерживались и анчуткинские люди, поэтому уже через минуту вступили через форточку в переговоры с Лыковым.

— Слышь, лешман, нас тут восемь человек. Все одно долго не продержишься. Сейчас приладим веревку и вырвем дверь лошадьё; лучше так выходи. Удавим на гашнике^[76], и всех делов. Мальчонку мы не тронем...

— Ты, шерстяной, поговорил бы с теми своими ребятами, кто жив остался — хотят они со мной знаться, или лучше убегут, — внушительно отвечал Алексей. — Сразу видать дурака... А чем дверь ломать, сбегай спервоначалу к Мячеву и скажи ему: Степан Горсткин об нас разговор имеет. Запомни — Степан Горсткин.

— Ах, ты, песья лодыга! — осерчал «шерстяной». — Михайла Ильич про тебя уже поручение дал. Налить как богатому до полного удовольствия^[77], опосля чего в пещерку поместить в Дорогомиловских каменоломнях. А Горсткин пусть потом к тебе на могилку приходит — нам не жалко...

— Чувырло, еловая голова, — в тон ему отвечал Лыков. — В последний раз говорю: срочно вызвать сюда Мячева и Степана Горсткина! Они тебе, дурню, всё объяснят. Иначе начну стрелять, и будет у вас тогда большой некомплект!

И красноречиво щелкнул курком «веблея».

Уверенный тон Алексея, а еще больше память о том, как он обращается с револьверами, остудили пыл осаждавших. Кроме того, на стрельбу сбегутся городовые, и без того уже накрученные вице-губернатором. Разумнее показалось не шуметь и вызвать начальство — пусть оно и решает.

Потянулись минуты ожидания. Восемь «утюгов» ходили под окнами, не спуская глаз с двери. Воспользовавшись паузой, Буффаленок немедленно перевел разговор на отца, спросил, где он.

— Давай сначала выберемся отсюда, — пытался оттянуть тяжелое объяснение Лыков.

— Он жив? — в лоб спросил подросток, глядя ему прямо в глаза.

— Нет, — с грустью ответил Алексей. — Он погиб 18 февраля 1881 года и похоронен на Рогожском кладбище. Я очень любил Федора, и все отдал бы, чтобы... но ничего уже не изменить.

Лицо мальчишки сразу состарилось, глаза потухли, руки повисли, как плети. Алексею стало невероятно тяжело, как тогда, когда он нес мертвого Буффало по ледяному подвалу новоярмарочного собора... Он положил руку на голову подростку, неуклюже погладил его жесткие вихры, но тот сразу отстранился, отошел к стене.

Прошла тягостная минута. Потом сын Буффало повернулся; лицо его было уже твердым, глаза сухими.

— Кто это сделал и где он сейчас?

— Я убил того человека; его звали Гришка Отребьев. Уголовник, сволочь. Но это длинная история... Скажи — как тебя зовут?

— Федор.

— Как его. Федор Федорович Ратманов. Твоего отца помнят и любят в Москве много достойных людей. И тебе будут очень рады... А где твоя мать? В Америке?

— Она умерла восемь месяцев назад от чахотки. А перед тем наказала мне разыскать отца. Разыскал...

— Ты знаешь, что у тебя есть маленький братик? Федор женился за год до смерти на хорошей женщине, купеческой вдове. У них родился сын, но он не успел его увидеть... Твоему брату сейчас два года, его зовут Александр. Имя выбрал заранее Федор; была бы дочка — назвали бы

Александрой.

— Мою мать звали Александра. Видно, отец помнил ее, потому такое имя и назначил!

— Наверное в честь нее, — охотно согласился Лыков.

— У меня есть братишка, — словно пробуя эту новость на слух, медленно проговорил Ратманов-младший. — Ради этого стоило плыть через океан! А отцова вдова действительно добрая женщина?

— Очень. Полина Аркадьевна, еще совсем не старая, отказывается выходить снова замуж, говорит, что лучше человека, чем твой отец, уже не встретит. И растит Сашу. Думаю, вы с ней подружитесь.

— Брат. И — как это по-русски — мачеха?

— Мачеха, но лучше — приемная мать.

— ...И приемная мать. Да, так лучше. Целая семья получается. Я так хотел семью, отца... Пусть будет такая семья! Я очень постараюсь и буду их любить; тяжело очень одному. А вырасту, стану зарабатывать, содержать их!

Алексей не успел сказать Буффаленку, что денег у его новой семьи достаточно; в переулке зазвенели подковы. С двух сторон одновременно подъехали пролетки, послышался голос Степана Горсткина и еще чей-то властный баритон. Не иначе, как пожаловал наследник московского трона.

Через три минуты переговоров в отдалении от свиты Мячев махнул своим «утюгам» рукой:

— Пропустить!

Степан стукнул снаружи в дверь:

— Алексей, открой.

Тот впустил его в мастерскую и снова запер дверь на засов.

— Дурья башка! — заревел Горсткин с порога. — Я же сказал тебе сидеть дома и не высовываться! Всю Москву решил перестрелять?

— Извини, так получилось. Увидал вот его в твое окошко, случайно, и побежал следом. Ты взгляни...

Горсткин подошел к Буффаленку, глянул — и обомлел. Развернул за плечи к окну, ахнул, прижал руки к груди:

— Это ж Федора сын! Откуда он?

— Приехал из Америки искать отца.

— Ты уже сказал?

— Да. И про братика двухгодовалого, и про Полину Аркадьевну.

— Федора сын! — Горсткин обежал вокруг подростка, ошалевший от счастья, потом вдруг обнял его, прижал к груди. Отпустил, снова забежал, затараторил:

— Мы с батькой твоим состояли большими приятелями. И дядя Алексей тоже. Тут много кто в Москве кинется тебе на шею — такой уж у тебя отец был! А как ты в Никитниках-то оказался? Случайно, али нет?

— За ним следили двое, с оружием, одетые как иностранцы, но оказались русские. Здоровые, черти... Кто они были, Федь?

— Долго рассказывать. Давайте выберемся отсюда и поедем побыстрее к моей семье; там все сразу и объясню, с самого начала...

Горсткин выпустил духовного портного с подмастерьем из погреба и дал перепуганному хозяину четвертной билет, чтобы молчал и не жаловался. Когда они все трое вышли в переулок, мячевских громил уже не было. Поехали сразу на Волхонку, к Полине Аркадьевне. Челубея Лыков оставил в мастерской староверов, чтобы не услышал чего лишнего про его настоящую службу.

Они засиделись на Волхонке до глубокой ночи. Маленький Санятка уже давно спал, вдова, счастливая и заплаканная одновременно, без устали хлопотала вокруг своего новообретенного второго сына. Она сразу же, как пришла в себя, заявила, что Федор будет жить в их доме, и тот согласился. Чувствовалось, что дело у них слаживается, мальчишка мечтает о семье и, через какое-то время, научатся они жить втроем...

Внешнее сходство сына с отцом было поразительно. Буффало, вылитый Буффало, только очень молодой, еще подросток. Лыков наблюдал за ним из угла, и все происходящее казалось ему нереальным; как будто это хороший, счастливый сон, но он пройдет, и счастье вместе с ним... Умер человек, любимый ими всеми, и уже оплакан, и самый образ его стирается из памяти, вытесняется насущными делами — и вдруг он вернулся! Пусть не он, но кровь и плоть его, и знакомая улыбка, и даже в повадках проступают забытые было черты. Удивительно. Алексей осмотрелся и заметил, что все наблюдают за Буффаленком так же, как и он, и одинаково улыбаются... Прошлое, которое никогда не возвращается, вдруг вернулось.

Федор Ратманов-младший рассказал о себе и своем отце следующую историю:

— Моя мать Александра Еремеевна Ветюгова была из старинного молоканского рода. При покойном вашем государе выезд из России был облегчен, и многие староверы тогда подались. В Румынии осели, в Канаде, Америке. Ветюговы в числе еще нескольких семейств оказались в округе Форд штат Канзас. Столица округа Додж-сити, хоть и мелкий был городишко, но имел самое главное — железную дорогу. На ихнем западе это очень важно: где дорога, там жизнь относительно устроенная.

Матушка была единственным ребенком в семье, который выжил;

остальные не выдержали путешествия. У них имелось девятьсот акров хорошей земли на троих. Не знаю, сколько это в ваших десятинах, но много... Когда она выросла, нужно было выходить замуж за русского единоверца. Но молокане за несколько прошедших лет поразбредлись, в соседях жениха не было, и она рисковала уже остаться в старых девах.

Время стояло трудное: только два года, как кончилась война между Севером и Югом. Повсюду банды угоняли скот, грабили поезда и почту, легко и убивали. Чтобы защититься, жители Канзаса нанимали стрелков. Хороший стрелок стоил дорого, но он охранял город. И в 1867 году Додж-сити нанял моего отца, который тогда уже был весьма знаменит. Отец поселился, познакомился с русскими семьями, стал заходить в гости, ну и... Когда родители матушки узнали, что она беременна, ее выгнали из дома; у молокан с этим строго. А отца уже не было к тому времени в городе. У него закончился контракт, и он переехал сначала в соседний Абилин, затем в Эллис штат Небраска, а потом в Расселвилл штат Кентукки, и далее след его совсем затерялся... Он так и не узнал никогда обо мне. Не ведаю, любил ли он мою матушку; она же очень его любила и никого из мужчин после него к себе не допускала. Растила меня, не жалея сил, а это очень-очень трудно. В Додж-сити одинокая женщина, извините, может заработать только в «квартале красных фонарей»...^[78] Матушка и я жили крайне бедно до семьдесят пятого года; тогда умер мой дед, и мы вернулись к бабушке. Я вырос все-таки в русской семье и потому говорю без акцента.

Отдельные сведения об отце иногда доходили до нас. Так, в 1873 его имя попало во все американские газеты. Тогда обнаружили страшные преступления семейства Бендеров, державших гостиницу около города Черривейл штат Канзас. Они были немцы. Отец и сын убивали своих постояльцев, пока дочка их отвлекала. Ударяли топором по затылку из-за занавески... Бендеры убили так несколько десятков человек, пока бывший армейский разведчик полковник Йорк не приехал в Канзас на поиски своего пропавшего брата. Убийцы в первый раз отоврались, но потом у них сдали нервы и они бежали в прерию. После их бегства люди полковника перерыли весь дом и в погребе обнаружили шесть трупов, в том числе и Йорка-младшего. Нашли и его пятилетнюю дочку, которая была изнасилована отцом и сыном Бендерами, а потом заживо зарыта в могилу отца...

(На этом месте в рассказе Буффаленка Полина Аркадьевна беззвучно заплакала).

— Отец, как писали газеты, был другом убитого Йорка, и тоже

участвовал в его поисках. А когда нашел, то... В общем, они с полковником вдвоем бросились в погоню. Вернулись через неделю, сказав, что никого не поймали. Но все убеждены, что они их, конечно, отыскиали. И сами там, в прерии, их судили, вынесли приговор и исполнили его.

— Да, это похоже на Федора, — подтвердили и Алексей, и Степан.

— А восемь месяцев назад матушка умерла. Она взяла с меня перед смертью слово, что я отыщу отца. И я, похоронив ее, прорыдал два дня и отправился по всей Америке. Долго искал... Спрашивал про Теодора Буффало, или Русского Буффало, как его еще называли. Дело оказалось нелегкое: отца уже много лет не было в стране. Но кое-кто еще его помнил, и я с трудом, но нашел этих людей. Они-то мне и рассказали, что в 1876 году отец схлестнулся в Пенсильвании с тайным обществом «Молли Магвайрз». Это как бы масоны преступного мира. Они опутали штат целиком, имели своих людей и в полиции, и в Конгрессе, и, с помощью насилия, управляли всей угольной добычей. Якобы, это были ирландцы и деньги передавали фениям, борцам за независимость Ирландии, но, по моему, они самые обычные бандиты. Отца наняли горняки последней независимой шахты в Лопезе. И он в первом же бою убил единственного сына самого диктатора «Молли Магвайрз» Джона Тэннера О'Хиви. То был жуткий человек, ненормальный в своей страсти повелевать. И очень влиятельный. Отца начали гонять по всему Северо-Западу, и он вынужден был спасаться аж в Калифорнию. И уже оттуда, после убийства при вынужденной самообороне, офицера бюро Пинкертон, возвратиться в Россию.

А потом федеральные агенты разгромили «Молли», О'Хиви присудили четыре жизненных срока и сейчас он сидит в питсбургской тюрьме. У него осталась одна цель — найти убийцу сына. Денег этот гнус припрятал видимо-невидимо. И хотя его лавочка якобы уничтожена, люди О'Хиви никогда не переставали искать отца. А нашли меня. Сходство... Я налетел на них впервые в Нью-Йорке, но сумел тогда вроде бы убежать; оказалось, они просто следили за мной. Думали, видать, что я выведу их к отцу. А когда я приплыл в Россию, послали за мной следом беглых русских каторжников, которых сейчас полно в Америке. Алексей Николаевич их побил, но они затаятся сейчас в гостинице и еще появятся...

— Вот я им появлюсь! — угрожающе заявил Горсткин. — Тут вам не Пенсильвания, ёшкин бобёр, а Москва! Завтра же всех на уши поставлю. Коли и впрямь беглые окажутся — пусть следуют в Нерчинск срок дорабатывать...

— Но все равно тебе, Федор, надо быть осторожным. Пока О'Хиви

жив, он не отстанет. Ежели отца не успел — на сыне захочет отыграться.

— Это самая его идея, — согласился Буффаленок. — Только старому вурдалаку уже семьдесят восемь лет; долго не протянет.

— Все же остерегись. Дядя Степан почистит Москву, и вообще возьмет над тобой шефство. Я же завтра должен возвращаться в Петербург.

...Утром следующего дня из столицы приехал Озябликов и встретился с новым «королем». Скандала не произошло: оба понимали, что попытка убрать исполнителей не есть враждебная Лобову акция. Обыденный деловой подход. Договорились, что преследование Лыкова и Челубея в Москве прекращается, и они могут и в дальнейшем сюда свободно приезжать; Мячев гарантировал их безопасность. Собственные жизни Алексея и Якова мало что стоили в глазах вождей, поэтому стороны быстро перешли к обсуждению совместных предприятий. И даже если лично Озябликову был не безразличен сын его лучшего друга, он не мог себе позволить нарушить инструкции Анисима Петровича, который явно хотел задружиться с умным Михаилом Ильичом.

Глава 12

Командировочное предписание

На этот раз Алексей входил в кабинет Лобова как победитель. Челубей зашел отчитываться первым и сидел у начальства почти час. Наконец позвали Лыкова. Анисим Петрович встал, пожал руку, одобрительно похлопал по плечу:

— Молодец. И впрямь волкодав! Испытательный срок закончен, ты принят на службу. Жалованье — пять сотен в месяц, как и просил. А за образцовое выполнение получи от меня тантьему — тысяча четыреста рублей.

И вручил ему пачку ассигнаций.

«Эх-ма! Мое семимесячное жалованье на царевой службе», — подумал Лыков. — «В бандиты, что ли, податься?».

Расселись кружком: шеф, Озябликов, Елтистов, Челубей с Лыковым и трактирщик Чулошников.

— Значит, ты первейшего на Москве богатыря с одного удара положил?

— Височная кость очень тонкая; при ударе проламывается внутрь и поражает мозг.

— А как догадался про ладанки?

— Яков выстрелил дважды, оба раза попал, а Коське хоть бы что. Понятное дело — панцирь. Решил поэтому кулаком...

— А на постоялом дворе как получилось, что ты вышел в одну дверь, а вошел в другую?

— Этот фокус не хитрый. Светло, все видно; главное было двигаться бесшумно. На войне я был пластуном, одиннадцать «языков» привел. Приходилось ночью, в полной темноте, проходить в трех шагах от турецкого секрета по осеннему лесу. И они меня не слышали...

— Здорово. А что у тебя за связь такая с рогожцами? Мне это может быть полезно.

— Я выполнял для них ранее секретные поручения. Какие — не скажу, сами понимаете. Можете навести обо мне справки у Арсения Ивановича Морозова.

— А почему не остался?

— Мне там у них скучно и малоденежно. Поручения, за которые

хорошо платят, в Рогоже не каждый день, а у меня мало времени.

— Торопишься стать богатым?

— Конечно. Сейчас у меня сила, а потом ее не станет. Я хочу за пять лет заработать на всю остальную жизнь...

— Сколь же тебе надо?

— ...и прозябать потом мирным обывателем. Главное — никому не служить, даже вам, Анисим Петрович. Деньги — это свобода. А насчет «сколько», думаю, ста тысяч достанет.

— Не пойму. С твоими талантами ты хоть завтра может добыть себе сто тысяч. Залез ночью к Коллану или Ратькову, дал сторожу по башке, и живи обывателем!

— Я ведь уже говорил, что мирное население не трогаю. Мне не любые деньги нужны, а только те, на которые спокойно будет век доживать. Вдруг я к старости в веру ударюсь, к Богу приду?

— Да ты уж столько народу перебил, Лыков! Какой тебе бог после этого?

— То в бою. То за грех не считается. Сейчас-то я не весьма об этом думаю, но в голове держу. Самый край ни разу не переступил и не собираюсь.

— Заковыристо как-то все у тебя получается: тут ты девочка, там нет, а здесь опять девочка... Нельзя быть помесью волка с бараном, но — не мое это дело, черт с тобой, живи по середке. У меня к тебе, Лыков, предложение. Надо сходить, на пару с Челубеем, в длинную командировку. В Сибирь. Добраться до Китая и вернуться сюда к осени по пути «золотых фелдъегерей», выяснив при этом, куда они, лешие, пропадают. И после поработать на меня еще один год. По окончании я вручаю тебе сто тысяч, и становишься кем хочешь. Надумаешь дело какое завести в Питере — помогу. Согласен?

— Хорошее предложение, даже слишком. Что вы не договариваете?

— В Сибирь эту надо пройти по этапу.

— То есть, как это: по этапу? В кандалах, с обритой головой? А нельзя с удобствами, под видом торгового человека?

— Нельзя. Это по пути оттуда вы станете искать следы фельдъегерей. А по пути туда у вас будет другое задание: произвести ревизию моей «Этапной цепочки». Я создал целое предприятие на пути в Сибирь и в самой Сибири. В важнейших пересыльных тюрьмах, как то: в Питере, Москве, Тюмени, Тобольске и Томске — сидят мои люди. Этап им не угрожает, поскольку зацепились за должности. Повара, писари в канцелярии, есть даже один надзиратель. На самой каторге опять имеются

агенты: в Кадаинской, Алгачинской, Зерентуйской тюрьмах, в Нижней Каре; в прошлом году появился и в Воеводской тюрьме на Сахалине. Третьи люди живут около на поселении. Потому, если кто из моих здесь попался, он знает, что в обиду его не дам, и в Сибири не брошу, ежели правильно себя повел. И наоборот... Сам, кстати, тоже это учти. «Цепочка» эта делалась для своих, но и тогда я уже думал, что она может деньги приносить. Так и вышло. В прошлом году мы вывезли из-за Бугров двух кавказских абреков, скопческого архиерея, четверых поляков и семь человек московских «иванов». Заработали на этом сто восемнадцать тысяч чистого дохода. Плюсом еще те люди, что на поселении живут, скупают у горбачей^[79] по дешевке намытое в тайге золотишко. Так что, «Этапная цепочка» получается доходным предприятием, бережет кадр моих людей и повышает авторитет Лобова по России. Но недавно человек из Московской «колымажни» пожаловался, что его выпихивают из старост «пустынники»^[80]. В Перми духовые проломили нашему парню голову, хотя знали, кого забирают. А в Нижней Каре, в самом важном месте, где документы стряпают, совсем моего писарька прижали, убить обещают. Есть там один жидомор, долю требует от доходов... Словом, надо пройтись по всей «Цепочке» и навести там порядок. А это под видом торгового человека, как ты хотел, сделать не получится; придется прописаться в романов хуторок^[81]. Ну, так как? Договор, или ты уже на попятый?

Лыков раздумывал недолго.

— Под чужим именем, без бритья головы и кандалов — согласен.

— Это как? А... понимаю...

— Правильно. «Спиридонами»^[82] пройдем.

— Вот и ладно. Чулошников введет вас в подробности. Помните, что времени у вас мало — к ноябрю вы оба уже должны быть здесь. Живые и с нужными мне сведениями.

Петербург переполнен людьми с просроченными видами. Со всех концов страны съезжаются в столицу разные личности: кто на заработки, кто поворовать, а кто и просто так, от нечего делать. Покупают в участке адресный билет и прописываются, где найдут угол. Билет действует три месяца, после чего его надобно продлевать. Для этого нужно возвращаться на родину, заново оформлять временную отлучку, опять покупать трехмесячный билет... Такая морока не для русского человека, и он начинает игру в прятки с полицией. В Питере много мест, где приютят и без документов — плати только деньги. Помимо «Вяземской лавры», есть

зловещий дом Дероберти, два огромных строения (каждый размером с жилой квартал) Яковлева и Тарасова, треугольник между Мойкой и Екатерининским каналом вокруг Мещанской улицы, лишённые всякого влияния власти окраины — Выборгская сторона, Охта, Нарвская застава; имеются притоны Лиговки, бесчисленные пакгаузы Калашниковской набережной и удивительные городки на свалках Горячего и Гаванского полей.

Но, в конце концов, человек без вида все же попадает в участок. Обосновывается сначала в камере при части, где его проверяет Сыскное отделение: не в розыске ли, нет ли на него данных в картотеке рецидивистов. Если тут все чисто, беспаспортный нарушитель подлежит высылке к месту приписки за казенный счет, для чего направляется в Предварительную тюрьму на Шпалерную, 25. Там бедолага дожидается этапа на родину; называются такие люди на жаргоне «спиридонами». Не будучи преступниками, они несут все тяготы тюремной жизни наравне с последними. Отношение к ним со стороны уголовных самое презрительное; последняя шпанка, базарные воры-«халамидники», плебеи преступного мира, и те находятся выше их в здешней иерархии.

Наконец, партия, достаточная для отправки, набирается и переводится в Пересыльную тюрьму в Демидовом переулке. Оттуда не позже, чем через сутки, всю команду везут ночным поездом в Москву. Московская пересыльная тюрьма на Колымажном дворе — гигантское учреждение, в котором пересекаются этапы со всех концов России. В четырех огромных балаганах проживает одновременно до двух тысяч арестантов и «спиридонов»; каждую среду сотни людей в одинаковых серых бушлатах уходят и приходят, создавая не поддающийся описанию муравейник. В зависимости от расторопности тюремной канцелярии, можно застрять в Первопрестольной на два-три дня, а можно и на месяц. Порядки в Москве жестче, чем в Питере: при любом выходе на улицу заковывают в наручи не только арестантов, но даже и «спиридонов», которые узниками по закону не считаются. Но такие строгости — только здесь... Отсюда, из Бутырки, начинается главный ссыльный тракт, который упирается уже за Байкалом в Карийские промыслы. (Последние несколько лет путь некоторым арестантам каторжного разряда продлили аж до Сахалина. Сибирь уже мала для вместительства всех кандалников!).

Наконец, наступает время отправляться дальше. Партия выходит под конвоем с Колымажного двора и поездом добирается, так же за одну ночь, до Нижнего Новгорода, далее которого железной дороги уже нет. Ночует на Этапном дворе, пополняясь при этом попутчиками из южных губерний, и

утром садится на пароход. Начинается трехнедельное скучное плавание по Волге и Каме до Перми, в душном трюме, с одной лишь ночевкой в Казани. В Перми арестантов ожидает недолгий отдых, а затем открываются утомительные пешие переходы: следует пройти по безлесой болотистой местности шестьсот пятьдесят верст до Тюмени. С 1863 года этот отрезок положено не идти, а ехать на переменных лошадях, но последних всегда не хватает, а в весенне-осеннюю распутицу их и вовсе не достать. В Тюмени опять садятся на пароход и по рекам Туре, Тоболу, Иртышу и Оби доплывают до Томска.

Томская пересыльная тюрьма — самая большая в России; в ней в летнее время одновременно могут находиться до пяти тысяч заключенных. Это огромный этапный пункт, из которого идет непрерывная расфасовка арестантов к местам конечного прибытия. Многие ссыльные остаются здесь и поселяются вокруг города, каторжные же идут дальше. Их путь лежит через Красноярск, Иркутск и Читу — в страшное Забайкалье, а это еще две тысячи семьсот верст. По всей, истоптанной сотнями тысяч ног, дороге расставлены на должном расстоянии этапы и полуэтапы. Партия идет целый день, на полуэтапе ночует, затем еще день ходьбы, после чего на этапе — суточный отдых. Всего в Сибири 60 этапов и 64 полуэтапа, и занимают они свои исторически выбранные места с начала века. Вся дорога длится более четырех месяцев и в срок отбытия наказания не засчитывается. Это еще что! Двадцать лет назад, когда железных дорог и пароходов еще не было, арестанты брели все семь тысяч верст от Москвы до Нерчинска пешком, и уходил у них на это — год...

В первых рядах арестантской партии выстроены каторжники; их легко узнать по укреплениям (официальное наименование кандалов) и вполупину выбритым головам. Кандалы весят, по норме, от пяти до пяти с половиной фунтов; ходить в них на большие расстояния невозможно. Поэтому, когда идут по России, ножные кандалы за городом несут на помочах на шее. Россия кончается в Тюмени; после нее разрешают прицепить ножные кандалы на пояс к ремню — так идти не в пример легче. В большинстве же партий, однако, уже по выходе из Перми, по хорошо оплаченной просьбе каторжников, цепи все за городом снимают и складывают на повозку; партия дает честное арестантское слово, что побегов из своих рядов не допустит. Слово это всегда выполняется, иначе такие послабления запретят, а виноватых в том задавят в первой тюрьме свои же. Конвойный офицер по итогам года получает на Пасху, в случае отсутствия у него побегов, годовое жалованье в награду и следит потому за своей партией в четыре глаза. Кроме того, каждая партия для него — доходный промысел.

Опытный человек берет с арестантов деньги за любую поблажку, а деньги в партии, особенно в начале длинного пути, всегда есть, и не малые. Поступают они, естественно, от подаяния — русский человек искони сочувствовал кандальнику.

Если же найдется вдруг такой бесчестный человек, что решится сбежать после расковки, то партия оставляет офицера с солдатами на дороге и в полном составе сама устремляется в погоню за предателем. Обыкновенно его приводят, сильно побитого, обратно и на пути в Забайкалье доканчивают (опять не конвойные, а сами арестанты). Но когда вдруг погоня возвращается с пустыми руками, что бывает исключительно редко, то арестанты хватают на дороге первого попавшегося путника, отбирают и сжигают его документы, при их наличии, и насильно помещают несчастного в партию заместо выбывшего. Офицер видит это, но не препятствует: ему надо привести к месту перемены конвоя определенное количество голов, не важно, какого качества. Под угрозой смерти случайно попавшемуся человеку запрещают объявлять себя до прибытия в тюрьму, и бывали случаи, когда такой горемыка полгода потом доказывал свою личность, пребывая за решеткой.

Еще можно отличить каторжника от, скажем, поселенца, по бубновому тузу и буквам «ск», нашитым на спину халата: «ссылно-каторжный» (сами арестанты расшифровывают это иначе: «сильно каторжный»). Тузы бывают разного цвета: красный — за убийство, желтый за воровство, и так далее.

Поселенцы идут в колонне следом за каторжными. Их тоже сковывают на людях, но только за руки, по четверо в ряд. «Спиридоны», а так же сопровождающие арестантов родственники (нередко за осужденным следует вся его семья) помещены в самый хвост партии. Замыкают колонну всегда несколько повозок. На них везут вещи этапируемых, котлы, провизию, необходимый инвентарь, а еще больных, женщин и детей. Если в партии есть привилегированные арестанты, они нанимают кибитку и едут в Сибирь с комфортом.

Глава 13

Путь в преисподнею

Лыков с Недашевским сидели в грязной, заплеванной, кишасей клопами камере временного содержания Спасской части. Яков пребывал в некоторой прострации: час назад их взяли в притоне в Апраксином переулке с просроченными видами Нерчинской ремесленной управы. Привели в часть, обыскали, отобрали все деньги, какие были, и посадили в эту «чижовку». Челубей еще получил две банки в спину от городского за то, что медленно выворачивал карманы.

Камера, рассчитанная на тридцать человек, вместила в себя более семидесяти. Люди сидели на полу, жались по стенам; самые везучие успели захватить скамейки. Лыкову с Челубеем сидячих мест уже не досталось, но Алексей бесцеремонно спихнул на пол двух оборванцев, и силачи уселись вполне комфортно. Поглядев внимательно на Лыкова, бедолаги молча отошли подальше.

Несмотря на поздний час (половина первого ночи), в «чижовке» никто не спал. Разбитной люд галдел не переставая, причем из десяти произносимых слов семь были матерными. В одном углу дрались, в другом пели; рядом с ними без стеснения распивали «сороковку» брандахлыста. ^[83]

Алексей на ухо вполголоса инструктировал Якова:

— Здесь все по Дарвину: выживает сильнейший. Мы с тобой, по легенде, «спиридоны», низшее сословие; наш номер в тюрьме последний. Но крепкого и смелого человека, кем бы он ни был, задирать тут не будут, побоятся. Завтра ты увидишь, как я стану «прописываться». Поступай так же: бей со всей мочи при каждом случае, и дело наладится...

— При каком таком случае? Сидит человек, я подхожу и молча, без повода его бью?

— Да, если потребуется. Или бьешь ты, или бьют тебя — выбирай! На первых порах это необходимо, как презервативная мера; потом, когда ты уже подтвердил свой высокий статус, можешь отдыхать на кочке. Но кочку надобно захватить, быстро и жестоко.

Лучшие места в камере находятся напротив входа, подальше от парашки; их и занимают аристократы. Они отстаивают свои привилегии яростнее, чем бояре в Думе, и готовы биться за них вусмерть. Так вот, запомни: на этих местах, отсюда и до самой Читы, должны сидеть мы. И

придется за это изрядно подраться. Достаточно один раз испугаться, дать слабинку, и большинство тебя затопчет. А я не собираюсь жить под наркой... Поэтому прикрывай мне спину, как я тебе, и ничего не бойся. Никогда и ничего не бойся — это главное правило в тюрьме для сильного человека.

Далее. Здесь сходятся четыре основные группы, почти как партии в английском парламенте. Это: фартовые, пустынные, шпанка и брусы. Слушай их «Табель о рангах».

Брусы — люди, попавшие в тюрьму случайно, и делятся они на легавых и шпановых. Первые, выйдя на свободу, постараются никогда более здесь не оказаться; вторые, наоборот, развращаются и становятся уже закоренелыми. И те, и другие — наиболее угнетаемая часть тюремного населения; общее их прозвище — «от сохи на время».

Шпанка — уголовная шушера; она дает основную массу арестантов. Преимущественно, это воры низших разрядов: «мойщики» — ворующие у спящих, «халамидники» — базарные тырщики, «сонники» — обирающие пьяных, и «марушники» — карманники по церквям и на кладбищах. К шпанке же относятся мелкие аферисты, «субчики» — сутенеры, «маргаритки» — мужеложцы, ну, и вся та сволочь, что сидит по кабакам. Есть еще особая подгруппа, близкая к шпанке — «общественники», выгнанные крестьянским обществом за дурное поведение и ссылаемые за то на поселение; поганый весьма народ... Элита шпанки — так называемые храпы и глоты — поставляют кадр для фартовиков, но этот титул надо еще заслужить.

Пустынные — бродяги, не помнящие родства — уже серьезная сила. Их много и они спаяны, стоят друг за друга горой. Ими переполнена каторга, они же дают основной процент беглых. У пустынных собственный язык и отдельные правила. В тайге, по необходимости, они могут и убить, особенно «братских» — бурятов; между ними старые счеты. Но, в целом, пустынные люди без четких преступных профессий, желающие жить кое-как, лишь бы празднично и никому не кланяться. В Сибири преимущественно из них вербуются дикие золотоискатели-«горбачи», а на поселении — содержатели подпольных притонов.

В отличие от пустынных, фартовые все узкие профессионалисты, но не как шпанка, а — престижных уголовных специальностей. Тут выделяются три группы. Первая самая опасная, те, кто портняжит с дубовой иглой: «мокрушники» — убийцы, «дергачи» — уличные грабители, «скокари» — взломщики, «хомутники» — душителы, и «шопенфиллеры» — налетчики на ювелирные магазины. Вторая, наиболее

многочисленная, — это воры: «самородки» — по сейфам, «скрипушники» — по вокзалам, «маровихеры» — по карманам, и «шниферы» — по домам. Они не менее авторитетны, чем самые страшные убийцы, потому, что в тюрьме смотрят, не сколько ты зарезал людей, а сколько взял при этом добычи. Ежели кто убил троих за рубль, то станет в «цинтовке» объектом насмешек, а не уважения... Поэтому воры, которые без шума и крови часто добывают десятки тысяч рублей, пребывают в полном и всеобщем почете. К тому же, у опытного и умелого «красного» всегда имеются деньги, а это в тюрьме считается поважнее даже силы. Опять, и люди там не бесталанные: попробуй залезть ночью в дом, переполненный жильцами, вынести оттуда вещи, обобрать при этом самих жильцов, и так, чтобы они не проснулись!

Наконец, третья группа фатовых — это «счастливыцы». В нее входят «чистяки» — лжеторговые агенты, «блиноделы» — фальшивомонетчики, «мельники» — карточные шулеры, «блатер-каины» — скупщики краденного, «давальщики» — наводчики воров, и «черные маклеры» — биржевые аферисты, самая новая преступная профессия. По влиянию эта группа находится в самом низу фатовых, но выше шпанки.

Вот такое здесь сословное построение общества. И учти — это именно общество, со своими законами, обычаями, причем повсюду обязательными: от этой камеры Спасской части и до каторжного солеварного завода на Камчатке...

В Российской империи 76 090 арестантских мест, в которых содержится постоянно около 98 000 арестантов. Скученность, таким образом, большая, особенно в крупных городах. Вдалеке от столиц другие проблемы — общая бедность тюремного ведомства. Смотрители и надзиратели не получают казенного довольствия не только провиантом, но даже и одеждой! Форменное обмундирование они обязаны построить из своего невеликого жалования, и из него же купить оружие и свисток. Недавно в Тобольской пересыльной ревизоры обнаружили надзирателя, одетого в арестантский, с бубновым тузом на спине, халат, перепоясанный шашкой. Еще бы в таких условиях тюремная администрация не продавалась...

Петербург снабжен казематами изрядно, лучше всех в России. Во-первых, арестантские камеры имеются в каждом из 38 участков, на которые разбит город. Помещения побольше есть и во всех 12 полицейских частях. Далее идут уже серьезные пенитенциарные заведения: Исправительное арестантское отделение на Крюковом канале (знаменитый Литовский замок), Краткосрочная тюрьма на Выборгской стороне (отдельно мужская и

женская), Военная тюрьма на Компанейской улице, Пересыльная в Демидовом переулке, Городской арестный дом на бывшем Александровском плацу. Есть еще Дом содержания неисправных должников в первой роте Измайловского полка, Работный дом на Пряжке у Сухарного моста, и Воспитательно-исправительное заведение для несовершеннолетних на Поселковой улице. (Петропавловскую крепость вынесем за скобки нашего рассказа).

Особняком в этом списке стоит Петербургский Дом предварительного заключения. Расположен он на Шпалерной, в квартале от служебной квартиры Лыкова. Огромное шестиэтажное здание насчитывает 63 камеры общего содержания и 317 одиночек: 285 для мужчин и 32 для женщин. Сюда и привезли Лыкова с Челубеем.

Знакомство их с домзаком началось с очень тщательного обыска. Надзиратели проверили даже прическу, бороды и уши. После этого прибывших переодели в короткие серые бушлаты и серые штаны, выдали по паре толстого белья и босовики — то же, что в других тюрьмах называется «коты», полукалоши из войлока. С собой из собственных вещей дозволили взять постели (в российских тюрьмах арестованным казенного постельного белья не полагается), ложки и деньги. Всё это им передал накануне, на свидании в части, Чулошников. Алексею этого вполне хватило, а Яков прихватил ещё головную щетку, зубной декодот, несколько фунтов персидской ромашки от блох, флакон фиксажа и три дюжины подусников... Сильно жалел, что отобрали папиросник, но Лыков его успокоил, сказав, что на деньги в домзаке можно купить что угодно.

Переодетые, с узелками в руках, они в сопровождении субинспектора пошли наверх. Чугунные лестницы, сетки в пролетах, тусклый газовый свет, суровые надзиратели — всё это гнело малоопытного Челубея. Но Лыков спокойно и уверенно шел впереди, накинув халат на одно плечо (примета опытного арестанта), и Челубей, глядя на него, начал утешаться.

Их завели на четвертый, уголовный этаж. Лязгнула огромная дверь и Яков, к своему удивлению, увидел, что коридор кишит сидельцами в серых, как и на них, робах. Режим в Пересыльной был мягкий, днем все общие камеры отпирались и заключенные свободно общались между собой.

Не успели они сделать и двух шагов, как раздался сигнал на вечернюю поверку. Толпа засуетилась, вскипела, как стайка мальков при появлении окуня. Через минуту посреди коридора выстроилась покамерно изогнутая шеренга обитателей этажа. Парашечники быстро и привычно сосчитали своих, доложили старостам, те коридорным, а коридорные — старшему старосте. Последний проверил счет сам и доложил надзирателю. Тот еще

раз лично пересчитал вслух всех арестантов, пройдя вдоль строя и ткнув пальцем в грудь каждого. У всех получалась одна и та же цифра — сто двадцать три человека.

Строй надолго застыл в ожидании начальства, вполголоса переговариваясь; многие с любопытством косились на новичков у входа. Наконец, минут через двадцать, появился помощник смотрителя, высокий молодой человек в пенсне, с холодными глазами. Принял рапорт, прошелся вдоль шеренги. Ему указали на вновь прибывших. Поручик бросил на них быстрый взгляд, и Алексей узнал его: встречались ранее у Коковцова. Что сейчас будет? Секунда — и помощник смотрителя заторопился дальше, бросив небрежно через плечо:

— Пасюк! разместить...

Арестанты шумно расходились по камерам. Старший надзиратель Пасюк, царь и бог четвертого этажа, ражий, как гвардейский унтер, подошел к новеньким. Глянул опытным оком на позу и повадки Лыкова, посмотрел в статейные списки, и недобро усмехнулся:

— В четыреста третью. Там этому быстро мозгу вправят. Всего «спиридон», а стоит, что твой «дергач»...

И ушел, равнодушный.

Давненько же Алексей не был в камере! Открылась дверь с цифрой «403», и он шагнул внутрь и осмотрелся. Небольшое помещение три на две сажени. По стенам — нары в два яруса, слева от входа печка, справа — «парашка». К стене приделаны откидывающиеся стол и два табурета. У двери газовый рожок, рядом кнопка звонка. На стене обязательная скрипка, в красном углу — такая же обязательная икона. И двенадцать пар глаз смотрят на вошедших с нехорошим любопытством.

Не успели они сделать и шага, как на них налетел из угла долговязый жилистый мужик в тиковой рубахе, с шалыми глазами:

— Ну-ка, живо по абасу^[84] за прописку!

— На!

Лыков небрежно махнул рукой. В воздухе мелькнули грязные пятки, и долговязый улетел к «парашке». Все ахнули вполголоса. Мазурик тут же вскочил с матерной бранью, но Алексей, не обращая на него более внимания, прошел к лучшим местам. Там под иконой на втором ярусе вальяжно развалился крупный детина, плечистый, с огромными волосатыми кулаками и с тремя регалками^[85], как с орденами, на могучей волосатой груди. Одет он был в одни лишь ослепительно белые коленкоровые кальсоны. Рядом на стене висели знаки высокого тюремного

положения — полотенце и гребешок на суровой нитке. На нарах возле детины притулился початый флакон хинной настойки и стояла коробка с доверовым порошком^[86] — человек отдыхал...

Жиган посмотрел на Лыкова сверху вниз с насмешливым превосходством и обратился к соседу:

— Во, смотри! Бойцовский «спиридон» приехал к...

Договорить он не успел: Алексей молча схватил его за лодыжки и сдернул с нары. Даже не сдернул, а сошвырнул, запустив, как метательный снаряд, к двери. Верзила, не успев опомниться, перелетел по воздуху все три сажени, ударился со стоном о порог и остался лежать там, потрясенный.

Сосед немедленно набросился на Лыкова, но тот умело увернулся от удара ногой и попотчевал в ответ кулаком. Бандит проехался на спине, как на салазках, долетел до своего предводителя и затих, уткнувшись в него. Третьим в ту же кучу угодил последний жиган из правящей верхушки, посланный туда Челубеем.

На этом битва и закончилась, причем остальные обитатели камеры наблюдали ее, не проронив ни звука. Алексей так же молча залез на освободившееся лучшее место, сбросил на пол вещи поверженного противника и расположился поудобнее; Яков поместился рядом.

Через минуту побитые жиганы, кряхтя и постанывая, поднялись с пола и стали вполголоса оценивать свои повреждения. Старший — кличка его была Барон — отделался переломом ребра и ушибами, проехавший по полу лишился двух зубов; жертва Челубея удовлетворялась только помятыми боками.

Переговорив шепотом у самой двери, бандиты споро собрали с пола свои вещи, боязливо поглядывая снизу на Лыкова. Тот величественно сказал им с высоты:

— Размещайтесь, как хотите.

И жиганы заселились на места второго сорта, передвинув арестантов попроще вниз по иерархии. Лица у них были подавленные, но было понятно, что они лишь дожидаются утра...

К Алексею почтительно приблизился староста и спросил, какие будут таперича нововведения. Никаких, ответил тот; мы с товарищем в начальство не метим, пусть все остается по-прежнему. Так же он представился камере сам и представил Челубея.

После этого их уже никто не беспокоил, и они долго сидели в своем красном углу, разговаривая вполголоса. Яков нервничал по поводу предстоящего им объяснения; он понимал, что фартовые со всех камер

соберутся завтра, сколько их ни есть на этаже, и явятся к ним разбираться. Алексей ему ответил:

— Я же тебе говорил: никогда и ничего не бойся. Просто не бойся — и все! Наше положение утром решится раз и навсегда. Мы победим и здесь, и в Москве, и в Нерчинске; наша слава должна сопровождать нас на этапах и даже опережать. Мол, едут такие ребята, что кому хошь вставят трубочиста... Только так мы сможем выполнить поручение Лобова и навести порядок в «Этапной цепочке».

Челубей слушал его, а сам отводил глаза.

— Эй, напарник! — рассердился Лыков. — Ты чего это?

Потом посмотрел внимательно на Недашевского, положил ему на плечо руку и сказал, еще более понизив голос:

— Значит, так. Завтра жиганы выставят против нас человек пятнадцать, а скорее всего, даже меньше, около двенадцати. Поэтому ты будешь отчаянным и страшным. Заведись, озверей на время. Старайся выбивать противника с одного удара — в челюсть, колено, солнечное сплетение; их много, поэтому долго с каждым возиться не дадут. Но и так, как я Коську-Сажень, тоже нельзя. За убийство в драке получишь шесть лет каторги, а у нас дела, нам некогда цепями звенеть... Прикрывай мою спину. Если нас разделят, прижмись к стене, но старайся перемещаться, не стой на месте. Опасайся ножа: человека, который хочет тебя зарезать, видно по глазам... Когда противников больше четырех, они начинают мешать друг другу, и у тебя появляется даже преимущество. Самое же главное, что я пытаюсь тебе объяснить, а ты никак не желаешь понять — никогда и ничего не бойся. Опасайся, осторожничай, где надо, не будь глупо самонадеян, но не бойся. Реши это для себя раз и навсегда. Такое не сыграешь; люди это видят и обходят стороной. Того, кто не знает настоящего страха, боятся все остальные, обычные люди. И тогда тебя никто не тронет — слишком опасно. Всегда отыщется тот, кто боится, и станут травить его, а тебя не рискнут. Поверь мне.

Челубей наблюдал исподволь за Лыковым: тот был доброжелателен и спокоен. Абсолютно и естественно спокоен, без всякой бравады. Словно какие-то волны исходили от него, и заряжали Недашевского. И с этим Яков уснул.

Жиганы появились через четверть часа после утренней поверки. Лыков обустроивался на новом месте, когда раздался топот многих ног и в тесную камеру набилась сразу целая толпа, запрудив ее.

— Геть, дуروطлясина! — раздался сзади грубый голос. — Подь сюды,

разговор имеется!

Алексей, стоя на нижней наре спиной к двери, как раз возился с гвоздем: хотел перенести его повыше, чтобы Челубею можно было вешать полотенце. Он недовольно обернулся: перед ним сгрудилось до десятка крепких мужиков самого бандитского вида, с наглыми и угрожающими физиономиями. Во главе отряда, с осанкой человека, привыкшего повелевать, стоял гигант с большим шрамом на бритой налысо голове, с тяжелым и властным взглядом. Челубей спрыгнул вниз, напряженно сжал кулаки, готовый кинуться в драку. Вот теперь все решится!

— Щас, — ответил Алексей равнодушно, — только закончу. Ты постой тут пока, не уходи далеко.

И опять вернулся к своему занятию. Жиганы возмущенно загудели, но «Иван» остановил их одним жестом, сделал шаг вперед и принялся внимательно наблюдать за необъяснимо наглым «спиридоном».

Лыков тем временем, схватившись одной рукой за чуть выступающую шляпку гвоздя, уперся ногой в стену, устроился поудобнее и с силой потянул. Гвоздь крякнул и вылез из бруса. Алексей приладил его в нужное место, в изголовье у Челубея, и принялся аккуратно заколачивать кулаком. Погрузившись в дерево уже наполовину, гвоздь заупряился и дальше идти не пожелал; тогда Лыков, ухватившись за нару покрепче, вдавил его на необходимую глубину большим пальцем. Полюбовался на свою работу, повесил полотенце, спрыгнул на пол и повернулся, наконец, к фартовым.

— Ну?

«Иван», не говоря ни слова, развернулся и быстро вышел из камеры, расталкивая замешкавшуюся свиту. Озадаченные жиганы неохотно отправились следом.

Потянулся длинный арестантский день. Лыков с Челубеем шлялись парюю по коридору; к ним никто не подходил, и никто с ними не разговаривал. Как прокаженные, думал Яков, и в любую минуту ожидал нападения. Лыков же был безмятежен. Он поймал майданщика и заказал у него чайную пару с сахаром («и чтобы без Кронштадта у меня!»)^[87], а для Челубея папирос; велел принести все это в «номер». Майданщик, опытный спокойный татарин, молча принес заказ, принял деньги и так же молча удалился. Расплачиваясь, Алексей не без умысла показал туго набитый банкнотами бумажник. «Бабай», уходя, пятился спиной, как придворный перед принцем крови. Можно было не сомневаться, что весть о богатых новичках скоро разнесется по всему этажу.

В одной из камер, выставив стрёмщика, долго совещались фартовые. Затем к Лыкову подбежал юркий человечек и, подобострастно облизывая

губы, прошептал что-то на ухо. Тот выслушал, благосклонно кивнул, выдал «пискарёк»^[88] и продолжил гулять по галерее, напевая что-то опереточное.

В двенадцать коридорщики принесли обед в больших баках: на первое щи со сметком (шел Петров пост и мяса не полагалось), на второе горох. По стенам подняли столы, в обычное время висевшие на петлях; ели с них стоя, по пять человек из одной посуды. Челубей с удивлением обнаружил, что еда вполне сносная... Лыков сам подошёл к раздатчику с мисками от своей пятерки и наложил и первого, и второго вдоволь, но с рыбой не наглел — взял ровно столько, сколько положено. Арестанты всё это подмечали.

— Что тебе сказал тот, юркий? — спросил Челубей.

— «Деловые» ничего пока не решили. «Иван», и часть людей с ним, за мировую. Но есть там такой Пашка Вологодский, который давно под него роет, тот за войну. Сейчас на его стороне семеро, включая нашего знакомого Барона, но скоро будет больше; очень уж парням обидно. Да и опасно в тюрьме терять авторитет, сдаваясь без боя.

— Что ты намерен делать?

— А вот сейчас увидишь.

По окончании обеда «деловые элементы» направились было в камеру продолжить совещание, но Лыков отвел «ивана» в угол, где они завязали серьезный разговор. Фартовые стояли толпой неподалеку, дожидаясь конца беседы. Здесь же был и Челубей, настороженный и готовый к схватке, но уже спокойный.

Разговор, тем временем, обострялся. Лыков что-то требовал от «ивана», но тот не соглашался; Лыков настаивал. Наконец, видимо рассерженный, он сильно ткнул указательным пальцем бандита в лоб, так, что голова его откинулась назад, и сказал всего одну короткую фразу. «Иван» стоял молча, держа руки по швам. Алексей плюнул, и шагнул от него к жиганам.

— Который тут Пашка Вологодский?

— Ну я... — отозвался крепкий детина, выше Лыкова на голову. Речь его на этом и закончилась. От первого удара поддых он сложился пополам, от второго, сверху по затылку, рухнул на пол. Лыков принялся пинать его ногами, зверски, безжалостно: по бокам, животу, голове... Толпа арестантов сомкнулась вокруг, но никто не решался вмешаться. Алексей продолжал бить «делового» сметным боем, но теперь уже без вдохновения, как будто по обязанности, методично, но жестоко. Потерявший сознание ещё от первых ударов, Пашка только мотался безвольно по полу...

Наконец раздался свисток надзирателя, и толпа расступилась; отошли

в сторону и Лыков с Челубеем. Пашку без чувств уволокли в лазарет. Пасюк, скрежеща зубами и ругаясь, потащил Алексея в свою комнату в конце коридора, где он всегда самолично наказывал провинившихся своими гвардейскими кулаками. Арестанты взволнованно шептались по стенам; за такую драку полагался месяц карцера. Однако уже через пять минут, целый и невредимый, Лыков вышел из страшной комнаты, демонстративно запихивая в карман «лопатник».

— Да, — сказал за спиной Недашевского один мазурик другому, — он такой же «спиридон», как я протоиерей. Но кто бы он ни был, держимся от него с этой поры подальше...

Глава 14

Каламажня

После драки положение Лыкова с Челубеем на этаже наладилось. Они не ходили в наряды, не убирались в камере; «бабай» каждый день носил им папиросы, ситный хлеб, колбасу, пиво, а так же вчерашние газеты.

Челубей с любопытством наблюдал изнутри незнакомый ему доселе арестантский мир. Тюрма предварительного заключения («домзак») отличается от пересыльной («каламажни») или исправительной («цинтовки») тюрем особым духом. Сидельцы все временные, до окончания следствия, поэтому люди здесь друг другу случайные и недолговечные соседи. Словно в зале ожидания на железной дороге. В пересылке — это как в поезде с попутчиками, в исправительной — как в номерах с соседями, а здесь — как на вокзале. Но законы все равно общие для всех; как говорит Лыков — от Невы до Амура.

В толпе снуют два или три красивых мальчика лет пятнадцати. У них у всех женские имена: Груша, Акулька... Взрослые арестанты без стеснения заигрывают с ними и уводят в надзирательскую, которую снимают за «полуабас» на двадцать минут. Рядом не таясь куликают, ^[89] саднят махорку, режутся в «железку». Возле денежных арестантов суетятся майданщики, или «отцы», торговые люди тюрьмы, в большинстве своем татары. Народ это тертый, бывалый и ловкий, прошедший и огонь, и воду. Когда такой майданщик уходит в пересыльную и дальше на этап, то уносит с собой до пятиста рублей оборотного капитала. Должность его важная, и потому разыгрывается на аукционе: кто больше заплатит за право торговли арестантской артели. Майданщик обязуется всегда иметь по приемлемым ценам важнейшие товары, как то: чай и принадлежности к нему, табак, выпивку и, самое главное, карты. При большом количестве арестантов майданщиков выбирается несколько: отдельно по чаю и провизии, отдельно по табаку, отдельно по картам. Многие сидельцы перед «отцом» в долгу, поэтому обязаны выполнять все его приказания; это-то и делает майданщиков таким влиятельными людьми в тюрьме.

Другие важные здесь люди — игроки. Игрок держит банк и платит камере как бы арендную плату за право метать: двадцать копеек в день, да десять процентов с банка, да гривенник стрёмщику, да по полтиннику в неделю парашечникам. Кроме того, настоящий игрок, «мастак», всегда при

деньгах, а потому окружен «поддувалами» — заискивающей от него свитой из числа шпанки. Он может — и часто, для поддержания авторитета, делает это — угостить всю камеру за свой счет чаем; может запросто так подарить человеку мелкую монету. Стрёмщик, караулящий у дверей во время игры, не идет ли начальство, всегда выбирается камерой из самых бедных арестантов. Ни родни, ни заначки, ни особого ремесла — тяжкий удел. Совсем без денег в тюрьме трудно невыносимо, и ежедневный гривенник за несложную стрёму крепко выручает такого бедолагу. Поэтому на арестантском сходе за игрока, как и за «отца», дерет горло целая фракция.

У старосты в тюрьме сложное положение. Он лицо как бы официальное и пограничное: выбирает его сход, а утверждает начальство. Последний факт настораживает арестантов. Тюрьма всегда управляется сама, начальство терпится по необходимости, но глубоко презирается. Сиделец, сносящийся с администрацией пусть даже и на выборной должности, рассматривается как возможный агент последней в арестантской среде; он может «бить плесом», доносить. Поэтому на старосте приём подаваний, контроль над артельной казной и распределение нарядов — и только. На сходе его голос равен голосу последнего «бруса».

Самые главные в тюрьме люди — это всё-таки фартовые. Хлебные должности заняты исключительно ими; они же придумали под себя кодекс поведения арестанта и строго следят за его соблюдением. Фартовые убеждены: тюрьма — это для них, она есть их мир, их право; все остальные придуманы, чтобы фартовым было кем повелевать и чем развлекаться.

Развлечения эти жестоки и разнообразны, и у них есть четкая цель: сломать и подчинить новых или непокорных арестантов. Челубей дважды за три дня видел «тёмную», когда человеку накидывали на голову армяк и жестоко били скопом. Зрелище для непривычного Якова было тяжелое; он и хотел бы вмешаться, защитить несчастного человека от бесконечно жестоких «деловых», но Лыков запретил. Объяснил просто и доходчиво:

— Мы можем с тобой побить, сместить, унижить любого фартового. Я могу изувечить даже «ивана», и тюрьма с этим согласится: то есть право сильного; лишь больше станут уважать. Но вот насаждать здесь принципы справедливости, защищать слабых, наказывать зло нам никто не даст. Тюрьма сама есть зло, и потому защищает свои основы люто. Нас просто зарежут во сне, и делу конец. Или сдадут администрации, которая охотно сгноит нас в карцере. Поскольку этой администрации легче и удобнее управлять тюрьмой через фартовых. От робингулов начальству одна морока, а «иваны» поддерживают внешний порядок. Кроме того, все тюремщики куплены сверху донизу, и за свой доход загрызут любого.

Сам Лыков быстро наладил отношения с Пасюком, старшим надзирателем и хозяином четвертого этажа: он просто давал ему каждое утро «буланый», по полтиннику с головы, и странных «спиридонов» обходило теперь даже начальство. Челубей отъелся на булках с галантиром^[90] и приучился спать днем.

«Иван», весьма довольный тем, как Лыков избавил его от конкурента, подружился с лобовцами и едва ли не лебезил перед ними. Звали его Сашка Красный Туз. Известный в уголовном мире человек — Алексей читал о нем в агентурных сводках. Сосланный на каторгу за убийство (отсюда и кличка), он бежал с Карийских приисков и жил в столице по чужому паспорту. Занятием его было обирать торговцев кокаином, в роли которых выступали почти исключительно цыгане. Цыгане же его и сдали, в конце концов, полиции. Следствие по делу Красного Туза тянулось уже шестой месяц, доказать «менты» ничего не могли, и Сашке явно светило быть «отпущенным с полным почтением».^[91]

Красный Туз обещал послать в Централку — Московскую пересыльную тюрьму — «рапорт» своим товарищам о Лыкове с Челубеем, дабы там встретили их, как уважаемых людей. Которые по своей секретной причине прикидываются «спиридонами», но, на самом деле, есть самый, что ни на есть, «деловой элемент», которому не стыдно резинку дать^[92]. Алексея это вполне устраивало: драться в каждой новой «каламажне» для поддержания авторитета ему не хотелось.

На третий день Лыкова с Челубеем повели в Сыскное. Там их сначала допрашивали вместе, и Виноградов с Воцининым отвели, сволочи, душу. Чуть не час они приставали к Алексею с вопросами вроде «чего-то мне лицо твое знакомо; а не есть ли ты Федька Карась?». Потом развели, наконец, по разным комнатам. Лыков зашел в указанную ему конурку в самом конце коридора — и попал в объятья Благово.

Глава 15

Туркестанский след

Майор Таубе дал знак казаку, и тот выстрелом из винтовки сбил на землю головного верблюда. Только тогда караван остановился.

Киргизы рода Чуок известны своей воинственностью. Соотношение сил, правда, было не в их пользу: всего сто сорок аборигенов против двадцати трех казаков при двух офицерах. Боя поэтому не предвиделось; так, обычная перебранка, угрозы — знакомый набор восточных любезностей, когда сил для нападения не хватает. Когда их хватает, подумал про себя барон, тогда набор другой: отрезанные головы и уши, выколотые у русских глаза...

Штабс-капитан Яковлев из Военно-топографического депо Главного штаба неделю назад прибыл в Туркестан с особо важным заданием: составить карту горной системы Алая и предгорий Памира в масштабе пять верст в дюйме, и нанести на нее границы основных памирских княжеств. Понятно, для чего готовятся такие карты! Таубе выдернул его из Иеркештама, где квартировал Ферганский действующий отряд, и взял с собой на перехват подозрительного каравана: ему нужен был опытный топограф для проверки агентурных сведений. Штабс-капитан крутил головой и нервно потирал кобуру своего «смит-вессона»; ему, по неопытности, соотношение сил казалось опасным. Барон усмехнулся и сказал:

— Смотрите, Максим Иванович, что сейчас начнется, только не принимайте всерьёз. Сегодня они не нападут; их слишком мало.

Таубе встретил караван, о котором получил сведения, на второй версте от перевала Раунмурун, на правом берегу реки Нуры у ее впадения в Коксу. Место было хорошее: здесь стоял прежде пикет правительственных войск Кашгарии. С тех пор, как умер великий Якуб бей и развалилось созданное им государство Йеттишар, прошло всего пять лет, но строения пикета уже успели разрушиться. Тем не менее, двадцать пять человек и столько же лошадей смогли укрыться в развалинах, и киргизы заметили их уже слишком поздно. После приказа остановиться караван резко развернулся прямо на горной тропе и попытался уйти. Тогда прозвучал выстрел, упал верблюд, шутки кончились.

Барон медленно шел вместе с урядником вдоль шеренги киргизов и

внимательно вглядывался в их лица. Неприязненные взгляды словно отлетали от него рикошетом: он до такой степени не обращал на них внимания, что восточные люди как-то постепенно и успокаивались. «Кара-Маджир, Кара-Маджир», вдруг пронеслось по рядам, и витавшее всё же в воздухе напряжение сразу исчезло. Узнали, немые, Черного Майора! Имя человека, с семидесяти ярдов разнесшего из револьвера голову страшному Сахим-Назару, было с недавних пор окружено у киргизов почтительным страхом. Два десятка лет самый знаменитый на «Крыше Мира» разбойник безнаказанно грабил, кого хотел: тибетцев, китайцев, афганцев... Приехал с севера русский офицер и для начала пострелял у Сахиба в одиночку пикет из трех сардаров. Старик обиделся и устроил на наглеца большую засаду. Из десяти человек вернулся один... Мудрость изменила в тот раз знаменитому головорезу: слишком долго ему всё сходило с рук. Вместо того, чтобы понять знак и бежать с немалым уже богатством в Кашмир, он решил покарать обидчика, и спустился в ущелье со своей бандой в двести ружей. Таубе был лишь с четырьмя казаками, но он взял лучших стрелков Ферганского отряда и расположил их прямо напротив тропы. Вышел к разбойникам в парадном сюртуке при орденах и эполетах, сказал Сахим-Назару, какой он старый козёл, и без долгих разговоров застрелил. Началась паника, которую усилили ружейные выстрелы казаков, бывших сверху на выбор. Оставив на тропе три десятка тел, разбойники разбежались а потом ещё и передрались при дележе наследства Сахиба, и теперь о них вообще ничего не слышно. Горное население вздохнуло с облегчением, а майор после этого мог бы обыскивать такие вот караваны в одиночку...

Наконец он увидел того, кого искал. В шеренге киргизов, одетый, как киргиз, стоял человек другой крови. Агент барона в Вахане не обманул: индус-пундит действительно шёл в этой партии. Таубе остановился напротив, внимательно всмотрелся в шпиона: тонкое смуглое лицо, умный взгляд. Волнуется, но пробует это скрыть. Перебирает чётки, отводит глаза. Но не испуган, скорее раздосадован.

Таубе молча вырвал у пундита сандаловые чётки, быстро пересчитал шарики. Так и есть! Вместо ста восьми, как положено у буддистов, здесь их ровно сто.

Майор приказал старшему караванщику принести вещи индуса и открыть мешки. К ногам Яковлева вскоре был выложен целый арсенал военного топографа: призмальный компас, лядуночная мензула с диопрами, карманная буссоль Шмалькальдера, гипсометры, барометры и тригонометрические цепи. В карманах самого пундита обнаружили

кроки местности и зашифрованные записи.

— Смотрите, Максим Иванович. Вот его чётки, на них сто шариков. В Большой Съёмке туземных топографов учат специальному одномерному шагу. Человек будто бы просто идет, читает молитвы и перебирает чётки. Две тысячи шагов — ровно миля; один шарик отделяется от прочих. На стоянке пундит пересчитывает шарики и записывает расстояние перехода. Указывает также озера, реки, тропинки, стратегические перевалы, с помощью гипсометра определяет высоту над уровнем моря. Всё это англичане проделывают на наших и спорных землях уже более десяти лет. Знаменитый Мухтар Шах, легендарный пундит, четыре года вёл секретные съёмки в Памире, Бадахшане, Шунгане, исследовал течение Аму-Дарьи, первым в мире описал озеро Гасколь. Очень образованный человек, пир — так мусульмане называют своих святых подвижников. Вернулся из своего опасного путешествия назад в Индию в прошлом году, и мы его упустили.

Использовать обученных пундитов под видом буддийских паломников первым предложил Томас Монтгомери; он же придумал и одномерный шаг. Мы встречались с этим господином в Гиммалаях... Шляются к нам не только индусы. В 1874 году капитан Троттер, заместитель начальника Большой Съёмки, пробрался на российскую территорию и составил карту нашей части Тянь-Шаня; его мы так же не поймали. Зато этот вот попался!

Яковлев внимательно изучил отобранные у шпиона кроки и был поражен точностью произведенных им измерений.

— Замечательно! — воскликнул он, сверяя записи с секретной картой Главного штаба. — И это сделал туземец в походных условиях! У нас и офицеры-топографы не все могут столь точно снять местность даже при наличии инструментов и помощников...

Таубе конфисковал все отобранное снаряжение; казалось, можно было и уходить. Но что-то не нравилось ему в пойманном пундите. Слишком спокойный. Попался с поличным, лишился всех материалов и инструментов, начальство его убьёт за это — а ему хоть бы что! Или он сдал нам ерунду для отвода глаз, а самое важное припрятал? Они шли вдоль нашей границы с Кашгарией и вполне могли по северному склону Алая залезть на русскую территорию. Что здесь: контрабанда или серьёзная разведывательная операция?

Барон подозвал к себе старшего караванщика и приказал ему принести остальные вещи индуса.

— У него нет других вещей, таксыр^[93], — вежливо, но твёрдо отвечал старый киргиз, — весь его багаж перед тобой.

Он стоял спокойно, отвечал охотно и смотрел на Таубе честно, почти

простодушно. Какая, однако, может быть честность на Востоке? И майор решился. Он оглянулся на свой конвой. Казаки окружили караван редкой цепью и наблюдали за обыском; винтовки были у них за спиной, с седла никто не сошел.

— К бою! — зычно подал команду барон, и казаки мгновенно приняли оружие на руку и грозно передернули затворы. Но и киргизы, стоящие до этого толпою, не стушевались, а наоборот, начали растягиваться вдоль своих верблюдов, где в мешках у них наверняка было припрятано и оружие.

— Старик, — недобро усмехнулся Таубе, — ты забыл, кто такой Кара-Маджир? Сейчас будет кровь.

Старший караванщик колебался, но прищур у Таубе был устрашающий, и он крикнул своим:

— Назад!

— Я арестовываю твой караван и веду его в Иеркаштам к начальнику отряда генералу Абрамову. Который, кстати, был помощником самого Ярым-падишаха!^[94] В крепости караван будет тщательно обыскан. Если я обнаружу в мешках то, что ты не хочешь отдать мне сейчас, весь ваш груз и все верблюды будут реквизированы. А ты, как солгавший русскому офицеру и пособник британского лазутчика, пойдешь на каторгу в Сибирь. Знаешь, где это?

Момент был напряженный: двадцать пять русских против ста сорока азиатов. Но Таубе хорошо знал, что делал, и старый караванщик не выдержал. Он оглянулся на затравленного пундита, покачал головой (мол, ничего не поделаешь) и дал знак одному из своих сыновей. Тот вынул из тюка и передал отцу, а тот — офицеру какой-то свёрток, тщательно завернутый в кожу. Барон тут же развернул её и увидел русские технические чертежи — белой тушью по синему фону. В нижнем углу листа было красиво выведено: «Для Военно-инженерного управления исполнил классный инженер С.К.Джевецкий»

— Ба! Вот и Степан Карлович обнаружился, — обрадовался Таубе.

— Кто это, и что за бумаги вы добыли? — любопытствовал Яковлев.

— Изобретатель Джевецкий разработал для нашего военного флота подводную лодку. Первую в мире, которая на самом деле плавает под водой и может действительно угрожать британскому владычеству на море. Вообще, это большая государственная тайна; нам исключительно повезло! И теперь меня больше всего интересует, как этот парень в халате достал в здешних безлюдных горах столь важные бумаги?

Таубе внимательно осмотрел все пожитки «парня», его записи,

чертежи Джевецкого. На обороте последних он обнаружил запись, сделанную зелеными чернилами, всего две буквы: «BG». Надпись была совсем свежая...

Глава 16

Московская битва

Чёрный арестантский вагон подогнали на запасные пути Николаевского вокзала к часу дня. Московский конвой, славящийся своей лютостью, быстро всех принял, пересчитал и заковал в кандалы и наручи. В «Централку» пошли пешком. Два часа ходу до Бутырок, затем обыск, и восемьдесят питерских новосёлов растворились в огромной тюрьме.

Москва оказалась к неврам жителям неласкова: в день прибытия довольствия им не полагалось. Шестерых из этапа, в том числе и Лыкова с Челубеем, направили во второй корпус. Только что завершился обед; пахло вкусным, по арестантским понятиям, варевом, ленивые мазурики растекались по камерам, ковыряя в зубах. Посреди этого обжитого и мирного пейзажа стояли питерцы с узлами и озирались. Подошёл субинспектор: морда каменная, усы щёткой, глаз ко всему привычный. Глянул в списки, выкликал из толпы старосту, указал ему новеньких и убежал дальше по делам.

Пошли в камеру. Огромный деревянный балаган вмещал до полутысячи узников, расселенных по восьми большим комнатам. Староста, угрюмый дядька с нечистым прыщавым лицом, привел питерцев в одну из них, кивнул в угол, где параша:

— Там есть три места. Ляжете пока по двое; в середине уйдёт этап, расселитесь получше.

Аборигены камеры с любопытством воззрились на пришедших. Новенькие — главное развлечение в тюрьме: есть над кем поиздеваться.

Бритый, как лакей, рыжий мордатый парень с наглыми глазами крикнул из угла:

— Неси сюда «влазного» по тридцать копеек с башки, черти столичные!

«Влазным» называется взнос от нового арестанта в пользу артели при прописке в исправительной тюрьме; в пересыльной брать его не полагается. Но ошарашенные толкотней, зашуганные и голодные люди не посмели возразить и послушно полезли за деньгами. Вдруг Лыков поманил рыжего к себе пальцем.

Камера сразу затихла. Парень окрысился:

— Ты чё, «спирidon»? Белены объелся? Ты мне чёрта в чемодане не

строй!

Но Лыков смотрел сурово и звал к себе пальцем требовательно. Рыжий грузно спрыгнул с нар, подошел вразвалку.

— Ну?

— Передай Брудастому — прибыли двое, о которых ему писал «рапорт» из Питера Сашка Красный Туз. Желают встретиться.

И подтолкнул паренька к выходу. Толчок был как бы шутейный, но крепкий детина выскочил в коридор, как пробка, теряя на лету штиблеты.

В продолжающейся тишине — камера любит представления — Алексей подошел к майданцику, сидевшему возле двух помятых чайников, кинул ему на одеяло новенькую хрустящую трёшницу.

— Пару чая и мандру^[95]: ситный, колбасу и ещё госпитального квасу.

— Госпитального нету.

— Так достань! Принесёшь вон туда...

И Лыков пошел к наре рыжего. Залез ловким прыжком, сбросил вещи прежнего хозяина. Посмотрел удивлённо на соседа слева, и тот молча и быстро ретировался со своим мешком; освободившееся место занял Челубей.

Через десять минут лобовцы уже, свесив ноги, употребляли чай с закусками. Алексей подозвал майданцика, дал ему ещё рубль и велел принести остальным своим попутчикам пирогов «с таким»^[96] и щековины. Голодные питерцы оживились, повеселели и начали глядеть уже посмелее: уверенная наглость Лыкова внушала им надежду на защиту.

Пришел рыжий, беспрекословно собрал с пола свои вещи и доложил, что их ждут. Он же и повёл Лыкова с Челубеем к Брудастому — «ивану», управлявшему Московской пересыльной тюрьмой.

Тот встретил их в дальней от входа камере, заселенной почти сплошь «деловыми». Он действительно, под стать кличке, имел двойной подбородок; грузный, но широкий, плечистый, с крепкой костью — что называется, поперёк себя шире. На лобовцев Брудастый смотрел враждебно.

— Сашка Красный Туз — порядочный арестант, и шесть лет уже «иван», — сообщил он гостям. — Потому только с вами и разговариваю. Но склонен вас раскассировать. Потому, «спиридон» — он и есть «спиридон»; ежели всякая сволочь будет здесь самовольничать, в чужой ряд залезать, то порядка не будет. А вы пришли, как большие «мазы»^[97] ... Рыжика вон выселили, а он мой поддувала и находится, значит, под моею рукою. Ты откуда такой взялся духовой? Ты хоть знаешь, с кем говоришь?

С десяток фатовых обступили их при этих словах со всех сторон, готовые принять непрощенных гостей в кулаки. Челубей застыл, прямой, как солдат, думая, кого же ударить первым, и понимая при этом обреченно, что они крепко влипли. Эх, перегнул Лыков палку со своей амбицией! А ещё «никого не бойся»...

Но Лыков стоял невозмутимо и смотрел на «ивана» с видом совершенно независимым, словно и не замечал занесённых уже над ним кулаков.

— Подумай, Брудастый — сказал он спокойно, — нешто мы с тобой станем из-за какого-то Рыжика собачиться? Я же не просто так, до ветру зашёл; ты разберись сначала. Посмотри на меня внимательно — ничего не замечаешь?

— Замечаю. Наглого «спиридона» замечаю, которого давно «азбуке»^[98] не учили. Но это мы сей же час исправим... Вот отведут тебя в угол десять моих молодцов, накинут на башку азам и почнут битки давать — и что ты, наглая харя, сделаешь? Нешто сразишься со всею моею командою? Пупок не треснет?

— У вас тут на Москве недавно первейший батырь был, Коська-Сажень звали. Его твои ребята тоже бы в «тёмную» повели «азбуке» учить? Или бы сперва подумали?

— Коську никто никуда повести не смел — не тот был человек. Я уж его хорошо знал! Его побить было не можно... Но ты-то, босота, здесь при чем? Али хочешь себя с ним на одну доску поставить?

— Нет, на одну доску уже не получится. Когда я разговаривал с ним в последний раз, Коська сидел на земле и колесо каретное обнимал. Вот так вот... (Лыков показал, как именно). И несколько при этом грустил...

Несколько секунд Брудастый смотрел на него, не понимая, потом до него дошло. Он вскочил в сильном волнении и быстро обежал вокруг стола.

— Так! так...так... Сейчас! Ага! Сначала один, высокий, убил кулаком лошадь — это, значит, был ты, — «иван» ткнул пальцем в стоящего до сих пор молча Челубея. — Коська пошёл на тебя с топором, и пули его не брали. Тут подскочил сбоку второй, на вид совсем простого сложения, и в два тычка Коську и уделал. Это уже был ты!

«Деловые», плотно стоящие вокруг, все попятились разом назад.

— Молодец. Умный ты был бы человек, кабы не дурак. Теперь думай дальше. Когда списали мы с Челубеем вашего Анчутку — сделали вроде бы как доброе дело Михайле Ильичу, господину Мячеву, а он этого не оценил...

— Точно! Вас там всем обществом ловили.

— Нас пытались закончить, а я таких вещей, понимаешь, не люблю. Короче, провинился передо мной Мячев. И нашлись люди, которые ему это разъяснили.

— Степан Горсткин и...

— И тот, кто стоит за ним.

— ...И тот, кто стоит за ним.

— Для тебя, Брудастый, важно, что новый московский «король» на сегодня мой должник. Как думаешь, сильно ты для него дорог? Давай выясним? Махнем твою голову на его должок...

«Иван» молчал.

— Это ещё не конец, Брудастый. Ты ведь управляешь на сегодня Централкой? Здесь есть человек, был старостой в третьем балагане, Пестриков фамилия. Так его в апреле разжаловали. А он не просто сам себе Пестриков — он служит у Анисима Петровича Лобова. И ты, сукин кот, об этом знал. Знал ведь? И про «Этапную цепочку» тоже слышал? Через неё серьёзные люди из Сибири назад возвращаются, а ты это возвращение им отменил. Сбой из-за тебя, дурака, произошёл в «Цепочке». Ничего тебе сердце-вещун не подсказывает? У тебя на вышке обстоит неблагоприятно. Нас с Челубеем сюда для этого и прислали, починить то, что ты наломал, и мозги у кого набок съехали — поправить.

— Ты погоди, не гони так, — заговорил Брудастый с жаром. — Ты не всё знаешь. В третьем балагане «пустынники» как раз с апреля правят, там моей власти нет. Да и первый уже к рукам прибирают, сволочи! Что я мог поделать? Силлов не хватает с ними тягаться — их уже к полсотне привалило, а настоящих «деловых» и трёх десятков не наберется. Вот, жду: может, в среду угонят кого по этапу... Наглеют «зеленые ноги» с каждым днём — мочи нет терпеть; а куды деваться?

Лыков упругим шагом прошёлся из угла в угол, поводя широкими плечами, потом шлёпнул с шумом ладонью об стену:

— А давай их сегодня побьем! Не будем ждать никаких этапов — разгромим их по частям. Они же не в одном месте все пятьдесят спать ложатся?

— Нет, не в одном, — просветлел лицом Брудастый. — А ведь точно! Больше всех «пустынников» в том самом третьем балагане; на вчерашний день было тридцать четыре человека. В первом еще человек шестнадцать, может, семнадцать. В нашем совсем нет — тут фартовое место, а в четвёртом всего двое.

— Вот так их и отщучим. Начнем с третьего. К часу ночи собери всех своих, осторожно; мы с Челубеем присоединимся. Меня пусти впереди.

Как ворвёмся, сразу держите двери изнутри, чтобы другие «пустынники» не могли зайти. Когда покончим с этими, пойдём по балаганам остальных добивать; они уж к тому времени прятаться от нас разбегутся... Слышь, ребята! главное, не дрефить! Бить с умом: жизни чтоб не лишать, иначе все в карцер пойдём; а поучить надо с душой. Будут помнить баню до новых веников. А то ишь, удумали — с фатовыми меряться!

«Деловые» весело загудели: речь Лыкова пришлась им по душе, и план, придуманный у них на глазах, казался осуществимым. А то, что такой богатырь сам вызвался идти в первых рядах, придавало дополнительную веру в успех.

...К трём часам ночи битва «деловых» с «пустынниками» завершилась. Она прошла по лыковскому плану. В третьем балагане, где развернулись основные события, двадцать три человека с Брудастым и питерцами во главе, схватились с тридцатью пятью бродягами. Несмотря на неравенство в силах, всё решилось положительно в несколько минут. Тройка бойцов с порога ворвалась во вражеские ряды острым клином. Когда от страшного удара Лыкова бродяжий «маз», саженный верзила, улетел под нару, будто пущенный из катапульты, его люди смешались и побежали. Их догоняли, валили на пол и добивали ногами без пощады. Некоторые «пустынники» взялись было за ножи; двоих фатовых порезали, причем одному пробили брюшину. Но сопротивление было уже сломлено; кого ловили с «жуликом» в руках — драли почти до смерти. Покончив с главными силами, «деловые» пошли в другие балаганы доводить дело до конца. Бродяг гоняли по всей Централке и лупили смертным боем, причём в этом участвовали шпанка и даже некоторые бруссы, обозлённые диктаторским поведением «пустынников». Несколько часов велась загонная охота; бродяг вытаскивали из дровяных сараев, из-под кухонных котлов, даже из печей, отыскивали в нужниках и чердачных застрехах балаганов. Двое успели забежать в караулку, но их вынули и оттуда. Несколько «зеленых ног» покалечили, а одного, показавшего нож, забили-таки до смерти. Надзиратели благоразумно явились к шапочному разбору, чтобы лишь забрать наиболее пострадавших в лазарет, а относительно целых, для их же пользы, укрыть в карцере. Триумф «деловых» был полным, а низложенный было Пестриков сделался старшим старостой всей Московской пересыльной тюрьмы. Первое дефектное звено «Этапной цепочки» было починено.

Глава 17

В Сибирь

Утром 24 июня 1883 года, аккурат на Ивана Купалу, партия вышла из ворот Московской пересыльной тюрьмы. Конвой окружил ее и, первым делом, каждый третий солдат демонстративно зарядил ружье боевым патроном (так положено по инструкции). В колонне было около семидесяти человек. В первых, каторжных, шеренгах наблюдалось что-то очень много женщин, причем все с красными тузами на халатах — отравительницы; второе чисто женское на Руси преступление — поджигательство — почти не было представлено. Кандалы на них не надевали и головы, конечно, не брили — это удел сильного пола.

Сразу за каторжными шли ссыльно-поселенцы; их сковывали за руки по четверо в ряд, и мужчин, и женщин без разбора. За ними уже, составляя количественно две трети партии, следовали «спиридоны-повороты», а так же несколько родственников осужденных. Имелась и одна коляска с богатыми поляками-«блиноделами» — паны направлялись в Сибирь с удобствами.

Партии предстояло пешком пройти на Нижегородский вокзал и сесть там в почтово-грузовой состав. Отойдя от тюрьмы не более, чем на двести сажен, начальник этапа, седоусый штабс-капитан корпуса конвойной стражи, остановил колонну и громко спросил:

— Как желаете пойти, православные и прочих богов люди?

— Вестимо, ваше благородие, — отвечали опытные бродяги-«обратники», — желаем через купечество пройти. Вот у нас тут уже и маршрут написан!

— Ну, что ж, вы обычай знаете: сто рублей мне, по десятке унтерам, по рублю рядовым. Согласны?

Из первых рядов запротестовали было три еврея-контрабандиста, но «обратники» быстро их уняли. Договор с конвоем был заключен, и партия свернула в боковую улицу. Началось пятичасовое без отдыха шествие арестантов по Москве.

Каждую среду уже восемьдесят лет подряд выходят из Центалки этапом в Сибирь арестантские партии. Москва для них — начало печального многомесячного пути и место, где можно создать денежный запас, чтобы путь этот не был столь тягостен. Нигде не подают

невольникам так щедро, как здесь. Имеются на Москве купцы — и всегда это старообрядцы — которые через своих приказчиков жертвуют еженедельно тысячи рублей, и так в течение десятилетий! Отец умрет — дети его продолжают завещанную традицию. Калачами же накладывают вдругорядь целую телегу и партия часть их потом продает, а вырученные деньги направляет в дуван. Общий сбор дуванится потом на ближайшем отдыхе на всех поровну, не взирая на сроки приговора и уголовный вес человека. Опытные арестанты составляют путь на вокзал так, чтобы обойти и Замоскворечье, и Таганку, и Рогожскую заставу. Последняя никак не вернет себе былого значения после ужасного пожара 1862 года; теперь там живут лишь извозчики да железнодорожные служители, а хозяева все давно переехали в Китай-город. Но и простой люд не скупится на подаяние, допуская, возможно, что и ему когда-нибудь так же вот бросят монету... Только в Москве каторжному в руку сунут сразу десятирублевый банкнот. Потом хорошие сборы будут лишь в Нижнем Новгороде (там половина губернии — староверы). Раньше, когда весь путь до Нерчинска шли пешком, добрая слава ходила про Вязники, Лысково и Кунгур, а худая — про жадный Владимир; теперь паровоз и пароход изменили старые порядки.

Лыков и Челубей оказались на Нижегородском вокзале, вместе с другими, уже к вечеру. На дорогу каждому выдали двойную пайку хлеба (восемь фунтов) и по лабардану^[99]; питерцы подкрепили это сбитнем и бужениной. Видимо, этап нарочно выводили из тюрьмы загодя, чтобы арестанты могли собрать милостыни побольше. Староста партии с характерной фамилией Незнайсебя пересчитал на дебаркадере денежную дачу, заплатил обещанное офицеру и конвою, а остальное раздуванил; получилось по двадцать семь рублей и девять копеек на человека.

Перед самой посадкой в вагон пришёл Елтистов и вручил лобовским посланцам деньги и новые казакины. В них, за подкладкой, были защиты несколько паспортов, ассигновки на крупную сумму для выплаты жалованья сибирским резидентам, и еще несколько тысяч рублей наличными на случай непредвиденных расходов. В Нижний выехали уже в девятом часу; весь вагон пропах лабарданом.

...С Московского вокзала этап пошёл через весь город в арестантские роты на Ново-Базарной площади (Этапный двор стоял в ремонте). Момент для Лыкова был самый опасный: русские люди любят глазеть на каторжников, а в Нижнем Новгороде у него осталось много знакомых. Павел Афанасьевич, конечно же, телеграфировал заранее их преемнику и

другу Яану Титусу, нынешнему начальнику сыскной полиции, о прибытии «демона». Хитрый эстляндец безусловно сделает то, что поддается предвидению: заменит старых надзирателей на новичков; притормозит тюремного врача Милотворского и прокурорских помощников; переселит на время в острог мазуриков, которые ещё помнят Лыкова-сыщика. Но как быть с теми, с кем он учился в гимназии или жил на одной улице? А вдруг увидит Варенька Нефедьева! Поэтому ещё с вечера Алексей изобразил зубную боль, и утром ступил на родную землю с подвязанной щекой. Он забился в середину колонны, сменил манеру ходить, осанку, нелепо размахивал руками: замызганный, сутулый, из клетчатого платка торчит неопрятная борода. Родная мать не узнала бы... Пока Лыков шел до «цинтовки», весь взмок, но ничего — обошлось.

Зато, едва колонна проникла во внутренний двор, кто-то радостно крикнул из-под галереи:

— Лексей Николаич!

Лыков повернулся на крик с таким свирепым лицом, что человек осекся. По счастью, это оказался всего-навсего Викула Ропшин, «дергач» из Старой Русы, год назад сидевший вместе с ним в Псковской тюрьме.

— Что-то не так, Лексей Николаич? — уже шепотом спросил Викула, глядя в сторону.

— Я теперь Иван Иванович Шапкин, нерчинский мещанин, высылаемый административно, — так же шепотом ответил Алексей.

— Понятненько, Иван Иванович. Вечером, будет время, заходи в пятый номер.

Этапный балаган, временное деревянное строение во дворе арестантских рот, вмещал двести человек; набилось же триста пятьдесят. На вечернюю поверку заглянул — не удержался — Титус, и укрылся в коридоре. Старший надзиратель Гундосов за все время переклички на своего бывшего начальника даже не взглянул, только усмехался себе в усы. Когда шеренга выстроилась, Яан, в новом презентабельном сюртуке, с тросточкой, медленно прошелся вдоль строя, внимательно глядя в глаза каждому вновь прибывшему. Возле некоторых он останавливался и сверялся с карманным альбомом, в котором помещались фотографии находящихся в розыске. Этап напряжённо ждал; кто-то, наверное, и боялся быть опознанным. Четырех человек, включая и Лыкова, главный городской сыщик отобрал и увёл на второй этаж для тщательного допроса. Вызывал он в кабинет каждого по отдельности, держал подолгу. Алексей шёл третьим.

Едва конвойный закрыл за собой дверь, как Титус бросился обнимать

старого товарища. Разговаривали они вполголоса. В первую очередь Ян рассказал о матушке и сестре — он навещал их вчера. Там, слава Богу, всё было в порядке. Матушка, для её возраста, здорова, а сестра готовится выйти замуж за хорошего человека, командира парохода «Лопарь» товарищества Нобелей. Осенью свадьба — где-то в это время будет непутевый коллежский асессор?

Далее Титус рассказал о своей службе с новым губернатором. Старик Каргер (передававший, кстати, поклон), всё ещё тянул лямку полицмейстера, хотя часто болел и дела малость подзапустил. Генерал Баранов это замечал, но заслуженного инвалида не выгонял, а что-то делал и за него. Если отбросить некоторую тягу к рисовке, губернатор был энергичен, доступен и справедлив — провинция сделала из «героя „Весты“» труженика.

В конце беседы Титус сообщил полученное сегодня телеграфом поручение Благово: обратить особое внимание на связи людей Лобова с поляками. Похоже, Павел Афанасьевич нащупал в столице какой-то след.

Пора было прощаться. Теперь уж до возвращения не встретит Алексей ни одного дружеского лица: только арестанты, тюремщики, беглые варнаки и постоянная опасность быть разоблаченным и убитым. Или не разоблаченным, но убитым, что ничуть не лучше...

Когда он вернулся, наконец, в камеру, его встретил взволнованный Челубей.

— Обошлось, — успокоил напарника Лыков. — На кого-то я оказался сильно похож...

На другой день партию, дополненную десятью каторжниками из южных губерний, вывели за ворота. По Похвалихинскому спуску сошли к плашкоутному мосту, по которому Алексей, бывало, летел на ярмарку в своей первой полицейской должности помощника надзирателя. Проплелись Рождественской улицей до Гостиного двора, обошли весь Нижний Базар, собирая обильное подаяние. В России (то есть до Тюмени) петь знаменитую «Милосердную» арестантам запрещено; попрошайничают под барабанный бой и звон собственных кандалов. Этого прощального обхода Лыков боялся больше всего, поэтому за рубль сторговался с панами и проехал прямо на пристань в их компании, в закрытой коляске.

Наконец в полдень партию посадили на баржу, которую прицепили к буксирному пароходу «Львенок», и Алексей вздохнул свободно. Арестантов сопровождала Нижегородская пароходно-конвойная команда, но Титус заранее убрал из неё всех, кто знал Лыкова в лицо, и теперь ему нечего было бояться. В трюме за решетками помещались лишь

приговоренные к каторге и ссылке; «спиридоны» расположились на корме в общем пассажирском отделении, относительно удобно. В эту же часть перебрались и паны, и сразу принялись резаться в штос. Звали в игру и Лыкова с Недашевским, но Алексей запретил — обыграют, шельмы, а деньги казенные, припасены для Сибири (они везли с собой полторы тысячи рублей открыто, около восьми тысяч скрытно, и на шестьдесят пять тысяч подписанных Елтистовым, зашитых за подкладку ассигновок). Время потому коротали за любованием волжскими пейзажами, да катали «бычки»^[100] на щелбаны. Наконец Челубей нашел себе еще занятие: стал играть бесконечные шахматные партии с едущим в ссылку за хищения бывшим управляющим рижским банком. Силами соперники оказались равны друг другу, поэтому туры следовали один за другим, сохраняя интригу.

Так они плыли шесть дней, останавливаясь раз в сутки для приемки пароходом дров. Еду и даже отварную воду приходилось покупать в буфете «Львенка»; туда же пересылали для готовки приобретаемую у рыбаков стерлядь. В Чебоксарах посылали в складчину караульного за пивом и табаком, ночевали в жуткой духоте в Казанской пересылке, из Волги перешли в Каму. На воде встретили Петра и Павла, и Алексей передал деньги рыбакам, чтобы те поставили у себя в храме свечу во здравие Благово. Уже в летние Кузьминки, 1 июля, баржа доплелась до Перми.

Глава 18

Благово берет след

Павел Афанасьевич не спал почти всю ночь. За ужином у него выпала пломба, зуб разболелся и не давал уснуть. Полоскания настоем «соколиного перелета» не помогали. Благово вспомнил рецепт своей кухарки Матрены, убитой в Нижнем Новгороде страшным душегубом Тунгусом, и привязал к запястью руки две дольки чеснока. Уже через минуту боль затихла и вице-директор смог подремать оставшиеся до рассвета часы. В десять утра он ввалился к своему зубному технику и потребовал ремонта.

Кабинет техника располагался в казарме Гальванической роты, в пятом доме по Садовой улице. Разинув рот пошире, Благово ждал, пока затвердеет амальгама, а сам от нечего делать косился по сторонам. У окна сидел элегантный худощавый господин в визитке и с гибусхутом^[101] на коленях, остролицый, с холодными внимательными глазами. По виду поляк, подумал Павел Афанасьевич, а смотрит, как сыскарь. Двадцать лет назад первый петербургский градоначальник (до него все были обер-полицмейстеры) Трепов много панов привёл в столичную полицию. Человек легендарный и больше кого-либо сделавший для укрепления правоохранения, Трепов считал почему-то, что поляки менее русского человека склонны к мздоимству... С той поры сменилось уже пять градоначальников, все они и в подметки не годились Федору Федоровичу, но вот с панами он все же ошибся: брали на лапу не хуже русских. Теперь их уже изрядно почистили, но кое-где они еще оставались и дослуживали пенсион. Этот немолодой господин, видимо, из них: лицо вроде бы знакомое, встречались в приемной у Грессера.

Пан делал вид, что ждёт своей очереди, но сам малозаметно и вполне профессионально наблюдал за домом напротив. Человек посторонний даже и не заметил бы... Что ж ты, бедолага, в такие годы и все еще наружником, подумал действительный статский советник, но далее пожалеть коллегу не успел: тот быстро отвернулся от окна и боком-боком засеменил к выходу. Видимо, его объект показался на улице. Полюбопытствовав, кого это пасут, Благово скосил глаза в окно и увидел там своего однокашника, начальника военной разведки генерала Енгалычева, сажающегося в коляску. Причем оба они с возницей, блистающим военной выправкой, были в партикулярном

платье. ^[102]

Благово тот час же сошел с кресла и, наскоро простившись с доктором, вышел вон. Он знал, что дом номер четыре по Садовой принадлежит Военному министерству; согласно же «Росписи всем генералам» Енгальчев, как недавно интересовался вице-директор, проживает на Малой Вульфовой. Всюду-то у вас тайны, господа шпионы... Но почему петербургская полиция следит за собственными генералами? А вдруг поляк — бывший правоохранитель, вышедший уже в отставку, и сейчас подрабатывает на одно из враждебных России государств? Во всем этом следовало разобраться.

Благово удачно поймал живейного извозчика и пристроился в хвост пану, который на поджидавшем его экипаже продолжал наблюдать за Енгальчевым. В полицейском деле мало было страниц, не знакомых Павлу Афанасьевичу; умел он и выслеживать. Пропустив между собой и странным поляком четыре транспорта, вице-директор вел осторожное преследование. Так они втроем доехали до Овсянниковского сада за Конной площадью. Енгальчев сошел у Грузинской церкви и скрылся в подъезде неприметного двухэтажного дома в Мытнинском переулке. Поляк постоял немного в засаде, понаблюдав, затем отъехал и не спеша направился к Николаевскому вокзалу. На Гончарной остановился и долго кого-то ждал. Подошла богатая карета с императорской короной на дверях, с кучером в шляпе с позументом и в плаще, подбитом малиновым кантом. Пан передал ему какую-то записку, кучер сунул ее за пазуху, воровато осмотрелся и уехал. Малиновый кант... Чей-то «малый двор», но чей именно — Благово не помнил; то ли Павла Александровича, то ли Михаила Николаевича. Обнаруженные им обстоятельства становились все более странными и необъяснимыми. Енгальчев — ответственный военный работник, пользуется уважением государя; какие великие князья и зачем могли его выслеживать? Окончательно смутился Благово, когда довел поляка до пересечения Лиговки со Свечным переулком: на углу тот спешился и уверенным шагом зашел в трактир «Три Ивана»...

Прождав четверть часа неподалеку и опасаясь быть замеченным, Павел Афанасьевич счел за лучшее прекратить наблюдение. Он заехал в канцелярию градоначальника на Гороховой и попросил ее директора разъяснить личность загадочного поляка, полицейского по виду. Ответ совершенно его запутал: указанные приметы подходят только одному человеку, а именно коллежскому советнику Збышко-Загуре. Который служит в Отделении для производства дел по охранению общественного порядка и спокойствия при Петербургском градоначальстве... Личность это

в столице новая, его привел с собой год назад из Киева нынешний начальник отделения подполковник Судейкин; сказать поэтому что-либо определенное о поляке директор канцелярии затруднился.

Изрядно озадаченный Благово решил изложить все Енгальчеву, дабы искать разгадку вместе: одной его головы, хоть и весьма неглупой, тут явно не хватало. Охранное отделение — особая спецслужба, самая секретная в империи. Отделений всего два — в Петербурге и в Москве; подчиняются они Департаменту полиции, но офицеры числятся по Корпусу жандармов и руководятся Оржевским. Подполковника Судейкина Павел Афанасьевич немного знал. Высокий атлет, красавец с окладистой бородой и умными глазами, женолоб и сыщик волею Божьей, он отличился четыре года тому назад в Киеве. Еще был жив покойный государь и народовольцы вели на него настоящую охоту, причем киевские бомбисты считались самыми опасными. Когда жандармы ворвались в конспиративную квартиру отчаянных братьев Ивичевичей, они открыли ураганную стрельбу, прикрывая отход знаменитого террориста Валериана Осинского. Два жандарма были убиты наповал, остальные смешались. Тогда Судейкин заскочил в шинельную и лично застрелил обоих братьев, после чего вступил в рукопашную схватку с Осинским, обезоружив и арестовав его. За такой подвиг Георгий Порфирьевич получил повышение в чине и перевод в столицу на должность начальника Охранного отделения. Одновременно он был назначен на специально для него созданную должность инспектора секретной полиции. Дела Судейкина были окутаны великой тайной, но он считался птицей высокого полета и оперативником с большим будущим. Плеве его очень уважал, а вот министр Толстой, говорят, недолюбливал; но, впрочем, это могли быть только слухи. Благово, руководивший в Департаменте уголовной полицией, был далек от политических проблем и намеренно их сторонился.

Но пора было ехать к Енгальчеву. Отношения Павла Афанасьевича с другом детства были омрачены одним обстоятельством. В феврале 1881 года в Нижнем Новгороде они столкнулись лоб в лоб, и не смогли разойтись без крови. Покойный ныне государь попал к тому времени под абсолютное влияние своей молодой жены, урожденной княжны Долгорукой, и тайно готовил изменения в династическом вопросе. Хитрая Верка Шебеко и не менее хитрый армянин Лорис-Меликов использовали недалекую княжну в своих корыстных целях; она же крутила поглупевшим от любви императором, как хотела. Цель была объявить их с государем малолетнего сына Георгия наследником-цесаревичем в обход Александра Александровича. Очень многих людей, пригrevшихся у трона и

мечтающих при этом, как ни странно, о конституции, такой расклад весьма устраивал...

Военная разведка, бывшая на стороне законного цесаревича, вмешалась в эту историю со свойственной ей неразборчивостью в средствах. Выяснив, что «Народная Воля» готовит покушение на государя во время посещения им Нижнего Новгорода, она решила этому покушению помочь. Не удивительно, если вспомнить, что шеф разведки, генерал-адъютант Обручев в молодые годы приятельствовал с Чернышевским и вместе с ним звал Русь к топору... А чтобы ухлопать венценосца, требовалось сначала убрать отвечавшего за его безопасность Благово. После длинного и очень тяжелого разговора с Енгальчевым Павел Афанасьевич выбрал присягу, за что и получил по голове; с тех пор его мучают сильные головные боли и к старости, по словам докторов, неизбежен дрожательный паралич^[103]. А несчастного царя все равно через две недели в столице взорвали...

Год назад, встретившись случайно в «Медведе», генерал и тогда еще статский советник объяснились. Снова была нехорошая беседа, но в конце ее Енгальчев сказал:

— Помнишь, в Нижнем я обещал тебе, что это будет великий государь? И скажи теперь, положи руку на сердце — разве я не прав?

— Получается, Иван, что цель оправдывает средства?

— А так всегда было в жизни, Паша. И очень странно, что ты, выслуживший чин пятого класса не в Палате мер и весов, а в полиции, до сих пор этого не понял. Перечти Макиавелли. А про себя повторю: для блага России хоть с чертом сведусь, рога надену! И опыт показывает, что стране сделалось лучше после того, как мы расчистили ей путь к оздоровлению. Грех на душу взяли, но заради того, для кого ничего не жалко. Ты, Паша, чистоплюй; всё в дерьме вымазаться боишься. Не Родину в себе любишь, а себя в Родине. Чтобы со спокойной совестью сидеть потом в кресле-качалке и чай с вареньем гонять... А дела тебе нет до того, что старость твою покойную обеспечил Иван Енгальчев. Тяжкой жертвой. Ты же смотришь на меня, как на золотаря — с презрением. Ишь, чистенький...

Расстались они тогда холодно, но обоим после объяснения сделалось легче. И вот теперь снова сводит их на одной дорожке какая-то тайна.

Благово, осторожно ощупывая во рту языком новую пломбу — не вылетела ли от беготни? — вошел в подъезд особняка в Мытнинском переулке. На входе его встретил крепкий молодец в коломьянковой паре, на вид конторщик дома, но с очень уж прямой спиной.

— К кому изволите, сударь?

— Мне нужно видеть Ивана Филипповича Енгальчева.

— Здесь, сударь, такие не проживают; вы изволили ошибиться.

— Вы, любезный, передайте там, кому следует, лучше всего самому Ивану Филипповичу, что действительный статский советник Благово желает весьма срочно с ним встретиться; дело крайне важное, — отрезал вице-директор, и решительно уселся на единственный в вестибюле стул. Однако конторщик и ухом не повел.

— Еще раз вам говорю, ваше превосходительство, что такового господина здесь нет и никогда не было. Покиньте наше строение, иначе я буду принужден вызвать полицию.

— Да она уже здесь, — Благово сунул несговорчивому молодцу свою визитную карту. Тот прочитал, подумал немного и нажал кнопку звонка на стене за своей спиной. Немедленно открылась боковая дверь и вышел еще один «конторщик», постарше, с седой бородой.

— Вот, просят срочной встречи с Иваном Филипповичем.

Седобородый молча изучающе посмотрел на нежданного гостя, прочитал должность на визитке, кивнул и не спеша полез по жутко скрипящей лестнице на второй этаж. Через минуту вниз скатился подвижный, как шарик ртути, Енгальчев и с неподдельной радостью раскрыл объятья:

— Паша! Радость-то какая! Коньячку не побрезгуешь?

Они прошли рука об руку весь второй этаж. Несколько комнат, в которых сидят и что-то пишут с десятков мужчин среднего возраста; стучит одинокая пишущая машина, сторож в домашних туфлях несет кому-то чай с лимоном. Все обыденно и скучновато, как в торговом предприятии.

Заведя Благово в небольшой кабинет в конце коридора, Енгальчев быстро убрал в ящик бумаги со стола, усадил гостя в кресло, налил коньяку в серебряные получарки и наконец спросил буднично:

— Как ты меня нашел? Это место секретное.

— Я шел сегодня по пятам за твоим «хвостом», и пришел сюда. Вот какая, Вань, история...

И Павел Афанасьевич подробно рассказал хозяину засекреченного кабинета все сегодняшние свои приключения. Когда дошел до «Трех Иванов», то посвятил Енгальчева заодно и в детали операции по внедрению Лыкова в банду, поведал о зарезанных беременным женщинам, высочайшем поручении и первых рапортах «демона». Получился запутанный клубок, в котором причудливо переплелись военная разведка, Департамент полиции, уголовные преступники, Охранное отделение и чей-

то «малый двор».

Енгальчев слушал молча, не перебивая.

— Ты говоришь, у кучера на плаще был малиновый кант? Не красный, а именно малиновый?

— Да, а на дверце кареты государственный герб.

— Значит, кучер великого князя Владимира Александровича, любимого брата государя. Этот-то как сюда затесался? Не может быть от князя ничего дурного: он боевой генерал, кавалер Георгиевского креста, командующий всей гвардией. В войсках его любят! Нет, тут кто-то мелкий шельмует...

— Скажи тогда, для чего людям Судейкина следить за тобой, а потом идти встречаться с уголовным преступником Лобовым?

— Хороший вопрос. Когда-нибудь я тебе на него отвечу, обещаю. Вот что, Паша! Давай разбираться во всем этом клубке вместе. Коли уж ты, на мое везение, оказался в это втянут... За мной все-таки мощная секретная служба и прямой выход на государя. Плеве пока ничего не рассказывай — он приятель Порфирыча. Судейкин сейчас сильная фигура: он полностью подчинил себе вашего министра, запугав его байками про террористов. Толстой, старый дристан, хоть и не любит подполковника, но искренне уверовал, что бомбистов у нас целые орды. И что спасти его сиятельство от них способен только инспектор секретной полиции. Хотя по нашим данным — а я им доверяю больше — никаких бомбистов в России уже давно не осталось. Все или лежат в земле, или сидят за решёткой, или обретаются по парижам. Но Судейкин заслуженный офицер и ловкий человек; подозревать его в чем либо вредоносном преждевременно. Скорее всего, это только частный бакшиш полячишки Збышко-Загуры...

— Я считал, что поляков не принимают на службу в Корпус жандармов.

— Во-первых, не принимают католиков, а диссиденты^[104] служат. Во-вторых, католик не может быть офицером Корпуса, но чиновником Охранного отделения — вполне. Но вообще с панамы надо бы поосторожнее: очень озлоблены на Россию. По нашей линии мы часто их замечаем на тайной службе то немцам, то англичанам. А вчера майор Таубе — помнишь его? — прислал из Ташкента донесение: он подозревает одного офицера-поляка в шпионаже. Представляешь? Офицер! Присягу давал! Вот такие они: гадя России, считают, что приближают свободу Польши, и все средства для этого им хороши. А уж если они проникли в Охранное отделение... Поэтому давай так: расследуй сие мутное дело без осведомления начальства, держи меня в курсе всего и береги Лыкова. А я

потяну за ниточку клубка со своего конца.

Придя уже к вечеру в свой кабинет, Благово спросил чаю, обложился бумагами и начал думать. Надобно сначала, решил он, собрать побольше сведений об основных фигурантах дела; тогда, глядишь, то, что их связывает, проявится само собой.

Итак, великий князь Владимир Александрович. Генерал от инфантерии, командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. Фигура! Третий сын покойного государя; при отсутствии детей у нынешнего императора был бы наследником престола. На войне с турками командовал 12-м армейским корпусом, отличился в боях между Ломом и Янтром. В гвардии весьма популярен. Помимо военных занятий, великий князь является так же президентом Императорской Академии художеств; коллекционер, меценат и покровитель живописцев. И наконец, по общему мнению, Владимир Александрович — самый умный и способный из ныне здравствующих сыновей Александра Второго. Он на голову выше не только сухопутного адмирала Алексея и младших братьев — Сергея и Павла, но и, откровенно говоря, самого государя императора Александра Александровича. Не то, чтобы царь-батюшка был у нас совсем дурачок, нет; но — не далёк, не далёк... Здравого смысла, слава Богу, хватает, но вот того, что называется интеллектом, интуицией, вдохновением — нет и в помине. Хваленая императорская воля — миф; будучи человеком осведомленным, Благово хорошо знал о вихляниях Александра Третьего в вопросах, например, внешней политики. То немцы для нас лучше всех, то уже французы, потом болгары, а то вдруг оказывается, что ближе черногорцев нет у России друзей! Бедняга Гирс замучался объяснять Западу очередные царевы капризы. Зато во внутренней политике все ясно! Вопрос только, не сорвет ли рано или поздно крышку с котла, именуемого страной, от чрезмерного усердия по закручиванию гаек...

И вот с таким государем и малоталантливым его окружением умный и художественно развитый Владимир и впрямь выглядит белой вороной. Жена его, Мария Павловна, по прозвищу Михень, ходит по Петербургу и всем без стеснения, коза, говорит: вот кому бы надо быть на Руси самодержцем! Слаб человек, слаб и Владимир Александрович; нравится ему это, а честолюбия в князе на троих.

Ну, и что? Какое отношение все это имеет к «клубку», распутать который надлежит Благово? Да никакого!

Поехали дальше. Георгий Порфирьевич Судейкин. Министр внутренних дел граф Толстой ему не доверяет, ордена и ренты дает, но в должности не повышает и новых охранных отделений не плодит. Еще в

декабре прошлого года государь утвердил Положение «Об устройстве секретной полиции в Империи», в котором были слова о создании охранно-розыскных пунктов в крупных городах России. В кулуарах тогда называли Варшаву, Тифлис, Вильно и Киев, но как имелось до указа два Охранных отделения, так два и осталось. Судейкин был назначен инспектором секретной полиции, и в этом качестве руководил деятельностью обоих отделений. Так же ему подчинялись в ряде вопросов четыре жандармских управления: Московское, Киевское, Херсонское и Одесское. Говорили, что он заловил в свои сети какую-то крупную рыбу из террористов, но эта тайна строго охранялась. Плеве, с большим уважением относившийся к талантливому политическому сыщику, сказал как-то Благово, что скоро вся «Народная Воля» станет плясать под дудку Георгия Порфирьевича, пока тот сам не надумает прикрыть лавочку... Судейкин трудится не за страх, а за совесть; он почти гениален в своем деле и очень многое делает для охранения самодержавия. На роль злодея он, стало быть, тоже не годится.

Поразмыслив как следует, Благово решил, что сделался случайным свидетелем каких-то мелких дрызг внутри секретных служб. Крупные фигуры — великий князь и заслуженный подполковник — не могли участвовать в антиправительственных деяниях. А значит, есть просто озлобленный на Россию полячок, который, прикрываясь Охранным отделением, готовит каверзу. И надо понять, какую. В эту каверзу Збышко-Загура втащил петербургского «короля» Лобова, и, значит, прав Енгальчев: необходимо прикрыть Алексея! Если Анисим Петрович накоротке с агентами секретной полиции, то легенда «демона» Лыкова находится под угрозой.

Глава 19

Измена на Памире

Быстрое проникновение России в Среднюю Азию в эпоху царствования Александра Второго основательно напугало англичан. Им давно уже мерещились русские полки, спускающиеся с вершин Гиндукуша в долины Кашмира, где им навстречу выходят с цветами в руках местные племена.

В 1873 году, в результате долгих переговоров было подписано соглашение Горчакова-Гранвилля о разделе сфер влияния. Граница интересов проходила по северу Афганистана, рекам Аму-Дарье и Пянджу, и вассальным княжествам Вахан и Бадахшан. Но в игру двух могучих государств вмешался простой офицер с невиданными на Памире до сих пор амбициями.

Многолетняя оккупация китайцами Кашгарии^[105] всегда сопровождалась борьбой местного населения с захватчиками. Антикитайское исламское движение вылилось в 1863 году в восстание в городе Яркенде, в ходе которого дунгани уничтожили весь китайский гарнизон. Цинские войска ответили страшной резней во всем княжестве, и тогда на помощь восставшим пришел отряд андижанцев во главе с неким Якуб Бек. За пять последующих лет Якуб Бек не только очистил от китайцев весь Кашгар, нанеся им несколько серьезных военных поражений; он захватил также Сарыкол, принадлежащий Коканду. К 1870 году Якуб Бек стал самым влиятельным правителем на Памире. Он создал новое государство Йеттишар, а себе присвоил титулы Бадаулет (Могущественный) и Атталики-гази (Отец-завоеватель).

Кашгар-Йеттишар имел стратегическое значение — он разделял Западный и Восточный Памиры и открывал русским, при необходимости, путь на Индию в обход Афганистана. Поэтому уже в 1870 англичане направили к Якуб Беку делегацию во главе с опытным разведчиком и дипломатом Дугласом Форсайтом. Увидеться с главой государства им тогда не удалось — тот воевал в Джунгарии, на севере своей новообразованной страны. Проторчав месяц в Яркенде, англичане кое-как убралась восвояси. Однако Якуб Беку нужна была помощь в борьбе с Китаем, и в 1873 году переговоры все же состоялись. Крупную британскую экспедицию, составленную из топографов, геологов и разведчиков, возглавил все тот же

Форсайт; караван из 550 вьючных животных сопровождал отряд из 350 солдат.

В течение двух лет англичане и их пундиты обследовали и картографировали весь Памир и Вахан, причем разведчик Генри Троттер беззастенчиво проник даже на российскую территорию... Изучение политической ситуации открыло британцам тот факт, что между Афганистаном и Кашгаром имеются территории (Ташкурган и Сарыкол), которые истари являлись данниками Коканда. И, следовательно, если русские присоединят Коканд, они через эти земли выйдут к Гиндукушу и верховьям Инда.

Поэтому в переговорах с Горчаковым (а их вёл всё тот же Дуглас Форсайт) англичане попытались максимально продвинуть на восток границы опекаемого ими Афганистана, дабы закрыть обнаруженную брешь. В итоге ленивый, падкий на лесть, легкомысленный князь Горчаков (в угаре самовлюбленности совершенно беспочвенно сравнивающий себя с Бисмарком) «за просто так» подарил эмиру Кабула (а значит, англичанам) спорные княжества Бадахшан и Вахан. Эти земли исторически были вассалами Бухары, давно уже ставшей частью Российской империи, а эмир Дост Махоммед попросту оккупировал их пятнадцать лет назад. Князьинька узаконил этот самозахват, и границы Афганистана и Кашгара (который, напомним, отобрал часть территории у Коканда) сошлись.

В 1876 году русские взяли Коканд и создали на его месте Ферганскую область. Вопрос о ее южной границе встал теперь в полный рост: бывшее ханство распространяло свою юрисдикцию не только на северный, но и на южный склон Алайского хребта, вплоть до верховьев Аму-Дарьи. Поэтому уже в июле отряд под командованием М.Д. Скобелева обследовал Алайскую долину. Скобелев со всей точностью установил, что она является старым данником Коканда, и лишь несколько лет назад в связи с ослаблением в горах власти Худояра, последнего ферганского властителя, была самовольно переведена Якуб Бек в свое подчинение.

В октябре 1878 года генерал-губернатор К.П. фон Кауфман направил в Кашгарию Генерального штаба капитана А.Н. Куропаткина, тогда еще никому не известного. Тот провел переговоры с Атталики-гази и его визирем Заман ханом Эффенди об уточнении русско-кашгарской границы. Требование о возвращении России вассальных кокандских территорий было безропотно удовлетворено: могущественный Отец-завоеватель не посмел перечить самому Ярым-падишаху (Кауфману), представителю Белого царя в Азии. Однако уже через несколько месяцев после этих переговоров Яким Бек внезапно скончался. Китайцы очень быстро

уничтожили скороспелое государство Йеттишар и восстановили на его месте свою провинцию Синьцзян, существующую и поныне. Но Кауфман, опираясь на соглашение Куропаткина, мгновенно занял, вопреки воле китайцев, город Иеркештам, столицу Алайской долины, и сделал его базой для дислокации Ферганского действующего отряда. Империя наконец-то зафиксировала свою юго-восточную границу.

В итоге Россия вступила в конфликтные отношения как с Британией, так и с Китаем. Истерия в Англии по поводу «русской угрозы» достигла апогея. На туманном острове понимали, что порабощенные народы Индии только и ждут помощи извне, чтобы тут же восстать и перебить британский оккупационный корпус. М.Д.Скобелев в своей секретной записке «О походе в Индию» от 17 января 1878 года писал:

«Всякий, кто бы ни касался вопроса о положении англичан в Индии, отзывается, что оно непрочное, держится лишь на абсолютной силе оружия, что европейских войск достаточно в стране только для того, чтобы держать ее в спокойствии, и что на войска из туземцев положиться нельзя. Всякий, кто касался вопроса о возможности вторжения русских в Индию, заявляет, что достаточно одного прикосновения к горцам ея, чтобы произвести там всеобщее восстание... Падение британского могущества в Индии будет началом падения Англии».

Магараджи Кашмира, Индура и Пенджаба через своих тайных агентов бомбардировали Россию предложениями «взять их дело в свои руки. Эти государи в совокупности располагают войском в триста тысяч человек, и готовы к восстанию, как только императорское правительство приняло бы решение двинуться на Британскую империю в Индостане».

В том же 1878 году фон Кауфман в ответ на секретный запрос Александра Второго заявил, что готов захватить Индию с тридцатитысячным корпусом. А Константин Петрович всегда выполнял то, что обещал...

К счастью для англичан, случилась русско-турецкая война, отнявшая у России много сил и расстроившая ее финансы; стало уже не до Индии. Затем последовало 1 марта 1881 года, и новому императору, прозванному впоследствии Миротворцем, худой мир был лучше доброй ссоры. Через год царствования Александр Александрович выгнал, наконец-то, Горчакова в отставку. Тот уходил на покой богатейшим человеком: двум своим сыновьям светлейший князь оставил нажитые на государственной службе, не известно, за какие заслуги, 8 (!) миллионов рублей. (Князинька ловко выучился попрошайничать у предыдущего императора). Последним его подарком России стал позор Берлинского конгресса, лишивший страну всех

заслуженных кровью плодов победоносной русско-турецкой войны.

Сразу осмелевшие англичане быстро наводнили Памир своими шпионами. Кроме того, они старательно и умело, в чисто британском стиле, натравливали на Россию и Афганистан, и Китай. В Петербургском договоре 1881 года было определено, что Российская и Цинская империи назначают комиссаров для определения и демаркации спорной границы между Ферганской областью и Восточным Туркестаном. 7 июня 1883 года русский комиссар генерал-майор Мединский встретился в ущелье Чигар на южном склоне Тянь-Шаньского хребта с китайским уполномоченным амбанем Ша; переговоры начались.

Поручик Громбчевский сидел на бревне возле жарко горевшего костра и пил «уиски». Напротив расположился капитан Френсис Янгхазбэнд, со стаканом уже водки, в руках. Русский и британский офицеры вполголоса беседовали. Утром они провели астрономическое определение координат своей совместной стоянки в урочище Каинды Аузы, связав таким образом обе съемки: английскую и русскую, и теперь отдыхали. В полупьяном разговоре, который, кстати, велся на фарси, поручик был категоричен:

— Вы не понимаете, капитан, до чего все русские прямо-таки мечтают о походе в вашу Индию. Все без исключения: извозчики, купцы, генералы... Это какая-то национальная болезнь!

— Дались же вам наши грязные брахмапутры...

— Не нам, капитан. Нам, полякам, на Индию... как бы это помягче сказать... А вот им только подавай! — Громбчевский кивнул на семиреченских казаков, собирающих хворост для офицерского костра.

— А им, мне кажется, тем более всё едино.

— Мы у них сейчас спросим. Козорезов!

— Здеся, вашебродие! — расторопно подбежал высокий бородач и выпучил на поручика преданно-придурковатые глаза.

— Скажи — хочешь пойти на Индию походом?

— Как прикажете, вашебродие!

— Молодец! Получи от меня за службу чарку водки.

— Благодарствуйте, вашебродие. А можноть и другим?

— Валяй, зови всех...

Шестеро казаков во главе с урядником выстроились перед палаткой начальника. Громбчевских одарил каждого винной порцией, заставил крикнуть «ура!» в честь похода на Индию и отпустил.

— Да, — вздохнул Янгхазбэнд, — вы оказались правы. Эти бараны спят и видят, как бы украсть из британской короны самый яркий её рубин.

Но перейдем к делу. Вы встречались с амбанем?

— Встречался, — мгновенно стер с лица хмель поручик. — Как мог, убедил его, что все Памиры — исконная китайская территория, и подтвердил это картами.

— А хорошо бы эти карты ему передать, а? Для переговоров с Мединским...

— На этом наше с вами сотрудничество сразу бы и закончилось. Я думал об этом, но нашел более безопасный способ. Амбань прислал ко мне правителя своей канцелярии, и тот тщательно скопировал секретную карту при моей помощи.

— Отлично, господин Громбчевский! А теперь карта для меня.

Поручик осмотрелся, как вор на базаре, и передал англичанину сверток; тот немедленно спрятал его в планшетную сумку.

— Это совершенно секретная съёмка верховьев Аму-Дарьи с моими собственноручными пометами. Ни в коем случае она не должна попасть в руки русских!

— Не беспокойтесь, Бронислав. Через десять дней карта будет в Дели.

— Она позволит вам правильно спроектировать раздел Памиров между Китаем и Афганистаном. Так, чтобы не осталось места для России... Теперь вы знаете все козыри Романовых; действуйте решительно. Кто предупрежден — тот вооружен!

— Огромное спасибо, Бронислав! Британская империя не забудет вашей услуги. И поверьте: мы понимаем, чем вы рискуете.

— Надеюсь, вы понимаете также, и ради чего я это делаю.

— Разумеется. Когда-нибудь ваша родина станет свободной, и наша корона всеми силами будет этому содействовать. Историческая миссия поляков — быть барьером между дикой Русью и цивилизованными народами. В осуществлении этой трудной миссии вы всегда можете на нас рассчитывать. Последняя к вам просьба, поручик — переслать вот этот пакет в Петербург, и как можно быстрее. Адрес там указан.

— Будет сделано. Отдам Козорезову — он самый тупой в России казак, но и самый исполнительный; мигом доставит до Ташкента. А засим, капитан, прощайте — увидимся уже в Яркенде.

Янгхазбэнд ушел к себе, а Громбчевский осмотрел пакет, потом запечатал его в служебный конверт и крикнул:

— Козорезов!

— Здеся, вашебродие! — через минуту подбежал прежний казак, дыша свежим перегаром и вытирая засаленные пальцы о чембары. [\[106\]](#)

— Козорезов, я доволен твоей службой и буду просить начальника

полка о присвоении тебе звания приказного. Отдохнешь тогда от караулов...^[107]

— Рад стараться, вашебродие! — совершенно ошалел от счастья семиреченец. — Да для такого начальника я... эх!

— Тебе ответственное поручение. Вот пакет, надобно аллюр три креста доставить его в Ташкент. Беречь в пути, как середину глаза... или как там у вас? В Ташкенте пакет вскрыешь, конверт, что внутри, отправишь из центрального почтово-телеграфного отделения. Никому не показывать! Секретное донесение прямо в главный штаб! Вот деньги на почтовые расходы; хватит и на водку. Как исполнишь — возвращайся в полк, доложишь командиру, что я тебя отпустил.

— Слушаюсь, вашебродие! Вот тока... эта...

— Чего «эта»?

— Приказного... вы обещались... тово бы...

— Ладно. Ты пока собирайся, а я напишу сейчас ходатайство полковому командиру.

— Спаси вас Бог, вашебродие! Я мигом!

Через пять минут Козорезов, не взирая на то, что уже вечереет, уехал из лагеря. Он скакал всю ночь и утром прибыл в Кашгар. Там не столько отдыхал сам, сколько дал выстояться коню. Через три часа новоиспеченный приказный снова прыгнул в седло и продолжил путь. Горы сменились огромной цветущей долиной, затем желтой пустыней. Путь казака лежал через Ош, Андижан, Маргелан, Коканд и Ангрен — на столицу генерал-губернаторства город Ташкент.

К исходу недели исхудалый, запыленный, пропахший потом Козорезов подъехал к красивому двухэтажному зданию штаба Туркестанского военного округа. Спешился, привязал усталого коня и прошел прямо на второй этаж, бросив часовым на входе:

— Срочный пакет в разведочное отделение.

Ввалился, как был, в большую комнату, занимаемую отделением, выкинул за шиворот из мягкого кресла штабс-капитана Сенаторова, уселся на его место и сказал:

— Вовка! Живо мне тарелку борща и баню. Прибрать моего гнедого. А так же срочно вскрыть и изучить вот это.

И выложил на стол пакет капитана Янгхазбэнда.

— Виктор Рейнгольдович, почему это вас в таком виде часовые на входе не задержали? Вот я им задам! Шляются тут всякие оборванцы...

— Борща! — рывкнул Таубе, грохнув давно не мытым кулаком по столу. — И водки ведро...

Штабс-капитан быстрее ветра помчался в ресторацию.

Глава 20

А тем временем...

Лобов сидел у себя на фабрике в Чекушах со счетами в руках и проверял расход. Вдруг к нему в кабинет без стука ворвался Елтистов: красный, испуганный и торжествующий одновременно, и с какой-то бумажкой в руках. Следом зашел Озябликов; на нем не было лица.

— Ты чего, Елизвой? — недовольно посмотрел на вошедшего Лобов поверх очков. — Я, вообще-то, занят...

— Такие дела, Анисим Петрович, что не до церемоний, — истерично ответил Елтистов. — Вот полюбуйте, кого нам Озябликов пригреб! А ведь я с самого начала подозревал!

Лобов взял поданную бумагу и прочитал ее вслух:

«Выписка из эмеритуры по Министерству внутренних дел.

Лыков Алексей Николаевич, коллежский асессор. Старшинство с 15 мая 1883 года. Чиновник по особым поручениям VIII-го класса Департамента государственной полиции.

Эмеритальный счет № 1814.

Начислено сумм — 164 руб. 08 коп.».

— Что это за хреновина такая — эмеритура?

— Это такой дополнительный пенсион для военных и чиновников. Отчисляют на особый счет по шести процентов жалования в течение 25 лет, а по выходе в отставку получают всю накопившуюся сумму с процентами. Устроена недавно и не везде, а вот в Эм-Вэ-Дэ уже завели. А я туда залез через знакомого кассира и выписку эту получил! Так что, взяли мы на службу «демона» восьмого класса, Анисим Петрович, а Влас его слезами орошал... тьфу!

Лобов сурово поглядел на Озябликова, и тот молча виновато понурил голову.

— Эх, ты! Сына друга встретил... От старых дураков молодым житья нет. Прав был Елтистов, чернильная его душа, что сразу новенького невзлюбил. Но и Лыков молодец. Смелый человек. Такого даже убивать жалко... Но придется. Где они сейчас?

— Челубей телеграфировал вчера из Томска. Едут на восток.

— Что Лыков узнал, или мог узнать, о нашем плане?

— Об этом плане? Об нём — ничего, — торопливо сказал

Озябликов. — Яков проинструктирован строго-настрога, да и сам он знает только некоторые детали. Потери, конечно, будут: провалена «Этапная цепочка», выявлены наши связи с Желтугой, Чулошников засыпался... Но главного он даже мимо не прошел.

— Хорошо бы, коли так. Головой ответишь, ежели соврал! Однако раскассировать «демона» все равно надо. Кто-то должен поехать за ними следом, догнать на Каре и передать Челубею мой приказ. Кого послать? Пересвету Гатчина предстоит, Озябликов нужен мне здесь. Остаешься ты, Елизвой. Сам раскопал — сам и доведи дело до конца.

— Почему же я, Анисим Петрович? В эдакую даль, и к смертоубийству полицейского агента касательство иметь! Не, я не согласный. Пошлите вон хоть Чулошникова, он самого митрополита зарежет и глазом не моргнет.

— Дурак ты, Елизвой. Прохор Демидыч наш вовсе не Прохор Демидыч, и бежал он как раз из тех краев. А если его там опознают?

— Другого кого пошлите; у вас людей много, — упрямо отнекивался Елтистов.

— Другому Челубей не поверит. Поедешь именно ты, и поможешь Якову прикончить этого Лыкова; тот человек опасный. А то больно чистеньким хочешь остаться! Бухгалтером эдаким при моих деньгах сидеть и ни до чего грязного не снисходить. Хватит! Будешь, как все — и в крови, и в навозе!

Лобов снова обратился к счетам, давая понять, что разговор окончен. Елтистов и Озябликов молча двинулись к выходу. «Король» сказал им в спину:

— Чтобы нынче уже сел в поезд! Влас, посади и доложи потом.

«Военному Губернатору Забайкальской области

Генерал-майору Ильяшевичу И.К.

Секретно

Строго для личного ознакомления

Хранить в Особенном делопроизводстве

Во вверенную вашей власти область с секретным заданием под легендированной фамилией прибыл чиновник по особым поручениям VIII класса Департамента государственной полиции коллежский асессор Лыков Алексей Николаевич. Задание чрезвычайной важности производится по Высочайшему повелению и находится на непрерывном контроле у Министра графа Толстого. В пределах установленных законом полномочий

в условиях чрезвычайной охраны, введенной в Забайкальской области, к. а. Лыков имеет право производить внесудебные аресты на 30 суток любых лиц, включая должностные, причастных к расследуемому им делу; конфисковывать вещественные доказательства, а равно и имущество указанных лиц; закрывать принадлежащие им предприятия и заведения; делать распоряжения чинам полиции, ОКЖ^[108] и внутренней стражи. Вам надлежит оказать к. а. Лыкову полное содействие в исполнении им своих обязанностей и приуготовить к этому, с сохранением конфиденциальности, власти на местах, особливо в Нерчинском каторжном районе и прилегающих местностях. Все распоряжение к. а. Лыкова, производимые им при расследовании, должны выполняться беспрекословно и с должным усердием. Кодовая фраза-пароль для подтверждения к. а. Лыковым своих полномочий: „Между Амуром и Невой“.

Товарищ Министра внутренних дел — заведующий полицию
Генерал-лейтенант Оржевский».

Глава 21

Сибирские пересылки

Учитывая сжатые сроки, поставленные им начальством — вернуться до зимы — Алексей с Яковым не могли себе позволить идти в Забайкалье пешком, с общим этапом. Сказать по правде, это их устраивало. Согласно норме, партия должна проходить за месяц пятьсот верст (тридцать верст в день, через двое суток на третьи — дневка); в Томске и Иркутске положены трехнедельные отдыхи. При таких порядках инспекторы «Этапной цепочки» прибыли бы на место к Рождеству и со сбитыми в кровь ногами. Посему, пример поляков, едущих на каторгу с комфортом на лихой тройке, оказался заразителен, и из Перми вышли на восток уже два тарантаса. Солдатики караульной службы также были довольны прокатиться с ветерком, а не тащиться на своих двоих с винтовкой и подсумками. У «кислой шерсти»^[109] своя норма — сто верст в неделю, пять тысяч верст в год при любой погоде, и всё это за 2 рубля 70 копеек годовой денежной дачи... В итоге получилась привилегированная колонна: две повозки, а в них два богатых «спиридона», двое каторжных панов и двое караульных под началом ефрейтора. Так и рванули до Тюмени, и долетели до неё в четыре дня.

В Тюменской пересыльной, знаменитой своими особо лютыми клопами, Лыкову с Недашевским не удалось даже подраться. «Иваны», что проломили голову лобовскому агенту, давно уже отбыли на рудники, и наказывать было некого. Да и череп у парня благополучно зажил, и он опять заправлял в канцелярии. Отпраздновали Троицу, сели на пароход и поплыли в Тобольск. Зато, когда добрались до него и остановились там на ночлег, питерцев ожидало целое приключение. Тюрьму последние два месяца крепко «держали» конокрады. Их сошлось вместе одиннадцать человек — достаточно, чтобы подчинить себе тысячу разрозненных арестантов.

Конокрады известны своей особенной сплоченностью; взаимовыручка у них необыкновенная. Объясняется это тем, что мужики пойманных на лошадиной покраже в полицию не ведут, а убивают на месте. И потому профессия у этих воров самая опасная для жизни, рискованней, чем у любого записного убийцы. Чтобы заниматься подобным делом, необходимы надежные сообщники, такие, что голову свою подставят за

товарища... По всем этим причинам связываться с конокрадами не решился даже Лыков, и выкупил у старшего надзирателя дворянскую камеру. Однако после обеда их с Челубеем покой был нарушен приходом долговязого жигана, развязного, с потасканной физиономией безнадежно развращенного человека. С ним был еще какой-то чумазый поддувала. Усевшись напротив питерцев, парень уставился на них нагло и дерзко.

— Скажи этим, кто я есть.

— То есть Мишка-Дерибздяй, — подобострастно проблеял чумазый. — С ним тут никто не связывается.

— Отчего так? — лениво любопытствовал Лыков, глядя на гостя без интереса.

— А он с потышниками^[110] водится.

— Ну, вот пусть к ним и валит. Нам здесь только дерибздяев не доставало...

— Эвона как! — удивился жиган. — Мотрай, у нас всё по совести: кому не мило, тому в рыло!

— Сочинители про таких, как ты, говорят: «со следами всех пороков на лице». Если не исчезнешь в миг, следов у тебя прибавится.

— Ну, всё! — выдохнул Дерибздяй, обежал стол, подскочил к Алексею и ударил. Тот легко уклонился и махнул в ответ. Мишка отлетел в угол и там долго, минут пять, лежал без движения; чумазого же как ветром сдуло. Поднявшись, наконец, с трудом на четвереньки, Дерибздяй молча выполз вон.

Через час после этого в дворянскую камеру пришёл маз шайки конокрадов Васька Бобок — рослый кудрявый детина с лихими и весёлыми глазами. Лыков подобрался, но Бобок выставил на стол «диговинку».^[111]

— Давно здесь порядочных ребят не было; всё какие-то трусоватые приходят. Поговорим?

— А давай, — согласился Лыков, вынимая третий стакан. Челубей разлил, они выпили, помолчали немного, затем Бобок сказал буднично:

— Мы завтра делопризводством будем заниматься^[112] — на рихт пойдем. Барная скамейка обнаружилась^[113]. Айда с нами! Некомплект у нас; нужны лихие человеки.

— Прямо отсюда?

— Прямо отсюда.

— А потом куда?

— Сведем коняшку, растырбаним и опять сюда вернемся. Тут никто искать не станет. Не сумлевайтесь, всё уж давно слажено; чай, не впервой.

А понравится вам наше занятие, так мы вас до осени в лазарете поместим. Ещё дела провернёте, домой с хорошей деньгой прибудете.

Лыков сделал вид, что задумался.

— Ладно, — сказал маз, вставая из-за стола. — Покумекайте до утра. А завтра в другом месте дадите окончательный ответ. Бывайте!

— Что ещё за «другое место»? — встревожился Челубей, когда конокрад ушёл. — Он всю свою банду приведет для убедительности?

Разъяснилось это утром. Конвой вывел их из пересыльной тюрьмы, провёл мимо острога и памятника Ермака по высокому берегу Тобола и доставил в канцелярию к полицмейстеру. Красивый усач в щегольском чекмене, тот оказался похож на Ваську Бобка: глаза такие же лихие и веселые, а цвет лица как у настоящего жизнелюба. Внимательно изучив бумаги лобовских агентов, полицмейстер закрыл плотно дверь и спросил:

— Ну, что надумали насчет Васькиных слов? Говорите, как есть; люди нужны срочно. У нас все серьезно: придете к нам, в обиду не дадим, будете как сыр в масле кататься.

— Увы, есаул, не получится, — спокойно, как равный равному, ответил ему Алексей. — Дела у нас в Забайкалье, важные, задержки не терпят. Нас уже наняли люди посерьёзней тебя.

— Жаль, — вздохнул полицмейстер. — Я же вижу, какие вы «спиридоны»... Но нет, так нет. Сегодня же я вас отправлю дальше; о нашем разговоре, понятно, молчок.

Он сдержал своё обещание, и уже вечером Челубей с Лыковым снова плыли на барже. Четырнадцать суток, сначала по Иртышу, потом по Оби и Томи, добирались до Томска. Покупали по пути рыбу у остяков, а в Ляминоме бору приобрели полтуши изюбря, закоптили и питались им до конца плавания.

В Томской пересыльной тюрьме Лыкова ожидала неприятная встреча. Когда он в колонне вновь прибывших шёл в карантинное отделение, из галереи его негромко окликнули:

— Господин Лыков!

«Демон» резко обернулся и увидел Прова Суконкина, мелкого воришку-«отказника», которого он арестовывал три года назад в Нижнем Новгороде в должности помощника начальника сыскной полиции.

Момент был критический: паспорт у Алексея имелся на другую фамилию, прочие арестанты и конвойный надзиратель насторожились, Челубей остановился поодаль и ожидал продолжения.

— Ты, земляк, ошибся: я Шапкин Иван Иванович.

Но Суконкин, в сером бушлате и бескозырке, смотрел весьма нахально

и фамильярно махал рукой, подзывая сыщика к себе. И Лыков подошёл.

— Ну?

— Вы «нукать»-то обождите, ваше благородие, чать, не запрягли, — громко прошептал «отказник». — Я так понимаю, вы и есть из тех самых «демонов» из «чертовой роты», про которых в газетах пишут? Угадал?

— Я высылаюсь административно в Читу, по месту жительства. Я мещанин Шапкин. Понял? А не то...

— Чево «не то»? Вы такой разговор отставьте, вашебродие, я ведь обижусь да уйду. И сразу «иванам» выложу, какой вы Шапкин. Али Лыков. Они живо разберутся!

Алексей стоял молча и лихорадочно соображал. Выдаст ведь и впрямь, гаденыш! Попробовать напугать?

— Валяй, выкладывай. А я им в ответ расскажу, как ты Блоху полиции продал.

— Фуй! — рассмеялся Суконкин. — Тому уж сто лет в обед! Все забыли давно, кто такой он был. Другие вожди народились, никому это таперича не интересно.

— Что ты хочешь? — спросил Алексей, глядя в сторону.

— Вечером после проверки приходите за швальню, тама и поговорим. И чтоб был у меня!

Лыков вернулся в балаган весьма раздосадованный. Отмахнулся от встревоженного Челубея («так, одна гнида из прошлой жизни; я разберусь»), и уселся думать. Поганный, трусливый характер бывшего его доносчика теперь играл против сыщика. Суконкин постарается выторговать у него за молчание как можно больше. Но нет никаких гарантий, что он же и не сдаст потом Лыкова «иванам». Вся операция находилась теперь под угрозой!

Самое верное было бы изолировать Суконкина при помощи администрации. Сходить к смотрителю и открыться? Пароль — «Между Амуром и Невой». Об этой кодовой фразе, означающей, что агенту нужна помощь, секретной телеграммой извещены все тюремные и полицейские власти вплоть до Благовещенска. Однако раскрывать себя продажной надзирательской братии следовало лишь в крайнем случае. Лыков решил, что определит, тот ли это случай, после разговора с Провом.

Они встретились за швальней в десять часов ночи, когда было уже темно. Суконкин опасался сыщика и пришел не один: в отдалении, так, чтобы не слышать разговора, но всё видеть, стоял нанятый им человек.

Разговор Пров вёл жестко и нахраписто. Он потребовал (оговорив: «для начала») двух услуг — сделать его писарем в канцелярии, и убрать из

тюрьмы куда подальше некоего Вовку-Хазара. Хазар этот за что-то не взлюбил Суконкина и вот уже два месяца не дает проходу, издевается и бьёт...

— А если я этого героя безо всяких зрителей за пищик возьму [\[114\]](#) — зачтется оно в твои два пожелания?

Суконкин пожал пухлыми женоподобными плечами:

— Я же сказал: для начала эти два, а там поглядим. Могёт, и ещё появятся. С Вовкой же надоть как следует! А то вы уедете, а он останется и жизнь моя сделается тогда совсем невозможная. Как хотите, но уберите его отсюда насовсем!

— Не боишься, Пров, палку перегнуть? Я ведь теперь в Петербурге служу, в Департаменте полиции, и моё начальство знает, где я. Не ссорился бы ты с властью, умерил запросы, мой тебе совет.

— Дык департамент далеко, вашебродие, а «иваны» туточки, за стенкой. А ежели вы такой важный таперича человек, так и сделайте, что велю. Для начала.

Суконкин явно не собирался останавливаться в своих требованиях; его необходимо было срочно обезвредить.

— Ладно, — резюмировал Лыков. — Я здесь проездом, здешнее начальство обо мне не извещено. Как прибуду в Нерчинск, сделаю всё насчет канцелярии, а Хазару сей же час башку откручу.

— Эка нашли дурака! С канцелярией шток у меня здесь же решили, иначе ни до какого Нерчинска не доедете! Обязательно у вас пароль до властей имеется, или бумага где зашита. Здесь! иначе все «иванам» сообщу.

И Лыков понял, что придется идти к смотрителю.

На следующее утро после проверки он отправился искать майора Кандыбу, начальника Томской пересыльной тюрьмы. Задача была не простой: следовало подловить смотрителя так, чтобы рядом не было посторонних (особенно арестантских) ушей, сказать пароль, быстро объяснить ситуацию и оговорить способы дальнейшей связи. Ясно, что на место управляющего самой крупной в империи тюрьмой, вершителя судеб тысяч человек абы кого не поставят, и Лыков надеялся на быструю и грамотную помощь.

Он перехватил майора очень удачно, в переходе между канцелярией и пекарней. С Кандыбой был только помощник — молодой, белобрысый офицер в очках, со спокойным, приятным лицом. Подскочив к смотрителю, Алексей сдернул картуз, вытянулся по-военному:

— Ваше высокоблагородие! Дозвольте обратиться с прошением!

— Некогда мне, — отрезал тот, и хотел пройти мимо.

— «Между Амуром и Невой», — четко вполголоса произнес сыщик, со значением глядя прямо в глаза майору.

— Что? — взревел вдруг Кандыба, остановившись и дыхнув на Лыкова густым водочным перегаром. Алексей с ужасом увидел, что смотритель крепко пьян: лицо красное, как помидор, а маленькие бегемоты глазки смотрят тупо и гневно.

— Повтори, что ты сказал, подлец! Это кто тут воет? Повтори!

— «Между Амуром и Невой», — пробормотал сыщик, понимая уже провал своего плана. — Была зашифрованная телеграмма из ЭмВэДэ, проверьте в канцелярии!

— Да ты еще учить меня вздумал, ракалья, арестантская харя? Помощник!

— Здесь, Иван Самсонович!

— Кому Иван Самсонович, а кому «ваше высокоблагородие»!

— Виноват, ваше высокоблагородие; слушаю-с!

— Пятьдесят розог этому жоху, сейчас же, при мне!

Лыкова обдало жаром. Он понимал, что ничего не сможет сделать, если этот пьяный идиот действительно решится его наказать.

— Никак нельзя, ваше высокоблагородие, — вежливо, но твердо возразил помощник смотрителя. — Он не арестант, а административно высылаемый; телесные наказания не предусмотрены законом.

У Алексея отлегло было от сердца, но, как оказалось, преждевременно.

— Каким еще там законом?! Здесь я закон, а еще царь, и бог; как скажу, так и будет! Мне здесь все можно, я для этого сюда и поставлен. Выполнять!!

— Никак нельзя, ваше высокоблагородие, — по-прежнему твердо отвечал помощник. — О прошлом месяце отставлен без прошения смотритель Ачинского этапного двора, как раз за такое превышение власти. Прикажете в карцер на трое суток? Это можно-с...

Известие о том, что за самоуправство выгоняют со службы, несколько остудило «царя и бога». Обматерив на прощанье Лыкова, он бросил «в холодную!», и ушел, гордо скрипя сапогами.

И Алексей оказался в «индии», как «по музыке» уголовные называют карцер. Каморка два на два аршина с крохотным оконцем под самым потолком; стены покрыты слоем липкой плесени, а на полу густо набросаны нечистоты. Однако погрузить как следует сыщик не успел — уже через полчаса его вывели наружу и отправили под конвоем в канцелярию.

«Что там еще?» — обеспокоился Алексей. — «Вдруг Кандыба залудил

новый стакан и решил-таки исполнить свою угрозу?». Если так, то это конец: Суконкин тут же разуверится в его, Лыкова, полезности и выдаст «демона» уголовным.

Сыщика завели в кабинет помощника смотрителя. Тесная комната, бедная казенная мебель, одинокий гераний на подоконнике. Хозяин стоял посреди с формуляром в руках и внимательно разглядывал вошедшего.

— Шапкин Иван Иванович? Нерчинский мещанин?

— Так точно, ваше благородие.

— Что вы там давеча сказали господину майору?

«Была ни была», решил сразу же Алексей, и так же четко и со значением, как тогда Кандыбе, повторил:

— «Между Амуром и Невой».

Помощник смотрителя облегчённо выдохнул, улыбнулся по-доброму и сказал:

— Здравствуйте, Алексей Николаевич! Позвольте представиться: поручик Щастьев Платон Серафимович. Очень рад, что все удачно разъяснилось.

— Да уж, Платон Серафимович, если бы не вы, не знаю, как бы оно «разъяснилось». Ходил бы сейчас коллежский асессор с поротой задницей... Спасибо!

— Майор Кандыба бумаг не читает, но вы не могли этого знать.

— Совсем не читает?

— Совсем. Бумаги мешают ему управлять тюрьмой. Так, как хочется...

— Понятно. Если никого не высек, значит, день не задался?

— Вы даже не подозреваете, как близки к истине, Алексей Николаевич. Увы. Он у нас из кантонистов — сами понимаете... Да еще эта дипсомания.^[115]

— А вы, судя по тому, что я здесь, а не в карцере, бумаги читаете.

— На мне, говоря по правде, вся практическая работа по заведыванию тюрьмой, и уже давно. Но это ладно. Что случилось, коли вы решили открыться? Видимо, что-то серьёзное?

— Серьёзней не бывает. Меня опознал вчера один из ваших арестантов, некто Пров Суконкин, и угрожает теперь выдать уголовным. Если я не устрою его писарем в канцелярию и не устраню одного враждебного ему каторжного.

— Ну, это мы сейчас решим. Что я должен сделать?

— Взять бы стервеца за ноги, да об угол головой; жаль, нельзя. Нужно очень быстро изолировать Суконкина, исключив всякую возможность его общения с прочими арестантами. Всякую! Это очень важно. И содержать в

«секретной» до особого распоряжения Департамента полиции.

— Будет исполнено.

— Только, Платон Серафимович, вы понимаете, что все должно выглядеть натурально. Многие видели мой разговор с Суконкиным, кто-то мог заметить нашу с вами встречу. Если я сейчас вернусь в балаган, а парня вскорости схватят и потащат в одиночку, умные люди могут увязать эти события.

— Не извольте беспокоиться, Алексей Николаевич. Все будет именно натурально. Скажите ему сейчас, что всё решено для него положительно. Пусть ждет вызова в канцелярию для назначения на должность. Потом Суконкина тихо-мирно заберут на раскомандировку, и он исчезнет. Никто ничего не увяжет. Здесь же на сегодня четыре тысячи восьмьсот сорок девять арестантов — больше, к примеру, чем жителей в Чите. Чем ещё могу помочь?

— Дайте, пожалуйста, чернила, бумагу и пятнадцать минут времени. Мне необходимо составить телеграмму в департамент и зашифровать личным шифром; отошлите ее не медля в Петербург.

Усевшись за стол Щастьева, Алексей написал следующее:

«Нахожусь в Томской пересыльной тюрьме. Опознан уголовным, который меня шантажирует. Обратился за помощью к смотрителю майору Кандыбе, назвав обусловленный пароль, после чего оказался в карцере, поскольку вечно пьяный смотритель бумаг не читает. Будучи на грани разоблачения и угрозы смерти, выручен помощником смотрителя поручиком Щастьевым, который в курсе всех дел и много лет фактически руководит тюрьмой. Быстрыми и умелыми действиями одного лица опасность устранена, исполнение Высочайшего поручения может быть продолжено. Следую дальше на восток. Прошу принять меры к наведению порядка в Томской пересылке. Лыков.»

Дал прочитать текст помощнику смотрителя — тот порозовел, но смолчал — потом зашифровал и вручил для отправки.

— Думаете, получится? — спросил, после паузы, Щастьев. — Сил больше нет терпеть... Я уже переводиться собрался, все равно, куда.

— Продержитесь еще два, много три дня. Плеве доложит графу Толстому, тот даст указание Михаилу Николаевичу,^[116] после чего наверное приедет вице-губернатор и введёт вас в должность смотрителя. Не забывайте — речь идет о выполнении Высочайшего поручения! А теперь пусть меня вернут в балаган.

Глава 22

Тюремные типы

В маленьком Томске две тюрьмы. Одна — исправительная (арестанты называют ее «содержающая»): ветхое двухэтажное здание, сырое и убогое, в котором горюют семь десятков невольников. Вторая — Томская пересыльная — огромное предприятие, поражающее даже русского человека своими масштабами. Это целый город в городе. Белый трехэтажный корпус канцелярии с часовым у входа; подле него, на площади, бабы торгуют молоком и калачами. Большие решетчатые ворота ведут во внутренний двор с кордегардией. Вторые ворота доставляют вас уже на главный двор, размерами триста на четыреста восемьдесят сажений. По периметру, вдоль острожных стен, двор окантован цейхгаузами и несколькими подсобными строениями: прачечной, баней, двумя кухнями, пекарней и лазаретом. Внутри — собственно арестантские казармы: четыре длинных одноэтажных кирпичных корпуса, столько же бревенчатых, и шесть огромных летних балаганов из натянутого полотна. Особняком стоят два флигеля: военно-каторжное и дворянское отделения; в последнем устроена домовая церковь. Зимой полотняные балаганы убираются и тюрьма тогда вмещает две тысячи арестантов; летом же их число доходит до пяти тысяч!

Лобовский резидент в Томской пересылке Митрофан Наговицын оказался крупным степенным парнем, уверенным и развитым. Он сразу обмолвился, что почти закончил курс в Демидовском лицее! Наговицын сумел устроиться чертежником в инженерном столе канцелярии и теперь чувствовал себя в «колымажне», как рыба в воде. Он знал здесь всех, и все знали его. Только однажды он торопливо сдернул картуз перед каким-то офицером. С прочими, и военными, и партикулярными, Митрофан вежливо здоровался не снимая убора, и так же вежливо приветствовал встречных арестантов. Наговицын вызвался быть чичероном для гостей из Питера, и утром повел их изучать пересылку. Говорил он при этом много, но умно:

— Тут у нас такие типы, что прямо хоть сейчас в роман. Да вот, к примеру, этот... персонаж, ети его!

И Наговицын указал на рыжего мужчину с серьезным лицом тугодума, осторожно, как кот, вышагивающего посреди двора. По бокам «персонажа» сопровождали два крепких фатовика.

— Это Никифоров. Людоед.

— Людоед? — опешили столичные ревизоры.

— Да, самый настоящий. Когда убегал в тайгу, сманивал с собой «дядю Сарая», крестьянина попроще, будто бы в товарищи. А там его убивал и мясом покойника питался.

— Скольких он так?

— Доподлинно известно про четверых. Может, и больше... Каторжная тюрьма приговорила его к смерти. Никифоров смог вырваться в пересыльную и здесь застрял. Приговор дошел сюда. Тогда он нанял у «иванов» охрану — видите, двое «деловых» с ним ходят — и платит им по рублю в день. Тюрьма ждет, когда у сволочи кончатся деньги (давать ему в долг запретили). Говорят, осталось уже менее червонца. А Никифоров тоже ждет — перевода. Братья из Барнаула ему выслали пятьдесят рублей, так он каждый день ходит в канцелярию, интересуется, пришли деньги или не пришли. Вот вопрос: успеет ли?

Недашевский, сурово сдвинув брови, смотрел на красное, отечное лицо людоеда. А потом вдруг сделал то, чего Алексей от него не ожидал. Осмотрелся — далеко вокруг не было никого из надзирателей — и быстрым шагом подошел к фартовым. Те сразу напряглись, но Яков вынул из кармана два серебряных рубля и вручил каждому по монете.

— Он вам целковый в день платит?

— Ага.

— Вот вам два — погуляйте пяток минут.

— А чё так?

— Поучить хочу, как людей жрать.

— Это можно, — ответили фартовые, споро пряча деньги. — Только смотри, не до смерти — при ём ещё шесть рябых осталось. Перевод опять же...

Тут лишь Никифоров понял, что его продали, и бросился взапуски к канцелярии. Но Челубей одним ударом сбил его с ног, быстро поставил, снова повалил. Пинать лежащего он, видимо, не хотел, и каждый раз приподнимал людоеда левой рукой, чтобы тут же положить снова правой. Никогда ещё доселе Лыков не видел его в таком исступлении... Что на Якова нашло?

Увидев, кого бьют, от пекарни прибежали было три арестанта, но фартовые их отогнали:

— Вы-то куда? Человек за деньги хочет удовольствие получить. Имеет право. А вы, босота, ждите — шесть дён осталось!

Лыков не без сожаления оттащил Челубея от крепко побитого

каннибала и отчитал для порядка:

— Ты что, сдурел? Охрана увидит, в «индию» попадёшь; а нам некогда сидеть.

— А чего он тут выхаживает?! Деньгами откупается, упырь! Пусть хоть боками своими заплатит.

— Он уже такую цену платит, что не приведи Господь.

— Какую ещё цену! Ты погляди на его рожу — за три дня не обгадишь!

— Ожидание смерти, Яша, много хуже самой смерти.

Наговицын при этих словах только молча согласно кивнул, и повел гостей дальше. Вскоре он приветливо поздоровался с плечистым, среднего роста и плотного сложения человеком лет сорока, с густыми усами под хищным крючкообразным носом. Арестант на ходу пожал Митрофану руку, внимательно взглянув при этом на его спутников. Тяжелый взгляд... Незнакомец производил впечатление человека серьёзного и даже опасного.

— Это Цыплов, — с уважением в голосе пояснил резидент. — Не слышали? Знаменитый в Сибири бродяга. Сильный человек, смерти не боится. В семьдесят девятом связался зачем-то с политиками, организовал им тайную почту и уже подготовил несколько побегов, но городские мальчишки засыпались. И его засыпали. Цыплова приговорили к смертной казни (он сопротивлялся при аресте и здорово помял жандармов). Два месяца уговаривали выдать, держали в одиночке — а для уголовных это самое страшное; прокурор каждый день ездил. Не сломали! Он такой один, на весь уголовный штат империи.

Царёв служака Лыков только хмыкнул в ответ, но через минуту его ждали ещё большие испытания.

— А вот и Бомбист, — Митрофан указал на сидящего в теньке худощавого парня с волевым, выразительным лицом. Словно почувствовав, что говорят о нем, парень встал и быстро зашёл за угол.

— Почему Бомбист?

— Потому, что и есть бомбист. Пятый метальщик, что покушался на убитого государя. Счастливчик — с эшафота соскочил!

— Погоди-ка, — разгорячился Алексей. — Я всю эту историю помню, читал в газетах. Метальщиков было четверо. Первый кинул бомбу и не попал; его схватили, и он на следствии всех выдал. Рысаков его фамилия. Тоже повесили, заодно со всеми, не помогло ему предательство... Второй, поляк, метнул свой заряд прямо в ноги царю и погиб от него же на месте. Третий — фамилия его, кажется, Михайлов — испугался и ушел с покушения, но Рысаков его назвал; он тоже повешен. Четвёртый,

Емельянов, единственный, кто уцелел. Он, увидав раненого государя, вместо того чтобы добить его, принялся помогать спасать. С бомбой подмышкой... За это и пощадили; сидит сейчас в пожизненной каторге. Пятого не было.

— Правильно все рассказываешь, аккурат по газетам. Интересовался?

— Не каждый день на Руси царей убивают.

— Был пятый метальщик. Вот этот, белобрысый. Фамилия его Загадашников. Он «чистильщик». Перовская никому о нем не говорила. Он стоял отдельно от всех, на подстраховке, чтобы в случае чего довести дело до конца. И бомба у Загадашникова была самая большая, но — не понадобилась. Рысаков о нём не знал, а те, кто знал — не выдали. Везучий человек...

— А откуда о том известно? — усомнился Челубей. — Сам, что ли, рассказал? Разве о таком рассказывают?

— Тюрьма всё знает, — ответил убеждённо Наговицын. (Алексей при этих словах поежился — а вдруг его шифры и беседы тоже сделались известны этому всезнайке?). — Загадашников фигура крупная и долго здесь не просидит. Его взяли за мелочь, дали всего четыре года; власти и не в курсах, что он давно на верёвку наработал. И не узнают никогда; тюрьма своих не выдаёт! А окажется Бомбист на поселении, вскорости сбежит и ещё нынешнему царю фитилёк зажжёт; он человек решительный.

Вот так так! Лыков с трудом сохранял невозмутимое выражение лица. Чего только не выведаешь, окунувшись в арестантскую среду с той стороны. Парень соскочил с самой страшной в Уложении о наказаниях 249-й статьи, где на все пункты только один приговор — смертная казнь, об этом знают сотни людей, и молчат! Надо снова встретиться со Щастьевым...

— А вот другой счастливчик ковыляет, — Митрофан указал на колченого мужичонку в драном бушлате, неопрятного и жалкого. — На вид фармазон, а рукам цены нет! Панфил-блинодел. Здесь в Сибири, почитай, все крупные торговые дома на фальшивых деньгах поднялись. Купцы ставят далеко в тайге заимку, снаряжают всем необходимым и селят туда таких вот людей. Раз в неделю заезжают, привозят бумагу и поесть, а забирают готовые финажки. Когда последних нарисовано уже достаточно, заимку сжигают. Вместе с мастерами, чтобы, значит, концы в воду... Панфил здорово обгорел, ногу испортил, но живой из пламени выполз. Теперь боится, что прежние хозяева прознают про то, и вернуться добить. Здесь с этим строго.

— Донести не пытался? Из мести...

— А с этим ещё строже! Он порядочный арестант. Опять же понимает: так ещё, может, перекантуется; а донесёт — тогда конец; свои удавят, по закону.

Прогулка по тюрьме продолжалась. Перед корпусом третьего кандального отделения Наговицын молча поручкался с изнуренным, грустным, восточного вида мужчиной, у которого из-под арестантского бушлата высывалась линияя синяя блуза.

— Вроде я такие на турках видел, на войне, — удивился Алексей.

— А он и есть турок. Беда у него — застрял в Сибири безо всякой вины!

— Но война уж пять лет, как кончилась.

— Война кончилась, а он сидит. Махмед-бей его зовут; простой онбаши^[117]. Их там где-то на Кавказе взяли в плен сразу целую роту, и поместили в Батуме. Когда перемирие назначили, тамошний полицмейстер стал собирать с пленных деньги, за то, что их домой отправляют, представляете! А у этого денег не было, его наши казаки уже ограбили до того. И полицмейстер написал какую-то бумагу и отправил Махмед-бея в Сибирь. Думаю — с целью остальным острастку дать, чтобы платили исправнее. Так и сидит турка с тех пор. Я нарочно полубопытствовал, разыскал у нас в канцелярии ту бумагу. В ней написано, что сей человек схвачен в расположении войск переодетый пастухом. Шпион, значит. А подписи за коменданта района и за секретаря одной рукой, и без приложения печати. Явная липа!

— А писать наверх он не пытался?

— Ха! Здесь напишешь... Махмед дважды подавал прошения на высочайшее имя, но кому? Кандыбе. В первый раз выпороли, во второй в карцер на месяц посадили. Больше уж он и не пытался. Кстати, — обернулся Наговицын к Лыкову, — что у тебя вышло вчера с нашим майором?

— Хотел у него в город отпроситься, в торговые бани. Три недели не мылись.

— И как?

— Чуть не выпорол. Спасибо помощнику — отговорил.

— Да, с Кандыбой шутки плохи. Натуральный зверь! Вечно херый^[118], лопает с утра до вечера да арестантов лупцует. Но интересы свои ещё как блюдет: за деньги с него что хошь можно получить. Тут в лазарете богатый скопец прохлаждается. Год уже отдыхает от этапов. Кандыба старается объявить его больным и выпустить на поселение, но доктор пока держится.

Дожмёт! там такие деньги проплачены...

— А помощник, что меня отстоял, каков?

— Щастьев совсем другой.

— Либерал?

— Вот уж нет. Потачки никому не даст; мужчина строгий. Но по делу, а не из дури, как смотритель. Справедливый. Тюрьма его уважает. Вот бы кому на место Кандыбы, но майор наш хоть и пьяница, однако хитрый. Внутри забора он дал помощнику, почитай, полную власть — чтобы самому службой не заниматься. Но наружу ни одна бумага без его подписи не выходит, хотя их сочиняет все тот же Щастьев. Три года Кандыба в отпуску не был! Боится — останется Платон Серафимович за него, начальство и обнаружит, кто чего стоит. Так что, сидеть Щастьеву в помощниках до майорского пенсионера... И насчет бани к нему иди, а майора избегай.

Прошли ещё саженой сто. Резидент показал кухни, прачечную. Навстречу попался человек с караваем в руках, невзрачный бородач с бегаящим взглядом.

— А вот вам и настоящий шпион.

— Этот мазурик?

— Самый что ни на есть шпион. Австро-венгерский, хотя по нации галицийский хохол. Зовут Кость Зарудный. Попался жандармам, когда рисовал фортификации Васильковского укрепления под Киевом. Он в Подолии целую тайную организацию мазепинцев создал! Главная идея у них была — независимое королевство Украина с каким-нибудь германским князем на троне. Слово-то какое выдумали: Украина! лишь бы не говорить «Малороссия»...

Челубей иронично хмыкнул, а Лыков — нет; он знал это дело по секретным сводкам и ничего весёлого в нём не находил.

— Там всё серьёзно было, — пояснил Наговицын. — Австрияки много денег дали, и заставили заниматься шпионством. Зарудному напаяли восемь лет каторги, но до Нерчинска хлопец так и не доехал. Нашему Кандыбе письмо пришло, из самой Вены. Говорят, ихний начальник разведки, тоже майор по чину, ^[119] похлопотал за своего человечка. Да ещё наверное приложил кое-что к конверту. Письмо-то не по почте ехало, его какой-то жидок привёз и вручил Кандыбе лично. Зарудного приставили к пекарне. Теперь он завсегда с хлебом! Пересыльная тюрьма — это же не каторжная; а срок ему засчитывается, поскольку он оставлен здесь по воле администрации.

— Это что получается, — возмутился Лыков, как бывший солдат. —

Австрияк написал сюда...

— Как майор майору, — ехидно вставил Челубей.

— ...и наш смотритель своею властью пойманному с поличным шпиону заслуженное наказание облегчил?

— Верно.

— Ну у вас тут и порядки, — только и вымолвил Алексей, а про себя решил, что так этого не оставит; покатает ещё Кость свою тачку.

— Вот, возможно, самый забавный персонаж нашего заведения, — Наговицын ткнул пальцем в нового арестанта. Хлипкого сложения, седенький и уже сильно не молодой, он был одет несколько рассеянно, но аккуратно. Взгляд человек имел странный: задумчивый, устремленный в какие-то, одному ему видимые пространства... Кандалы тихонько позванивали на ногах чудака и, очевидно, нисколько ему не мешали.

— А он в своем ли уме?

Митрофан хохотнул:

— В самую точку вопрос; да вот ответа на него никто не знает. Это Сноговский, приват-доцент Петербургского технологического института.

— За что это приват-доцента, да в каторгу?

— Сноговский участвовал в ограблении ювелирного магазина Казакова в Гостином дворе.

— Не может быть! — воскликнули питерцы. — Этот божий человек?

— Вот-вот. Сей божий человек прожёт «шопенфиллерам» два несгораемых шкапа с бриллиантовыми украшениями. Причем именно прожёт, каким-то особенным лучом собственного изобретения. В магазине полиция нашла машину Сноговского и электрическую батарею, которую он позаимствовал из института. Батарея и выделяла этот луч. Вся прибрда весила несколько пудов. Налетки разобрали стену из соседнего помещения, втащили вчетвером машину, а взяв камни, смылись, бросив приват-доцента с его железяками. Тот постоял, поохал да и тоже убежал; но по батарее его сыскали и дали шесть лет каторжных работ. А «шопенфиллеров» и сверкальцы^[120] так и не нашли...

— Луч Сноговского прожог листовую сталь? — заинтересовался Челубей. — Не может того быть. Это же такое важное изобретение получается!

— Я читал его статейный список в канцелярии. Всё было так, как я вам рассказываю.

— Да его не в каторгу надо, а в науку! Пусть развивает свои лучи на пользу российской промышленности.

— Некоторое время его держали военные, но потом объявили

шарлатаном и отдали полиции. Это есть в его деле.

— Я хочу с ним поговорить о его изобретении, — неожиданно загорелся Недашевский. — В корпусе физику хорошо преподавали, я ее любил — пойму. Только он рассказывает ли о об этом?

— А ты дай ему коробку папирос, он тебе всю душу раскроет. Страдает очень приват-доцент без курева.

Яков так и сделал. Беседа его с изобретателем длилась более получаса. Лыков с Наговицыным стояли поодаль, а Сноговский что-то охотно, даже с жаром объяснял Недашевскому и чертил прутиком на земле длинные формулы. Исписал их два аршина; Челубей переспрашивал, морщил лоб, кивал головой... Однажды до слуха Алексея долетела фраза, сказанная изобретателем-«шопенфиллером»:

— ...Если человечество научится вырабатывать электричество большой мощности, я смогу дугой Вольта резать и сваривать металлы любой толщины, строить мосты, изготавливать без единой заклепки броненосцы! В металлической промышленности откроется новая эра!^[121]

В конце беседы Челубей уважительно пожал лектору руку, подарил рубль на курево и вернулся к своим спутникам. Он был сильно озадачен.

— Ну, не знаю. Я понял меньше половины, но, если этот человек прав, его изобретение сулит переворот в целом ряде отраслей хозяйства. А его — в Сибирь, в кандалах...

Последняя удивительная встреча ожидала туристов уже при входе в свой балаган. Им попался огромного роста негр, у которого из-под арестантского халата высывалась синяя ливрея с золотыми басонами!

— То Абдулка, — пояснил Наговицын. — Майор Кандыба сдает его внаём ресторану «Счастливое место» — стоять на входе. Народ так и валит!

— Как он здесь оказался?

— Прислали по 1523-й статье^[122]. Долбодятел! Найти негра в Петербурге — это даже нашей полиции по силам. Чем думал?

Вечером, неожиданно для Лыкова, в стенах тюрьмы прозвучала фамилия Таубе. Они с Челубеем сидели в пересыльном бескандаальном отделении и ожидали ужина. За столом рядом с ними расположилась компания из четырех арестантов. Одним из них оказался везучий метальщик Загадашников; он-то и вёл разговор. Прислушавшись, Лыков понял, что речь идет о подкопе под херсонское казначейство, которое в 1879 году произвел знаменитый террорист Юрковский по кличке Сашка-инженер. Тогда на пополнение партийной кассы было взято более

миллиона рублей. Беседовали явные профессионалисты. Загадашников подробно, со знанием дела излагал всю историю подкопа, а слушатели задавали уточняющие вопросы и входили в детали. Ясно было, что Бомбист лично участвовал в знаменитом предприятии, наделавшем в своё время много шума в уголовной среде.^[123] Сейчас Сашка-Инженер сидит на Каре, и ему уже добавили к ранее полученным еще десять лет за неудавшийся дерзкий побег.

— Эх, вот человек, — вздохнул один из слушателей, известный на юге России налётчик Решетов. — Его бы сюда! Утекли бы вместе, и в Иркутск; там казначейство джуже богатое. Разломали бы, да и в Америку...

— С серсами везде хорошо, — философски заметил другой собеседник, бродяга Лямин. — Без них плохо. А что, товарищи, не сыграть ли нам в «три листка»?

— Чего с тобой, раклем, играть, — ухмыльнулся Решетов, — когда ты третьего дня всё Болдохе спустил.

— А ты глянь вот сюда, — со значением сказал Лямин. — Вишь, какая штука! Барская. Ставлю в пару «буланых».

И он выложил на стол тетрадь в потёртом кожаном переплете, в какие обычно записывают хозяйственные счета или дневниковые заметки.

Каторжники принялись разглядывать тетрадь и сразу же её разбранили.

— На кой пёс она нужна? Бесплезное кле. В нужник с ней ходить — так мох есть, а он бесплатный. Выкрасить, да выбросить... Вишь, и страницы многие вырваны! а он в два «буланых».

— Это я сам на самокрутки пустил, — объяснил «пустынник». — На камне ее нашёл, в тайге, о прошлом годе. Но ещё страниц два-на-десять осталось; бумага, гля, какая тонкая! Ну, давайте на плитке^[124] сойдемся.

— Что хоть там написано? — заинтересовался самый грамотный из компании, политик Загадашников. — О! Первый лист уцелел. Так, так... «Дневник военно-топографической экспедиции Главного штаба». Что-то казенное и давнишнее. «Начат июня 14 дня 1863 года Гвардейского штаба поручиком бароном Рейнгольдом Августовичем фон Таубе».

Лыков вскочил с места, как на пружинах, и подбежал к игрокам, раскладывавшим уже карты.

— Как ты сказал — Рейнгольд фон Таубе?

И он бесцеремонно вырвал тетрадь из рук Бомбиста и стал внимательно её разглядывать. Старая, изрядно пожелтевшая, и почти все страницы уже вырваны. Писано чёрными чернилами, аккуратно и

разборчиво. На титуле, действительно — Рейнгольд фон Таубе, барон. И облатка наклеена с гербом. Неужели отец? а это его ежедневник? Виктор за всё время их знакомства не обмолвился о родителе ни словом...

— Ну, что, берёшь? — с надеждой в голосе спросил Лямин. — Два с полтиной всего.

Все дружно рассмеялись, и Алексей вместе с ними.

— Эх, ты, костяная яишница! На вот, держи и будь доволен.

Он бросил бродяге полтинник и забрал тетрадь. Пояснил заинтригованному обществу:

— Поручик у меня был в роте, на турецкой войне — Виктор Рейнгольдович Таубе, барон. Талыгай не из яманных.^[125] Возможно, это его отца бумаги; разобраться хочу.

Арестанты вполне удовлетворились этим объяснением и принялись за карты, причем радостный Лямин сразу стал выигрывать. Алексей же уселся поближе к свету и начал разбирать дневник.

Всего уцелело двенадцать страниц: две первых и десять последних. Дневник открывался разъяснением цели экспедиции и описанием её состава. Оказалось, что она была направлена в Омскую губернию по личному распоряжению директора канцелярии Военного министерства генерал-лейтенанта Кауфмана (будущего туркестанского героя). Поручение — составить карту малоизученного участка на юго-востоке губернии в районе Шайтан-озера, а заодно изучить некие загадочные пещеры в его окрестностях, о которых местный исправник доносил какие-то удивительные сведения... Начальником экспедиции назначался капитан Воробьев из Военно-топографического депо Главного штаба; поручик Таубе состоял его помощником. Кроме них прикомандированы были еще два офицера, партикулярный геолог и шестнадцать казаков с урядником.

Введение обрывалось на полуслове, дальше были вырваны страниц пятьдесят, и начиналась заключительная часть повествования, причем речь в конце пошла про пещеру. Предпоследняя запись гласила, что экспедиция обнаружила в предгорьях Алтая (Таубе указывал координаты) странное отверстие в породе, диаметром в две сажени, которое вело вниз под углом строго сорок пять градусов. Ход больше напоминал тоннель искусственного происхождения, нежели природный феномен, и стены его были идеально гладкие и блестящие, словно облитые жидким стеклом... Последняя запись гласила: «Завтра спускаемся в тоннель как можно глубже с целью обследовать его».

— Эй, «зеленые ноги», — окликнул Алексей Лямина, дочитав дневник до конца. — Где ты, говоришь, нашел тетрадку? В Омской губернии?

— Не, в какой Омской! В Забайкалье, около Хилка.

— Точно в Забайкалье? Ты тут мне гвоздя не забивай! [\[126\]](#)

— Ей-бо! Аккуратненько так на камне лежала, словно её кто за час передо мной поклат. Я всё кругом обежал, думал ещё что найти, да нет, одна тайга с бурундуками...

— А пещеры были поблизости?

— Пещер на Хилке изрядно.

Что было делать с тетрадью? Везти ее с собой в Нерчинск Лыкову представлялось опасным: мало ли что там его ожидает? И он пошел в канцелярию, чтобы оттуда послать находку самому себе, в Петербург на Шпалерную. Заодно надо было увидеться со Щастьевым, рассказать ему про Бомбиста, настоящего и мнимого шпионов, и отпроситься в бани.

Когда на следующий день, помытые и умиротворенные, они с Челубеем возвратились в острог, в глаза сразу бросилась повышенная суетливость караула. У главного корпуса стояло несколько щегольских колясок; через двор нёсся, сломя голову, конвойный штабс-капитан с пачкой рапортов, а арестанты возле церкви радостно поздравляли с чем-то друг друга.

— Брат, что случилось-то? — Челубей поймал за ворот одного из них.

— Кандыбу отставили! — ошалело крикнул тот. — Есть Бог на небе! Всегда я им это говорил — есть!

— Как отставили? За что?

— За то, что зверь, — убеждённо ответил каторжник. — Приехал сам губернатор и привёз бумагу из Питера. Кандыбу — к чертовой матери, вместо него Щастьева поручика. Теперь у нас другая жизнь начнется!

Глава 23

Нерчинский каторжный район

Вечером того же дня лобовские эмиссары выехали из Томска далее на восток, в ямщицкой тройке с малым конвоем. Уголовными преступниками они не считались, платили исправно, и начальство не видело причин отказывать странным «спиридонам».

Начался последний отрезок пути в 2700 верст до Нерчинска через Красноярск, Иркутск и Верхнеудинск. От Томска начинаются жидкие леса с болотами и идут до Енисея. Путники вкусили полной мерой все тяготы Сибирского тракта: вечно пьяных возниц, немыслимые ухабы, жуткую мошку и полуживых от тяжелой службы лошадей. Даже опытный Лыков, объездивший уже и Европу, и Кавказ, нигде еще не встречал такого... На печально знаменитой Козульке — двадцатидвухверстовом, самом страшном переходе за Ачинском — коляска сначала дважды опрокинулась, а затем развалилась прямо на ходу. Лыкова и Челубея вывезли из беды почтальоны. Солдатик, что сопровождал их, сломал при падении ключицу и остался на станции Чернореченской. Дальше они ехали уже без конвоя, на вольных (в Сибири именуемых «дружками»), выдавая себя за торговых людей. То и дело обгоняли лобовцы пешие этапы, по колено в грязи месившие тракт. И арестанты, и конвоиры равно выбиваются из сил, а некоторые просто падают и умирают на этой адской дороге. Навстречу попадались длинные чайные обозы из угасающей уже Кяхты, а также казенные золотые эстафеты с кабинетских приисков, везущие по оказии в отпуск в Европу сибирских чиновников с семьями. Часто встречались идущие туда же, на запад, люди группами по пять-семь человек, одетые в рваные полушубки и азямы, тихие, боязливые, за версту сходящие с обочины и сдерживающие шапки — беглые с каторги. На тракте никому в голову не приходило ловить их или спрашивать документы; уж ежели сумели обогнуть Байкал и проскочить благополучно мимо Иркутска — их счастье, до самого Томска теперь не тронут.

Проехали самый красивый город восточнее Урала — Красноярск, переправились через суровый Енисей и оказались наконец в тайге. Потянулись бескрайние и однообразные леса, наполненные цветущими травами, но не дающие ничего взору — одна и та же бессменная картина с утра до вечера. Дорога стала лучше, а беглых на ней больше. Начали

попадаться староверческие села. Сектаторы^[127] — наиболее здоровая часть здешнего населения; в одном только Забайкалье их проживает более сорока тысяч. В Западной Сибири староверов называют «каменщиками», а в Восточной — «семейскими». Честные и трудолюбивые, они выгодно отличались от так называемых сибиряков, потомков каторжников и поселенцев, прославленных злобой и ленью. Села, поставленные сектаторами, вытянулись вдоль тракта. Они приятно поражали чистыми домами, а еще более гордыми и гостеприимными людьми, трудолюбием составившими себе невиданный в России достаток. Огромные шестистенки, комнаты заставлены фикусами и венскими стульями, стены обиты суконными обоями с ворсом — благодать! И у каждого в горнице — духовные книги...

Столицу Восточно-Сибирского генерал-губернаторства город Иркутск проскочили быстро; запомнился он Китайской улицей с китайской же ярмаркой, где Челубей, к горю хозяина, ударом кувалды сломал силовой аттракцион. Пересекли на шхуне неповторимый Байкал, наняли в Верхнеудинске курьерских и помчались дальше. Перевалили невысокий Яблоневоу хребет, и через Читу, Нерчинск и Сретенск вышли на Кару. Всё, приехали!

Нерчинский каторжный район охватывает все Забайкалье до слияния Шилки с Аргуном и занимает площадь 650 000 квадратных верст. Это — как Франция, Бельгия, Нидерланды и Швейцария вместе взятые... Административным центром района является вовсе не Нерчинск, а Нижняя Кара. Название это здесь расхожее. Собственно Кара — это небольшая речка, впадающая в Шилку в двухстах верстах ниже Сретенска. В этом месте угрюмые лесистые горы расступаются и создают очень живописную и просторную долину; в центре ее расположен первый поселок Усть-Кара. В пятнадцати верстах выше по течению находится Нижняя Кара, местная столица, в которой живёт всё здешнее начальство. Ещё в тридцати верстах выше, где долина исчезает и снова появляются горы, притулилась третья Кара — Верхняя. В районе находятся четыре исправительных тюрьмы (одна из них политическая), и четыре группы собственно каторжных тюрем на казенных серебряно-свинцовых рудниках; всех арестантов числят в три тысячи человек. Охрана — четыре пехотных казачьих батальона и жандармская команда при «политиках».

Лыков с Челубеем добрались до Нижней Кары на сорок третий день после выхода из Москвы. Была уже вторая половина августа; густо резвилась мошка, стояло тягучее теплое сибирское лето. Городок разросся

вокруг новой тюрьмы на шестьсот заключенных, самой большой в Забайкалье. Площадь перед ней сформировали каменные здания администрации и каменная же церковь, все остальное вокруг было скроено из лиственницы. Веером от площади расходились улочки с крепкими ухоженными избами с палисадами, затем вскоре они вдруг обрывались, и вверх по склонам сопок карабкались уже пригородные слободы, застроенные какими-то грязными курятниками. Самая высокая из сопок удивляла своим видом: одна половина её была лесистой, а вторая лысой, как голова каторжного. По этой причине гору прозвали Арестантская башка; туда ходили за дровами. Город состоял из трех частей: ядро — тюрьма и власть; мякоть вокруг — мещане и прочие люди свободных сословий; и наконец снаружи, словно скорлупа — колонии поселенцев. Эти клоаки окружали каждый город в Забайкалье; в них селились вышедшие из каторги, и еще так называемые «вольные», то есть, каторжники, кто своим поведением, а чаще деньгами выслужил легкие работы.

Человек, которого искали Лыков с Челубеем, тоже был вольным. Иван Богданович Саблин состоял писарем в канцелярии каторжного района, пользовался доверием начальства и обитал в собственном домике на хорошей улице. Правила для вольных просты: появиться на утренней и вечерней поверках; не выходить из дома после семи часов вечера; не покидать без разрешения границ района. Жалование за вольную работу выдавалось натурой, потому не возбранялось вести подсобное хозяйство. Вот почему, прибыв в город в пять часов пополудни, посланцы Лобова обнаружили своего резидента копающимся на огороде.

Саблин, видимо, ожидал гостей и потому не удивился. Челубей сказал просто:

— Мы от Анисима Петровича.

Писарь отложил мотыгу, кивком отпустил помогавшую ему бабу и усадил гостей на скамью у задней стены двора, с улицы не видимую.

— Вот, здесь ваше жалование за полгода, — Челубей выложил из мешка девять тысяч рублей, полученных ими позавчера в читинской переводной конторе по привезенной из Петербурга ассигновке.

Саблин молча сунул пачки ассигнаций за пазуху. Лыков внимательно изучал его, и резидент ему нравился. Есть люди, похожие на деревья: один смахивает на дряблую осину, другой — на крепкий и самодовольный дуб. Иван Богданович видом своим напоминал кряжистую и сильную, спокойную сосну — весь какой-то битый, опытный, умеющий выживать...

Постепенно они разговорились. Лыков, представившись, сказал:

— У нас два поручения. Первое — помочь вам, и не только деньгами,

но и устранить затруднения, которые возникли. Нужно зачистить начало «Этапной цепочки»... до блеска. Если надобно применить для этого силу — скажите; но лучше бы, по-моему, обойтись только деньгами. Вот здесь тридцать пять тысяч на расходы по службе; если мало, мы привезем из Читы еще.

Второе поручение — разобраться, кто охотится за нашими «золотыми фельдъегерями», и наказать их, вернув по возможности золото. Нам нужно ваше мнение, как здешнего человека: слухи, подозрения, догадки. Может, кто что сказал в кабаке, или человек неожиданно разбогател... Оба курьера пропали между Желтугой и Усть-Карой, на обратном пути. Нам с Яковом придется пробраться туда и вернуться по их следам, разнюхивая всё по дороге. Потребуется ваша помощь — как в организации поездки, так и в самом расследовании.

— Понятно, — тряхнул седой головой Иван Богданович. — Деньги кстати, и вы правы: лучше сговариваться рублем, а не пулей. Прошу довести это моё мнение до сведения Анисима Петровича. Тут такое твориться, что патронов не хватит... И потом, наше дело — хоть «Цепочка», хоть контрабанда золота из Китая — требуют тишины, а не стрельбы.

Касательно первого вопроса. Затруднения тут большие и создает их большой человек, а именно Лука Лукич Свищёв по кличке Бардадым^[128]. Иначе он прозывается «губернатор Нерчинского каторжного района». Власть его и впрямь не хуже губернаторской: Бардадым — это забайкальский Лобов. Он купец первой гильдии, торгует по всей области водкой и кирпичным чаем, который, кстати, монголы и буряты с песнями меняют на самородки. Поставляет пушнину в Европу; имеет и прииски. Содержит гостиницы с трактирами в Селенгинске и Сретенске, торговый дом в Чите и золотоплавильню в Вернеудинске. Здесь же, на Каре, ему принадлежит почта, что всё. У Свищёва отряд в полсотни вооруженных людей, во главе которого стоит Сашка-Бузуй, из беглых штрафных солдат^[129] — головорез что надо, всю округу затеррорил.

— И никто его не ловит? — удивился Лыков. — Так спокойно и разгуливает?

— А кто его станет ловить, ежели он при Бардадыме? — в свою очередь удивился Саблин. — Тут у нас так не принято. С противниками Луки Лукича Сашка расправляется так: привязывают человека спиной к доске, с другой стороны которой уже прибита, посередине, колода, затем поднимают доску за концы, да и бросают. Получается перелом

позвоночника без каких-либо наружных признаков повреждений...

Для особо трудных заданий у Свищёва имеются два доверенных человека: Юс Большой и Юс Маленький^[130]. Первый здоровый, как черт, озойный^[131] и простоватый парень. Второй пониже вас будет, Алексей Николаич, но — очень опасный. Силы неимоверной и весьма опытный в бою; равных ему нет, говорят, во всем Забайкалье. Настоящий шибенник^[132]. Людей он тут перебил — страсть, и не имеется на него никакой управы, почему Бардадыма все и боятся.

Проживает господин Свищёв в тайге в восьмидесяти верстах от Усть-Кары, в «губернаторском дворце». Это большое поместье, размером с целую деревню. Что там творится — никто точно не знает, но рассказывают страшноватые вещи. Будто бы там есть рабы — пойманные в тайге беглые, и плюсом выкраденные недруги Бардадыма. Здесь часто люди пропадают... Имеется, якобы, и пытошная тюрьма, с дыбой и виселицей (Свищёв любитель этого дела), и также целое кладбище потаенное в овраге поблизости. Гарем тоже — Лука Лукич и до баб специалист. Кроме того, говорят, что он чеканит в своём дворце монету из краденого казенного золота. Монета хоть и поддельная, но содержание драгоценного металла в ней больше, чем в настоящей — туда меньше лигатуры добавляют. Буковка «Р» на ней особенная, чуть наклонена влево по сравнению с государевым штемпелем; увидите где — советую прикупить.

А еще Лука Лукич у нас охотник на людей. Это такое чисто забайкальское занятие, не он один им тут балуется. «Братские» — то бишь буряты — спокон веку убивают в тайге беглых; между ними уже восемьдесят лет война идёт. За поимку каторжного и сдачу его полиции положено три рубля премии, но местные предпочитают не связываться с властями, а убивают из-за одежды. Есть даже такая бурятская поговорка: «С белки одну шкурку снимешь, а с беглого три». В том смысле, что полушубок, азам и рубаху. Охотиться на людей в тайге особенно прибыльно по осени, когда с частных приисков уходят отработавшие свое старатели. Каждый из них за лето что-нибудь, да обязательно пойдёт у хозяина; меньше двух фунтов не бывает, а попадают и такие, что спрятали и по восемь, и по десять. Кроме того, «горбачи» тоже начинают пробираться в города, чтобы продать добытое золото. Оно же здесь прямо под ногами валяется! В горах находит человек речку, никем не занятую, и всё лето моет, а живет в землянке. Бывает, столько намоет, что не в силах унести. И вот начинается по целому Забайкалью охота... Купцы, мещане, ссыльнопоселенцы — все вооружаются и в тайгу на промысел. Есть целые

деревни, которые живут исключительно разбоем. Сибиряки это такой народ: вор на воре, а смертоубийство в порядке вещей. Имеются местные знаменитости, что кончили в тайге по восемьдесят и по сто человек... А чтобы полиция не привязывалась, трупы режут на куски и разбрасывают или зарывают в землю. Вон в соседней Чите о прошлом году повесили за ограбление почты и убийство пяти человек городского голову, купца первой гильдии, и его сообщника — действительного статского советника, директора почтовой конторы. Попались потому только, что одного ямщика ранили, да не добились, а он за ночь, в крови, добрался прямо до крыльца начальника Забайкальской области. А перед тем тридцать лет стреляли эти два туза людей по тайге, все знали, и ничего...

Так и Бардадым: высылают на поиск своих головорезов, но и сам дома не сидит. Берёт с собой обоих Юсов и, так сказать, для удовольствия... пошаливает. Всегда старается убить лично, собственными руками, и счёт ведет каждый год, сколько народу на тот свет спровадил. Пули себе завёл особые, из родия. Это такой редкий металл, добывается при обработке самородной платины; очень стойкий, не растворяется даже в «царской водке». Вроде визитной карты господина Свищёва — чтобы знали, что «сам» стрелял.

Для чего я это всё рассказываю? Потому, как Лука Лукич прознал про «Этапную цепочку» и весьма ею заинтересовался. Пришёл сюда; мы имели с ним долгую беседу. Люди деньги зарабатывают, а с ним не делятся! Очень это показалось ему обидным. Я ему: «Вы лучше помогите чем, тогда понятно, за что платить; а запросто так не пойдёт». Он мне ответил: «Ты, дурак, не понимаешь, что Свищёву самые большие деньги надо платить за то, чтобы он не замечал, что ты есть такой на белом свете. А чтобы ты лучше осознал и хозяину своему доложил, устрою я тебе, чувырло, весёлую жизнь». И устроил.

У нас здесь царевой власти никакой нет. За месяц в посёлке зарезаны или пропали без вести четыре человека... Всё на Каре решают два туза. Первая сила — это Бардадым, а вторая — полковник Николай Андреевич Потулов, начальник Нерчинского каторжного района. Между собой они давно уже договорились и рвут на части народ в полном согласии. Свищёв помогает Потулову обворовывать каторжных, и в придачу они на пару разувает казну. С кабинетских приисков полковник каждый год ворует несколько пудов золота, но ведь его надо ещё суметь продать! Казна скупает металл у частных старателей, имеющих патент на добычу, по цене 3 рубля 57 и $\frac{3}{4}$ копейки за золотник^[133]. А промышленники берут его у «горбачей» по полтора рубля, продавая затем казне за настоящую цену от

своего имени. Так вот, Свищёв забирает у Потулова все украденное им золото по ценам казны! Чем очень его обязывает... Поэтому уже через день после нашего с Бардадымом разговора господин полковник придрался ко мне по пустяку и засадил на неделю в карцер. По выходе же запретил допускать меня в канцелярии до бланков паспортов и к печатям, а раньше я имел доступ ко всему и свободно выправлял беглым документы. Вот... Сметнул я, что такая «веселая жизнь» заstopорит всю «Цепочку», и начал на свой страх и риск отстегивать Свищеву двадцать процентов от заработанных на беглых ребятах денег. Сказал ему, что вызвал представителя от Лобова для окончательных переговоров, так что, он вас ждёт. Мое мнение, повторюсь — откупиться. Здесь, в районе, нам с Бардадымом не справиться. Это не Москва, куда можно за ночь приехать, шлёпнуть, кого хочется, и к следующему утру назад вернуться...

— Шлёпнуть можно и здесь, — осторожно сказал Лыков.

— Можно, — согласился Саблин. — Пуля дура, она кого хочешь возьмёт. И господин Свищёв её заслужил, как никто. Но это целая война, требующая людей, денег, времени. А потом: вот, например, вы с Челубеем подловили его где-нибудь на лесной дороге (хотя он всегда передвигается с сильной охраной). Стрельнули. И что дальше? Такое начнётся — не приведи господь! Изменится же весь расклад. Кто заступит место покойника? Не станет ли только хуже? А ну, как возвысятся «духовые»? Тут двадцатью процентами не обойдёшься — эти вообще пределу не знают. Я против!

— Анисим Петрович велел Бардадыма списать в расход, — лаконично сообщил молчавший до сих пор Челубей.

— Понятно, — только вздохнул Саблин; хотел что-то возразить, но промолчал.

«Какие же ты ещё получил инструкции, секретные от меня?» — подумал про себя Лыков, но вслух спросил другое:

— А по второму вопросу что полагаете, Иван Богданович? О пропавших «фельдъегерях».

— Определенно сказать трудно. Может, кто из желтугинских нагнал, чтобы продать потом это золото по второму разу. Там народ всякий... Может, «духовые» перехватили; места у слияния Аргуни и Шилки дикие и тамошней рвани никто не указ. А может, и Лука Лукич реквизирует.

— Понятно. Мы у вас проживем день-два; надо подготовиться к поездке, транспорт заказать, оружие запасти...

— Транспорт займусь я, — второй раз открыл рот Челубей, — а Иван Богданович мне поможет.

— Лады. А я пока познакомлюсь с Бардадымом.

Саблин с Недашевским переглянулись.

— Только уж поосторожнее там с Юсами, — сказал резидент и неодобрительно покачал головой.

Глава 24

Чеченцы и Бардадым

Утром следующего дня Челубей и Саблин отправились в Теребиловку договариваться о лошадях, а Лыков пошел покупать оружие. Пригородная слобода Нижней Кары, Теребиловка была главным во всем Забайкалье местом сбора контрабандистов, беглых, диких старателей, опиумных поставщиков и прочего отребья. Этот огромный притон, с подпольными кабаками, «мельницами», публичными домами и потайными золотиlitнями, держали нерчинские «иваны». За ними, если верить Саблину, тоже стоял Бардадым. Многие каторжники, бежавшие из-под стражи, жили в Теребиловке годами, ввиду своей тюрьмы и не собирались подаваться ни в какие столицы — им и здесь было хорошо... Из слободы, в частности, снаряжались транспорты в Желтугу по отлаженному маршруту, с секретными постоянными дворами и всегда имевшимися наготове сменными экипажами. Маршрут доходил до казачьей станицы Игнашино, от которой до республики старателей оставались последние тридцать верст. Их предстояло идти уже по китайской территории: казаки только переправляли желающих на правый берег Амура, а сами в Желтугу никогда не ходили, боялись.

Саблин назвал Лыкову колониальный магазин Мордуха Сицкина. Хозяин, ссыльный еврей из Ковно, снабжал «шпалерами» весь район, и за хорошие деньги у него можно было купить настоящие английские и бельгийские модели и патроны к ним. Алексей не дошёл до магазина совсем немного, когда услышал за спиной грубый голос:

— Эй, малайка! ^[134]

Он обернулся и увидел пролётку, а возле нее — четверых варнаков, которые прижали к забору молодого парня горской наружности и шедшую с ним девушку. Юноше было на вид не более двадцати лет. Стройный, гибкий, в ветхом архалуке и сбитых ноговицах, он пытался вырваться, но его уже крепко держали под руки с двух сторон. Лицо малайки показалось Лыкову как будто знакомым... Девушка же поразила Алексея своей притягательной хрупкостью: тоненькая, белокожая, с огромными черными глазами, она вцепилась в брата (а было очевидно, что это брат и сестра) и закричала в отчаянии:

— Помогите! Кто-нибудь, пожалуйста, помогите!

Её тут же, без церемоний, ударили по лицу, и этого Лыков уже не стерпел. Если бы мордовали только парня, пусть даже четверо одного, он бы отвернулся и ушёл. В чужом городе, в сердце каторги, имея трудные задания и от Лобова, и от Департамента полиции, он не мог себе позволить ввязываться в чужие беды. Но бить женщину Лыков, как солдат, не дозволил и сразу развернулся на крик.

Улица, разумеется, тут же опустела, редкие прохожие, отворачиваясь, быстро проходили мимо. Малайка скрипнул зубами и кинулся было на обидчика сестры, но ничего не мог поделать. Верзила с бычьей шеей, ростом не ниже Пересвета, схватил его за волосы:

— Не крути зенками-то! Лука Лукич таку честь вам оказал, бусурманам, деньги уж проплачены... Бери ноги в руки да чеши к братану за своей долей!

— Что брат? За какой долей? — спросила девушка звенящим от напряжения голосом.

— Братан твой согласие полное дал и деньги, пятьсот рублёв, уже получил, — терпеливо объяснил верзила. — Так что, мы тебя забираем не словно мазурики какие, а по праву.

— А я согласия не давал и не дам! — закричал малайка и рванулся изо всех сил. Но тут же страшный удар под дых свалил его на землю. Девушка закричала, кинулась подымать, но её схватили и потащили к пролётке.

Тут-то и подоспел Лыков.

— Бузуй, — окликнул старшего один из варнаков. — тут какой-то лезет...

Гигант оглянулся и сверху вниз пробасил:

— Чево, братское чувырло, суёшься? Сгинь сей же миг!

«Сашка-Бузуй, тот самый, — отметил про себя Алексей. — А Лука Лукич, стало быть, решил пополнить свой гарем черкешенкой».

— Я, дозвоьте представиться, из комитета по утаптыванию мостовых.

— Чё? — смешался маз и тут же от мощного удара в челюсть влетел в забор. Проломил своей тушей несколько досок и завалился внутрь, так, что на улице остались только его ноги в огромных сапогах со щегольскими галошами. Трое варнаков бросились на Алексея, но одного, не вставая, ухватил за лодыжки и повалил — вот молодец! — кавказец. Оставшуюся парочку Лыков быстро разложил по дороге, и, хотя ему успели разбить губу, враг был повержен и обескуражен. Когда брат с сестрой и их неожиданный защитник уходили, варнаки со стонами ворочались в пыли, а Бузуй вообще не подавал признаков жизни.

— Пойдёмте быстрее, — тянула Лыкова за рукав девушка, испуганно

оборачиваясь назад. — Они сейчас встанут и нас догонят!

— Не встанут, — со знанием дела отвечал ей Алексей. — А когда встанут, то уж точно не погонятся...

— Вы нажили из-за нас врагов, — сказал малайка, внимательно заглядывая сыщику в глаза. — Это очень опасные люди, они тут всем заправляют. Лучше вам уехать из города побыстрее; а за помощь спасибо!

Лыков отметил про себя, что и брат, и сестра говорят по-русски очень правильно, почти без акцента, что так редко встречается среди кавказцев. И подумал ещё, что девушка очень красива.

— Я так и так уеду отсюда завтра-послезавтра, за меня не беспокойтесь. Вы-то как дальше будете? Дело, конечно, не моё, но, кажется, ваш старший брат продал вашу же сестру Свищёву и уже получил за это деньги. Я прав?

Кавказец мгновенно покраснел, как свёкла, а девушка смущенно опустила глаза.

— Это он по глупости... я с ним объяснюсь, мы вернем эти деньги, — пробормотал парень.

— Да, да, это у него терпение уже кончилось, — подхватила с жаром его сестра. — Ему деньги очень-очень нужны, он их на Кавказ посылает!

— Пойдемте сядем где-нибудь, поговорим; возможно, я смогу вам чем-то помочь, — оборвал объяснение Лыков. И они пошли к ним домой.

Брат с сестрой жили на Говнюшкиной улице^[135] в Юрдовке — еще одной слободе Нижней Кары, мало чем отличающейся от Теребиловки. Не случайно «юрдовками» по всему Забайкалью звали притоны «с обслуживанием»^[136]. Пока шли — увидели две драки и встретили с десяток пьяных, а было только десять часов утра. Как она тут живет, думал Лыков, искоса поглядывая на девушку. Разве тут ей место? Брат хоть и смел, но еще очень молод — какая от него защита; а тот, второй, родную сестру за деньги продал! да...

Наконец пришли в какую-то развалюху с провалившейся гонтовой крышей, но внутри неё оказалось на удивление чисто. Представились друг другу: парня звали Имадин, а его сестру — Хогешат. Они оказались чеченцами и приехали сюда следом за старшим братом Самболатом, получившим три года каторги. Срок свой он уже отбыл, вышел на поселение и собирал теперь деньги, чтобы бежать на родину.

— Что он совершил?

— Он канлы.

— Канлы? А, понимаю. Он убил человека своего рода и общество его

прокляло. Так?

— Да. Канлы — это... как по-русски? отверженный. Любой из тейпа может его убить. Дом наш сожгли, а нас с сестрой прогнали из аула.

— Вас-то за что? Обычно канлы распространяется только на убийцу.

— Обычно да, но Самболат убил не простого чеченца, а сына тейпанан хьалханга.

— Сына главы тейпа?

— Да. Брат очень вспыльчивый, особенно, когда выпьет слишком много бузы; вот и зарезал парня в драке. После этого ему, конечно, пришлось бежать. У нас в Чечне очень бережно относятся к своему народу. Все понимают: убитого уже не вернуть и кровь за кровь ничего не исправит, только уменьшит число чеченцев на земле. Поэтому родственники стараются примирить противников, а канлы пока скрывается в другом ауле. Это очень распространено: аулы буквально обмениваются такими беглецами, и почти в каждой деревне живет какой-нибудь канлы. Обычно примирение в конце концов происходит. Убийца, в саване и без папахи является в дом к старшему из рода убитого им человека и просит прощения. Дарит при этом коня, оружие, материю женщинам... Его прощают и он становится кон-кардашем — кровным братом. Он должен теперь чаще заходить на могилу своей жертвы, заботиться о его семье, с оружием в руках защищать его дом. Старики уже почти договорились о прощении Самболата, но он ранил ещё одного человека...

— Будучи в бегах? Он, что, додумался ранить жителя того аула, который его приютил?

Имадин кивнул головой.

— Он... вздорный человек?

— Он несчастный человек из-за своего дурного характера, и нас с сестрой тоже сделал несчастными. Но Самболат наш старший брат, мы не можем его бросить. Когда он ранил того, второго человека, ему пришлось признаться в этом и сдаться властям, иначе люди убили бы его. Больше ни один аул в Чечне не давал ему укрытия. Так мы втроём оказались в Сибири. Но он все три года посылал деньги на лечение раненого им джигита, и теперь его готовы простить. Поэтому ему очень нужны сейчас деньги на побег.

— И для этого он продал Свищёву собственную сестру.

— Хогешат никуда не пойдет! Я заставляю Самболата вернуть эти пятьсот рублей. Мы пойдем с ним искать золото... мне рассказали про одно хорошее место на Нерчугане.

— Пока вы его там моете, Хогешат увезут в «губернаторский дворец».

— Мы возьмем её с собой! Нет, мы спрячем её у кержаков, они ненавидят Бардадыма и помогут нам!

Слушая детский лепет малайки, Лыков напряженно думал. Он не знал, как помочь этим красивым и несчастным людям; у него и без них хватало забот. Но отдавать Хогешат «губернатору»? Надо пока спрятать их где-нибудь с помощью Саблина, дать немного денег, а на обратном пути из Желтуги забрать. Куда забрать? Потом придумаю, куда; сейчас главное их укрыть, сказал сам себе Алексей, не в силах признаться, что не хочет терять Хогешат из виду. Чёрт, влюбился я, что ли? как в книжках, с первого взгляда? Этого сейчас только не хватало! И перед Варенькой Нефедьевой неловко... Он же, вроде, как её любит? Или уже нет?

Лыков порылся в карманах, выложил на стол два кредитных билета.

— Здесь сотня. Больше я пока дать не могу. Мне надо съездить в одно место по делам, и вернуться; на это уйдет четыре дня. Приеду с деньгами и очень скоро отправлюсь назад, в Россию; могу взять вас двоих с собой. Брата не возьму... Доедем вместе до Казани, оттуда уже не трудно будет добраться вам до Кавказа. Но на эти четыре дня вы должны надежно спрятаться и ждать меня в укромном месте. Хватит вам этих денег, чтобы исчезнуть на время?

Хогешат и Имадин недоверчиво смотрели и на банкноты, и на Алексея.

— Ну?

— Почему вы нам помогаете? И... мы очень долго не сможем вернуть вам эти деньги.

— Помогаю потому, что неправильно отдавать Хогешат этому упырю. А деньги можете возвращать хоть двадцать лет — главное, благополучно исчезнуть отсюда. Пока объяснитесь с вашим вспыльчивым братом — где он, кстати? — и найдите, куда спрятаться. Завтра в шесть часов пополудни приходите к дому Саблина. Знаете такого? Служит писарем в канцелярии района. Я живу у него. Скажете, где вас искать, получите еще некоторую сумму — и прячьтесь, ждите меня. Вот ему, а не Хогешат!

И сыщик сложил из пальцев серьезный кукиш. Девушка прыснула, юноша весело рассмеялся; тут раскрылась дверь, и Лыков увидел... Самболата Алибекова, своего кровника, чеченского абрека, который в 1878 году поклялся отомстить ему за убитого старшего брата.

— Так вы Алибековы? — только и спросил Лыков, и встал, сжав кулаки.

Абрек, опешив на секунду, буквально впрыгнул в комнатку и разразился бранью на чеченском языке. Бритый наголо, с черной большой бородой и бешеными глазами, он дико жестикулировал, орал что-то брату с

сестрой, тыкал пальцами в Алексея и потом чиркнул себя красноречиво ногтем по горлу. Алексей понял, что Самболат объясняет им, что этот гяур зарубил их брата Джамболата и потому является лютым врагом всех Алибековых... Тогда он повернулся к Хогешат, посмотрел в её сразу потускневшие глаза, и сказал:

— Я убил его в честной бою. Могло быть и наоборот... Пойми это, и убеди Имадина. Вам надо бежать, а пока хотя бы спрятаться, и только я один могу и готов вам в этом помочь. Жду утром, как говорил. И не верь человеку, который торгует собственной сестрой!

Повернулся к абреку, топнул грозно ногой — тот сразу же отскочил — и вышел вон.

Лыков решил отыскать Свищёва и задать ему несколько вопросов. По словам Ивана Богдановича, Бардадым всегда по утрам завтракал в лучшем нижекарийском трактире «Лимпопо». Трактир этот по совместительству являлся так же и публичным домом, в котором трудились дочери и жёны арестантов, приехавшие за ними в Сибирь. Так называемые пришлецы были самыми нищими на всей каторге: казенного довольствия им не полагалось, работы никакой в городе не было, вот они и выкручивались, кто как мог. Поваром в «Лимпопо» состоял присланный за убийство из ревности француз, ученик самого Оливье, поэтому здесь столовалась вся местная головка. Владел заведением через подставных лиц полковник Потулов.

Войдя внутрь, Лыков сразу же опознал «губернатора». Среднего роста, грузный, с короткой и редкой седой бородой и прямым пробором на лысеющем уже черепе; одет в чёрный сюртук и, почему-то, сризовые^[137] штаны, а на сапогах, несмотря на летнюю жару, меховые кенги. Взгляд высокомерно-брезгливый, безынтесный. Бардадым сидел посреди зала и вяло поедал рыбное тельное, запивая его коньяком. У окна здоровенный парень в новой ярко-зеленой венгерке жевал «серку»^[138] и азартно играл на китайском бильярде с наклонным столом. Вид у парня был туповатый, но боевой. Учитывая его рост — никак не менее двенадцати вершков^[139] — Алексей решил, что это Юс Большой. Кроме этих двоих, в заведении никого больше не было.

Лыков сел в углу, спросил портвейну, хлебцы с жареными мозгами и газетку посвежее. Выглядел он как заурядный торговый человек средней руки. Юс осмотрел его очень внимательно, не обнаружил ничего для себя интересного и опять вернулся к бильярду.

Так они и сидели с четверть часа, занимаясь каждый своим делом. Бардадым бесцеремонно чавкал и рыгал на весь трактир. Доев, он поковырял спичкой в зубах, вздохнул и не спеша отправился в уборную. Лыков продолжал читать газету, потом вдруг ойкнул и схватился за живот. Охранник тут же оглянулся на него. Алексей согнулся пополам, пробормотал: «Пресвятая Богородицы...» и семенящей походкой устремился в ретирадное.

— Эй, дядя, ты куда это собрался? — грозно окликнул его Юс Большой.

— Чем тут у вас кормят, отравители! — на ходу сердито сказал Лыков, продолжая движение.

— Ты туда не ходи, — мигом преградил ему путь парень в венгерке. — Вот сейчас большой человек выйдет, тогда и зайдешь.

— Ой, святые угодники! Мочи моей нет! — взвизгнул Лыков и проворно обежал телохранителя. — Ты, ежели так, со мной иди, а ждать я боле не могу.

И он заскочил в уборную. Бардадым стоял перед рукомойником и задумчиво чесал брюхо. Недовольно оглянулся на вошедшего; следом вломился огромный Юс, сразу заняв собой половину помещения, и сказал, оправдываясь:

— Никак было не можно, Лука Лукич, живот у него схва...

И не договорил — Лыков нанес ему страшный удар снизу вверх по дуге в челюсть, который англичане называют «уперкоте». Что интересно, удару этому его научил мордвин Иван Иванов, рабочий ассенизационного обоза и лучший в Нижнем Новгороде кулачный боец... Свищёвский телохранитель подпрыгнул на поларшина и даже как будто завис на секунду в воздухе, после чего с грохотом рухнул без чувств на пол.

Бардадым, нимало не испугавшись, посмотрел теперь на Лыкова с некоторым интересом.

— Ловко! — одобрил он. — Утопил дурак щуку... А дальше чево?

— Поговорим маленько, Лука Лукич?

— Да можно... Кто таков будешь-то?

— В прохожем ряду ветром торгую. Алексей Николаевич Лыков, послан к вам из Петербурга господином Лобовым задать несколько вопросов.

— Лобова помню. Серьёзный мужчина. Только он далеко, а здесь я все решаю — без меня тут и ворона не каркнет. Что за вопросы?

— Пропали два наших «золотых фельдъегеря», и вместе с багажом. Не расскажете, где они могут быть?

— Дурак ты, Лыков, и Анисим Петрович твой дурак, — огорчился Бардадым. — Здесь, вишь ли, тайга: медведи, волки, а на востоке и тигры имеются. Люди каждый день пропадают. Кто ж тебе ответит точно на такой вопрос?

— Так без вас же здесь даже ворона не каркнет! Кому же знать, как не вам?

— Ишь подловил... Ладно. Думаю, побили ваших ребят «духовые». Мишка Почечуй аккурат в марте неожиданно разбогател, и похвалялся на «юрдовке» в Троицкосавске, что барно подкрепился на каких-то прохожих. Но точно — точно никто не скажет, потому — тайга!

— Я проверю ваше предположение, Лука Лукич, и ежели оно не подтвердится, приду еще раз.

— А приходи, встретим... — лениво отмахнулся Свищев.

— Далее. Иван Богданович Саблин говорит, вы с него денег требуете, работу работать мешаете. А ведь он человек Лобова. Войны хотите?

— Опять дурак, — в конец расстроился «губернатор». — Какая у меня с тобой может быть война? Я пальцем только щёлкну — и тебя не станет. Прямо посреди улицы, при свете дня зарежут и свидетелей никого не найдут. Ты о чем мне бубнишь, Лыков? Одна была песня у волка, да и ту перенял...

— Пока что всё наоборот: это я сейчас щёлкну и у тебя, старого душегуба, башка в угол отлетит, — начал уже сердиться Алексей.

— Не мели зря языком, щенок! Тебе сначала в Желтугу съездить надо, концы найти. Ежели со мной что сейчас сделаешь — даже из города не выберешься; перехватят и кончат. Поэтому я в полной безопасности. А уж на обратном пути ты ко мне на ширмака не подъедешь... Запомни и Лобову передай — ежели живой останешься — что здесь командую я. Из Питера войска не нашлаешься. Лобов закрутил свою «Этапную цепочку» на моей земле, деньги гребёт лопатой, а делиться не хочет. А придётся! Или я тут...

На этих словах Юс Большой очнулся и попытался встать. Лыков без церемоний сунул ему кулаком в ухо, и тот снова завалился на бок.

— ...такое ему устрою! А с этими егерями? Я предлагал ему свою охрану, всего за десять процентов. Тогда вашу почту никто бы пальцем не тронул. А он пожадничал. Ну, и получил то, что иначе и быть не могло. Потому — тайга! Если Лобов хочет зарабатывать на моих землях — пуцай платит процент. Если хочет войны — ну, об этой глупости даже говорить время жалко. За семь тыщ верст какая тут ему война? Эх, совсем вы там, в Питере, разума лишаетесь... А Саблину я и так жизни не дам, а станет елозить — к доске привяжу.

— Последний вопрос. Ты купил черкешенку, молодую девчонку, ховут Хогешат.

— И чево?

— Тебе вернут деньги. Не трогай её. Они с братом возвращаются на Кавказ — пусть едут.

Тут Бардадым мгновенно разъярился, как носорог: лицо налилось кровью, ноздри раздулись, глаза чуть не вылезли из орбит.

— Ты!..нищеврод! богова ошибка! Ещё смеешь мне такие условия ставить? Мне! Мне!!

— Успокойся, Лука, не ровен час удар хватит, — попробовал успокоить его Лыков. — Итак за тебя черти на том свете три года провиант получают.

Но Бардадым уже и сам понял, что роняет себя, и снова сделался величественно-сонным.

— Ну, бывай, Лыков. До следующей встречи. Встреча та будет в «губернаторском дворце», и Хогешат спляшет нам на ней танец живота. Приглашаю. А Луке Лукичу Свищёву здесь не отказывают; в случае чего, на веревке, но приводят... Это ты Юса Большого уделал, он чувал^[140]; поглядим, что запоёшь, когда Маленький за тебя возьмется!

— Смотри и ты, дрянцо с пыльцой. Где я пройду — там три года куры не несутся. И в следующую нашу встречу я уж тебя исповедаю...

Алексея так и подмывало заехать Бардадыму на прощанье в глаз, но он знал, что делать этого нельзя, а потому сплюнул и ушел.

Из «Лимпопо» Лыков направился прямо в магазин Сицкина. Парень в венгерке скоро очнется, Стогомет давно уже очнулся; как начнут они гонять питерского богатыря по всей Каре, а у того даже завалящего револьверишка нет...

Сицкин оказался настоящим иудеем: бойким, развязным, настойчивым в желании что-нибудь продать. Давидовы сыны вообще не терялись в Сибири. Город Каинск был почти целиком населен только ими: в ермолках, лапсердаках, с пейсами, евреи толпами ходили по улицам, словно это Могилев, а не каторга! Каинск сделался главным пушным складом империи, откуда весь товар уходил на Лейпцигскую ярмарку к германским единоверцам. Другой сибирский город, Баргузин, также завоеванный ссыльными евреями, был сильно замешан в торговле ворованным золотом.

Когда Мордух понял, что покупателя интересует только оружие, он поцокал языком и что-то крикнул в подсобную комнату. Послышались тяжелые шаги, и вышел высокий, прямой горец в бешмете с серебряными газырями, с зорким и умным взглядом.

— Вах?

— Нужны две модели. Первая: длина ствола не менее семи дюймов, в барабане не менее шести зарядов, калибр не ниже 41-го по американскому исчислению.

Горец подумал секунду, нагнулся, порылся под прилавком и выложил армейский «адамс» и русскую модель «форхэнд-вадсворта».

— У «вадсворта» экстрадирование гильз, помнится, поочередное?

— А?

— Гильзы вынимаются по одной?

— Угу.

— Тогда «адамс». Вторая вещь должна быть небольшой, карманной, но мощной.

Горец опять порылся под прилавком и снова вынул два револьвера: «сент-этьен агент», французскую полицейскую модель, и хорошо знакомый сыщику «смит-вессон» образца 1880 года с укороченным стволом. Их сделали в Туле ограниченное количество, всего восемьсот штук на всю Россию, исключительно для чинов сыскной полиции, и вот — один оказался в еврейской лавке колониальных товаров в Нижней Каре!

Лыков попросил плоскогубцы и выкрутил из затвора «сми́та» ступор полувзвода, мешающий в бою быстрой изготовке к стрельбе. Так делали все, использовал эту модель.

— Малхомовес!^[141] — уважительно пробормотал кавказский человек, и только теперь Алексей понял, что перед ним даг-чафут, горский еврей, какие в небольшом количестве издавна населяют Табасаранский округ Дагестанской области.

В итоге Лыков ушел из лавки с тремя револьверами (Челубею он купил мощный «трэнтор» сорок пятого калибра) и шестью пачками патронов. С самого Петербурга он впервые вновь обзавелся оружием, и стал от этого несколько веселее. Заодно купил провизии на дорогу: гороховый и мясной порошки в запаянных банках, муку, крупы, клюквенный экстракт, чай, сахар и галеты.

Когда Алексей вернулся в дом Саблина, ни хозяина, ни Челубея ещё не было. Вскоре они появились, но не надолго. Поужинали солёным омулем с чёрной кашей^[142] и снова ушли, наказав Лыкову ложиться спать, не дожидаясь их.

В Нижней Каре Яков неожиданно и сильно изменился. До сих пор он ставил себя по отношению к Лыкову в положение как бы ученика, второго номера. Это понятно: Алексей, видевший уже и войну, и тюрьму, был более опытен и, что еще важнее, более уверен в себе. Челубей, при всей своей

огромной физической силе и здоровом нахальстве, не имел настоящего куража. В душе сомневаясь в себе, он пытался скрыть это развязностью, получалось только хуже... Наблюдая за ним все это время, с мая по июль, Лыков понял, что Челубей словно готовится перейти некую черту. Так иногда человек стоит на берегу реки, хочет прыгнуть — и не решается. Что это за рубеж, было для Алексея загадкой. Убийство? Нет. В Москве, на глазах у него, Яков застрелил человека и бровью не повёл. Окончательный разрыв с обычной, до-любовской жизнью? Но он уже третий год служит у Анисима Петровича. Была в этом стройном, привлекательном богатыре какая-то гниль, червоточина, какая-то угрюмая тайна. Недашевский был неплохо образован и получил, видимо, некоторое воспитание. Он свободно говорил по-французски и по-немецки, разбирался в химии и астрономии, не выносил непечатной брани и грязных рук. Когда-то, по его собственным словам, он учился в кадетском корпусе, мог бы стать офицером, а вышел в бандиты. Так же, как Озябликов, из-за обиды на общество? Лыков чувствовал в нем опасную недорешённость: то ли он злодей, то ли еще не совсем...

А сегодня Челубей весь день занимается какими-то делами, не посвящая в них Лыкова. У него действительно оказались секретные инструкции и особые полномочия. Когда он заметил обиду со стороны Алексея, то просто сказал:

— Так надо. Есть один секрет, который ты не должен пока знать. Слишком мало времени ещё служишь у Анисима Петровича. Придет время — всё узнаешь.

Вернувшись в саблинский дом, Лыков до вечера собирался в дорогу. Вычистил и зарядил оружие, уложил патроны, деньги, спички, пищевые припасы, одеяла и прочий необходимый скарб. В одиннадцать лег спать. Сожительница Саблина, толстая сорокалетняя Авдотья, присланная из Вологодской губернии за отравление снохача-свекора, постелила ему в летней кухне. Уставши за день, Лыков мгновенно уснул. Он долго плутал в каких-то обрывках сновидений, без системы и смысла. Потом вдруг увидел отца, сбивающего лопатой лёд во дворе их дома в Благовещенской слободе. По времени это было до ухода Алексея на войну, когда он заканчивал последний класс гимназии. И раньше он видел отца во сне, но словно бы в прошлой жизни. Теперь было по другому. Лыков понимал, что отец давно умер, осознавал, что это сон, что он дремлет и скоро проснется; жалел, что о многом не договорил с батюшкой и молча с любовью смотрел на него. А отец отставил лопату и так же молча улыбался сыну. Они даже поговорили о чём-то незначительном, и отец погладил Алексея по голове. Потом он

исчез и замелькал бессмысленный калейдоскоп, и потом вдруг появился Буффало.

— Фёдор, и ты пришёл! — обрадовался Алексей. — Какой хороший сон...

Но Буффало был серьёзен и не улыбочив.

— Алексей! — сказал он тревожно. — Проснись, немедленно проснись!

— Федор, а ты знаешь, что у тебя ещё один сын есть? — хотел обрадовать его Лыков. — Большой уже, и очень на тебя похож; славный парень.

— Некогда теперь, Алексей, потом расскажешь. Тебя хотят убить. Немедленно проснись!

И Лыков проснулся, сразу, без перехода. И сразу же услышал сдерживаемое дыхание и почувствовал присутствие в комнатке другого человека. Начинало светать, в сумерках проступали контуры предметов, и в углу Алексей увидел силуэт. Вскочив, как на пружинах, он принял боевую стойку, выставив вперед кулаки. Человек — а это оказался Самболат Алибеков — тут же, не раздумывая, бросил нож и кинулся на улицу; Алексей рванул за ним. Выскочив за калитку, Лыков обнаружил, что вдоль улицы к нему бегут Хогешат с Имадином. Спешат, запыхались и машут руками, а их брат улепётывает в другую сторону.

— Он что у вас, только спящих может резать? — гневно закричал он. — Настоящий джигит!

Молодые люди уже добежали до него, но подойти не решились, стали поодаль.

— Мы... догадались, куда он собрался... слишком поздно! — выдохнул Имадин. — Извини... не успели бы... Я не сказал тебе вчера, постыдился: Самболат дурной человек. Трудно такое говорить о старшем брате... но это так... Мы с сестрой много из-за этого страдали и решили: всё, хватит! Вчера был разговор о Хогешат: он хотел отвести её к Бардадыму, а я не позволил; чуть не подрались... Тогда Самболат решил убить тебя. Думал, наверное, поднять этим уважение к себе у абреков... Еще раз извини — мы не успели, но очень рады, что у него не получилось. И — он нам больше не брат.

— Ладно, — примирительно сказал Алексей. — Вы двое ни в чём передо мной не виноваты. Скажите лучше, нашли, где спрятаться на эти четыре дня?

— Да. Нас укроют двоеданы [\[143\]](#). Зимовье Буслейское, между Нерчей и Куенгой, в восьмидесяти верстах отсюда к западу. На площади есть

церковная лавка, там сидельцем Диомид. Он нас отвезет и там оставит; когда вернешься, разыщи его, он объяснит дорогу.

— Вот это славно! — обрадовался Лыков. — Не тяните только, уезжайте как можно раньше, а то Самболат сдаст вас Бардадыму. Вот ещё сто рублей, пригодятся.

Тут со стороны огорода бесшумно появились Челубей с Саблиным и воззрились на кавказцев: Яков удивленно, а Иван Богданович недовольно. Алексей вытолкал брата с сестрой за калитку и подошел к ним.

— Какая красивая! Кто это такая? — наскочил с расспросами заинтригованный Челубей, но Саблин оборвал его:

— У вас, Алексей Николаевич, способность наживать себе врагов. Бузуй в лазарете с сотрясением мозга, а Юс Большой бегаёт по городу со свинцовой трубой, вас разыскивает. Пора вам отсюда уезжать для вашей же пользы.

— Вещи я все собрал; когда выезжаем?

— Да прямо сейчас. Повозка на огородах. Пока рано, надо вырваться из Нижней Кары. Жду вас обратно через четыре дня на пятый...

Глава 25

Осиное гнездо

Майор Таубе лично привез письмо, полученное им на «Крыше Мира», в столицу. Британцы налаживали канал связи из Тибета с Петербургом, с привлечением офицера российской армии — в этом следовало разобраться.

В тихом внутреннем корпусе Военного министерства Енгальчев выложил перед ним на стол формуляр поручика Громбчевского. Родился 15 января 1855 года в Ковенской губернии. Отец выслан в Сибирь за участие в восстании 1863 года; имение конфисковано в казну. Бронислав окончил в Варшаве русскую гимназию и был принят в Петербургский горный институт, где получил основы знаний в геологии и картографии. Не закончив курса, поступил в 1873 году на военную службу в Кексгольмский Гренадерский Императорский Австрийский полк, откуда был командирован в Варшавское юнкерское училище. Закончил его по первому разряду, но в гвардию, по неимению средств, не вышел. В 1876 году Громбчевский был переведён, по собственной просьбе, в 14-й Туркестанский линейный батальон; состоял ординарцем при М.Д.Скобелеве, затем при князе П.Л.Витгенштейне (ныне служащем в Благовещенске). Участвовал в Алайском походе 1876 года и штурме Самарканда в 1878 году; награждён орденами Анны 3-й степени и Станислава 4-й степени с мечами. В настоящее время — старший чиновник особых поручений при начальнике Ферганской области. В совершенстве знает фарси, сартский (узбекский) и таджикский языки; награжден Серебряной медалью Императорского русского географического общества за тысячеверстную съемку ранее неизвестного района Кашгарии с городом Хотан. Отзывы начальства — самые положительные.

Письмо от капитана Янгхазбэнда, подписанное «купец Петров», послали по назначению. Оно было адресовано в магазин по продаже составов для истребления насекомых с помощью огнестрельного оружия, что в 5-й линии Васильевского острова. Между строк рядового делового отношения симпатическими чернилами были вписаны вопросы о планах МИДа и Военного министерства в отношении желаний эмира Афганистана захватить княжества Шуган и Рушан. Вопросы были подписаны сэром Чарльзом Макгрегором, генерал-квартирмейстером Британской Индийской армии и начальником ее Разведывательного департамента. Самый характер

этих вопросов явно указывал, что в обоих упомянутых российских министерствах у британцев имеются агенты!

Но особо настораживала особняком вписанная фраза: «Передайте Владимиру, что он определенно может обещать Лобову нейтралитет Китая в отношении разработок на Жел-Тэ на ближайшие три года. Пусть поспешит с реализацией известного плана». Неужели имелся в виду тот самый Лобов, «король» преступного мира Санкт-Петербурга, о котором недавно рассказывал Благово? А Жел-Тэ — это речка Желтуга, куда командировали «демона» Алексея Лыкова! Вот так так... В огороде бузина, а в Киеве дядька. Кто же тогда Владимир?

За магазином в 5-й линии установил плотное, но аккуратное наблюдение. Разведка сняла квартиру в доме напротив, и четыре офицера в статском, при двух пролетках во дворе, дежурили там день и ночь.

Первым пришел бороться с насекомыми давний знакомый генерала Енгальчева сэр Адриан Хинтерроу. Этот британский подданный уже пять лет держал в Петербурге представительство компании «Труццарди энд Нойгебауэр», торгующей балатой и гуттаперчей. Хинтерроу попал в поле зрения разведки на прошлую Пасху, когда проиграл три тысячи рублей столоначальнику из Азиатского департамента МИДа. Такие проигрышы всегда наводят на нехорошие мысли... За британцем начали поглядывать и выяснили, что он до смерти любит обедать с офицерами из Военно-Инженерного управления Военного министерства, причем всегда оплачивает счёт за всю кампанию. Окончательно сэр Адриан попался месяц назад: след от перехваченных Таубе на Памире секретных чертежей русской подводной лодки привел прямо в «Труццарди энд Нойгебауэр».

Торговец балатой посетил магазин, а через минуту туда же заскочил и Збышко-Загура, ещё один заочный приятель генерала с недавних пор. Спустя четверть часа англичанин вышел, а поляк остался. И вскоре внутрь уверенно зашли низенький бородач с непропорционально большой головой, рука об руку с... подполковником Судейкиным. Жандарм, как и его спутник, был в партикулярном платье.

После этого на двери магазина появилась вывеска «Закрито до завтра», и в течении часа никто на улицу не выходил. Наконец, появились все трое сразу: бородастый господин дружески простился с инспектором секретной полиции и его помощником, и ушел по направлению к Бирже, игриво помахивая на ходу тростью; слуги закона уехали в экипаже.

Поручик Артлебен, загримированный франтом с сильной претензией, на «извозчике» военной разведки начал слежку за неизвестным. Тот привел его уже поздно вечером, после Гостиного двора и шантана, в «Яковлевку»

— огромный доходный дом возле Александровского рынка.

Показав дворнику отлично сработанный документ агента сыскной полиции, Артлебен выяснил, что бородач именуется Нестором Ильичом Суворовым и проживает с середины марта в хорошей пятикомнатной квартире на третьем этаже. Господин не бедный и весёлый: водит иногда к себе женщин известной профессии, но из числа дорогих («издали прямо барыни», выразился дворник); иных знакомых не принимает. Трудится, видать, по тоговому делу, потому, отсутствует на квартире с утра до вечера, часто даже по неприсутственным дням.

Утром «хвост» уже ждал Суворова (или кто он там?) на выходе. Опытный филер, старший унтер-офицер из команды охраны Главного штаба, водил его по Петербургу и окрестностям до самого вечера. Тот купил шесть дестей бумаги и каучуковый шрифт, и отвез все это к Нарвской заставе. Встретился там с двумя мужчинами подозрительного вида: нервные, все время оглядывались, похожи на начинающих бомбистов. Пообедал Суворов в «Нижегородском», в обществе дамы, явно чьей-то отбившейся от рук жены, причём в расходах не стеснялся. День закончил на скачках; выиграл.

За время его отсутствия на квартире в «Яковлевке» сделали обыск и обнаружили удивительные вещи. Руководил поисками сам многоопытный Таубе, и открыл к вечеру все три тайника. В общей массе обнаружили: девять тысяч рублей денег; четыре российских паспорта и один британский (настоящий!), оформленные на разные имена; схему передвижения некого лица; выписку из формуляра штабс-капитана Сергея Васильевича Дегаева и гранки антиправительственной статьи с чьими-то правками. Внимательно изучив схему, Таубе установил, что на ней изображена дача министра внутренних дел на Аптекарском острове. В двухстах примерно саженях от нее была отмечена полпивная, нарисован смешной человечек с каким-то предметом в руках, поставлен красными чернилами крест и приписано: «Бум!». Покушение на графа Толстого, приуготовляемое агентом его подчиненного, подполковника Судейкина? Но не может же такого быть... Тогда что это?

Окончательную путанницу внесло письмо на куске шёлка, обнаруженное в подкладке одного из сюртуков Суворова-Дегаева, висевших в шкафу. Черной тушью, очень аккуратно и разборчиво там было выведено:

«Податель сего, Сергей Васильевич Дегаев, состоит на службе в секретной государственной полиции. Всем чинам жандармерии и общей полиции надлежит оказывать ему, по его просьбе, полное и

незамедлительное содействие.

Подписал: Инспектор секретной полиции, Заведующий Санкт-Петербургским Отделением по охранению общественного порядка и спокойствия

ОКЖ подполковник Судейкин».

Характерные завитушки на буквах «С» и «д», одинаковые на подписи под этим документом и на правке антиправительственной статьи, указывали руку одного человека, а именно самого Судейкина!

Получалось, что жандармский штаб-офицер руководил своим агентом в революционной среде, цензурировал его прокламации, а тот при этом затевал покушение на министра внутренних дел...

Когда Енгальчев посмотрел эти бумаги и послушал мысли вслух барона Таубе, то отдал короткий приказ:

— Арестовать мерзавца!

В одиннадцатом часу ночи в секретную резиденцию Военно-Учёного комитета в Мытнинском переулке был доставлен закованный в наручники Дегаев. К этому времени уже было выяснено, что он действительно отставной штабс-капитан, служил по конной артиллерии и был вынужден уйти в отставку в связи с оппозиционными убеждениями. 20 декабря прошлого, 1882 года был арестован в Одессе на конспиративной квартире «Народной Воли», а 14 января этого года, по пути в суд, бежал.

Слегка помятый, встревоженный, но отнюдь не растерянный, Дегаев предстал перед Енгальчевым и Таубе.

Барон выложил перед ним на стол письмо на шёлке, а так же гранки статьи с пометами Судейкина.

— Ваши вещички, господин штабс-капитан?

— А вы кто, собственно, такие, чтобы спрашивать меня об этом? — нагло ответил арестованный вопросом на вопрос. — Хотите сорвать секретную операцию огромной государственной важности?

— Операция ваша не в том ли состоит, чтобы взорвать графа Толстого?

И майор показал карту Аптекарского острова со зловещим крестом и словом «Бум!».

Дегаев переменился в лице, но быстро нашелся:

— Это инсценировка для организации засады. Спросите у подполковника Судейкина — я не имею права отвечать на ваши вопросы, кто бы вы ни были. Бомбисты будут схвачены на месте преступления.

— До того, как кинут бомбы, или после? — осклабился Таубе.

Арестованный покрылся красными пятнами, но упорно отвечал:

— Спросите у подполковника — он всё объяснит. Вызовите его сюда,

он всё-всё объяснит.

— Хочет перевести стрелки на Георгия Порфирьича, — как бы себе под нос прокомментировал Енгальчев. — Дурак; разве ж такое подтверждают? Сказать графу Толстому, что ловил на него бомбистов, как на живца — ха!

— Послушайте, Дегаев, — проникновенно сказал Таубе. — То, что вы кокетливо называете инсценировкой, во всем мире именуется провокацией. Вы арестованы военной разведкой, которая не подчиняется ни МВД, ни Корпусу жандармов. Нам на эти игры наплевать, вы не наш агент и жалеть вас мы не станем. С точки зрения офицерской чести — согласитесь, как бывший офицер — вы негодяй. Это весьма развязывает нам руки... Вчера днем отмечена ваша встреча с британским шпионом Хинтерроу, что уже прямо проходит по нашему ведомству. И пахнет, кстати, государственной изменой, наказываемой двадцатью годами каторги. А Судейкин ваш, если устроить ему очную ставку с вами в кабинете графа Толстого, от всего откажется. Мол, агент как агент, а про покушение знать не знаю: я ему только статейки редактировал...

Дегаев молчал и смотрел в угол.

— Хорошо, попробуем с другой стороны. Вот эта тряпочка может оказаться в Париже и попасть, например, ко Льву Тихомирову.

Отставной капитан посерел на глазах, открыл было рот, но не смог сказать ни слова — он задышался.

— А впрочем, зачем Тихомирову, — не унимался барон. — Тот человек уравновешенный. Отдадим-ка мы лучше ваш документик Дейчу. Знаете такого? Совсем припадочный. В семьдесят восьмом в Одессе лично выплеснул в лицо некоему Гориновичу склянку с соляной кислотой. Да еще ножичком потыкал. Бедняга ухитрился выжить, правда, оба глаза вытекли... А ведь доказательств никаких не было, только подозрения; здесь же целый опус с подписью Георгия Порфирьевича!

— Чего вы хотите? — прошептал Дегаев.

— Всего-навсего правды. Но всей.

И провокатор, сбиваясь и запинаясь, начал свой жуткий и удивительный рассказ.

Во времена расцвета «Народной Воли», при таких её деятелях, как Желябов, Михайлов или Тихомиров, отставной артиллерист Дегаев состоял в революции на третьих ролях. Убийство Александра Второго ужаснуло общество и озлобило силы правопорядка. Очень быстро ведущие лидеры терроризма оказались, кто на эшафоте, кто в Петропавловке, и лишь

наиболее везучим удалось ускользнуть за рубеж. А главное, помогать радикалам вышло в обществе из моды. То ли одумались дураки-либералы, то ли испугались, только «работать» революционерам стало затруднительно.

В этот момент поле антиправительственной борьбы выглядело, как выжженная пустыня. Одинокая и бестолковая Вера Фигнер болталась по стране, дюжинами сдавая следовавшим за ней по пятам жандармам последних неодумавшихся семинаристов. В далекой и безопасной Швейцарии было принято, в итоге, решение набирать новых деятелей в Исполнительный комитет «по пониженному цензу». В условиях безрыбья ценз и впрямь был изрядно понижен, и те люди, что при Александре Михайлове стояли бы «на стрёме», теперь вошли в руководство партией. В их числе оказался и Дегаев.

Когда в декабре 1882 года он был арестован и помещён в одиночку Одесского замка, то очень быстро задумался над несчастной своей судьбой и — написал письмо Судейкину (о котором много слышал, как о гении политического сыска). Тот бросил все дела и приехал в Одессу. Всё ж таки Дегаев был влиятельным членом Военной организации «Народной Воли», лично рыл подкоп на Малой Садовой и представлял из себя некоторую величину...

Георгий Порфирьевич действительно был удивительным душеведом, каких не знала до сих пор охранительная система. Угрозами и лестью, а чаще искренним интересом и симпатией к арестованным, умением сыграть на слабых струнках человеческой души, он мог договориться даже с яркими своими противниками. Причём договаривался так, что затем они десятилетиями являлись преданными агентами правительства.^[144]

С Дегаевым Судейкин установил совершенно особенные отношения. Встретились два властолюбца и условились помогать один другому! Георгий Порфирьевич прямо пожаловался Сергею Васильевичу, что не имеет достойных союзников в верхах — там одни ничтожества, начиная с министра графа Толстого. А по совести, по способностям, занимать кресло управляющего МВД должен был бы он, Судейкин. Вот если Дегаев пустит престарелого графа на воздух, а подполковник тем временем арестует Веру Фигнер, тогда они оба резко возвысятся, каждый в своей иерархии. И начнут «де-факто» править Россией: Дегаев наводнит её ручными «неуловимыми» террористами, которые будут делать только то, что позволят им два вершителя... А Судейкин станет самым незаменимым при батюшке-царе человеком, эдаким диктатором в духе Лорис-Меликова, поскольку он единственный сможет обеспечить безопасность государя. А

кончится все... конституцией, поскольку Георгий Порфирьевич тоже считает абсолютную монархию анахронизмом и сам в душе либерал!

От такой перспективы у отставного штабс-капитана захватило дух, и он немедленно выдал всё, что знал: явки, пароли, шифры, настоящие и конспиративные фамилии нелегалов, планы партии, заграничные связи. В награду подполковник разрешил Дегаеву встретить Новый год с женой (она сидела в том же замке, этажом ниже), прислал вино и фрукты. Сделка состоялась, и головокружительная операция начала быстро развиваться. Через две недели после праздничного вечера Дегаев «бежал» и объявился в революционных кругах в ореоле героя. Там давно уже не было никаких успехов, а тут такое! Изголодавшиеся по хорошим новостям люди поверили всему, и Вера Фигнер лично ввела триумфатора в Исполнительный комитет.

Судейкин выполнял все свои обещания. Он не трогал молодых партийцев, смотревших новому предводителю в рот, а предпочитал держать их на свободе под полным своим контролем. Исключение сделал для Фигнер, чтобы расчистить Дегаеву путь на самый верх, но и здесь поступил артистично. Отважной революционерке «случайно» встретился на улице бывший террорист Меркулов, о котором уже было известно, что он предатель. Затем дурочке дали сообщить об этом товарищам по партии, и забрали. Дегаев остался чист, и сделался верховным вождем «Народной Воли» в России.

После этого началась уже совсем веселая жизнь. Сергей Васильевич воссоздал закрытую партийную газету и завёл подпольную типографию (деньги на это взял, естественно, у инспектора секретной полиции). Все статьи в газету Судейкин редактировал лично. Затем они вдвоём набрали всякий сброд в Исполнительный комитет. Революционные деятели, оставшиеся в России и «ходившие по лезвию ножа», высокомерно относились к дезертировавшим, по их мнению, прежним лидерам партии, находящимся в эмиграции. И не слушали советов «стариков». Сейчас Судейкин руководит всеми ячейками «Народной Воли», издает и редактирует их печатный орган, полностью контролирует партию и готовит её руками покушение на графа Толстого. Да, еще он дал поручение Дегаеву: выехать в Швейцарию, найти там самого крупного из уцелевших прежних вождей Льва Тихомирова и выманить его на территорию Германии, где тот будет арестован.

На этом Дегаев закончил свой невероятный рассказ, сложил руки на коленях и смотрел на разведчиков одновременно и жалобно, и преданно.

— Что вы со мной сделаете? — спросил он через минуту, видя, что те

не спешат с комментариями.

— А это вон там решат, — ответил Енгальчев и кивнул на потолок.

— Что, сами? — шепотом спросил провокатор. — Против них лично я ничего не затевал, клянусь!

— Что вас связывало с Хинтерроу?

— Его интересовали знакомства в офицерской среде. Некоторые из моих товарищей уже в штаб-офицерских чинах! Еще однажды при мне сэр Адриан говорил с Судейкиным о желательности смены нашей политики на Тибете и в Восточном Туркестане. В пользу сами понимаете кого...

— Но ведь подполковник, согласно ваших же слов, собирался занять пост министра внутренних дел. Как он собирался влиять на дела внешние?

— Не знаю. Может быть, став близко к государю, после... э-э... того случая, он смог бы воздействовать на него и в этом вопросе? И потом: как-то раз в их разговоре мелькнула странная фраза про возможные династические изменения...

Енгальчев и Таубе переглянулись.

— Но я не знаю, что они имели в виду, клянусь!

— Кто такой Лобов?

— Слышал эту фамилию один раз, но человека этого не знаю. Хинтерроу и Георгий Порфирьевич связывают с Лобовым какое-то важное дело; сэр Адриан очень им интересуется.

— А Владимир? Кто такой Владимир?

— Не знаю... Может быть, великий князь Владимир Александрович? Это августейший покровитель Судейкина, они часто видятся.

— Откуда у вас английский паспорт?

— Хинтерроу дал.

— Зачем?

— Ну... после покушения на графа Толстого пришлось бы убежать из страны. На время. А англичане всегда готовы укрыть врагов государя, ещё с Герцена и Ивана Тургенева так повелось.

Опять надолго повисла тишина. Дегаев ёрзал на стуле, разведчики молчали. Вид у них был угрюмый.

— Так что же со мной будет, ваше...

— Превосходительство, — подсказал Таубе.

— ...ваше превосходительство? — с собачьим поскуливанием в голосе спросил провокатор.

— Напишите сейчас всё, что нам рассказали, максимально подробно, — ответил Енгальчев. — А мы войдем с представлением туда. От вашей правдивости и — сами понимаете — полезности, сиречь

готовности делать то, что прикажем, зависит ваша жизнь.

Через сутки Дегаева извлекли из подвала и отвели наверх. Разговаривал с ним один Таубе, и разговаривал жёстко, с нескрываемой брезгливостью.

— Как вы полагаете: после взрыва Толстого и ареста Тихомирова вы долго ещё будете нужны Судейкину?

Дегаев беспомощно захлопал белесыми ресницами:

— Я тоже об этом уже думал...

— Ваши показания прочитал... сам. Велено, чтобы подполковник Судейкин пал на боевом посту.

— ?

— Ну, неужели не понятно? Не выносить же весь этот помёт, что вы с ним вдвоём навываляли, ко всеобщему обозрению! Поэтому слушайте августейший приказ. Вы едете в Швейцарию к Тихомирову и во всём ему сознаётесь. Естественно, без упоминания нашего знакомства... Раскаиваетесь в содеянном и, в качестве искупления своей неизбывной вины, предлагаете казнить Судейкина. Лично.

— Я? Я не смогу. У меня не хватит духу! Я себя выдам, он очень хитрый, он догадается! Это очень неудачная идея, ваше высокоблагородие!

— Хорошо. У меня есть более удачная идея — передать ваши показания вместе с документиком на шёлке в руки Тихомирову и Дейчу. А?

Дегаев сжался в комок.

— Августейшие приказы не обсуждаются. Поэтому думай, как сделать. Проси помощников, раз не можешь сам, — посоветовал Таубе. — И без условий у меня — будешь делать то, что велят. Вот адрес; появляться через день, отчитываться в письменном виде. Государь сказал: до истечения года Судейкин должен быть наказан. Если ты это сделаешь, тебя отпустят в Америку. А теперь пошёл вон с глаз моих!

Глава 26

Республика Желтуга

Курьерская почта, которую они наняли, делает в худшем случае 18 верст в час. По хорошей дороге за сутки можно пройти 300 верст, при условии, что спать будешь в тарантасе, а питаться всухомятку при переменах лошадей. Накатанная дорога вела вдоль течения Шилки на Благовещенск и далее на Владивосток.

После целого дня безостановочного пути доехали до места, где Шилка сливается с Аргуном и превращается в Амур. Изменился пейзаж: суровые, увенчанные гольцами горы Забайкалья заменили пологие сопки с почти южными лесами, а на правом берегу великой реки раскинулась скучная желтая степь. Именно здесь, у самого начала Амура, и находилась республика Желтуга.

В станицу Игнашино — последний пункт русской территории — прибыли уже в полной темноте. Переночевали. Утром чуть свет пошли на берег договариваться. Из махонького домика вышел угрюмый мужик в дикой^[145] рубахе и штанах с жёлтым лампасом — перевозчик. Такса была уже известна: червонец с человека в оба конца и по три рубля за пуд багажа. Быстро ударили по рукам, простились с возницей, оговорив обратный путь, сели в шитик и отправились к южному берегу.

Река в этом месте не была еще так широка, каковой она станет, судя по народным песням, потом. Амур-батюшка здесь чуть более версты, менее Волги у Нижнего Новгорода; но и так впечатляет... Когда доплыли до середины, на том берегу появилась повозка: это прибыл транспорт от принимающей стороны, заказанный Саблиным.

Причалив к китайскому берегу, лобовцы увидели, что дорога вглубь территории начинается прямо от реки. На песке валялось несколько плоскодонок, под ними лежали весла. Казак-перевозчик получил деньги, пообещал завтра дежурить на этом месте с девяти часов утра и уплыл обратно в Россию.

— Чёрт! Впервые я пересекаю границу любимой Отчизны! — несколько возбужденно сказал Челубей, но возница — по виду, типический беглый каторжник, одноглазый рыжий бородач — успокоил его:

— Ништо! Китайской стражи здесь не бывает, а ежели придут, так мы им накостиляем. Нас, желтугинцев, пятнадцать тыщ, и народ все тёртый.

Ох, и тёртый же здесь народ... Чёрт трое лаптей износил, прежде чем нас всех в одно место собрал!

Оставшиеся тридцать верст проехали по хорошей песчаной дороге, обсаженной кое-где гаолянном. Вскоре увидели речку Жел-Тэ, или, по-русски, Желтугу. Неширокая — саженой в пятьдесят — и очевидно мелкая, она текла серой в блёстках полосой, дробясь на десятки ручейков и ответвлений. Река впадала в Амур в ста пятидесяти верстах ниже, а истоками уходила в манчжурские предгорья Тибета. То там, то здесь на реке чернели фигурки старателей с лотками. Один из них в виду повозки перешел Желтугу вброд, и в самом глубоком месте она едва достала человеку до груди.

— И не нападают тут на них? — спросил Лыков у рыжего. — Люди при золоте...

— У нас с этим строго. Чужие боятся — мы сила; а своих грабить отучили давно. Я уж забыл, когда мессер^[146] в руках держал! В нашей республике закон простой: за воровство, а тем более убийство — смертельная казнь. Пашка Прокудин даст своим кулачищем раз, и готово.

— Какой такой Прокудин?

— Павел Иванович Прокудин наш министр внутренних дел. Обчеством выбранный. Смертельную казнь приводит в исполнение самолично единым ударом кулака прямо посреди круга свободных желтугинских граждан.

— И что, с одного удара наповал? — усомнился Челубей.

— А вот увидишь, какой у него кулак, враз поверишь.

Через два часа пути они въехали в столицу самопровозглашенной республики. Зрелище, действительно, было необыкновенное: посреди желто-бурой степи — несколько сот хибар, глинобитных китайских фанз, кочевых юрт, досчатых балаганов, а также с десятков вполне крепких русских изб. Пожарная каланча, здание правительства и парламента (сарай десять на семь саженой), несколько гостиниц (они же игорные дома), дом шерифа с арестантским помещением и три-четыре то ли магазина, то ли кабака, образовывали главную площадь города. Она называлась, как пояснил возница, Орлиное поле — оттого, что на ней удобно было играть в любимую каторжными орлянку. От площади далеко к горизонту уходила главная улица — Миллионная. В неё впадали переулки с разномастными строениями, заполненные такой же разномастной толпой. Зрелище, как в России на Масленицу: нескончаемые толкотня, суета и движение, но всё делается спокойно, без пьяного галдежа, гармоники и мордобоя. Люди просто развлекаются, веселятся и не мешают веселиться другим. Есть и много озабоченных лиц, кто-то идет по делам, иные верхами направляются

за околицу, а вон волокут лиственичный ствол. Интересная страна «Китайская Калифорния», где, по словам Челубея, золото меряют берковцами!^[147] Лыков с любопытством всматривался в лица граждан этой удивительной республики. Во у людей жизнь!

Сразу бросалось в глаза необыкновенное смешение рас. Славяне, прочие европейцы, а так же китайцы, корейцы, памирские киргизы, буряты, тунгусы, монголы, татары в чалмах, горцы в бешметах; попалось и несколько негров. Очень мало женщин и все они, очевидно, относятся к одному роду занятий. Вот прошёл молодец с сочной русой бородой, в изодраном гусарском доломане. Офицер! На плечевых шнурах — гомбочки штаб-ротмистра, но звезд некомплект: на одной стороне всего три, а на другой вообще одна, и все сильно ржавленные. Следом, по виду, британский боцман: огромный, краснорожий, в полосатой фуфайке под черной морской курткой, и с трубкой в зубах. Дальше два китайца, а с ними — курчавый темнокожий метис, то ли кубинец, то ли гаваец... Снова русский, с опухшим от водки лицом, но в клобуке и подряснике без креста — сбежавший от Бога за золотом рясофор^[148]. Празновалось как раз Успенье^[149] и, видимо, по этому случаю неудавшийся монах был пьян в стельку... Затем вдруг пожилой солидный господин в дорогом сюртуке и шёлковом галстуке. Его обогнал колоритный мужик в грогроновой косоворотке^[150] и бархатных онучах под лаптями — сразу видно, удачливый старатель. Много было мексиканцев в кожаных штанах с серебряными пуговицами и с разрезом на одной ноге. А вот и наш родной русский надзиратель, в черном мундире из гвардейского неворсованного сукна, с синими выпушками, без шашки и револьвера, но зато со свистком! Обнаружился малаец, предлагающий настоящие сигары. Низкорослый угрюмый якут ведёт на веревке овцу и впаривает её на ходу здоровенному и очень пьяному манчжур с косичкой, но в русских лаптях. Полный бедлам...

Рыжий варнак подвез их к гостинице с громким названием «Марсель», принял деньги и сразу отправился с ними в соседний кабаk, бросив повозку прямо на улице. Какой-то китайченок тут же подбежал с ведром воды, напоил лошадей и увёл. В холле гостей встретил хорошо одетый мужчина, седобородый, худощавый, с приветливо-хитрым взглядом и большим красным рубцом, пересекающим лоб и переходящем на щеку.

— Вы от господина Саблина? Ждем, ждем! — приветливо заворковал он с каким-то южным, левантийским акцентом. — Меня зовут Руперт. Прошу вас записаться в книгу постояльцев, заселиться, а потом отобедать.

Сегодня у нас седло барашка с марципанами, отварной муксун со спаржей и утка по-руански...

— О! — воскликнули хором Лыков с Челубеем. — Долой мясной порошок!

— ...и двадцать три вида алкоголесодержащих напитков, от хинного самогона до «Вдовы Клико».

— О!! — выдохнули лобовцы. — Давайте сюда скорее вашу книгу!

Алексей с любопытством пролистал журнал. Ему попались, и не раз, Свищёв и полковник Потулов; отметились вице-губернатор Забайкальской области и помощник прокурора из Николаевска-на-Амуре. Раз в месяц, судя по записям, приезжал генерал-адъютант князь Витгенштейн, родственник государя. Фигурировали также американский сенатор, егермейстер венгерского королевского двора и министр правительства Сиама. Лыков с Недашевским вписали рядом свои настоящие фамилии (а у них было при себе на двоих семь паспортов), и пошли истреблять утку по-руански. Запивали её настоящим анисетом^[151] и от удовольствия осоловели...

Через час, после изумительного по качеству (и цене!) обеда, они пересекли площадь и вошли в никем не охраняемую резиденцию правительства. Перед входом в здание располагалась высокая деревянная трибуна, по обеим сторонам которой были установлены две чугунные пушки; рядом — врытый столб с колоколом. Алексею с Яковом предстояло познакомиться с президентом вольной республики Имре Фашши^[152]. В большом, пыльном, давно не подметаемом строении они долго искали лидера государства. В первых четырёх комнатах никого не было, причём в одной на столе стояли аптекарские весы, а рядом валялось на бумажке около фунта золотого песка. Наконец, услышав, что кто-то долго шляется по резиденции, Фашши сам вышел в коридор и пригласил их в кабинет.

В просторных апартаментах с тремя большими окнами, выходящими на главную площадь столицы, произошел длинный и любопытный разговор. Или, скорее, монолог. Бывший будапештский адвокат с явной авантюрной жилкой, Фашши оказался красивым мужчиной лет тридцати пяти, живым, остроумным, с внимательными голубыми глазами и небольшой ухоженной бородкой. Говорил он по-русски с сильным акцентом, но стилистически грамотно и весьма бойко, как и полагается присяжному поверенному.

— Нашей республике скоро будет два года. Началось всё в марте 1880, когда несколько маньцзы^[153] и беглых лоху^[154] укрылись от властей на

глухой и отдалённой реке и неожиданно обнаружили здесь золото.

— А много ли, кстати, его здесь? — несколько бестактно перебил президента Челубей.

— Много. Никто не делал научной оценки запасов, но золота полно. Река течет сто миль по дикой местности, населенной только зверями; даже хунхузы обходят эти голодные и опасные края. Сама россыпь — это разведано точно — тянется на тридцать пять верст. В глубине земли находятся жилы, часто в два фута толщиной. Поток размывает их и выносит золотой песок с водой на поверхность, и здесь его легко намывать. Но многие копают шурфы и целые шахты: пойдете гулять — увидите. Это тяжелее и много опаснее, то и дело людей заваливает, зато, уж если нашёл жилу, то хватит до конца жизни. Так вот. Первооткрыватели добыли по тазу этого добра и вернулись на юг, в города. И рассказали там своими длинными китайскими языками, что, где и как. Началась, понятно, «золотая лихорадка», но, в отличие от Калифорнии, никто сюда потока приезжих не организовывал. С юга не пускают манчжуры, с севера караулит Россия. Люди, конечно, прорвались, и даже много людей, но всё же это был ограниченный, сравнительно с Калифорнией, доступ.

Я появился на Желтуге весной 1881 года, когда город уже стоял и в нём проживало около трех тысяч старателей (а сейчас их более десяти). Вы не можете себе представить, что здесь тогда творилось! Каждый копал, где ему вздумается. Люди дрались и убивали друг друга из-за участков (хотя земли было и есть полно), поскольку каждому казалось, что у соседа место лучше. Мало было добыть золото, его ещё требовалось защитить. Все ходили с оружием, и почти каждый день в городе кого-то убивали, а иногда и по несколько человек зараз. Особенно кровавыми были войны банд: ирландцы против итальянцев, Соломоновы острова против Гаити... Зато когда приходили хунхузы, то брали всё, что хотели, и никто не смел им слова сказать. Богатели лишь те, кто занимался выгонкой спирта — у них не имелось проблем со сбытом. Жить в таких условиях было невыносимо, и некоторые не выдерживали — кончали с собой. На том конце города кладбище, где зарыто более четырехсот человек! Только двое из них умерли своей смертью, от белой горячки... Иногда этот разгул беззакония доставал людей, и тогда они вершили самосуд, кого-то вешали, изгоняли из города, но на другой день всё возобновлялось.

В это ужасное время я начал мыть свое золото и очень быстро понял, что надо менять весь этот уклад. Иначе воспользоваться богатством не придётся! Конечно, так думал не я один: рамки, правила нужны в любом обществе, даже в обществе каторжников и убийц. Все вопросы в Желтуге

тогда решались кулаком или пулей. Я привез с собой из Шанхая два револьвера, и они очень мнегодились. Пришлось кое-кого застрелить — иначе от тебя не отстанут, особенно, если ты удачливый. Я начал присматриваться к людям вокруг, в надежде найти союзников, и довольно быстро такие союзники нашлись.

Первым появился Павел Прокудин, наш теперешний министр внутренних дел. В нём сильна тяга к порядку и самоорганизованности, причем именно с приставкой «само». Павел образованный человек, он закончил химический факультет Московского университета; его мать — урожденная княжна Голицына. И он одновременно со мной задумался о порядке в городе. При том, что лично его никто и пальцем не тронул — таких дураков не находилось даже здесь. У него кулак с мою голову!

Когда мы с ним познакомились и выяснили, что думаем об одном и том же, начали искать ещё союзников. Вскоре появился Ван, пожилой, опытный хунхуз, большой авторитет в военном деле. Он рассудил, что пора бы ему намыть свой таз золотишка да и удалиться на покой; а тут такие безобразия... Ван не любит, когда кто-то мешает его планам, и стирает таких людей в порошок, а это единственное, что он умеет делать. Под его руководством мы отбили три нападения бывших его приятелей и одно — правительственных войск.

Когда нас стало трое, можно было начинать действовать. Все торговцы сразу оказались за нас, понятно, почему; а поскольку им должен почти каждый старатель, их поддержка оказалась очень действенной. Кроме того, мы выступили на волне всеобщей тяги к порядку. Только что убили повара одной из русских каторжных артелей. Обычное убийство не наделало бы столько шума, но тут был особый случай: человека зверски четвертовали! Среда бела дня, просто так... И народ созрел. В одно из воскресений я собрал трезвую часть населения и сказал речь (а говорить я умею). Хватит убивать друг друга, звучало в ней; мы прибыли сюда за богатством и хорошей жизнью, а не за пулей. У нас полно земли и полно времени — нужны только правильные порядки. Я предложил простые и справедливые законы: за убийство, ранение, грабеж — смерть. За жульничество в карты — смерть. И за кражу, даже самую незначительную — тоже смерть. Других наказаний у нас почти нет, по крайней мере, связанных с заключением в тюрьму. Мы отнимаем жизнь, но не свободу! В Желтуге много бывших арестантов, и это правило им особенно нравится.

Далее, я предложил создать единый фонд земельных участков и распределять их с помощью жребия. Это тоже пришлось нашим людям сильно по душе, поскольку все мы здесь игроки, а игроки на фортуны не

обижаются.

И третье, я предложил провозгласить независимую республику Желтугу, принять всеобщим голосованием перечисленные выше законы, и выбрать власть, отвечающую за их соблюдение.

К тому времени всем уже было ясно, что золото без гарантий безопасности убивает хозяина, а не делает его счастливым. И люди согласились со мной. Первыми выступили «за» самые удачливые старатели — чилийцы; присоединились охотно немцы и англичане. Против голосовали, естественно, пьяницы-ирландцы, австралийские каторжники, негры и, почему-то, вздорные французы. Но торговое лобби взяло верх и я стал президентом, а Прокудин министром внутренних дел и, по совместительству, палачом. На следующий день после провозглашения новых законов ему пришлось казнить первого нарушителя, как раз ирландца. Старатели поняли, что всё теперь всерьёз. Кроме того, мы втроем с Ваном перестреляли австралийцев; их банда из шести беглых каторжников не подчинялась никому и была самой опасной. И, наконец, собрав добровольцев, мы в одну ночь схватили и выгнали из города сразу тридцать негодяев. Это был самый сброд — убийцы, привыкшие к крови и не желающие никакого над собой контроля. На этом репрессии практически закончились. Так, повесили двух совершенно неуправляемых мексиканцев, ещё из банды Хоакина Мурьеты. После них Павел только пять или шесть раз кулаком исполнил самые зловещие свои обязанности — в случаях с опасными одиночками — и в республике сделалось спокойно...

В правительстве Желтуги всего несколько человек. Военный министр, конечно же, Ван. Есть министр земледелия; он ведёт учёт всех золотоносных участков, их распределение, обмен, а также разведку ископаемых. Им состоит пожилой уже русский старовер, и более честного человека я в жизни не встречал. Далее, министр юстиции. Именно он рассматривает все случаи нарушений законов и выносит приговор. Таковым служит, кстати, бывший прокурор одной из ваших внутренних губерний. Есть министерство иностранных дел, во главе с китайцем, но у него мало работы. И последнее министерство — финансов и торговли; его, естественно, возглавляет польский еврей. Мы вынуждены были ввести подходящий налог. Один процент с добытого золота платят старатели. Десять процентов от стоимости завезённых товаров отдают торговцы — они ведь более других наживаются на тяжком старательском труде. Те же, кто продаёт спиртное, платят в казну двадцать пять процентов от выручки. В подтверждение взятого сбора выдаются особые свидетельства с казённой печатью. Вся республика поделена на пять участков; каждым из них

командуют два старосты. Десять старост во главе с выборным старшиной, то есть, мною, составляют правление республики. Это своего рода республиканский парламент.... Наиболее важные вопросы решает всеобщий сход населения Желтуги. На собранные средства республика закупает оружие, боеприпасы, медикаменты и продовольствие...

— И сколько в год собираете налога? — снова не очень уместно поинтересовался Челубей.

— Я сейчас не помню, — недовольно ответил Фашши. — ...У полковника Потулова, в частности, приобретаем солонину, сухари, крупы и муку. Этой весной он приехал сюда играть в карты. Такой честной игры, как у нас, нет больше нигде в мире — по понятным причинам. А полковник профессионалист в этом деле и часто выигрывает значительные суммы. Но в этот раз ему не повезло: он проиграл, и значительно больше, чем привез с собой. Поэтому полковник послал на Кару записку, а сам остался нашим гостем. Только когда пришел транспорт с мукой, Потулов вернулся к своим обязанностям начальника Нерчинского каторжного района.

— А князь Витгенштейн тоже в картишки перекидывается? — спросил Лыков.

— Нет, этот приезжает за золотом. Князь герой войны, дальний родственник вашего императора. И неудачный картежник. Царь дважды оплачивал его долги, а тот плодил новые. Говоря по правде, Витгенштейн — просто старый дурак, хоть и генерал-адъютант; а царь ваш скуповат. Поэтому Петра Львовича сослали на службу в Благовещенск, в место, где при всем желании нельзя потратить много денег. И негласно разрешили, для поддержания штанов с лампасами, скупать на Желтуге золото по дешёвке. По моим данным, Витгенштейн пользуется этим и покупает металл не только для себя, но и для одного из великих князей.

— Для кого именно? — не удержался и полюбопытствовал Лыков, хотя делать этого не следовало.

— Для Владимира Александровича, — без запинки ответил Фашши и с интересом поглядел на Алексея. — А почему это вас интересует?

И Лыков, смутившись, переменял тему.

— У нашего хозяина, господина Лобова, с начала этого года пропали два подряд золотых курьера, везшие в столицу купленное у вас золото. Мы прибыли, чтобы разобраться в этом ребусе. Нет ли у вас каких сведений об этом, или пусть догадок?

— На эту тему лучше поговорить с министром внутренних дел. Он, кстати, скоро появится... От себя же скажу, что нас самих эти пропажи ставят в трудное положение. Мы добываем золото для того, чтобы его

продавать. Китайцы рано или поздно нас раздавят; надо успеть разбогатеть, чтобы было с чем убегать... Поэтому такие оптовые покупатели, как господин Лобов, берущие часто и по многу, для нас очень важны; нам крайне не выгодно прерывать с ним торговые отношения. А после второй пропажи он не купил у нас больше ни унции. Поэтому правительство окажет вам полное содействие в поиске злоумышленников, и виновные будут наказаны. Вот, кстати, и наш эм-вэ-дэ...

В коридоре послышались тяжёлые шаги, дверь отлетела, как бумажная и в кабинет президента вошел Прокудин.

Лыков редко встречал таких людей, хотя великанов и богатырей повидал немало, а некоторым из них при знакомстве свернул шею. Но Прокудин был особенный. Ростом с того же Коську-Сажень, он был, в отличие от него, гармонично и пропорционально сложен. Очень большой, огромный, широкий в кости; плечи — от стены до стены, а кулаки, без преувеличения, с голову взрослого человека. И при этом — умный цепкий взгляд, высокий лоб, вьющиеся до плеч черные с проседью волосы и жесткая складка между бровей. Одет министр был в старательские брюки из гонуэзской ткани на помочах, с оловянными клёпками на карманах и ширинке, и в красную гарибальдийку.

Прокудин поздоровался с гостями, при этом их нехилые кулаки утонули в его ручище.

— Мы ждали вас, господа, и провели собственное расследование, — сказал он, усаживаясь. — Обоих пропавших ваших курьеров подбирали Саблин. В январе это был некий Карандасов; мы не успели его подробно узнать, он прожил здесь недолго, но ничем плохим зарекомендовать себя не успел. Зауряд-прапорщик из Кавказского корпуса. Сдал экзамен на подпоручика пограничной стражи и вступил уже в командование постом, как вдруг результаты экзамена пересмотрели, и его опять — в унтера. Он обиделся и ушел в Желтугу. Опытный человек, не пьяница; знает, чего хочет. Карандасов подрядился курьером сразу на три ходки, чтобы осесть потом с заработанным капиталом на Кавказе. Что он украл ваше золото — не верю; он не уголовный с чужим паспортом, найти его легко, и он это понимал. Второй курьер, в марте — тот вообще итальянец, Пьетро Буссиеста, «браво», попавшийся на убийстве своего соотечественника в Николаеве...

— «Браво»?

— Да, так на Аппенинах называют наёмных убийц. У нас в России такой преступной профессии, слава Богу, нет и, надеюсь, никогда не будет. А в Италии «брави» существуют уже несколько столетий и помогают

решать торговые и иные конфликты. Буссиеста получил восемь лет каторги, бежал, пробрался к нам. Мыл здесь золото, правда, не очень удачно; очень скучал по своей Ломбардии и решил вернуться, подработав по пути «золотым фельдъегерем». Он так же не мог сбежать с вашим грузом: плохо знает язык и не имеет на Руси никого знакомых. Думаю, за это его Саблин и выбрал. Кроме того, Пьетро смелый человек и великолепный стрелок, и умеет за себя постоять.

— А какие-нибудь подозрительные люди, странные события?

— Ничего. Мы сломали голову, но ничего не обнаружили. Правда, оба раза здесь находился человек от Бардадыма, Юс Маленький; но он здесь часто бывает, и с хозяином, и без. Слышали о нем? Опасный человек. Я никого никогда не боялся, и его, конечно, тоже, но без крайней нужды связываться с ним не буду...

Дальше разговор зашёл о продолжении закупок Лобовым золота на Желтуге. У Якова и на это обнаружились полномочия, и Алексею осталась роль слушателя. Недашевский подробно расспросил президента с министром об условиях, скидках, дополнительных мерах безопасности, обсудил достоинства и недостатки обходного маршрута через Индийский океан в Одессу. Алексею почудилась, и уже не в первый раз, какая-то заостренность челубеевского интереса на теме оценки потенциала золотоносного района Желтуги. Руководители республики умело обходили этот вопрос стороной, но было заметно их нарастающее раздражение. В конце концов, Прокудин прямо обвинил Недашевского в, как он выразился, подозрительном вынюхивании, и прервал разговор.

До конца дня Лыков оказался представленным сам себе. Челубей опять ушёл по своим секретным делам, не взяв его с собой. Выпив в ресторане у Руперта две чарки ханшина^[155], Алексей отправился гулять по республике.

Глава 27

Поединок

По случаю субботы на Миллионной улице было не протолкнуться, а калейдоскоп лиц превышал воображимые пределы. Лыкову попались даже два японца с самурайскими мечами, и один совсем уж странный человек, смуглый, длинноволосый и замотанный в цветастую скатерть с бахромой. Вспомнив читанные в детстве романы Фенимора Купера, сыщик решил, что это, скорее всего, американский индеец. А именно гурон... Множество кабачков, портерных и кафе были забиты посетителями, которые расплачивались за выпивку песком или самородками: у каждого имелись при себе маленькие весы, и золото так и кочевало из рук в руки. Дома вскоре сменились палатками и простыми навесами с земляным полом, но на одном из них было написано на трех языках: «Лучшая дорожка для боулинга во всей Манчжурии», а на другом — «Галерея живописи». Обнаружились даже цирковая труппа с жонглерами и фокусниками, и зверинец! Уличные торговцы предлагали Лыкову жинг-зент^[156] и опиум. Гулящие женщины призывно тянули гостя за рукав, он лениво отмахивался, и жрицы любви мгновенно находили ему замену. Никто другой Лыковым не интересовался, зато он вертел головой, как птенец. Народ вокруг веселился от души, но даже пьяные не буянили и не ругались — видать, строго их прищучил Пашка Прокудин. Показался по улице крупный парень с револьвером — здешний полицмейстер. Его дружески приветствовали, приглашали выпить; он всем улыбался, хлопал кого-то по плечу, но не пригубил ни капли и весьма строго посматривал по сторонам. Увидев незнакомое лицо, подошел и вежливо поздоровался, но взглядом быстро обнаружил на Лыкове оружие и напрягся. Алексей по-французски объяснил полицмейстеру, кто он и откуда взялся, и тот отправился дальше, пожелав гостю приятного времяпрепровождения.

Вскоре сыщик добрался до городской окраины. В отличие от Кары, облепленной погаными и опасными слободами, Желтуга сформировалась как единое целое. Кончалась идущая от центральной площади улица, и начиналась степь. Вдали виднелось несколько групп строений — это были старательские артели, обособившиеся на разрабатываемых ими участках. По словам Фашши, отделялись обычно чилийцы и аргентинцы; европейцы и азиаты предпочитали жить в «столице». Правда, китайцы основали

собственный квартал, один из самых густозаселенных. На севере дома выходили прямо на берег реки, и кое-где, не смотря на субботу, сидели люди с лотками. Четверо ражих ирландцев с руганью подняли из воды большой жестяной ящик с гофрированным поддоном, не менее трех саженей в длину, и принялись сливать из него ртуть в подставленное сито; когда слили всё во флягу, на сите отложилось несколько унций золотого песка...

Рядом со старателями мирно располагались компании с выпивкой и закуской, играла губная гармоника, горели костерки. Тут же киргизы поили верблюдов — этих огромных животных в городе было больше, чем лошадей. Глазея по сторонам, Лыков чуть не провалился в узкий глубокий шурф; оттуда, из-под земли, ему крикнули что-то грубое на незнакомом языке. Присмотревшись, Алексей увидел, что целые горы нарытого грунта густо разбросаны вокруг: это разрабатывались подземные золотые жилы. Бамбуковые колышки указывали их залегание и обозначали также участки; ширина последних была около пяти саженей, а длина более пятидесяти, и колышки уходили далеко к горизонту.

Общее впечатление от «Китайской Калифорнии» было удивительное. Огромная толпа всякого сброда, съехавшегося со всего света, добывает золото — источник раздоров и преступлений — и при этом город живет спокойной и веселой жизнью! Такого ощущения личной безопасности Лыков не испытывал даже в Санкт-Петербурге. Руперт подтвердил давеча, что за нарушение законов в Желтуге было казнено менее десяти воров и убийц, и этого оказалось достаточно: во всем городе нет теперь замков!

Полюбовавшись своеобразным манчжурским пейзажем, Алексей вернулся обратно на Орлиное поле и, как тут же выяснилось, очень вовремя. Большая толпа, человек в двести, сгрудилась перед правительственным сараем; над ней, как каланча, возвышался Павел Прокудин и, агрессивно жестикулируя, кого-то обличал. Народ одобрительно ревел на двадцати языках сразу; в частности, слышалось родное «мать его ети» и «налить, как богатому».

Встревоженный Алексей протолкался внутрь и обнаружил там Челубея, затравленно озиравшегося в этой враждебной ему толпе. Его обступили со всех сторон, толкали и обзывали. Лыков вслушался в речь Прокудина:

— ...Весь день ходит, вынюхивает, выпрашивает, и всё об одном: а сколько здесь золота, и какие его запасы, и сколько за год добываете? Зачем ему это знать? А я вам отвечу: этот человек — шпион!

— Шпиён, как есть шпиён! — заорали вокруг сразу несколько

человек. — Вишь какой чистый стоит, не нам чета! На головы наши грешные хочет царско войско наслать, и нас обрат в каторгу упечь!

— Товарищи! Смерть шпиону! — рявкнул на всю площадь министр внутренних дел.

— Смерть, смерть яму! — подхватила охотно толпа, и старатели кинулись было к Недашевскому, но Прокудин остановил их.

— Стойте, товарищи. Так будет совсем уж не по закону. Дадим ему шанс. Пусть этот гнус дерется со мной один на один до смерти. А? Кто кого.

— Ха-ха! — рассмеялись желтугинцы. — Это рази шанс — с тобой, иродом, один на один сражаться! Тут надо двадцать человек с топорами, вот тогда у них будет шанс... А впрочем, что ж; нам развлечение, а шпиёну наказание. Валяй. Подеритесь, ребята!

Челубей пытался что-то объяснить, но толпе уже хотелось зрелища. «Шпиёна» вытолкнули в середину круга, и Пашка пошёл прямо на него с застывшим и страшным лицом. Вдруг несколько самых шумных горлодеров разлетелись в стороны, как кегли, и внутрь, злой и сосредоточенный, шагнул Лыков.

— Ты вот что, министр хренов, — ткнул он пальцем в Прокудина, — больно шустёр ярлыки наклеивать. Ежели Челубей шпион, то и я, значит, тоже шпион. А подерись-ка сначала со мной; может, просветление испытаеть?

Пашка внимательно осмотрел Лыкова и презрительно хмыкнул с высоты своего роста:

— Ты-то куда лезешь, сморчок неудельный? Мне с тобой драться интереса нет. Мелковат ты для меня.

Алексей, не обращая на его слова никакого внимания, загородил собой бледного, растерявшегося Челубея, снял с себя сюртук и отдал держать ему. Потом развернулся лицом к противнику и сказал:

— Хорош болтать. Бьемся!

Толпе вокруг было без разницы, кого из двоих чужаков Пашка-министр порвет первым. Гигант же осекся, задумался — убивать Лыкова ему явно не хотелось. Но было уже поздно; он кивнул головой и сказал только:

— Ты сам напросился.

Прокудин тоже скинул жилетку и принялся медленно засучивать рукава. Выражение лица он сменил теперь на звериное — авось противник испугается. Но Лыков стоял равнодушный и ожидал начала боя. Драться с желтугинским геркулесом не входило в его планы, но Челубея нужно было

выручать. Разумеется, и речи не могло быть о битве «до смерти», и приходилось поэтому обдумывать тактику.

Прокудин как соперник его не смущал: тут всё было ясно заранее. Лыков брал уроки борьбы у самих братьев Медведевых, и понимал уже кухню этого действия. Борцы называют подобных бугаёв «апостолами»: огромная мышечная масса, фактура, кураж — и полная беспомощность перед подготовленным к бою человеком... Очень любят профессиональные борцы класть таких дурачков в начале турнира: публика ожидает долгой и трудной схватки, рукоплещет, беснуется, восхищается победителем — то, что нужно! Ей невдомёк, что без знания техники борьбы, при общем приблизительном равенстве физической силы «апостол» обречён. Позорить Пашку по полной программе всё ж таки нельзя — обидится и станет врагом, размышлял Алексей; но и театр перед этой братией разводить не годится. Вырубать надо с одного удара, но этим и ограничиться. Гортань? Легко ошибиться и убить магистра химии... Пах? Некрасиво как-то. Барон Витька научил его одному хорошему удару в сердце, но он тоже смертельный. Сместить чуть влево-вниз и бить поддых? Пожалуй, да...

Прокудин закончил, наконец, с рукавами, и пошёл без разговоров вперед. Совсем бестолковый; надо бы его предупредить потом, что ли...

— Давай, Пашка! Отвесь по нашенски, по желтугински! — радостно заорали старатели. Из-за их спин — заметил Алексей — осторожно высовывался президент Фашии.

Министр быстро сблизился с Лыковым, выдохнул мощное «хе!», и ударил. Лыков отступил на шаг; огромный кулак долетел до его носа и замер в полувершке. Снова удар — он ушёл влево. Прямой, затем попытка шлёпнуть сверху по темени, левый боковой... Огромный детина, кряхтя от усилий, молотил воздух. Алексей делал едва заметное движение головой или корпусом, и пашкин кулак пролетал мимо. Прокудин совсем рассвирипел, ломанулся на противника, как медведь, опустил даже до удара ногой. Публика начала улюлюкать — их боец становился уже смешон. Пора!

Лыков нырнул под очередной удар правой и левым кулаком, в три четверти силы, с разворота ткнул Пашку в солнечное сплетение. Тот застыл на миг, потом сломался в поясе, затем в коленях и огромным валуном рухнул к ногам Алексея.

Всё сразу стихло, и несколько секунд стояла могильная тишина. Но затем одновременно заголосило насколько записных ораторов:

— И чё — это всё, что ли? Нет уж — до смерти, так до смерти! Такой уговор — Пашка сам нарывался! Добей его, мил человек! хватит уж аспиду

кровь христианскую лить. Добей! не то мы сами...

Стало ясно, что у министра внутренних дел здесь накопилось немало врагов; самые ретивые, как шакалы, бросились к лежащему без чувств Прокудину. Пара затрещин от Лыкова быстро их отрезвила.

— Атрышь ^[157]! — рявкнул он так, что круг сразу расширился вдвое. — Лежачего бить? Я этого не люблю! Руперт, иди сюда.

При всеобщем молчании Алексей с Рупертом подняли и оттащили Прокудина в сторону. Поняв, что зрелище закончилось, толпа быстро разошлась. Пашка через минуту пришел в себя, с трудом разогнулся и, пошатываясь, молча ушел с площади. Лыков с Челубеем отправились в гостиницу собирать вещи — пора было уезжать.

Через два часа хозяин вызвал Алексея на первый этаж. Там с виноватым видом стоял министр, красный от смущения.

— Да, лихо ты меня, — пробасил он. — Первый раз в жизни эдак-то; но полезно, полезно...

— Конечно, полезно. Вашего брата без дубины не уверишь! Человеку опытному ты — легкая добыча, и должен это знать; а иначе следующий опытный прикончит тебя в два счета. Не надейся на массу, помни, что победы над пьяными ирландцами ничего не стоят. Учись настоящему бою! Я мог кончить тебя несколько раз, пока ты там воздух разгонял...

— Спасибо за науку. Я пришел... ну, предупредить. Перед вашим сюда приездом тут был Юс Маленький.

— И что?

— Думаю, он убил ваших курьеров. И попытается и вас перехватить на обратном пути. Жди засады.

— Понял. Спасибо.

— А за приятеля своего не обижайся — он и вправду шпион. Ты — нет, а он шпион. У него задание от Лобова, это видно по его вопросам. Нехорошие вопросы... А тебя, сдается мне, просто используют в темную. Ну, теперь всё; прощай.

Лыков пожал ему, в знак примирения, руку и уже пошёл наверх, когда вдруг Прокудин вернулся от дверей.

— На всякий случай... вдруг пригодится. У Юса в левом рукаве кастет с шипами. На резинке. Он встряхивает вот так вот кистью, и эта штука оказывается у него в кулаке.

Глава 28

В тайге

Ранним утром они переправились через Амур и снова оказались на российской земле. Знакомый казак ждал в тарантасе и без проволочек, вверх по Шилке, повёз их на Кару.

Уже несколько часов Лыков с Челубеем ехали, не проронив ни слова; словно чёрная кошка пробежала между ними. Яков виновато молчал, понимая, что едва не погубил их обоих столь неуклюжим выполнением любовских поручений. Которые по-прежнему остаются для Алексея тайной... Понимал он так же, что Лыков вчера его спас, подставив под огромные кулаки Пашки-министра свою голову. Лыков тоже молчал, раздумывая, как ему вести себя с Челубеем дальше. Необходимо выяснить, зачем они на самом деле приезжали в Желтугу. Ясно, что поиск пропавших курьеров только повод; настоящая цель — обследование «Китайской Калифорнии» и оценка её золотых запасов. Но зачем это Лобову? Он что — соберёт отряд головорезов и захватит там власть? Спорная идея! Пятнадцать тысяч вооружённых старателей оторвут башку любому захватчику, если только это не регулярная армия. Кроме того, вывоз золота из Желтуги сильно затруднён, что в Россию, что в Китай. Наконец, очевидно, что жить республике не долго: войска императрицы Ци рано или поздно, но придут сюда войной. А Лобову намного выгоднее покупать из Питера золотишко за полцены, оставляя риски войны с Китаем самим старателям.

И ещё Лыков постоянно думал о Хогешат. Вчера вечером он поймал себя на наблюдении, что ему хорошо и тревожно одновременно, и понял, что совсем влюбился...

Решив пока не скандалить и не пытать из Челубея калёным железом его тайны, Алексей крепко хлопнул его по плечу:

— Ладно, Яша — проехали. Не можешь говорить — не говори. Плохо, что я за вас с Лобовым свою башку подставляю втёмную; убьют, а я так и не узнаю, за что. Но понимаю, что не ты это придумал... Откроешься, когда сможешь; только будь на будущее поумнее. Расскажи, пока мы в дороге, хоть то, что лишь твоя тайна: как ты во всём этом дерьме оказался. Путь у нас длинный...

— Ты имеешь в виду мою историю, с самого начала? — спросил

повеселевший Челубей.

— Да. Я же вижу, что ты как будто бы пробуешь, до каких низостей уже готов прийти, а до каких еще нет. И пока не решил, можешь ли убивать людей так же равнодушно, как Пересвет.

Недашевский посмотрел на него удивленно, помолчал, потом заговорил:

— Это так заметно, да?.. Ты прав; я менжуюсь. Для уголовных — ты знаешь — люди означает только сами уголовные; все остальные хуже мусора. Мир делится на две части. Значит, с обывателями можно делать всё, что захочется и это даже сойдет за доблесть. Тут-то я и торможу! Не могу ещё так запросто, с легким сердцем, топтать не повинных ни в чём людей... Тогда стая начинает на меня коситься. Лобов умный — он меня не торопит, но развращает лёгкими деньгами. Я красивую жизнь люблю, а трудиться как большинство человечества — не готов. Вот потихоньку и засасывает меня на самое дно. Это ты сумел так поставить себя, что уголовные всё примут. Видят, что ты не их полета, а приходится терпеть, иначе башку оторвешь! Я так не умею. Подковы гнуть не хуже тебя — могу, а это нет... Ты бы знал, как мне хорошо последние месяцы около не Пересвета с Чулошниковым, а тебя! Веришь, душой отдыхаю. И завидую... Но ты рано или поздно уйдешь, а я останусь, ну и...

Изволь — вот тебе моя история. Я из хорошей семьи. Ещё Иван Грозный пожаловал нашему роду, действительно имеющему татарские корни, земли вокруг теперешнего Царёвококшайска. В нём я родился и вырос. Крохотный такой городок, тихий, спокойный. Чуть более тысячи человек населения, в том числе двадцать шесть дворян, из коих только мы, Недашевские — столбовые. Жить в Царёвококшайске, наверное, хорошо, но таким как я — скучно. Отец был бессменным уездным предводителем, но я его совсем не помню; он погиб, когда мне едва стукнуло полтора года. Его застрелил на охоте уездный казначей Колбасьев. Якобы несчастный случай, но, как потом выяснилось, этот стрюк расчищал себе место подле моей матери... У нас было тридцать тысяч капитала, да еще выкупных платежей около трех тысяч в год — большие деньги для провинции. Вскоре Колбасьев стал, не таясь, к нам заходить, потом они обвенчались. Мать была без ума от этого негодяя: ничего не замечала, никого, кроме него, не любила. Я им обоим только мешал и потому, как только исполнилось мне десять годов, спланировали меня в Казань, в военную гимназию.

Наверное, я сейчас был бы уже поручиком, да в хорошем полку: лучший строевик, гвардейского роста, сильный... Уже с четырнадцати лет на меня заглядывались и барышни, и дамы. Особенно дамы. Но я, молодой

неопытный щенок в поре полового созревания, влюбился в жену унтер-офицера из нашей гимназии. Точнее, она сама меня выбрала, совратила и влюбила. Много ли надо подростку? Сочная такая была бабёнка, в свои тридцать два года. А потом спуталась с помощником командующего военным округом, генерал-майором! Сопляк-кадет стал уже мешать. Ну, и... Я поймал их в субботу в городском парке — они щебетали, целовались, генерал рвал на ней катунковскую куницу^[158]. Старый дурак, прямо как и я, совсем потерял голову. У меня был с собой кухонный нож... В общем, я ранил Анфису в бок, не очень тяжело, а генерала от увиденного хватил удар.

Весь город говорил об этой истории. Общественное мнение было на моей стороне: опытная женщина действительно обнаглела и заигралась, а я еще такой рослый красавец... В итоге дело замяли, а меня просто отчислили. Анфиса, я слышал, с тех пор стала очень богомольной; генерал ходит с палочкой — ногу парализовало. Я же вернулся в Царёвококшайск.

Там к этому времени назрела своя драма. Мать состарилась и сделалась уже Колбасьеву совсем не интересна. Он был саврас^[159], его держали только деньги. Поняв это, она переписала завещание так, что он получал только половину состояния; вторая половина отходила мне, и городской дом тоже. И через неделю после моего возвращения случилась беда. Я начал тогда сильно выпивать, после Казани. В тот вечер отчим подливал мне водки так охотно, что я потерял соображение и заснул. А он... он мою мать повесил. В зале, на крюке от лампы. Колбасьев придумал очень ловко: у него едва не получилось. Ты же знаешь: завещания самоубиц судом не принимаются и силы не имеют. Так вот: он изобразил всё так, словно бы мать покончила с собой. А на столе выложил её последнее завещание, оторвав нижнюю часть листа, где дата — якобы, то была её предсмертная воля. Старое завещание, по которому и дом, и земля, и капитал отходили ему, и которое мать за несколько месяцев до того поменяла, Колбасьев припрятал, чтобы потом им воспользоваться. Единственный в городе стряпчий был с ним в доле.

Представляешь мое состояние, когда я очнулся? Мать успела мне рассказать о своих новых распоряжениях, так что я сразу понял обман. И потом я знал мать — она любила жизнь. Нашла бы себе нового мужчину... Я чуть не убил тогда этого подонка, но он, по счастью для себя, успел заранее вызвать полицию для составления протокола. Получилась драка; я сломал нос помощнику исправника и побил двух городских. Пока я с ними справлялся, Колбасьев убежал в часть и там заперся. Я пошел разносить

часть... Вырвал решетку из окна, поломал мебель. Со мной долго не могли справиться и, конечно, это послужило только во вред: когда я потом рассказал следователю, что сам видел материно завещание с датой, он счел мои слова враньем.

Разбирательство шло долго; всё это время отчим жил в помещении полиции, а я у себя, в фамильном доме. Затем он добился своего: за нанесение побоев городским я получил три месяца ареста. Колбасьев быстренько переехал в особняк, вступил во владение наследством, продал выкупные свидетельства и начал продавать уже землю и городскую усадьбу: ему надо было успеть... Но случилось непредвиденное: стряпчий, купаясь, наколот ногу и заболел заражением крови. Умер в три дня, но перед смертью, сволочь, решил спасти душу и сделал заявление о настоящем завещании моей матери. И представил подлинное завещание, второй экземпляр, с датой — видимо, оставил себе, чтобы шантажировать потом Колбасьева.

Когда отчима пришли арестовывать, он заперся, два часа держал осаду, а потом зажёг дом и застрелился.

Когда вышел я из тюрьмы, осмотрелся — пусто кругом. Родных нет, денег нет, дома нет. На мне словно проказа — все шарахаются, что в Царёвококшайске, что в Казани. Куда деваться? Делать я ничего не умею, сидение в конторе за тридцать шесть рублей в месяц не прельщает... Мог бы служить офицером, армейское дело я люблю, но после того случая кто меня возьмет? Поехал было добровольцем на войну, как ты, но не успел — кончилась. И тогда собрал я последние копейки и махнул в Петербург.

Вот город, так город! Столица! Очень он пришелся мне по душе, одна беда — жить не на что! Стыдно сказать: три месяца я альфонсом, у одной подполковничьей вдовы обретался. На бильярде играл, вышибалой в «Малоярославце» стоял. Однажды повздорил в паровом трамвае, пьяный. Вызвали городского. Ну, я и заехал ему в Харьковской губернии Мордасовского уезда город Рыльск... Бросился удирать, за мной погнались. Не знаю, что бы со мной теперь было, но, по счастью, мимо проезжал Озябликов в своем экипаже. Он посадил меня, незнакомого, на ходу и увёз. С тех пор...

Тут возница, едущий уже много часов молча, поравнялся с упавшим вдоль дороги деревом и неожиданно остановился. Всмотрелся, пробормотал что-то про упряжь, поставил коляску на тормоз и пошел к лошадям.

Лыков насторожился. Голос у кучера был неестественный, а поваленное дерево похоже на знак. Он осторожно тронул Челубея рукой,

сказал шёпотом:

— Приготовься и делай, как я.

Вдруг возница подобрал полы армяка и кинулся в кусты. Мгновенно Лыков с Недашевским выкатились из тарантаса; тут же из кустов загрохотали выстрелы, и пули зашлепали по кожаному верху и бортам коляски. Алексей, не теряя ни секунды, рванул в тайгу, прочь от дороги, чтобы не достали верховые. Над головой свистело, летели щепы от сосновых стволов. Винтовок он насчитал четыре; одна была прямо у них на пути. Алексей действовал быстро и четко, как заведенная машина. Налетел на куст, из которого стреляли, увидел жёлтое скуластое лицо карыма^[160]. Ударил ногой прямо в переносье, вырвал винтовку, снял в секунду подсумок и помчался дальше, прикрываясь деревьями. Сзади, пыхтя и ломая ветки, летел Челубей.

Так они бежали не меньше часа, пока хватило сил. Потом рухнули в траву, долго и тяжело отпыхивались. В глазах у Алексея стояли красные круги, сердце колотилось о ребра, но главное — они оба были живы.

— Вот так наши фельдъегеря и попались... — сказал он наконец, поворачиваясь к Челубею. Тот смотрел на него с благоговейным ужасом.

— Как ты догадался?

— Дерево.

— Какое дерево?

— Там лежало дерево.

— Ну и что? Вдоль дороги полно деревьев валяется.

— Это было свежесрубленное. Конечно, знак для возницы, где он должен остановиться.

— Ни в жизнь бы не догадался! — пробормотал Яков. — Опять ты нас спас. Вот только что нам дальше делать? Где тут север, где юг, где Усть-Кара?

— От Игнашина до Усть-Кары триста восемьдесят верст; мы проехали из них примерно сто пятьдесят. Вон там запад, но нам теперь туда нельзя.

— Ждут?

— Ждут. И у Саблина в доме будут ждать, и на всех въездах, и почтовые станции предупреждены. У Бардадыма людей много, чтобы нас атакать^[161]. Придется пробираться тайгой.

— А куда идти-то? Если нас везде ждут... — истерично выкрикнул Челубей.

— Яков! Ты чего? Всё хорошо. Все просто замечательно! Они нас не убили, хотя имели все шансы. И не ранили, а с раненым в тайге — беда.

Заляжем сейчас где-нибудь, осмотримся — и прикончим Бардадыма. Сразу всё и прекратится. Анисим Петрович ведь велел его списать, так?

— Так...

— Свищёв — всего-навсего человек, а человека всегда можно убить... Я так полагаю, зажился он на этом свете. Закроем его, вся свора тут же передерётся из-за наследства, а мы спокойно поедem домой.

— Ха, все просто! — мгновенно, как ребенок, повеселел Челубей. — И ты, как обычно, прав. Ну, Лука Лукич, готовь порошицу^[162] — мы идем!

— Придется прошлёпать верст двести по тайге. Без компаса и провизии, по незнакомой местности. Если не найдем тропу, больше двадцати верст в день делать не сможем, а жрать захотим уже к вечеру. Шесть или семь дней пути...

— Я уже голодный, — признался Челубей.

— Не бойся. Волку зима за обычай. Бывший пластун в лесу не пропадет, тем более с винтовкой. Выберемся. А пока давай устроим ревизию наших припасов.

Они вывернули карманы и оказалось, что в наличии имеются: три револьвера и пятьдесят патронов к ним; трофейная «пибоди» с десятью зарядами; семь паспортов; три тысячи рублей наличными и на пятьдесят тысяч ассигновок; одна папироса; спички; нож в сапоге у Лыкова.

— Лучше бы вместо денег были сухари, — прокомментировал Алексей. — У медведя еды не купишь... Но самое главное имеется — спички при нас. Давай сюда папиросу.

И отобрал у Челубея, не обращая внимания на его протесты, последнее курево. Высыпал табак себе в рот, разжевал и намазал получившейся массой подошвы сапог им обоим.

— Думаешь, у них и собаки имеются?

— Если бы я устраивал засаду в лесу, у меня бы были. Так что, сидеть некогда. И учти — август, время охоты на «горбачей»; смотри в оба.

Сделал шаг, потом вдруг остановился и сказал, как бы себе под нос:

— А у меня сегодня день рождения.

— Поздравляю, — пробормотал Челубей. — Веселый праздник получился.

— Ничего, Бог любит пехоту. Вперёд!

И началась их таежная одиссея. Собаки у свищёвских людей действительно оказались: они слышали отчетливый лай. Вскоре попался ручей. Лыков повел их разутыми по воде на восток; шли около версты. Вылезли на камень, чтобы не оставлять следов. Обулись и далее

осторожно, стараясь не шуметь, двинулись на север. Шли до темноты. Заночевали в яме от вывороченной лиственницы; жечь костёр Лыков запретил.

Утром следующего дня Алексей внимательно присмотрелся к Якову и извлёк у него из шевелюры парочку клещей. Тот в ответ вытащил из лыковской бороды трёх. После этого они разделись, вывернули наизнанку одежду и обнаружили в швах и на своих телах ещё несколько этих опасных тварей; решили проверяться так почаще. Закончив туалет, голодные и усталые, взяли путь на запад. Очень донимала мошка: она забивалась в рукава, лезла за воротник, жалила открытые части тела, путалась в волосах. От её всепроникающих укусов можно было сойти с ума, и ничего нельзя было с этим поделать. Лицо и руки у путников быстро распухли и невыносимо зудели. Лыков советовал терпеть: это просто нужно было пережить. Через два дня наступит привыкание организма и опухоль спадет, а самые укусы уже не будут таким болезненными, сказал он. Челубею оставалось только поверить в это... По расчетам Алексея, от шоссе на Нерчинск их отделяло вёрст двадцать-двадцать пять — достаточно безопасно; найти беглецов было уже невозможно. Людям Бардадыма оставалось только дожидаться их в населенных пунктах и на дорогах — должны же они когда-нибудь выйти из тайги...

Лес, окружавший двух путников, был огромным, тёмным, наполненным какой-то невидимой жизнью: то ли звери, то ли лешие. Верхний этаж в этом тесном скученном мире занимали кедры, ели и редкие тополи. Некоторые из них были просто огромными: до пятнадцати саженей в высоту и более двух — в обхвате. Чуть ниже шли черная и белая берёзы, манчжурский орех, даурская лиственница и амурская пихта. В подлеске замечались калина, жимолость, таволга; много было лещины и шиповника. Земля под деревьями была усеяна валежником, по которому сплошным цветным ковром стелились мхи и лишайники. Челубея поразили обилие и яркость цветов: из коляски тайга казалась более скучной и серой. Ярко-розовый бадьян, синие бутоны борца, белые гроздья чемерицы чередовались с желтыми ирисами, голубыми василистниками и красными зорками; вот только цветы эти совсем не пахли. И повсюду — огромные разлапистые папоротники, как застывшие зеленые взрывы. Глаз быстро уставал в теснине леса от отсутствия перспективы, и возникало болезненное, нервное желание смотреть вдаль, увидеть хоть что-нибудь на расстоянии, а не у себя под ногами... Там же, где в сплошной чаще возникал прогал и куда путники поначалу радостно устремлялись, обнаруживались или топь, или бурелом, или свежая гарь. Приходилось

обходить их, часто подолгу — две-три версты кругом по тайге, что ещё более утомляло ходоков. Вскоре выяснилось, что они двигаются по широкой долине, с обеих сторон которой, изредка видимые с гарей, тянутся украшенные гольцами сопки.

Обычному человеку было бы неуютно и даже страшно в этом сумеречном мире, но Лыков шел вперед споро и уверенно, размеренным шагом, экономя силы. Очень быстро им стали попадаться следы зверей; дважды мелькали в зарослях гураны^[163], часто вспархивала из-под ног дичь, много было белок, зайцев и бурундуков. Красивая оранжево-желтая иволга, размером с приличного голубя, едва не села Челубею на картуз. За кустом хрюкал и чавкал невидимый кабан. Красные полевки и мыши-экономки выскакивали с писком прямо из-под ног. Серые птицы с красным горлом — Лыков сказал, что это сибирские соловьи — безбоязненно заливались над самым ухом и склёвывали мошку чуть ли не с носа. Алексей сказал на это мясное изобилие, что стрелять они будут завтра, а сегодня у них постный день. Сделали три привала. На еду пошли ягоды казачьего можжевельника, боярки и мунталы; Лыков съел несколько сухих груздей, но без соли они оказались невкусными^[164]. Еще Алексей удачно отыскивал в траве темно-зеленые стрелы черемши, которая особенно понравилась Челубею. Попался однажды ручей, и они напились досыта необыкновенно чистой воды. В ручье обнаружился хариус, но поймать его они не сумели. Зато Лыков наполнил водой свой кожаный картуз, туго завязал его носовым платком, и получился небольшой бурдюк, очень выручивший их вечером.

Часа в три пополудни Алексей радостно ойкнул — они вышли на тропу. Не то звериная, не то человеческая, она вела строго на запад, куда и требовалось. Идти стало заметно легче. Лыков продвигался первым, с винтовкой на плече, и зорко смотрел по сторонам. Внезапно он остановился, как вкопанный; Челубей с разбегу уткнулся в его широченную спину, тихо ругнулся и тоже застыл.

— Что? — шёпотом спросил он.

— Погляди вон на то дерево справа. Ничего не замечаешь?

Над тропой стояло дерево, такое же, как тысячи других вокруг.

— Нет...

— Оно чуть наклонено в сторону тропы, и есть точка излома. Подозрительно.

— Ты перечитал в детстве рассказов про Чингагтога. Пустяки лучше меня в авангард.

Но Лыков не пустил. Он вытянул вперёд руку с толстой палкой, что выломал себе в дорогу, и принялся шарить ею в траве. За два аршина до подозрительного дерева палка за что-то зацепилась. Алексей потянул, раздался короткий свист, что-то щёлкнуло и огромный ствол быстро и бесшумно рухнул поперёк тропы.

— Была бы косуля, её бы раздавило.

— Был бы я, и меня бы пришмякнуло, — пробормотал подавленный Челубей, и после этого уже не просился идти первым. До конца дня им попалась ещё одна ловушка: бревно висело горизонтально над головой, подвешенное на конском волосе. Сбросили и его... Лыков сказал, что такие ловушки убивают больше беглых, чем косуль, но бурятов это мало тревожит — от беглых им тоже прибыль.

Ночевали они на берегу ручья. Он тоже оказался заселён крупными хариусами. На этот раз Алексей обстругал прут, разделся и пошёл бить рыбу, как острогой. Быстро добыл четыре штуки, и они запекли их вместе с масляниками, а на десерт у них была брусника.

— Эх, — сказал повеселевший Яков, — ещё бы соли щепотку, так совсем было бы славно. Алексей, ты же всё можешь — добудь и соли!

— Завтра, когда стрельнёт птичку, — пообещал тот.

Развели костёр и легли спать по очереди. Челубей выбрал вторую смену — устал. В два часа ночи Лыков разбудил его, сдал пост и задремал. Проснулся от ощущения опасности. Уже светало; костёр погас. Челубей сидел, прислонившись спиной к дереву, и храпел. За кустом напротив кто-то стоял — то ли человек, то ли крупный зверь. Стараясь шевелиться незаметно, Алексей нащупал в кармане револьвер, взвёл его и выстрелил в сторону куста прямо сквозь сюртук. Раздался визг и треск ломаемых сучьев; существо обратилось в бегство. Вскочившему на ноги Недашевскому Алексей молча отвесил крепкую затрещину, и тот не решился оправдываться.

Утром, умывшись из ручья и доев рыбы хвосты, они привычно двинулись на запад. Лыков шёл с винтовкой на изготовку: он хотел добыть на обед мяса. Дважды крупные копалухи^[165] выпархивали из-под ног, и дважды же улепетывали зайцы, но он не успевал выстрелить. Наконец через час им попался черный рябчик, иначе именуемый дикушей. Довольно крупная птица черно-бурого окраса, с красными «бровями», посмотрела на людей без всякого интереса и продолжила что-то клевать. Дикуши отличаются крайней доверчивостью, почему и истребляются в огромных количествах местным населением и беглыми; их легко ловят, например, петлей на палке. Такового орудия у Алексея не было и он просто отстрелил

дикой курице голову; на обед у них получилось замечательное жаркое. Сдерживая обещание, Лыков раскурочил винтовочный патрон и добыл из капсуля порох, который и пошёл вместо соли. «В тайге всё хорошо, было бы только горячо да много», привёл он старую каторжную поговорку, тщательно обгладывая кости. Челубей от удовольствия и сытости даже уснул...

Отдохнув, двинулись дальше. Перешагивая очередной ручей, Лыков решил проверить свои предположения. Он зачерпнул со дна в горсть и увидел чёрный железистый песок. Это был шлиф — неизменный спутник россыпного золота. Алексей отвалил камень, удобно лежащий посередине протоки, и порылся под ним. В руках у него оказались четыре тяжелых окатыша тусклого желтого цвета, размером с ноготь большого пальца и поменьше — самородки.

— Держи подарок, — бросил он два окатыша в ладонь Челубею. — Вот так его и добывают. Камень, поваленный ствол, яма на дне... Образуется так называемый карман, в котором скапливается золото. Бывают карманы на пятьдесят тысяч рублей.

Недашевский ошарашенно покатал на ладони самородки, спросил:

— Можно мне попробовать?

— Десять минут. И учти: сам понесёшь.

Но эта угроза не остановила Якова. В порыве алчности он перевернул все камни вблизи и нашёл ещё семь самородков, причем один оказался с куриное яйцо. Глаза его загорелись каким-то диким огнем, лицо покраснело. Алексей сам уже был не рад, что показал напарнику золото.

— Яков! — крепко взял он Недашевского за рукав. — Всё! Вернись в разум. Мы жизнь свою спасаем — не забыл? Нам нельзя отвлекаться и затруднять себе дорогу.

Челубей неохотно стал на тропу и они продолжили путь. Несколько раз им встречались выходы горных пород, иногда с бурыми полосами рогового серебра — керагирита. Лыков объяснил Челубею, что они идут вдоль южного склона хребта Олёкминский Становик, богатого серебряно-свинцовыми рудами. Самих гор не видно, они за лесом, верстах в пятидесяти к северу, а досюда, к Шилке, доходят лишь отдельные рудные жилы.

Солнце уже собиралось садиться, и Алексей высматривал место для ночлега, когда неожиданно прямо на тропе им попался брошенный кем-то «маршлут» — заплечный туес, с каким каторжники устремляются в бега. Туес был новенький, аккуратно закрытый. Алексей изготовил винтовку, Яков — револьвер, и они осторожно, ошестинясь стволами, двинулись

вперед. Через несколько шагов им попался чайник, затем топор; их быстро подобрали. Медведь напал на беглого?

И тут в стороне от тропы они увидели четыре лежащих в ряд тела. Бородатые мужики с обритыми наполовину головами устали в небо выкатившиеся из орбит глаза, лица искажены ужасом, пальцы вытянутых по швам рук скрючены, как от невыносимой боли, да так и застыли... А на груди у каждого, там, где сердце — аккуратно выжженная дыра размером с яблоко. Полушубки на этих местах обуглены, и видно, что непонятная рана глубоко уходит в плоть. Люди умирали мучительно и без какого-либо сопротивления.

— Что это? — сиплым шепотом спросил Челубей. Лыков внимательно и быстро осмотрел убитых, молча махнул Якову рукой и почти бегом зашагал прочь.

Они шли так до полной темноты и ещё какое-то время в ночи, стремясь подальше уйти от страшного места. Наконец продвигаться стало уже совсем невозможным, и они приткнулись под кустом черной березы на краю поляны. Челубей долго ворочался, а когда всё-таки заснул, часто вскрикивал во сне. Алексей же сел так, чтобы видеть тропу, и просидел всю ночь с винтовкой на коленях.

Утром они снова двинулись в путь. Без воды и почти без пищи идти становилось все труднее, и сильно донимала мошка. Вскоре тропа вывела их к очередному ручью; деревья над головами расступились, показалось голубое небо, выглянуло солнце и стало чуточку веселее. Алексей порылся в найденном вчера «маршлуте» и обнаружил там несколько фунтов сухарей. Они жадно съели их почти целиком и запили чаем на смородиновом листе, сваренном в новообретенном чайнике — получился горячий обед.

Челубей потянул Лыкова за рукав:

— И всё же: что это вчера было? Такие странные раны: словно людей сверлили раскалённым шомполом, а они и не пытались защищаться...

— От этого не защитишься, — неохотно ответил Алексей. — Я слышал о таких историях. (Он не стал уточнять, что читал это в полицейских сводках). На Алтае и здесь, в Забайкалье, иногда происходят такие загадочные вещи. В одном только случае человек выжил, хотя и был прожжён до костей. Он рассказал, что на него и его товарищей напал жёлтый шар.

— Жёлтый шар?

— Да. Он появился вечером, бесшумно, и их всех словно парализовало. Люди смотрели, всё понимали, но не могли пошевелить и

пальцем. А шар, размером с яблоко, похожий на сгусток огня или электричества, медленно обошёл их всех по очереди и глубоко выжег каждого. Так же, как тех, кого мы с тобой вчера видели. Все умерли от болевого шока, но один спасся, хотя сделался калекой.

— Так что же это такое?

— Наука пока не знает. Но ясно, что это злая и разумная сила, и нам с тобой лучше с ней не встречаться.

Глава 29

У кержаков

К концу четвёртого дня пути, когда Лыков, как обычно, шел впереди, он вдруг прыгнул в сторону и выволок из куста на тропу мужичка в ветхом азяме и сбитых опорках. Тот испуганно вжал засаленую голову в плечи и стоял ни жив, ни мертв.

— Кто?

— Сулалейка, вашество-с.

— Беглый?

— Как есть святой Бог...

Лыков тщательно обыскал пленника, не нашёл ничего интересного, потом внимательно посмотрел ему в глаза и вдруг спросил:

— Есть хочешь?

Мужик опешил, потом молча кивнул. Алексей выгреб из туеса остатки сухарей и протянул ему. Поколебавшись секунду, Сулалейка вдохнул носом воздух, словно наслаждаясь запахом хлеба, и в мгновение ока спорол все их припасы.

— Я Алексей Лыков, а это мой товарищ Яков Недашевский.

— Благодарствуйте! Давно я хлеба не едал...

— Больше ничего нет, — развел руками Алексей.

— Как это нет! — воскликнул весело Сулалейка. — Это хлебца нет, а еды-то здесь навалом, прямо под ногами лежит!

Он шагнул в сторону, ухватился за курчавые листья какого-то растения, что часто попадалось Алексею с Яковым в эти дни, и выдернул его из земли. Оторвал от ботвы крупную луковицу, подцепил желтым ногтем, ловко очистил от кожуры и протянул Лыкову:

— А попробуйте.

Тот откусил — вкусно! Мучнистая, ароматная, чуть слатимая мякоть; а главное — попадает на каждом шагу. Шесть крупных листьев лежат на земле, а еще шесть, поменьше, образуют венчик наподобие китайской шляпы. Целые островки померанцево-пурпурного цвета то там, то здесь виднелись под деревьями.

— Это сарана, первая для нашего брата в тайге еда, — пояснил их новый знакомый. — Если знаешь её, то с голода не пропадёшь: и сытная, и полезительная.

Съев по пятку клубней сараны и немного отдохнув, дальше пошли уже втроём. Сулалейка косился на новых знакомцев, наблюдал, оценивал. А вечером на привале сказал:

— Вот что, парни. Я вижу, вы не беглые, и не здешние, а какие-то непонятные. Тайн ваших не пытаю, но одно хочется знать: от кого прячетесь? От этого зависит, какой дорогой вам иттить. Мне здесь все заимки известные, кажняя падь — выведу вас, куда скажете. Только ясность дайте. Ежели от властей бегёте — то надо на Хилок заворачивать; там сёла Бичура, Маргиртуй и Билюта, в последнем имеются притоны для зимовки. Ежели от охотников на «горбачей» скрываетесь, то к Чикою нужно пробиваться; там Урлок, за ним Гутай, а зимовать лучшее всего в Коченах...

Лыков поколебался секунду, и объяснил:

— Бардадым нас ищет.

— Бардады-ы-м... — протянул Сулалейка. — Энтот дядька сурьёзный. Да не важнее важного, впрочем. Придется тогда вам ажно до Иркутска пилить — там его власти нет. Путь туда лежит, значит, через Онон и опять же через Хилок. Обойдете Байкал, или переправитесь на чём от устья Селенги, и готово. Трудно, но можно.

— Нам не убежать от него надо. Нам бы с ним встретиться, должок один отдать.

— Должок, значит, — вздохнул Сулалейка и надолго умолк, глядя в землю. Лыков пожалел, что сказал лишнего, но тоже молчал. Наконец беглый поднял голову. Взгляд у него был другой, незнакомый: серьёзный и немного грустный.

— Многие здесь хотели бы Бардадыму должок отдать. Давно по Луке Лукичу черти скучают... Помогу я вам, ребята. Потому, у меня свой счёт имеется. Товарища моего он запытал, собаками затравил, вместе с «кирюшкой»^[166] своим, Юсом Маленьким. Жилу нашёл товарищ, а где, сказывать не хотел. И затравили. А мы... мы люди маленькие, мы терпим... Ежели вы Свищёву такое почтение окажете, что он от его в геенну огненную командируется, так я всюю жизнь за вас буду Бога молить. И не я один. А хорошо бы ещё и Юса!

И они пошли на северо-запад. Сулалейка объяснил, что там есть тайная деревня кержаков — староверов, пришедших сюда двести лет назад, ещё при царе Алексее Михайловиче. Податей эти люди не платят, в армии не служат, ни в каких ведомостях не значатся, будто и нет их на этой земле. Золотят только ручку заседателю^[167], да иногда благочинному что

поднесут, дабы не писал на них ябеды в Синод. Беглых принимают охотно, дают зимой работу и пропитание. С Бардадымом у них вражда, поэтому и здесь кержаки помогут, а главное — «губернаторский дворец» от них в сорока верстах. Значит, можно секретно обосноваться, всё разведать, обдумать, подготовить — и преподнести Луке Лукичу сюрприз...

Полтора дня пробирались они к кержакам. Теперь впереди шёл опытный бродяга, и Лыков мог немного расслабиться. Он почти непрерывно думал о Хогешат. Обещал ей вернуться через три дня, а сейчас уже девятый. Удалось ли им с братом бежать и спрятаться? Ещё долго он не сможет ничем им помочь. Нужно прикончить Бардадыма, а, наверное, и обоих Юсов; выведать у Якова секретные лобовские инструкции, связаться потом с Петербургом — какая уж тут любовь... Так что, господин коллежский ассессор — шире шаг!

Деревня староверов оказалась совсем не маленькой — до ста изб. Обширное поле, засеянное рожью, окружало её, и можно было только догадываться, каких трудов стоило этим людям отвоевать землю у тайги.

За три версты от поселения кто-то невидимый окликнул их из кустов, и щёлкнул курок затвора. Бродяга ответил беззаботно:

— Свои идут, Мелентий — то ж я, Сулалейка.

И Мелентий пропустил их без разговоров.

Единственная улица деревни будто сошла со страниц учебника истории Древней Руси. Резные наличники изб; встречные бабы в поневах-разнополках и вышитых рубахах, здороваясь, кланяются чуть не в пояс; обутые в сапожки дети ходят степенно и даже скотина какая-то молчаливо-воспитанная... Около каждой избы — дымокуры для коров и лошадей, к которым жмутся не только животные, но и люди.

Из самого нарядного и большого дома вышел на крыльцо ветхий дед с бархатной лестовкой^[168], седой, как лунь, с бородой в поларшина и выцветшими, всё повидавшими стариковскими глазами. Он приложил руку ко лбу, взгляделся в нежданных гостей.

— Никак ты, Сулалеюшко? А кого привёл?

— Бог в помощь, дедушка Патермуфий. Будь здоров на сто годов, а те, что прожил, не в зачёт! Я это, я, а со мной двое скрывающихся, помощи просящих.

— От кого скрываются? Мы люди тихие, богобоязненные, в мирское не суемся.

— Бардадым их ловит, убить хочет.

Словно молния мелькнула в бесцветных глазах старика. Он внимательно всмотрелся в незнакомцев, особенно задержался на Лыкове.

Тот быстро выставил перед грудью кулаки, сложил указательные пальцы «домиком», потом дернул себя левой рукой за мочку правого уха, и снова сложил пальцы.

— Так ты из наших? — обрадовался было дед, но Алексей честно объяснил:

— Я не ваш, но много помогал; за это Арсений Иванович Морозов и показал сей тайный знак. Чтобы, в случае чего...

— Про Морозова слышал, — подобревшим голосом подытожил Патермуфий. — Заходите.

И прошёл в избу, жестом приглашая следовать за собой.

В опрятной горнице полстены занимал киот со множеством икон старого письма, и стоял большой шкаф с книгами в кожаных переплетах. Стены были аккуратно проконопачены, а пол выскоблен до блеска. В углу курился можжевельник, все двери в доме задёрнуты кисеей, а двойные стекла в рамах до середины заполнены внутри погибшими комарами, так, что окна почти не пропускали свет. Дед сказал, что лишь эта уловка позволяет хоть как-то жить летом: гнус пролезает внутрь рамы и там погибает, не в силах проникнуть в самый дом. Хуже приходится скотине — той просто нет спасения до осени.

Узнав, что беглецы не ели горячей пищи пять дней, патриарх велел проворной хозяйке со звучным именем Агафоклия состряпать мясную похлебку, но дать каждому не более трех ложек. И ещё приготовить взвар от мошки — смазать беспрестанно зудевшую кожу. Пока же они пили чай из таволги с мёдом, и Патермуфий неспеша рассказывал равнодушным стариковским голосом:

— Месяц назад Бардадым пришёл на хутор к Иулиану Вальцову. Тот перевозом занимался, большие обороты имел, а жил особняком. Я его звал, а он всё не хотел с нами. Вдвоём пришли, с Юсом Маленьким. Иулиана с женою сразу убили, а потом принялись деньги-то искать, а найти не могут. Вот...

Дед подул на блюдечко, помолчал, потом продолжил:

— Да... Не могут найти, и всё. Перерыли кои места — нету. Стали детишков мучать. А у покойника два сына было: десять годов, и восемь. Так они им животы разрезали, кишки вынули и гвоздями к полу прибили. Вот... Потом зачали их за ноги вокруг стола волочить: сказывайте, где отцова казна...

Из глаза старика скатилась по щеке одинокая слеза. Лыков осторожно поставил стакан с чаем на стол:

— Это они... детей?

— Их, страдальцев. Видал я это сам, приезжал.

Стакан с хрустом сложился у Алексея в кулаке. Он вынул из ладони осколок, слизнул кровь.

— Мне бы к «губернаторскому дворцу» попасть...

— Попадёшь, милый, попадёшь. Я уж распорядился. Сегодня отдохай, оголодал в тайге-то; а завтра Автоном тебя отвезёт и всё покажет.

До вечера Лыков с Недашевским только и делали, что ели да спали. Помылись в бане, натерлись взваром, и Алексей почувствовал сразу значительный прилив сил. Ранним утром он ушёл за околицу, разжег из хвороста небольшой, но дымный костер, разделся донага и тщательно обкурил над ним одежду. Когда вернулся, его уже ждал высокий степенный мужик со спокойными глазами и мужественным лицом, весь какой-то надёжный; в поводу он держал двух лошадей. Обе лошади были в суконных наголовниках с карманами для ушей, а старовер — в волосяном комарнике; такой же он дал и Алексею. Лыков быстро собрал всё необходимое: винтовку, револьвер, нож, кисет с молотым перцем (табака у староверов не водилось), и они с Автономом уехали. Точнее, по деревне Алексей прошёл пешком, а в лесу снял одежду и убрал в мешок, чтобы она не пропахла конским потом, а сам ехал в исподнем.

Четыре часа пробирались они по лесной тропе, на которой Автоном расставлял едва заметные зарубки. Лыков запоминал дорогу. Наконец остановились. Кержак ткнул кнутовищем в заросли подлеска:

— Вон туды полторы версты, и будет его заимка. Ведёт одна дорога, с Кары; на ней кордон. Подобраться лучше отсюда. Внутри заплота собаки.

— Понял. Возвращайся домой; спасибо тебе.

— Обратную дорогу точно сыщешь?

— Не сомневайся. Приду уже к ночи. Сегодня буду только наблюдать, так что шума не предвидится.

Он стреножил свою кобылку, оделся и пошел в указанном направлении. Сначала унюхал дым печей, потом услышал гавканье собак, и лишь в конце увидел «губернаторский дворец» и поразился его размерам. Огромный двухэтажный особняк со всех сторон окружал крепкий заплот из горизонтально сколоченных бревен, в полторы сажени высотой. Помимо главного дома внутри находилось еще несколько строений: амбары, баня, летняя кухня, кузница, конюшня и пяток жилых изб. Всё это Лыков рассмотрел уже с лиственницы, стоявшей возле самого заплота. Он забрался на неё и застыл на два часа, не выдавая себя ни малейшим шевелением. Собаки, бегавшие по двору, не чуяли его, обкуреного дымом, и Алексей смог без помех изучить усадьбу.

Оказалось, что в «губернаторском дворце» с постройками обитало 20–25 мужчин и 6 или 7 женщин. Один вооружённый караульный стоял у ворот, второй возле сарая с тыльной стороны главного дома (похоже, там располагалась тюрьма). Прочие мужчины ходили без оружия, но хари у них были такие, что обывателя родимчик хватит... Прибыли верхами трое с винтовками, зашли на десять минут к Бардадыму (Алексей его не видел, но услышал знакомый голос, что-то зло выговаривавший), и снова уехали.

Лыков продолжал наблюдение. Выяснил, как меняются караулы, где оружейный склад, в каких домиках живут женщины. Картина стала ему уже понятна. Несколько десятков противников в охраняемом укреплении, плюс наличие там мирного населения, делали штурм «дворца» невозможным. Тем более, что нападавших всего двое... Остается засада на дороге — вполне посильный им вариант.

Вдруг дверь главного дома открылась и вышла Хогешат! В чёрном платье, с платком на голове — это, безусловно, была она. Значит, Самболат добился своего... Девушка несла в руках кружку и кусок хлеба на деревянном блюде. Обойдя усадьбу, она подошла к сараю, и часовой беспрепятственно пропустил ее внутрь. До Хогешат было от его листовенницы всего пять саженей, и Лыков хорошо разглядел её печальное и прекрасное лицо. В сарае, следовательно, сидел Имадин, и сестра несла ему еду.

Ситуация резко изменилась. Пока Алибековы в плену у Бардадыма, ни о какой засаде думать не приходилось. Надо сначала вытащить их отсюда — и почему бы не прямо сейчас? Караульный только что сменился...

Дождавший, пока детина с винтовкой отойдет подальше, Лыков бесшумно сиганул внутрь усадьбы. Став за угол, прислушался — часовой уже возвращался обратно. Прыжок, удар — и Алексей мгновенно втащил обмякшее тело внутрь сарая и закрыл за собой дверь.

Хогешат тихо ахнула, а Имадин выронил от неожиданности кружку.

— Как ты нас нашёл? — воскликнула девушка, но Алексей приложил палец к губам. Подошел к её брату — тот радостно смотрел на него во все глаза и улыбался. Вид у чеченца был потрёпанный: глаз подбит, губа рассечена, у бешмета оторван один рукав. А на шее железный ошейник, и цепь от него вделана в стену.

— Сиди спокойно, — одними губами сказал сыщик. Он засунул пальцы за кольцо, осторожно, наращивая усилия, потянул, и ошейник разломился. Имадин вскочил на ноги, указал пальцем на дверь. Алексей покачал головой, подошел к заплоту, заменявшему в сарае заднюю стену, и осмотрел его. Примерился, надавил плечом и выдавил две жерди из стойки.

Втроём они выбрались через образовавшуюся щель. Лыков подхватил спрятанную в кустах винтовку, кавказец вынес завёрнутые в бурку вещички, и они со всех ног кинулись бежать прочь. Самое удивительное, что собаки не залаяли! Добравшись до лошади, Алексей усадил девушку в седло, мигом натер себе и Имадину подошвы перцем; потом они взялись с двух сторон за стремяна и так, спеша, сколько было сил, помчались к кержакам.

Целый час Лыков заставлял Имадина бежать, торопясь подальше уйти от «губернаторского дворца», и только когда силы совсем покинули парня, разрешил перейти на быстрый шаг. Он шёл счастливый: всё удалось ему с ходу, без подготовки; Хогешат ехала рядом, живая и невредимая, и её колено касалось его руки. Алексей смотрел на неё снизу, почти не отрываясь, чувствовал, что нелепо улыбается, что у него рот до ушей, как у сельского дурачка, но ничего не мог с этим поделать. Внезапно девушка повернулась к нему, посмотрела серьёзно и строго, и сказала:

— Да.

— Что «да»?

— Да, я обещана. Ты ведь об этом сейчас думаешь?

Лыков только молча опустил голову.

Когда они, уже под вечер, очутились в деревне староверов, Патермуфий даже не удивился, что их вернулось трое. Видимо, он ничему уже не удивлялся. Зато обрадовался Челубей. Как-то необыкновенно быстро он сошёлся с Имадином — разница в возрасте была не велика — и очень естественно и по-дружески, уже через час после знакомства, общался с Хогешат. Лыков ревниво крутился между ними, но придраться было не к чему. Более того, он вынужден был признать, что вся эта юная поросль очень хорошо смотрится вместе, а он, со своим опытом, тянет только на старшего по команде. Эдакий молодящийся дядюшка-брюзга...

В деревне ждал сюрприз и Алексея. Недашевский с загадочным видом завёл в горницу смуглого брюнета с зелёными глазами, кудрявого, с живописной бородой, и спросил:

— Угадай — кто это?

Незнакомец был именно таким, какими Лыков всегда представлял себе итальянцев; посему, не долго думая, он ответил:

— Пьетро Буссиеста.

Челубей захлопал ресницами, обиделся, и чуть не ушёл, расстроенный; зато Буссиеста, бурно жестикулируя, на смеси итальянского с русским охотно рассказал свою историю.

Он так же, как и Алексей с Яковом, попал на дороге в засаду и был тяжело ранен в левое легкое ружейной пулей. Пулю эту, оказавшуюся родиевой, кержаки ему извлекли и подарили; теперь серый с блеском комочек металла итальянец носил на шее рядом с крестом.

Ограбленный, тяжело раненый, но не добитый, Буссиеста очнулся в дорожной канаве ночью. Он оказался живуч, как кошка. Порохом из найденного в кармане единственного патрона Пьетро смог прижечь рану, затамповал ее обрывком рубахи и, опираясь на палку, четыре дня шёл по тайге вдоль шоссе на Нерчинск. Когда почувствовал, что теряет силы, вышел на дорогу и упал там без сознания. По счастью, первым его обнаружил проезжавший мимо Автоном. Кержаки укрыли итальянца в деревне и за несколько месяцев поставили на ноги. Теперь Буссиеста мечтал попасть в родную Ломбардию, но до этого хотел бы поквитаться с владельцем родиевых пуль; под командой Лыкова оказался ещё один активный штык. Получив от Алексея сегодняшнюю трофейную винтовку, Пьетро разразился такими смачными итальянскими ругательствами в адрес Бардадыма, что дедушка Патермуфий, хоть и не знакомый с языком Петрарки, выставил сквернословия вон из горницы с образами.

Глава 30

Конец Юса

Утом следующего дня Алексей сидел на завалинке, строгал какую-то палку и обдумывал план поимки Свищёва. С итальянцем и молодым Алибековым их стало четверо; уже кое-что. Пусть даже охранников окажется с десятков — шансы свалить Бардадыма из засады хорошие. А после этого прочие уцелевшие сами разбегутся...

Раздумья его прервал топот множества копыт со стороны леса. Лыков мигом заскочил в избу, схватил винтовку. Как они его выследили? Прибежали встревоженные Имадин, Пьетро и Челубей; слез с печки патриарх. Все они припали к окошкам и обнаружили, что к ним пожаловали не бандиты, а полицейские. Отряд из десяти стражников во главе с заседателем гарцевал под окнами. Офицер кричал:

— Патермуфий, старый чёрт! Выдай нам немедь Лыкова, иначе заарестую нахрен всю деревню!

— То Васька Судариков, — грустно сказал дедушка, узнав кричащего. — Давно у Бардадыма на содержании; а всё ж он тут власть...

А Судариков входил в раж:

— Подозреваемый Лыков обвиняется в нападении на имение потомственного почётного гражданина Свищёва! У меня ордер на его арест. Мы точно знаем, что этот разбойник скрывается здесь. Немедленно выдайте его, иначе я, данной мне государем императором властью, арестую всё мужское население за укрывательство! Да и ещё столько всего накопаю: дезертирство, неуплату податей, содействие беглым — мало не будет. Слышь ты, аввакумово семя?! А Лыкова вашего будет судить суд...

— Врёт, сволочь! — в сердцах воскликнул Челубей. — Какой у них может быть суд! Ты даже до Нижней Кары не доедешь.

— Мы будем отстреливаться! Их всего десять, и они трусы. Только не верь им, не выходи! — вторил ему Имадин. Буссиеста же без лишних слов решительно снаряжал магазин берданки патронами.

Но Алексей не слушал их, а молча смотрел на Патермуфия. Тот так же молча косился на него выцветшими глазами. Понятно...

— Отставить! — рявкнул Лыков на свою гвардию. — Мы не можем губить приютивших нас людей. Я выхожу. При первом же случае сбегу. Ждать меня здесь три дня; после этого каждый сам за себя.

При общем молчании — только Имадин скрипел зубами и ругался почеченски — Алексей вышел к стражникам. Ему скрутили руки сыромятным ремешком, усадили на свободную лошадь, и отряд на рысях быстро ушёл из деревни.

Судариков, дыша перегаром, подъехал сбоку, поглядел на своего грозного пленника и довольно хохотнул. Весь какой-то жалкий, несерьёзный, с реденькими дурацкими усиками, он, видимо, и сам не ожидал, что так легко выполнит опасное поручение Бардадыма. Теперь, расправив щуплые плечи, заседатель гордо летел впереди колонны. Погоди, думал про себя сыщик — когда придет время сказать «Между Амуром и Невой», выкину я тебя со службы с волчьим билетом. Если жив останусь...

Проехав версты четыре так, что связанный Лыков с трудом удерживался в седле, стражники вдруг остановились. Арестованного ссадили; Судариков фамильярно хлопнул его по плечу (мол, не обижайся, парень), и отряд, перейдя на быстрый намет, скрылся за поворотом.

Алексей, хорошо понимая, что это означает, лихорадочно попытался развязаться. Но ничего не получалось. Цепи он сбросил бы в момент; но порвать тонкий сыромятный ремешок было невозможно — он впивался в руки. Попробовал зубами, но узел был затянут на совесть. Бежать в лес, пока не поздно? Но уже приближался топот копыт, причём почему-то сразу с двух сторон! Лыков не успел разобраться, почему именно: со стороны деревни показался скачущий во весь опор Челубей. Вот молодец! Алексей протянул ему связанные руки; тот остановил жеребца на полном скаку, ловко спрыгнул, выхватил из сапога нож и одним взмахом разрезал ремень. Только он это проделал, как из-за поворота, со стороны «губернаторского дворца» вылетели двое верховых. Увидели противников, так же резко остановились и спешили. Один был старый знакомый Юс Большой, в своей неизменной канареечной венгерке. Второй — невысокий, кряжистый, с грубым серым лицом, словно выделанным долотом, был, очевидно, Юс Маленький. Вот и встретились!

Увидев, что обещанный им человек не один и не связан, свещёвские головорезы сначала растерялись, но коротышка быстро оправился.

— Ну, даже лучше, — осклабился он, — зараз обоих.

— Чур Лыков мой! — закричал великан, но ни его напарник, ни сам Алексей не обратили на его слова никакого внимания: они тщательно изучали друг друга. Было ясно, что этот бой будет до смерти.

Юс Маленький оказался ниже Лыкова на полтора вершка и так же, как он, широк в плечах. Возраст непонятный — между тридцатью пятью и пятидесятью. Весь словно связан из канатов: с мощной грудной клеткой,

жилистый, гибкий, без капли жира, узлы огромных мышц словно переливаются под рубахой. При этом непропорционально маленькая голова и тусклые неподвижные глаза, как у удава. Бандит смотрел на Алексея, словно на покойника, от которого осталось только дожидаться последнего вздоха — с выражением скучной необходимости доделать поскорее приевшееся уже дело.

Однако Лыкова такие вещи не брали никогда; теперь же тем более. Он помнил, что этот человек замучал недавно двух маленьких детей. Определённо пора прекратить его дальнейшее пребывание на этом свете... В своих силах Лыков был уверен. Он спокойно стоял и ждал начала боя, и от него веяло таким превосходством, что варнак смутился.

Должно быть, эта не-боязнь, эта естественная, как бы законная в себе уверенность была Юсу Маленькому внове; что-то в его лице переменилось. И с целью прогнать непривычную мысль, что противник может на этот раз оказаться сильнее, он и поторопился напасть.

Бой был скоротечным. Только в романах для гимназистов герой и злодей могут мутузить друг друга часами, и герой вот-вот почти пропал, но потом изловчился и победил... Противники поняли класс друг друга уже через тридцать секунд, и дальше началась просто рубка. Юс Маленький действительно обладал чудовищной силой и огромным опытом. Но здесь он нарвался на необыкновенно хорошо подготовленного бойца, к тому же и физически его превосходящего. Уроки старого пластуна в Нижнем Новгороде, школа силового задержания Мукосеева, хитрые приемчики Таубе, боксерские и борцовские турниры при столичной полиции, а главное — большой багаж реальных схваток, часто связанных с риском для жизни — перевешивали навыки и умения свищёвского палача.

Бой сразу пошёл под диктовку Лыкова. Он сосредоточился на подбородке противника, не забывая прохаживаться и по корпусу. От его точных, страшной силы ударов варнак каждый раз вздрагивал и сбивался с дыхания. Сам же никак не мог пробить защиту, его кулаки проходили мимо или попадали вскользь. Вскоре прошла первая «двойка», затем ещё одна. Лицо Юса Маленького стремительно опухло, левый глаз уже не видел, ответные удары делались всё суебливее. Алексей же, наоборот, чувствовал, что звереет, и бил теперь врага, как молотом. Наконец, ему удалась пара «левый боковой — правый прямой», точно в голову, и Юс поплыл. Ноги его подогнулись, он сделал несколько неверных шагов назад. Лыков бросился добивать, но вдруг увидел, как противник странно встряхнул левой кистью. Мгновенно он увел корпус вправо. Кулак Юса пролетел мимо; Алексей схватил его на излете своей левой рукой, а правой снизу сильно подбил

перехваченный локоть. Всё! Раздался знакомый треск ломаемого сустава. Варнак вскрикнул и опустился на одно колено. Его левая рука повисла, как плеть; из рукава свешивался на резинке надраенный бронзовый кастет с далеко выступающими шипами.

Лыков отступил на полшага и оглянулся на Челубея.

— Ты как, брат? Может, помочь?

Челубей, с залитым кровью лицом, стоял над пригнувшимся Юсом Большим и молотил его от души, а тот закрыл голову руками и только охал при каждом ударе.

— Справлюсь, — прохрипел Яков, не оборачиваясь. — Не отвлекайся...

Боковым зрением Алексей уловил движение и отпрыгнул в сторону. Юс Маленький опять проскочил мимо; на этот раз в правой руке у него оказался нож. Лыков перехватил и её.

— Этой рукой ты животы детишкам резал?

Но варнак молчал, пытался вырваться, и Алексей сломал ему и вторую руку.

Схватка на дороге прекратилась одновременно. Юс Большой сидел на обочине, выплёвывая выбитые зубы и не пытаясь вставать. Разгорячённый Челубей стоял над ним в недоумении: бить сидячего ему казалось как-то неловко... Юс Маленький, скривившись от боли, стоял под сосной. Он не понимал, что произошло и что будет с ним дальше, и смотрел удивленно на Лыкова. А тот снял с коня уздечку, сделал из неё петлю и закинул на кедровый сук.

— Полежай.

— Не... Не... Прости... уж калекой сделал, прости, пощади... Уеду я...

— Полежай, я сказал. Два мальчика было: десять лет, и восемь. Помнишь их?

Юс Маленький молча кивнул, понурился, подошёл и сунул голову в петлю. Увидав это, Юс Большой закричал в ужасе, вскочил и бросился в лес. Никто его не догонял.

Когда Алексей с Яковым вернулись к кержакам на трёх конях, дедушка Патермуфий с неизменной лестовкой ждал их на крыльце. Поглядел на трофеи, потом на Лыкова. Тот объяснил:

— Один за детишек ответил; висит на дереве. Завтра ответит и второй. Старик развернулся и пошёл в горницу ставить свечу.

Вечером того же дня, спрятанный под сеном, на долгуше Автонома

Лыков приехал в Нижнюю Кару, посетил магазин колониальных товаров Мордуха Сицкина и вынес оттуда двадцать фунтов кизельгура и пять капсулей с гремучей ртутью^[169]. Он собрался стереть дворец Бардадыма с лица земли вместе с его хозяином.

Глава 31

Штурм

На исходе ночи Лыков, обутый в имадиновы ноговицы, бесшумно обошел по периметру заплот «губернаторского дворца». В том месте, где лес ближе всего подходил к заимке, он обнаружил парный сторожевой пост и снял его. Убивать не стал: напал сзади, оглушил, связал, забил кляпы и отогнал на дорогу под охрану Сулалейки.

Расчистив подступы, Алексей отослал Пьетро Буссиесту на ту самую лиственницу, на которой вчера сидел сам. Оттуда открывался хороший обзор, а главное, шла прямая директриса на крыльцо и окна свещёвского особняка. Итальянцу предстояло поразить Бардадыма, когда тот выйдет из дома на улицу, желательно первым выстрелом. Выманить хозяина обязан Имадин; для этого он, безоружный, должен появиться на дороге и позвать Бардадыма якобы для разговора. По расчету Алексея, лишившиеся уже обоих Юсов свещёвцы совсем потеряют голову, когда их вождь будет убит у них на глазах в первую минуту боя. Довершить панику и разгром должны стрелки, расположившиеся охватом: Челубей — напротив ворот, и Алексей с Пьетро по флангам. На случай осложнений у Лыкова под деревом лежал кизельгур.

Когда они собирались, Автоном жалко и унизительно ползал в ногах у дедушки Патермуфия — просил отпустить его пятым. Но патриарх не позволил.

— Наше дело другое, божеское; не гоже нам смертоубивством заниматься. А сегодня особливо: Иван-Постный^[170] на календаре! Нож в руки брать нельзя, а ты вот что задумал с этими греховодниками. Тут сиди!

— Так мало их! Перебьют ребят свещёвские нехристи, и обрат нам от них притеснения терпеть. А Бардадыма кончить — самое божеское дело, даже в такой день.

— Сиди где велю, заячья отрыжка! — прикрикнул Патермуфий. — Чем сможем, тем поможем; а кровь человечью лить моего согласия нет.

— Так то человечью... — огрызнулся Автоном и ушел, расстроенный. На бой поехали лишь четверо стрелков; им было не до Иоанна Предтечи...

В семь часов утра, когда туман на опушке леса начал рассеиваться, на дороге, ведущей к «губернаторскому дворцу», появился Имадин. В белой

бурке и папахе, в парадной черкесске с газырями, тонкий и стройный, он не дошёл до ворот ста сажень — остановился и крикнул высоким юношеским голосом:

— Позовите Бардадыма! Скажите: Имадин говорить хочет!

Караульные на воротах посоветовались, и один побежал во «дворец» с донесением. Чеченец, безоружный, остался ждать под нацеленными на него стволами.

Наши стрелки изготовились. Вскоре из всех домов повыскакивали свищёвские головорезы с ружьями и рассредоточились вдоль заплота. Кто-то выкликивал в щель наружный караул, снятый уже Алексеем; кто-то занял позицию напротив ворот; некоторые полезли на крышу «дворца».

— Где этот щенок? — послышался властный рык, и на крыльцо величественно вышел Свищёв в алом шлафроке с кистями. Он успел спуститься только на одну ступеньку: грохнул в утренней тишине первый выстрел, и пуля Буссиесты выбила ему всю гортань. «Губернатор Нерчинского района» слетел на землю, дёрнулся раз и затих.

И началось! Несколько бандитов от ворот сразу же начали стрелять по Имадину, но тот ловко выскочил из бурки, лёг пластом и накрылся ею, как броневым щитком. Алексей по себе знал, что хорошую андийскую бурку пули не пробивают, но всё равно волновался за мальчишку. Решил прикрыть огнем в первую очередь его, но тут с крыши главного дома раздался выстрел и Пьетро, даже не вскрикнув, рухнул с лиственницы на землю. Алексей повернул голову и увидел коричневое узкое лицо, прищуренные глаза и быстрые пальцы: пожилой бурят, укрывшись за трубой, торопливо перезаряжал винтовку. Вот такие таёжные охотники, не склонные к панике, и могут наделать делов! В первую очередь нужно было поражать его. Лыков перенес прицел, и бурят тот час же заметил это движение: он дослал патрон и вскинул оружие. Но не успел; Алексей раздробил ему голову. После этого обратился на двор: расстрелял в спину двух варнаков у ворот, свалил бритого наголо черкеса у крыльца оружейной комнаты. С другого фланга его активно поддержал Челубей. Через три минуты внутри заплота валялось несколько трупов, а оставшиеся в живых пытались спрятаться от беспощадного огня и стреляли наугад по кронам деревьев. По счастью, мирные обитатели заимки попрятались по углам и не мешали Лыкову воевать.

Все-таки свищёвцев было слишком много на двух стрелков, и среди них обнаружили смелые люди. Поняв, что силы нападавших незначительны, некоторые из бандитов принялись выцеливать их более тщательно. Пули защёлкали уже у самой головы Лыкова; становилось

жарко. Он спрыгнул с лиственницы вниз, выхватил из мешка снаряжённую бомбу, размахнулся и плавным движением, словно играл в городки, швырнул её во двор. Туда, где противников засело особенно густо.

Словно вулкан извергся вдруг в забайкальской тайге. Дрогнула земля, полетело до самого неба пламя, взметая вверх доски, бревна, обрывки человеческих тел. Толстые жерди заплота разлетелись, как соломинки, и Алексей увидел огромную яму посреди двора, горящие избы и трупы — они были повсюду. Прямо на него, не видя, шёл человек; он шатался, его лицо всё было перепачкано землей, а из ушей вытекали черные струйки крови. Другой полз по горячей земле, подтягиваясь на руках, а ниже живота у него ничего не было... Вдруг около воронки зачем-то появился Челубей с двумя револьверами в руках; он озирался по сторонам, выискивая живых.

— Назад, дурак! — диким голосом закричал Лыков. Но тут во втором этаже главного дома вспыхнул огонек, словно кто зажжёт спичку. На груди у Якова, там, где сердце, образовалась дыра. Недашевский схватился за неё и смотрел с удивлением, как меж пальцев у него полилось что-то красное. И с этим удивлённым выражением лица он медленно завалился на спину...

— Н-е-е-ет!! — взвизгнул по-детски Алексей, схватил вторую бомбу, стремительно забежал во двор и швырнул снаряд в ненавистное окно. Успел ещё броситься на землю и закрыть голову руками. Громыкнуло даже сильнее, чем в первый раз; взрывная волна кувыркнула его по траве, потом сверху долго сыпались щепки, кирпичи, осколки стекла и ещё что-то. Когда всё упало, оглушенный и, видимо, контуженый, Алексей с трудом поднялся и осмотрелся. Второго этажа у дома не было, а первый, полуразрушенный, горел. Обведя стволом револьвера вокруг, Лыков обнаружил, что воевать ему больше не с кем: кто не был убит, бежал. В выбитые первым взрывом ворота вошёл, ошалело озираясь, Имадин. Вдвоём они подхватили и вынесли из этого ада огромное тяжёлое тело Челубея. Тот едва дышал, ворот рубахи, грудь, живот — всё было залито кровью, из простреленного легкого вырывались хрипы. Алексей затамповал входное и выходное отверстия корпией из своей сумки, туго-туго перебинтовал и побежал к Пьетро.

Итальянец лежал на спине; сразу было видно, что помочь ему уже нельзя. Красивые зелёные глаза смотрели в сибирское небо. Бурятская пуля попала Буссиесте в щёку, а вышла из затылка. Храбрый «браво» успел сделать всего один выстрел, но вернул должок своему врагу...

Так же бегом Лыков вернулся к Челубею и обнаружил рядом с Алибековым и Сулалейкой ещё и Автонома, причём с ружьем в руках. Он

осторожно тронул ствол — горячий. Сбежал-таки, не послушал дедушку! Но тут вдруг появился и сам Патермуфий, что особенно ценно — на телеге. Не приходящего в сознание Челубея и уже застывающего Буссиесту уложили на сено, здоровые уселись верхами и скорбная колонна двинулась в деревню.

Доехав до поворота, Лыков оглянулся. Чёртово логово горело уже всё: баня, конюшня, дровяной сарай, избы. Пламя вставало выше леса, а жирный черный дым застил полнеба. Эра Бардадыма в Забайкалье кончилась.

Глава 32

Царский истопник

Благово решил воспользоваться старинным знакомством и сходить к генералу Черевину. Начальник личной охраны императора по должности должен быть извещён о любых подозрениях о приуготовлении к цареубийству. Щекотливость ситуации состояла в том, что эти подозрения могли показаться известному своим здравым смыслом и прямотой Черевину смехотворными. Подумаешь — убивают беременных женщин! Ну, и что? Пусть Грессер этим и занимается; при чем здесь цареубийство? Полячишка из охранного отделения — тоже не по адресу; это к Плеве. И вообще, Павел Афанасьевич, обращайтесь впредь строго по команде, не мешайте службу нести занятому человеку... А прямо по команде Благово как раз действовать не мог: он отвечал в Департаменте полиции за уголовные делапроизводства, а не за политические. Для него была сейчас закрыта вся вертикаль МВД, самым фактом его сотрудничества с военной разведкой без санкции руководства. Но руководство — это тот самый Плеве, большой приятель Судейкина; получался замкнутый круг.

Павел Афанасьевич всё же поехал в Гатчину. Несколько лет назад он спас генералу жизнь — выслушать теперь его Черевин не откажется. В случае же удачной беседы Благово с Енгальчевым получали могущественного союзника. Не то, что Плеве или Оржевский — сам граф Толстой смотрит Петру Александровичу в рот. Потому, что подозрительный государь во всей империи полностью доверяет только Черевину. Кроме того, начальник личной охраны ближе всех в той же империи стоит к венценосцу, ибо видит его ежедневно с утра до вечера.

Генерал-адъютант принял действительного статского советника радушно и первым делом, несмотря на ранний час, налил ему коньяку. Сам он, судя по красному цвету лица, уже успел принять этого напитка... Благово быстро понял, что беседа не задастся. Черевин охотно вспоминал о том, как чуть было не погиб в погребке «пчельника» Зотыкевича на Нижегородской ярмарке, и лишь случайная облава под командой Благово спасла тогда его жизнь. Хвалился своим сегодняшним положением и близостью к государю; спрашивал, чем может отблагодарить Павла Афанасьевича. Заявил, что даже муха сейчас не пролетит мимо охраны к венценосцу; что пищевые припасы на рынке для царского стола всякий раз

покупают у разных торговцев, а гатчинские повара никогда заранее не знают, кому из них поручат сегодня готовить для государя. А сам при этом поглядывал откровенно на часы и опрокинул в себя, за пять минут беседы, ещё пару рюмок...

Несмотря на это, Благово начал свой длинный и сложный для генерал-адъютантского разумения рассказ; другого случая может и не представиться. Он описал историю с Лобовым и убийствами беременных женщин в Петербурге в «царские дни», и объяснил, что это может значить по уголовным суевериям. Рассказал о личном поручении императора в день его отъезда в Москву на коронацию. Затем перешел к обнаруженным подозрительным контактам сотрудника подполковника Судейкина с «королём» уголовного мира, и к слежке его же за генералом Енгальчевым. Петр Александрович слушал старательно и изо всех сил пытался удержать нить рассуждений, но очень скоро её утратил. Услышав, наконец, знакомую фамилию, он обрадовался:

— Судейкина я знаю! Бравый офицер, и как раз на своём месте. Я часто обращаюсь к нему за справками; вот, к примеру, ознакомьтесь — только сегодня получил.

И протянул собеседнику какую-то бумагу со своего необъятного стола. Благово, не веря своим глазам, прочитал следующее:

«Его превосходительству Свиты Е.И.В. генерал-адъютанту П.А.Черевину.

В ответ на ваш запрос от 5 июня 1883 года за номером 127 имею честь сообщить следующее:

Ученик басонщика из крестьян Нижегородской губернии села Татинец Иван Иванов Кареткин, проживающий по адресу: Коломенская ч., Упраздненный переулок, дом 7 Лобова, ни в чём предосудительном, по наведённым об нём справкам, не замечен; поведения трезвого и смирного; верноподданного образа мыслей; церковь посещает. Препятствий к поступлению его истопником в Дворцовые службы не имеется.

За сим остаюсь вашего превосходительства покорным слугой

Инспектор секретной полиции — заведующий Санкт-Петербургским Отделением для производства дел по охранению общественного порядка и спокойствия,

ОКЖ подполковник Судейкин».

Дочитав этот удивительный текст до конца, Благово взглянул на Черевина. Тот налил себе уже следующую рюмку и, держа её на весу и готовясь выпить, победно смотрел на вице-директора.

— Петр Александрович! — в ужасе вымолвил Благово. — Как вовремя я к вам пришёл... Кареткин, здесь упоминаемый, и коего по данной справке можно назначать в дворцовую прислугу — это и есть тот самый Пересвет, первый в столице головорез. Его уже трижды брали под стражу и трижды выпускали за недоказанностью, оставляя «в сильном подозрении». Это он-то у Судейкина «ни в чём предосудительном не замечен, поведения смирного»? И живёт он, заметьте, в доме Лобова, того самого «короля» преступного мира Санкт-Петербурга, о коем я вам тоже сейчас рассказывал! Да за одну эту бумагу надо каторгу давать тому, кто её подписал.

— Не может этого быть, — благодушно сказал Черевин. — Вот же росчерк подполковника. Он же офицер.

— Петр Александрович! Я сообщаю вам об этих лицах истинную правду. Слово дворянина.

Когда до начальника императорской охраны дошел смысл последней фразы, рюмка в его руке вдруг сильно задрожала и коньяк вылился на красный генеральский лампас. Черевин отставил посуду, вскочил, подбежал к двери, крикнул секретарю в приёмную:

— Меня нет ни для кого!

Затем плотно закрыл дверь, подсел к Благово, взял его осторожно за рукав и заглянул в глаза внимательным, виноватым и трезвым взглядом:

— Павел Афанасьевич! Прости... Расскажи, пожалуйста, всё еще раз с самого начала, и чем подробней, тем лучше.

Глава 33

Между Амуром и Невой

Когда Челубея привезли в деревню, он был уже совсем плох. Дыхание не прослушивалось, даже хрипы исчезли; руки горячие и влажные, а со лба беспрерывно катились крупные капли пота. Патриарх поглядел на него скорбно, шмыгнул носом и сказал:

— К вечеру преставится. Соборовать надо. Попа у нас нету, а я только уствирик; но исповедовать могу.

Вбежала бледная и растрёпанная Хогешат, кинулась сначала к брату, ощупала всего, убедилась, что цел, и занялась Недашевским. Без истерик и слёз, быстро и ловко стащила с него задубевшую от крови рубаху. Промыла водкой рану, оказавшуюся, по счастью, сквозной, вложила с обеих сторон в пулевой канал по кусочку бараньего сала и опять забинтовала. Казалось, отверстие уходило прямо в сердце, но Челубей после перевязки едва заметно, но упрямо задышал.

Появился Патермуфий, в фелони и подризнике, с иконой в руках, сказал:

— Выйдите все вон отсюда.

— Зачем? — насторожилась девушка.

— Затем, что исповедовать его надо побыстрее, а то помрёт, а грехи не отпущены.

— Глупости какие! Я его вылечу.

— Девка, не путайся под ногами. Телу его уже не помочь — душу спасать надо.

— Ах, ты... а ну пошёл прочь, старый дурак! — топнула вдруг Хогешат миниатюрной ножкой. — Ему ещё жить да жить!

И, развернув патриарха, без всякого почтения вытолкала его из комнаты.

В этой маленькой, тонкой, как былинка, девушке невесть откуда явилась властная уверенность. Не напускная — Алексею приходилось с деланой бодростью врать умирающему человеку, что они ещё выпьют с ним кизлярки — а искренняя, настоящая. И это заряжало и давало надежду. Умом Лыков понимал, что Челубей не жилец, но так хотелось чуда...

И ещё какая-то нелепая ревность колола его сердце: а стала бы Хогешат так же хлопотать, если бы он, Алексей, лежал сейчас с пулей в

груди?

Поймав себя на этой мысли, Лыков устыдился её. Он полюбил Челубея как брата, хотя обязан был при случае посадить его в тюрьму. Эта необходимость давно угнетала его, а тут ещё и чеченка... Боже, обратился он ко Всевышнему, что делал совсем не часто — помоги, спаси Якова! А если ты сделаешь это её руками — ладно! Я уйду и не буду им мешать; только б Челубей воскрес. Пусть себе живут долго и счастливо, детишек рожают, вместе стареют... И ещё Алексей сказал себе, что не допустит Недашевского до кутузки. У них семь паспортов — убегут втроем с Имадином в Америку. Только б выжил.

От этого ли решения, или от молчаливой молитвы, но ему стало легче и он впервые тогда поверил, что Яков не умрёт.

А Хогешат уже отсылала брата, повелительно говоря ему что-то на своём языке, а тот согласно кивал головой. Лыков почувствовал свою ненужность и увязался за ним. Оказалось, Имадину было поручено собрать лекарственные травы. Радуюсь, что может хоть чем-то помочь Челубею, Алексей схватил мешок и побежал за парнем в лес.

Когда через полчаса они вернулись в дом, девушка варила пластырь из толчёного льняного семени и яичного желтка. Не дав ему остыть, она смазала вязкой массой рану с обеих сторон, снова заложив в нее баранье сало. Потом Хогешат отобрала из принесённого вороха различных растений всего несколько травинок, обмотала их шёлковыми нитями, добавила какой-то камешек и стала читать над этим сооружением заговоры. Наконец, она сложила всё в небольшой кожаный мешочек треугольной формы, с нашитыми на нем галунами, и повесила его на кожанном же ремешке на шею Якову.

Поймав недоумённый взгляд Лыков, Имадин шепнул ему:

— Это хейкел. По вашему — талисман.

Алексей возмущённо фыркнул, но чеченец сдержано и вежливо объяснил:

— Хогешат училась у знаменитого хакима^[171] Муслима Эпендиева из Шали. Вам, русским, ещё очень и очень далеко до горской медицины. У нас никогда, например, не делают... как уж? ампутаций? да, ампутаций, а умеют сращивать раздробленные кости. Ты видел когда-нибудь однорукого или одноногого горца?

— Нет, — честно сознался Лыков.

— И не увидишь. Шамиль был ранен сорок раз. Однажды русский солдат проткнул ему штыком лёгкое. Штыком — понимаешь? Не пулей. И после этого к нему двадцать пять дней добирался его тесть, великий хаким

Абдул-Азиз. Рана была смертельная и её так долго не лечили, а он добрался и вылечил! Так что — не смейся, а верь.

Утром следующего дня Хогешат растолкала дремавшего на лавке Лыкова и сказала, что Челубей его зовёт.

Очень бледный, с болезненно-восковой кожей и запавшими щеками, Недашевский первым делом спросил:

— Что с этими?

— Кто не погиб — убежал, а заимку мы сожгли.

— Мы... Плохой я оказался солдат... Только четыре раза и выстрелил, в двух попал. Опять ты всё за меня сделал... Я для чего тебя позвал... Может статься, я умру. Не делай мины; мы оба знаем, что я умру... А ты должен знать, за что рисковал... Анисим Петрович получил заказ с самого верха на... даже не знаю, как и сказать такое...

Алексей сидел и напряжённо слушал. Он видел, что Челубею трудно говорить, но не мог прервать его. Возможно, сейчас выяснится то, ради чего была затеяна вся его опасная командировка!

— ...На изменение династической ситуации в стране.

— Это как это? — искренне удивился Лыков.

— Чего тебе не ясно? Царя убить.

— Убить государя? Опять? Заказ от террористов?

— Нет. Я же сказал — с самого верха... Посредником является жандармский подполковник Судейкин. С ним ещё ходит какой-то поляк... Исполнить должен Пересвет; он устроился для этого в Гатчинский дворец истопником... А чтобы всё удалось, и самому при этом уцелеть, он убивает беременных женщин... Есть такая старая разбойничья примета... Надо убить девять баб и съесть сердца их неродившихся младенцев... Лобов о ней вспомнил, чтобы Пересвета успокоить... не каждый день царей убивают.

Челубей закрыл глаза, отдохнул минуту, затем продолжил:

— Лобову обещано, что в случае успеха его не тронут... Министром внутренних дел назначат ведь Судейкина. А награду предложили следующую: три года после он хозяйничает на Желтуге, как концессионер... Золото у него покупает казна, а китайцы не мешают. Через три года погром... Вот для этого нас с тобой туда и посылали... чтобы мы разведали, сколько там этого добра можно добыть за три года... а вовсе не фельдъегерей выискивать. Под опекой властей... наших курьеров никто уж не тронет.

Челубей помолчал, потом, сделав над собой усилие, сказал:

— Алексей... я выяснил — золота там полно! Они сейчас уже

добывают двадцать берковцев в год... а если наладить промышленную добычу жил шахтовым способом, то вообще дух захватывает... Ты там был, ты можешь стать управляющим этой концессией... У тебя у одного только и получится... когда я умру... Проси у Лобова не сто тысяч, проси миллион... миллион... это свобода...

И Недашевский впал в забытье. Ошарашенный услышанным, Лыков даже не заметил, как Хогешат выталкивает его из комнаты; он думал. С самого верха... Подполковник Судейкин мелковат для самого верха. Алексей виделся с ним пару раз, знал, что граф Толстой недолгобливает молодого жандарма. Но какова новость! Начальник столичного охранного отделения, инспектор секретной полиции — и дает «питерскому королю» заказ на убийство императора... Полный бред. Не может же это быть правдой! Однако беременных женщин действительно резали; а Пересвету, может быть, единственному на всю Россию, без разницы, кого кончать, если Анисим Петрович приказал.

Это ладно! А вот кто мог гарантировать Лобову, что он в награду за страшное преступление получит беспошлинную концессию на три года, да ещё и на территории соседнего государства? Министр внутренних дел? Иностраных? Военных? Нет. Им веры не будет — новый государь назначит новых министров. Значит, такое мог обещать только тот, чьи слова станут высшей инстанцией. Новый государь. Нынешний великий князь Владимир Александрович. Ведь именно он в случае смерти Александра Третьего станет регентом при его малолетних детях — если, конечно, недавно принятый истопник не пустит на воздух августейшее семейство целиком...

Всё сходится. Толстого действительно выгонят за то, что не уберег государя, а на его место назначат Судейкина. Свалят же случившееся на «политиков». Ловко!

Теперь Лыков наконец знал самое важное. То, ради чего он проехал семь тысяч верст, скитался по тюрьмам, блуждал по тайге, рисковал жизнью и перебил столько людей... Необходимо было срочно сообщить об этом шифрованной телеграммой Благово, а тот уж сам решит, что делать дальше. Мало ли кто ещё замешан в этой истории «на самом верху»... Игра заканчивается; пора снова становиться коллежским ассессором.

Пристав Нерчинского каторжного района войсковой старшина [\[172\]](#) Закс-Гладнев сидел у себя в кабинете и рисовал чёртиков. Еще час, и обед... Жак обещал консоме с яйцами пашот и пулярку.

Осторожно постучали, и в дверь просунулся секретарь.

— Там какой-то человек, просит срочно его принять. Грязный весь, но держится уверенно...

— Кто таков? Чего ему надо? Купец?

— Он говорит: вас должны были известить о секретном чиновнике из Петербурга.

Пристав не спеша порылся в ворохе бумаг на столе, нашел отношение начальника Забайкальской области, перечитал, насторожился.

— Зови. Даст Бог, это не он...

Вошел Лыков, в рваном казакине, перепачканный сажей. Приблизился, не здороваясь, к самому столу, оглянулся на секретаря. Тот поколебался секунду и выскользнул из кабинета.

— «Между Амуром и Невой».

Пристав вскочил, мгновенно став собранным и почтительным.

— Коллежский ассессор Лыков Алексей Николаевич, с особым поручением.

— Войсковой старшина Александр Витальевич Закс-Гладнев, полностью в вашем распоряжении. Чем могу служить?

— Я выполняю именное повеление. Надеюсь, вы понимаете, что это означает? Все государственные служащие обязаны оказывать мне полное содействие.

Пристав энергично прокашлялся и незаметно смёл со стола листки с чёртиками.

— Не желаете ли чаю, господин Лыков? А через час будет пулярка.

— Нам с вами теперь не до пулярки, господин пристав. Сначала сверхсрочно по двойному тарифу отправьте эту зашифрованную телеграмму, — сыщик передал Закс-Гладневу лист бумаги с несколькими столбцами цифр. — Адрес: Департамент полиции, вице-директору Благово, лично, чрезвычайно секретно.

Войсковой старшина сам побежал с бумагой разыскивать курьера. Вернулся через минуту, глядя на Лыкова с особенным интересом.

— Я всегда думал, что «демоны» — это газетная выдумка; а тут... Простите, Алексей Николаевич — может, вам баню сообразить? Вид у вас... Я мигом.

— Сначала оприходуем груз.

— Какой груз?

— Сейчас увидите.

Они вышли на улицу. Там стояла телега с Автономом в качестве возницы. Лыков сдернул рогожу, и обнаружились два больших ящика, обитые жестью, и какой-то станок. Алексей поднял крышки и выяснилось,

что оба ящика набиты доверху: один самородками, а другой золотым песком. Отдельно лежал ещё кожаный мешок с золотыми монетами новейшего чекана.

— Монета фальшивая, сделана из украденного на кабинетских приисках золота при помощи вот этого станка, — пояснил сыщик. — Обратите внимание: есть даже обжимный пресс для нанесения надписей и узоров на монетный гурт, что является самым сложным для «блиноделов». Всё конфисковано мною на заимке здешнего купца, а по совместительству предводителя бандитской шайки, известного вам Свищёва.

— Э-э-э... Я слышал, там случилось какое-то несчастье... — промямлил пристав. — Мне донесли непроверенные сведения; я как раз собирался поехать туда лично! Якобы был целый бой, имеются убитые, а сама заимка полностью сгорела. И ещё у дороги, на дереве уже третий день висит некий Обыденнов... Известный здесь головорез, по кличке Юс Маленький, жуткий человек! И никто его не снимает... Проезжают, плюются и едут дальше.

— Бурундуки его снимут, — небрежно бросил Лыков. — Бой действительно был. Пришлось мне поработать за вас, господин пристав. Чем вы объясните, что в вашем участке почти открыто чеканилась монета из ворованного казённого золота? А в составе свиты Барда... Свищёва, ничуть не скрываясь, разъезжали беглые в розыске преступники? Я сегодня утром, когда раскапывал на пожарище потайную комнату со станком, имел возможность осмотреть трупы. И опознал среди них Ивана Гайдамаченко по кличке Рубленный, опаснейшего бандита, убийцу мирового судьи в Белой Церкви. Его фотопортрет имеется в вашем участке! И вы действительно не замечали Гайдамаченко на улицах вашего маленького городка?

Закс-Гладнев покраснел, мгновенно покрылся потом.

— Этот Свищёв, у него тут было столько власти — сам поковник Потулов с ним рука об руку... Мне никто бы не позволил... Я сперва пытался, но... Я... А где, извините, сам Лука Лукич теперь?

— Там, где ему и положено быть. Он оказал мне сопротивление при аресте, и с ним еще десять человек. Вышлите туда отряд, соберите и идентифицируйте трупы.

— Слушаюсь.

— Свищёв с Обыденновым месяц назад лично вырезали всю семью староверов Вальцовых, включая двух малолетних детей. Грабили и убивали проезжих на Нерчинском тракте; мне достоверно известно об убийстве отставного унтер-офицера Карандасова. Неделю назад из Нижней Кары

были похищены и насильственно удерживались на заимке брат и сестра Алибековы. В городе террор, пропадают люди, открыто грабится казна. А вы тут чёртиков рисуете... Прикажете упомянуть об этом в рапорте на высочайшее имя?

— Не губите, господин коллежский ассессор! Я заслужу ваше расположение! Только приказывайте — всё будет немедленно исполнено. Четырнадцать лет беспорочной службы! Орден Анны третьей степени. Виноват, признаю; семью завёл, захотелось спокойной жизни, а ссориться с Бардадымом не имел, ей-Богу, никакой возможности! Он бы меня просто в пыль растёр — нрава был ужасного, и с такими капиталами...

Лыков слушал молча и глядел сурово. Подумал немного, словно колебался, затем сказал:

— Ладно, разберемся позже. Я решу в отношении вас в зависимости от того, как вы станете выполнять мои распоряжения. А окончательное решение примет государь. Пока же немедленно доставить сюда заседателя Сударикова, состоящего на службе у Свищёва. В предупредительных связках!^[173]

— Слушаюсь!

— Далее. Организовать перевозку в Благовещенск важных свидетелей по делу банды Свищёва. Один из них, Яков Недашевский, участвовал вместе со мной в операции по уничтожению банды и был при этом тяжело ранен. Его надо везти особенно осторожно, и не раньше, чем через неделю; пусть рана пока затянется. В Благовещенске поместить на хорошей частной квартире, без малейшей огласки. Наблюдения оставлять не надо: Недашевский — наш секретный агент и сам появится в нужное время. С ним вместе будут уже упомянутые мною брат и сестра Алибековы.

— Слушаюсь!

— Арестовать в Юрдовке Александра Власова по кличке Саша-Бузуй, Ивана Мухина по кличке Юс Большой, и содержателя притона Каховского, по обвинению в похищении Алибековых и убийствах недругов Свищёва.

— Слушаюсь!

— Пока же актируйте золото и станок, соберите трупы на заимке, откройте следственное дело. Я вернусь вечером и всё подпишу. Действуйте, господин войсковой старшина!

Алексей решил пойти к Саблину, сказать, что полиция всё раскрыла и ему надо срочно исчезнуть из города. Не хотел он допрашивать Ивана Богдановича по должности сыскного агента... Свои рапорты потом всегда можно будет написать так, что лишние имена не попадут в полицейские

архивы; здесь, в забайкальской глуши, он сам себе начальство и один решает, кто заслуживает наказания, а кто нет.

Алексей взял с собой чистый, но с печатями, паспорт и ассигновку на десять тысяч рублей — лобовские деньги жалеть не приходилось. Свой казакин, изрядно пострадавший от скитаний по тайге и лазанию на пепелище, он отдал в стирку и починку. Не долго думая, накинул бурку Имадина, предварительно выковыряв из нее пригоршню завязших в плотно скатанной шерсти ружейных пуль. В Нижней Каре проживало немало кавказцев, и этой одеждой тут было никого не удивить.

Лыков подходил уже к домику Саблина, как вдруг тот сам вышел ему навстречу. Увидев гостя, опешил и скрылся обратно в дом. «Уже знает?» — мелькнуло у Алексея в голове, но деваться было уже некуда. Только он взялся за калитку, как Саблин опять появился на крыльце, молча подал знак следовать за ним, и отправился на огород.

Опасаясь, что он бежал за револьвером, Алексей пропустил его вперёд, сам взялся под буркой за рукоять «веблей-грин» и смотрел очень внимательно. Они встали между грядок, настороженно посмотрели друг другу в глаза.

— Тебе надо срочно бежать. Срочно! Я принес чистый паспорт и ассигновку на десять тысяч, на предъявителя.

Напряжённое лицо Саблина выразило удивление. Он хотел что-то сказать, но тут за спиной Лыкова раздался выстрел и страшный удар в левую лопатку свалил его на землю. Ему показалось, что сердце от боли разлетелось на куски. Вот и умираю, подумал Алексей... В глазах поплыли красные круги, потом явилась родная Волга, они маленькие купаются с сестрой; потом турецкая война... А затем ещё два таких же сильных удара в спину, как будто его били ломом наотмашь, и забытьё.

Очнулся Лыков, видимо, уже через несколько секунд и обнаружил себя живым, уткнувшимся носом в свекольную ботву. Пахло летом, навозом и порохом. Потом он сообразил, что лежит на животе, на собственном револьвере и по-прежнему сжимает его рукоятку. Страшным усилием сыщик сумел взвести курок и прислушался, не шевелясь. Каждая мышца его тела разрывалась от боли, в спину словно вколотили три раскаленных гвоздя.

— Переверни его, — послышался чей-то знакомый голос.

— Сам переверни. Дурак! Ты должен был бежать, когда я тебя предупредил, а не убивать его; а теперь мне за тебя снова на каторгу идти?

Кто-то взялся с руганью за лыковское плечо и потянул. Алексей перекатился на спину, увидел над собой бритое лицо Елтистова, нажал из

последних сил на спуск и снова потерял сознание.

Когда Лыков очнулся во второй раз, он лежал уже в саблинской горнице, а сожительница хозяина с причитаниями вытирала ему лоб мокрым полотенцем. Сыщик отвел её руку, попробовал сесть в кровати. С трудом, но ему это удалось. Левая лопатка адски болела, позвоночник саднил, но это не были пулевые ранения! Он был жив и, в целом, здоров.

— Кончай причитать! — прикрикнул сыщик на бабу. — Иван Богданович где?

— Убёг, как есть убёг. Нашел на вас паспорт чистый и денежную бумагу, и совсем закручинился. Я, говорит, ему не поверил, а он взаправду предупредить приходил... А теперь он — вы, то есть — подумает, что я его в засаду заманил, под пулю подвёл.

— А что, не так, что ли?

— Не так, мил человек, не так! Иван Богданович вас просто отвлечь хотел, чтобы тот, второй, в окошко вылез и утёк. А он вона как... Хорошо, сказал Иван Богданыч, что был кассир, не знал, что бурку пули не берут; бывалый-то в затылок бы стрельнул.

— Где он сейчас?

— Убёг, ей Богу, убёг! Взял какие деньги, и стрекача. Ты уж, мил человек, его не лови... Кончилась моя хороша жизнь, рази я ещё такого сожителя где найду!

— Я спрашиваю, кассир где?

— А... этот-то? В свёкле лежит; где ж ему быть?

Глава 34

Прощание

Лыков уехал из безымянной деревни кержаков и пропал на десять дней. Уничтожение банды Бардадыма не было рядовой полицейской операцией. Коллежскому ассессору пришлось прибыть в Читу для объяснений с военным губернатором Забайкальской области. Важный генерал требовал доказательств, свидетелей и открыто сожалел, что какой-то залётный столичный прощелыга похозяйничал так по-свойски в его вотчине. Если бы не оберегавшее Лыкова высочайшее поручение, ему пришлось бы туго за побоище, которое он учинил на заимке Свищёва. Но по телеграфу очень своевременно пришло «именное благоволение»^[174], и дискуссия по поводу границ полномочий и методов расследования сразу прекратилась.

Зато начались бесчисленные протоколы: осмотра, допроса, опознания, изъятия... Была вскрыта огромная преступная организация, имевшая своих членов в Благовещенске и Иркутске. Хищения с казённых приисков были только началом. Далее шла выделка фальшивой монеты из украденного золота, и затем её сбыт — тут-то и начиналось самое интересное. Многие солидные с виду купцы, а также некоторые банки (и не только сибирские) оказывались в это замешанными; следы вели даже в Москву и Варшаву! Плеве срочно выслал в Читу летучий отряд для проведения полного расследования, а пока Алексей воевал в одиночку.

Ходить во главе полицейских сил по кишашему каторжниками Забайкалью значило бы погубить навсегда «демона» Лыкова, и ему пришлось обстоятельно изменить внешность. Алексей сбрил бороду, оставил «солдатские» усы и наклеивал бакенбарды, дабы закрыть приметный шрам на щеке. Волосы он перекрасил в цвет воронова крыла и слегка завил. На нос нацепил очки с простыми стёклами, и даже научился с умным видом протирать их замшевым лоскутом... Только полицмейстеры и ниже-карийский пристав Закс-Гладнев, ставший его правой рукой в расследовании, знали подлинную фамилию сыщика. Александр Витальевич оказался на поверку, в изменившихся условиях, отличным полицейским офицером, инициативным и умным. Лыков всерьёз подумывал о том, как бы переманить его в Петербург.

Параллельно с выкорчевыванием преступной империи Бардадыма

Лыков уничтожил и «этапную цепочку» Лобова. Людей Анисима Петровича без лишнего шума переводили в отдалённые тюрьмы, ревизоры областного присутствия наводили порядок в учёте. Также была перекрыта граница с Манчжурией и отставлены от службы продажные чины пограничной стражи. Сменили и начальника районного жандармского управления — за недогляд; полковник Потулов срочно заболел.

За всеми этими многочисленными и ответственными делами Алексею некогда было думать о Хогешат; он и не думал, а просто помнил о ней каждую секунду. Вареньку Нефедьеву, нижегородскую сироту и богачку, забыл совсем — и сам этому удивлялся. А чеченку помнил и мучался, и радовался, что дел сейчас так много. Первое время он ещё надеялся, что девушка вылечит Якова и потом придет к нему, скажет: «А теперь я твоя». Но куда придёт? К сыщику в командировке, который даже имени своего часто не имеет? А ещё он убил её старшего брата — на Кавказе это делает их отношения невозможными. Самое же главное: Алексей помнил, как она лечила Челубея; так хлопочут только возле любимого человека. Рослый красавец Недашевский, умный, образованный, с печатью благородного происхождения на лице, затмит в девичьем сердце трёх таких, как Лыков, и тут ничего не поделаешь... Это уже было с Виктором Таубе и Ольгой Климовой, и так, видать, будет всегда. В иную минуту Алексей даже грозил кулаком в зеркало своей заурядной физиономии.

И наконец — он обещал Богу, что сам отойдет в сторону, если Хогешат вытасит Якова с того света!

Сведя все эти соображения воедино — он пробирался тогда с отрядом казаков верхами к манчжурской границе — Лыков смирился, и ему стало легче. Чтобы ещё более полегчало, он стал выискивать в Хогешат недостатки. Вот когда она ходит, у неё чуть подрагивают щёки! Не потому, что она полная — нет, тонкая, стройная, но имеется такая особенность. В других женщинах Алексея это раздражало, в Хогешат казалось милым пустяком. А женится он на ней, попривыкнет — что тогда?

Или ещё: привезёт он её к матушке в Нижний Новгород — вот, мол, жена моя, чеченка, и братец её. Мусульмане и дети гор. Прошу любить и жаловать. То-то матушка обрадуется... Да и вообще: какие там жёны? Он, Лыков, с восемнадцати лет под пулями да ножами ходит не переставая, и долго ещё будет ходить, если повезет. А начнёт его дома супруга ждать, глядишь, научится службой манкировать, от опасностей отлынивать... Нет! с его ремеслом лучше быть одному!

С таким настроением и возвращался Алексей к староверам. Был великий двенадесятый праздник, Рождество пресвятой Богородицы.^[175] В

такой день хотелось чуда, и в замотанной лыковской душе теплилась слабая надежда: вот сейчас он подъедет, а Хогешат выбежит на крыльцо, подойдет, немного смущаясь, а потом обнимет, и так станет ему хорошо...

Чуда, конечно, не произошло. Случилось то, что и должно было случиться: розовый, очевидно выздоравливающий Челубей сидел на постели и сжимал в своём кулачище хрупкую ладошку чеченки. Сразу было ясно, что всё у них уже сладилось.

Увидев Лыкова в новом обличьи — без бороды, в очках и жгучим брюнетом — влюбленная парочка опешила. Алексей, серьезный и даже суровый, сел, взглянул на Челубея; тот сразу набычился, ответил ему таким же взглядом исподлобья. Чует, гад, что девуку увёл у друга; совестно...

— Мне уйти? — спросила напряжённым голосом Хогешат, сразу почуввав, что готовится какое-то важное объяснение.

— Останься; тебя это тоже касается. Ты уже догадался, Яков, кто я на самом деле?

— Автоном сказал — ты к приставу уехал. Потом пропал на десять дней. А теперь этот маскарад. Они хотят арестовать тебя за Бардадыма?

— Нет, меня не хотят арестовать. Я сам кого хочешь могу арестовать... Я — чиновник особых поручений Департамента полиции в чине коллежского асессора. «Демон», засланный в банду Лобова по личному повелению государя. Сыщик.

Челубей поверил сразу и отшатнулся к стене, словно от удара. Но вскрикнул от боли — резкое движение было ему ещё не по силам. Он потрогал осторожно рану, а сам при этом, не отрываясь, смотрел на Алексея. Тому было в этот момент необычайно трудно; он чувствовал себя словно бы предателем.

— Ты — сыщик, и пришел теперь за мной, — утвердительно и покорно произнес Недашевский. — Меня засадят в кутузку?

Хогешат молча прижалась к нему, словно утешая, что не бросит и пойдёт на каторгу следом, как пошла за братом; при этом она смотрела на Лыкова со страхом и неприязнью.

— Нет, что ты, — живо ответил Лыков. — Как я могу засадить тебя в кутузку? Ведь мы же как братья. Невозможно! Мне придётся пойти на служебное преступление — я уже решил. Но вам нужно уехать из России. Навсегда. Мы никогда более не увидимся; я приехал проститься.

Выговорив всё это одним духом, Алексей посмотрел на влюблённую парочку и печально улыбнулся им обоим.

— Куда уехать? — хрипло спросил Челубей, явно не веря тому, что его не собираются арестовывать.

— В Америку. Отсюда она ближе, чем Европа. И потом — будет следствие. Замышлялось царевубийство. Спокойно жить вам позволят только за океаном, а в Европе департамент вас достанет. Слушайте меня внимательно. Завтра я выступаю в Петербург — мои дела здесь закончены. Пристав Нерчинского района уведомлен мною, что ты, Яков, мой агент, а брат и сестра Алибековы важные свидетели. Он доставит вас под охраной в Благовещенск и вернётся; слезки за вами там не будет. Как только здоровье позволит — сразу уезжайте во Владивосток. Садитесь там на первый же пароход, и Бог вам в помощь. Езжайте вдвоем с Имадином. Паспорта у нас остались, шесть штук, вам их хватит.

— Было семь, — встревожился Челубей. — И ассигновка одна исчезла, пока я без памяти лежал.

— Это я забрал и паспорт, и ассигновку; отдал Саблину.

— Его ты тоже отпустил? — обрадовался Челубей. — Сыщик хренов — всех отпускаешь!

И рассмеялся, как ребенок. Вот теперь поверил...

— Молчи, дурак, а то передумаю, — цыкнул на него Лыков, и повернулся к девушке. — Прощай, дорогая, милая моя Хогешат; я всегда буду тебя помнить.

— Я тоже всегда буду тебя помнить, Алексей, и молиться за тебя, каждый день, — серьезно ответила чеченка. — Всю жизнь. Ты настоящий кьонах — достойный человек... Я не встречала таких людей никогда. Спасибо за всё, что ты для нас сделал.

— Уезжайте поскорее, пока мои начальники не спохватились. Оставаться в России вам нельзя, и на Кавказе тоже сыщут. Увы, здесь я ничем не смогу вам помочь.

— Я понимаю. Яша был здесь преступником. Но в Америке он начнет жизнь честного человека. Богаты не будем, а сыты будем... И с нами Имадин — вдвоем легче.

— Да, — несколько уныло поддакнул Недашевский, — придется освоить какое-нибудь ремесло. Буду ходить на службу каждый день, с десяти до шести. А по субботам пить пиво... Впрочем, я могу поступить там в их армию и стать наконец офицером! Это я люблю — у меня получится! Генерала к старости выслужу. Американского...

— Вот, это вам на первое время, — Лыков выложил из дорожной сумки в ноги Челубею увесистый кожаный мешок. — Я конфисковал у Бардадыма... Тут тридцать пять тысяч золотом. Свищёвский чекан: монеты фальшивые, а золото настоящее. Там не отличат; обменяете по курсу. Ассигновок от Лобова осталось на сорок тысяч — тоже забирай себе.

Подъёмные; пригодятся для обустройства.

И весь оставшийся вечер они провели вместе: сначала втроем, потом подошёл Имадин. Пили вино, говорили об Америке, Лыков рассказывал о себе. Чеченец подарил ему на память свою пуленепробиваемую бурку. Было сладостно-печально, и немного жалко себя, и чуть-чуть он завидовал Челубею...

Слегка захмелев, Лыков сказал Недашевскому:

— Перестань, наконец, сомневаться в себе. Ты же серьёзный, достойный человек, а сам до сих пор в этом не уверен. Выпрямись в свой настоящий рост!

— Таким, как ты, я никогда не стану.

— Не надо быть таким, как я. Будь самим собой. И не ленись, не бойся будней, не беги от них на поиски приключений. Не живи по правилу: что мне соха — была бы балалайка! Будни — это и есть жизнь; а каждый день жизни — подарок, данный нам Богом. Когда поймёшь это, перестанешь бояться и начнёшь жить. Ходить на службу, растить детей, ожидать потом внуков...

— Я помогу Яше полюбить простую жизнь, без стрельбы и лёгких денег, — уверила Алексея Хогешат. — Он станет счастливым человеком...

Утром дедушка Патермуфий под диктовку Лыкова написал письмо «купцу Анисиму Петровичу Лобову». В нём он рассказал: умирающий от болезни раб Божий Яков просил перед смертью передать, что поручение хозяина через Елизвоя он получил и исполнил. Но «известный вам человек» оказался ловок и силен: Елизвоя списал, а Якова заразил смертельной болезнью, прежде, чем сам преставился. Выполняя последнюю волю упокоившегося, он, Патермуфий, сообщает эту грустную весть хозяину и пересылает то, что только и осталось от раба Божьего Якова — залитый кровью паспорт Нерчинской управы, по которому Челубей уехал в Сибирь. Ещё раньше Алексей, от имени Патермуфия, отправил Лобову телеграмму, в которой сжато описывал свою и Недашевского гибель.

Потом состоялось окончательное прощание. Они с Яковым обменялись нательными крестами, став, таким образом, крестовыми братьями. Лыков обнял напоследок всех троих, поблагодарил гостеприимных и верных кержаков, и уехал на запад. Хогешат так и не поцеловала его при расставании. Он уверил себя: это потому, что ей так же трудно, как и ему, скрывать свои чувства; вот и держится из последних сил. Думать эдак было утешительно и почти не больно.

По пути на запад Алексей заглянул в Томск к Щастьеву. Тот получил

уже штабс-капитана; наладилось и материальное положение. Столовые и порционные деньги плюс казённая квартира не сделали Платона Серафимовича сибаритом — из-за большой занятости он смог встретиться со столичным чиновником и почти приятелем, только поздно вечером. Рассказал, что Кандыба находится под следствием и, видимо, будет отставлен без пенсии. Бывший царь и бог Томской пересылки очень болезненно переживает своё падение и потихоньку спивается. Больше всего его угнетает невозможность пороть арестантов... Щастьев жалел своего бывшего начальника и хлопотал ему пенсию третьего разряда второй степени по пониженному классному чину; просил и Алексея замолвить слово в департаменте. Австрийский шпион Зарудный теперь уже в Жиганске, в Якутии, катает тачку. Дело турецкого аскера Махмед-бея находится в четвертом департаменте Сената на пересмотре, и должно ожидать его скорого возвращения наконец домой. Труп людоеда Никифорова нашли в отхожем месте со следами насилия. Счастливчик Загадашников опять смог договориться с фортуной — удачно бежал и до сих пор не пойман. Богатый скопец из лазарета приходил с пачкой банкнот; ныне он в Горном Зерентуе. Нет и Прова Суконкина: умный Плеве решил отделить его от уголовных арестантов раз и навсегда, и засунул во внесудебном порядке без срока в Суздальскую монастырскую тюрьму. Видимо, договорился с обер-прокурором Синода Победоносцевым. А за остальным — служба и служба; зима на подходе, продохнуть некогда...

Утром Алексей поехал дальше, по знакомым тропам среди мёртвых унылых болот. Была уже дождливая серая осень. Вместе с ним, еще из Усть-Кары, увязался и Сулалейка. Сыщик подарил ему последний паспорт и сто рублей денег. Старый бродяга добрался с коллежским асессором до Казани и поселился там у родни, а сыщик сел на пароход до Нижнего.

Сутки Лыков пробыл дома: помог сестрице деньгами к свадьбе, послушал матушкины жалобы на здоровье, зашёл к старику Каргеру. Не удержался — повидался и с Варенькой Нефедьевой, на которой хотел было жениться ещё в восемьдесят первом году. Сердце теперь было занято другой девушкой, но Варенька осталась так же хороша, умна и к Алексею весьма расположена. Эх, кабы не её деньги... Могла бы быть славной спутницей жизни; а нищему к таким свататься негоже!

Рассупониваться было нельзя — начальство торопило с возвращением. Проездом в Москве Лыков посетил флигель на углу Моховой, передал Надежде Ламановой прощальную записку от Челубея. Слез её видеть не смог; сбежал при первых всхлипах. Ну, служба...

Глава 35

Урок великому князю

Когда взволнованный Благово принес Енгальчеву расшифрованную телеграмму от Лыкова, тот как раз дочитывал показания отставного артиллериста Дегаева. На лице начальника разведки застыла брезгливая гримаса, как будто он по служебной необходимости копался рукам в дерьме...

Пробежав текст телеграммы, Енгальчев зло и сильно шмякнул кулаком по столешнице:

— Етишкин арбалет! Значит, всё-таки Владимир Александрович. Любимый брат...

Генерал и сыщик долго молчали, потом генерал с тоской в голосе спросил:

— Как ему об этом сказать?

— А как не сказать?

Опять помолчали. Наконец Енгальчев кликнул адъютанта, спросил чаю с бергамотом и стал рассуждать:

— Ладно, Паша — сопли в сторону. Задумано неплохо. Гвардия пойдет за своим корпусным командиром, а армейскую кавалерию, в которой столько недовольных «драгунской реформой»^[176], он подкупит реставрацией прежних порядков. Что мы имеем? Доказательного — ничего. Челубей имени великого князя не называл; да он его и не знает. Детально извещён только Лобов, ибо он мог ввязаться в это висельное дело лишь получив гарантии из первых рук. Если мы арестуем твоего «короля», он назовет нам под протокол своего августейшего конфиденанта?

— Ни за что. Иначе он не стал бы тем, кем стал. Лобов всех меряет ниже себя и нас с тобой, Иван, тоже. Этот человек находится уже на самом дне пропасти; ниже падать просто некуда — а ему там комфортно... Там, на дне, своя мораль, особенно в том, что касается сотрудничества с властью. Проиграть можно, сдаться нельзя!

— Понятно. Кто ещё доподлинно знает об участии великого князя в заговоре? Судейкин. Взять его, сукина сына, и прижать к стене!

— А чем ты его прижмёшь, Иван? — возразил Благово. — Прямых улик против него в этом деле нет. С Владимиром они, скорее всего, договорились так: Судейкин всё придумал и предложил, а князь молча

кивнул. То же и с англичанами: там, где можно не договаривать до конца, улаживают с полуслова и ждут, как пойдет дело. Чтобы в случае чего иметь возможность сказать: а я здесь при чём? Георгий Порфирьевич не дурак, чтобы подписывать себе смертный приговор признанием в причастности к подготовке цареубийства. Даже письменным показаниям Дегаева, что подполковник подбивал его взорвать министра внутренних дел, наверху могут не поверить; а уж насчет великого князя... Но есть один человек, который весьма осведомлен о нашем деле.

— Да. Пан Збышко-Загура. Я, кстати, выяснил кое-что о его родословной. В бою 29 июня 1863 года около деревни Лявково была рассеяна шайка мятежников под командой Августа Шимкевича; сам он при этом был убит. Настоящая фамилия того Августа — Загура.

— Отец?

— Старший брат.

— Так что же — обычная месть?

— Сейчас узнаем. Ротмистр Несвицкий!

Вошёл молодой офицер — спокойный, подтянутый, с аннинским темляком на эфесе сабли.

— Доставьте сюда этого поляка из Охранного отделения, но — тихо и аккуратно.

Ротмистр звякнул шпорами и вышел. Генерал и сыщик сели за чай и обсудили заодно судьбу сэра Адриана Хинтерроу, а так же тщательно продумали, как поступить с Лобовым и его командой. Договорились, что начальник Главного штаба генерал-адъютант Обручев испросит разрешение императора на внесудебное решение этого вопроса, а затем объяснится с графом Толстым. Вся операция будет проведена силами военной разведки, без участия полиции. Попутно будет одобрено государем и, следовательно, легализовано перед министерством сотрудничество Благово с Военно-Учёным комитетом.

Примерно через час в дверь постучали, и Несвицкий втолкнул в кабинет закованного в наручники поляка. Злой, лицо покрыто красными пятнами, галстук уехал на спину... Увидев Енгальчева, арестованный неожиданно успокоился, даже усмехнулся и смотрел теперь на всех уже высокомерно-презрительно.

— Смотри, Паша — перед нами настоящий шляхтич, — недобро сощурился генерал. — Гонор — вот главное национальное богатство Ржечи Посполитой. Лях и умирает, а ногами дрыгает...

— Да. А унижать связанного человека — вот любимое занятие русских генералов, — отрезал Збышко-Загура. — Потому, как безопасно —

в морду не дадут.

И Енгальчев сразу осёкся.

— Вы знаете, за что вас сюда доставили? — спросил у поляка Благово.

— Не имею понятия. Точно не ошиблись? Я коллежский советник, старший делопроизводитель Петербургского Отделения по охранению общественного порядка и спокойствия.

— А заодно английский шпион, подготовляющий цареубийство в сговоре с великим князем Владимиром Александровичем руками бандитов Лобова и Пересвета.

Збышко-Загура застыл, как от удара, но уже через секунду его лицо приняло безразличное выражение; он сел без разрешения на стул.

— Как видите, мы знаем всё. И про вашего начальника подполковника Судейкина. И про сэра Адриана. Даже про поручика Громбчевского, такого же, как вы, предателя. Планам вашим не суждено сбыться, Загура. Выражаясь проще — всё кончено.

Поляк молча и равнодушно смотрел в стену.

— По законам Российской империи за приготовление к цареубийству полагается смертная казнь через повешение, — вступил в разговор Енгальчев. — Вы можете спасти себе жизнь — тюрьмы, понятно, не избежать, но жизнь! слышите? жизнь ещё можно сохранить. Если дать полное признательное показание. Особливо про великого князя.

— Я человек поржёндный... как это по вашему? порядочный. Знал, на что шёл и приму то, что заслужил по вашим законам. А показаний никаких от меня не получите!

— Вы действительно готовы умереть? — в упор спросил Благово. — Вот так, без дураков? За честолюбца Судейкина, негодяя Владимира Александровича Романова?

— Я думал, вы умнее, господа, — брезгливо скривился поляк. — Плевал я и на них, и на вас. На всю вашу немытую Россию. Я готов умереть за свободу моей любимой Польши, и будьте спокойны — сделаю это достойно. Когда-нибудь — пусть я до этого не доживу — поляки сбросят русский хомут со своей шеи. Еще лет двадцать, много тридцать, и это случится. Вы погубите себя сами. Извне Россию не победить, но в этом и нет нужды: вы, русские, сделаете всё за нас. Те силы, что убили Александра Второго, восстановят своё влияние. Ведь опасны не они, террористы-одиночки; их можно перебить. Опасно общество, в котором не модно быть патриотом. Опасны ваши дураки-либералы, которые обаяние царского имени вымазывают в грязи прозападных идей. А когда они раскачают народ... О! Вот тогда всё и случится. Народ перережет

либералов, а заодно и вас, охранителей трона, и примется делить богатства. Поровну, по-русски, ха-ха... А мы, финны, кавказцы — просто заберём свои вещи и уйдем жить своим домом. Без вас и вашего грязного народа. Главные враги России — сами русские; вам даже не нужно помогать, достаточно просто не мешать.

— Что ж, значит, вы готовы умереть, — констатировал Енгальчев, на которого страшные предсказания Збышко-Загуры не произвели ни малейшего впечатления. — Признаться, не удивлён. Красиво умирать, желательно на публике — это единственное, что поляки умеют делать хорошо. Вот методично и упорно трудиться, созидать, медленно-медленно, часто по колено в дерьме возводить просторный светлый дом — это не шляхетское дело. Вам бы чего побыстрее... Жить, пане Збышко, народы, как и люди, должны по средствам. Россию, верно, победить нельзя; поэтому она и ведет себя, как великая держава. Имеет на это право! А если вашу Польшу все, кому ни лень, извините за выражение, двести лет пользовали как хотели — так то вина не наша, а ваша. И вести себя в сообществе наций следует сообразно своему реальному весу. Не может карлик во всем быть равен великану — так не бывает. А вы мечтаете о том, чего не может быть по определению, воняете на весь мир про русский хомут на вашей шее, и красиво умираете. Ещё любите резать русских солдат спящими, сдирать кожу с пленных... Это по вкусу карликам, это тешит их карликовое самолюбие. И вообще — хватит болтать! Показаний не будет?

Поляк улыбнулся молча и презрительно.

— Несвицкий!

Вошел ротмистр.

— Устроить несчастный случай. Ну, там... дышлом в висок, или ограбили-зарезали; сами решите.

Остававшись одни, генерал и сыщик долго молчали. Первым заговорил сыщик:

— Согласись, это вызывает уважение.

— Вызывает, безусловно. Человек готов отдать жизнь за идею, и идея эта — независимость его Родины. Но для нас он враг. Жаль, ей-Богу, жаль; могли бы быть добрыми соседями.

— Нам придется оттуда уйти, рано или поздно. Россия словно заглотила в себя инородное тело, и оно теперь распространяет вокруг себя яд. Ни нам не по вкусу, ни им. Когда-нибудь Польша разорвёт нам брюшину и выйдет наружу; вот только выживет ли после такой операции Россия?

— Перестань пророчить и философствовать. Ты понимаешь, что он соскочит? У нас на него ничего нет, ничего! Судейкин, Лобов, этот польский герой — мелкие фигуры; мы разделаемся с ними легко. А вот князь... Но кое-что достанется и ему — об этом я позабочусь!

Генерал-адъютант Обручев и генерал-майор Енгальчев прибыли во Владимирский дворец в девять часов утра. Бало ещё рано, тихо и пусто; за окнами просыпалась Нева, по коридорам мрачного дворца расходились полотёры.

Великий князь встретил визитеров в обыденном мундире, с шейным Владимиром с мечами и с Георгием 3-й степени. Ему только что позвонил государь и велел принять посетителей, которые передадут его личное устное повеление. Хозяин дворца был встревожен, но пытался не подавать вида.

Весь разговор проходил стоя.

— Ваше высочество, — начал Обручев, — известны ли вам такие фамилии: Судейкин, Збышко-Загура, Хинтерроу, Лобов?

— А в чем, собственно, дело, генерал?

— Это не мой вопрос, ваше высочество; это вопрос его величества.

— Ах, да; он мне телефоновал... Извольте: с подполковником Судейкиным я иногда встречаюсь по службе моей командующим гвардией и округом; прочие фамилии мне неизвестны.

— Неизвестны?

— Да, неизвестны.

— И по поводу концессии на реке Шал-Тэ вы ни с кем не говорили?

— Какой реки, генерал?

— И Кашгарию ни с кем не делили в последнее время?

— ?

— И дом номер семь в Упразднённом переулке никогда не посещали?

— Адъютант! — крикнул Владимир Александрович. — Ко мне!

Тот час же распахнулась дверь и вошёл подполковник Воейков. Обручев повернулся к нему и рывкнул, как ротный командир на плацу:

— Пошёл вон!

И Воейков пулей вылетел обратно в приёмную.

— Ваше высочество, нам всё известно, — ровным голосом начал Енгальчев. — И не только нам, но и... Доказательств, конечно, никаких; в этом отношении вы можете быть совершенно спокойны. Но его величество распорядились заменить ваш состав адъютантов. Полностью. А так же весь ваш малый двор. Полностью. И штат прислуги. И штаб Гвардейского

корпуса. И штаб Петербургского военного округа в полном составе. От себя хочу добавить, что это навсегда. Мы состаримся и уйдём в отставку; состарятся ваши новые адъютанты; вымрет прислуга. Но для вас ничего уже не изменится. Я или мой преемник всегда будем знать обо всём, даже, извините, о том, как у вас с пищеварением. Чтобы впредь было невозможно то, что вы посмели замыслить. Честь имею!

Генералы высокомерно, с презрением кивнули и молча вышли, грохоча по паркету сапогами. В приемной застыл растерянный подполковник Воейков с телефонной трубкой в руках.

— Войдѣшь через пять минут, — приказал ему Енгальчев. — Пора тебе в строй, ох, пора... Как раз освободилась вакансия батальонного командира. На Мангышлаке.

Снял с вешалки шинели с папахами — свою и Обручева, и они ушли, одеваясь на ходу.

Глава 36

Зачистка

Хинтерроу вышел из «Золотого якоря» в первом часу ночи в игривом расположении духа. В обед он выиграл в собрании «жёлтых» кирасир четыреста рублей у флигель-адъютанта Чингиз-хана (потомка!), а за ужином договорился с певичкой Анхен о встрече завтра в номерах Геростратова. Извозчика у входа не оказалось, почему-то, ни одного. Выругавшись, сэр Адриан пошёл по набережной Фонтанки на биржу, раскуривая по пути сигару. Вдруг чья-то крепкая рука схватила его за воротник и втокнула в подворотню. Три рослые фигуры со всех сторон обступили англичанина, прижали к стене и бесцеремонно обыскали. Отобрали часы, бумажник и серебряный папиросник, да ещё и дали в ухо, чтобы не кочевряжился.

— Запонки посмотри... и булавку на галстухе, — хрипло посоветовал левый. Тот, что держал Хинтерроу за грудки, дыхнул на него сложным амбрэ табака, водки и лука, и зашарил по манишке. Вдруг отошла туча и луна, пробившись в подворотню, осветила лица «дергачей». Сэр Адриан увидел бородатых, свирепого вида субъектов, и даже разглядел приметный шрам на щеке главаря.

— Всё, Серёга, он нас срисовал! — зло прошептал тот, что справа. — Говорил тебе — башлык намотай; так лень!

— Гля, а он иностранец, — выдохнул левый, — эдак нас всех за Бугры пропишут.

— Не пропишут, — угрожающе отрезал главарь, двинул плечом, и лезвие ножа уперлось англичанину в кадык. Он было дёрнулся, но его крепко держали за руки.

— Серый, может, не надо? Следствие начнут...

— Я те дам «не надо», еловая башка! При ём такие финажки — враз заложит. А так — не заложит...

Хинтерроу почувствовал, что острое лезвие стало медленно входить ему в гортань. Он пытался закричать, но ему зажали рот. Мочевой пузырь англичанина самопроизвольно опорожнился, в глазах полыхнуло красным, и вся его жизнь в один миг промелькнула в мозгу, отчаянно сопротивляющемуся безысходности и неотвратимости смерти. Конец! ему конец! Господи...

— Эт-т-та что такое! — неожиданно раздался с тротуара властный голос. — Немедленно прекратить!

Лезвие, словно нехотя, отстранилось, громилы чуть отступили, но рук не убрали.

— Ты, твое благородие, шёл бы отседова, — недобро ощерился на отважного господина главарь, — не ровен час, и тебя забрызгает. А мы уж доделаем, чево решили!

— Я тебе не «благородие», а «ваше превосходительство», сукин ты сын! — рывкнул неизвестный и смело шагнул в подворотню. — На каторгу торопишься? Соскучился уже?

— Серёга, — громким шёпотом сказал хриплый, — остынь покуда. За генерала много дадут; не режь!

Начавший приходить в себя Хинтерроу с удивлением узнал в своём внезапном спасителе генерала Енгальчева.

— Отойдите, я с ним поговорю! — повелительно сказал тот, и «дергачи» неожиданно покорно отошли на несколько шагов, но там остановились и далее не уходили, смотрели.

— Сэр Адриан, я вижу, вы меня узнали.

Англичанин молча кивнул, косясь затравленно на бандитов.

— Помните, на Пасху я говорил вам, что Петербург опасный город. Особенно для шпионов. Почему вы не уехали?

— У меня... у меня... дела, которые ... я не мог сразу...

— Какие такие дела, Хинтерроу? Какие дела могут быть важнее жизни? Опомнитесь. А если бы я сейчас не проходил случайно мимо?

— Так это ваша инсценировка, генерал?! — внезапно понял англичанин, и осознал всю унижительность для себя ситуации с мокрыми брюками. — Вы... вы за это ответите!

Енгальчев усмехнулся:

— Я отвечу? Ну, нет. Это вы сейчас ответите, причем сразу на все вопросы, которые у меня к вам накопились. Вопрос первый: от кого вы получили чертежи подводной лодки Дворжицкого?

— Подлец! Я не буду ни на что отвечать, а вы и ваш император дадите во всём отчет короне!

— Как вам будет угодно, сударь; в Фонтанке места много, — сухо поклонился генерал, развернулся и пошёл прочь. А трое бандитов — или не бандитов? — снова обступили Хинтерроу. Главарь вынул свой страшный нож, хриплый — гирьку на ремне, а третий — молоток на длинной ручке. И тут сэр Адриан отчетливо осознал, что сейчас его убьют уже без дураков. А кто там даст отчёт короне, и даст ли вообще — об этом он уже не узнает...

— Господин Енгальчев! — взвизгнул он, совсем, как поросенок на бойне, — Стойте! Вы меня не так поняли!

Но тот уходил, не замедляя шага и не думая оборачиваться. Громила со шрамом занёс уже руку; звенел ремень, так стремительно вращая гирию, что она слилась в один сплошной чёрный диск.

Хинтерроу в отчаянии упал на колени и простёр руки к удаляющемуся генералу:

— Ваше превосходительство!! Простите!! Всё, что угодно, всё, всё!!

Енгальчев, наконец, остановился, но не оборачивался. Он стоял, как бы раздумывая: всё-таки уйти или вернуться? Прошло несколько ужасных для англичанина секунд. Его цепко держали за ворот, нож опять упирался ему в горло; бандиты смотрели в спину генералу и только ждали сигнала, того или другого. Неужели конец? ах он, дурак...

Енгальчев всё-таки обернулся.

— Ну? Первый вопрос.

— Старший чертёжник Главного инженерного управления Военного министерства Цимбалеви́ч, ваше превосходительство!

— Ещё один поляк... А кто в Главном штабе? Я имею в виду план строительства крепостей на западной границе.

— Ротмистр Довбор.

— Довбор-Мусницкий?

— Точно так, он самый!

— Опять ясновельможный пан. А в МИДе? Живей, Андрюшка!

— Титулярный советник Никитин.

Енгальчев кивнул головой — англичанина сразу же отпустили — и пошёл прочь; трое громил заторопились следом. Все сели в одну карету; когда отъехали, генерал сказал:

— Да, запашок ещё тот. Обделался наш британский лев. Качественно ты его, Виктор, напугал! Пари держу — всю свою жизнь вспомнил.

— Его бы за такие дела натурально надо было в Фонтанке утопить, — хмуро ответил Таубе, сдирая со щеки приклеенный «шрам». — Готовить цареубийство в стране пребывания...

— Хинтерроу нам полезнее живой. Он же не станет докладывать начальству, как с перепугу заложил всю агентурную сеть... Значит, останется и сама сеть. Тогда мы сможем качать через неё на Альбион ложные сведения. А когда объем нашего вранья станет значительным и нанесет англичанам уже большой ущерб, ты поедешь в Лондон и напомнишь сэру Адриану его сегодняшнюю откровенность.

— А что вы решили с Громбчевским?

— То же самое. Мы его... повысим. И в звании, и в должности. Засиделся он уже в поручиках.

— Второй канал для ложных сведений?

— Да, подтверждающий первый; иначе не поверят. Начнем растить из поручика генерала — пусть он сделается для англичан сверхценным агентом! Мы начали сейчас, Виктор, операцию на десятилетия вперед. Доделывать это придется уже тебе: я не доживу. Генерал-адъютант Обручев согласовал вчера у государя твою кандидатуру как моего будущего преемника. Начинай входить в дела; хватит тебе бегать с револьвером, пора воевать головой...

Теперь о завтрашней операции. Мы выяснили подлинную личность Лобова и нашли человека, знавшего его смолоду. Настоящие его имя и фамилия — Архип Шеломаев, личный почетный гражданин города Новоузенска Самарской губернии. Сын уважаемого купца. Когда ему едва стукнуло восемь лет, он умышленно, за мелкую обиду, спалил соседский дом. Отец едва откупил в тот раз Архипку от исправительно-воспитательного отделения за большие деньги^[177]... Тогда уже этот человек не признавал ни в чём себе отказу. Общество считало это отроческим капризом, особенностью характера; полагали, что жизнь научит сдерживаться. Но Шеломаев показал, что сдерживаться он не собирается. Пятнадцати лет отроду влюбился без памяти в дочь местного исправника, умницу и красавицу, но был прогнан ею со смехом. Когда исправник по службе уехал в дальнюю волость, мальчишка забрался к нему в дом и убил мать и дочь. Топором. И сбежал так, что его не сыскали. У несчастного отца отнялись после этого ноги. Он жив до сих пор; ему восемьдесят семь лет. Когда узнал, что мы нашли Шеломаева-Лобова, очень просил привезти его сюда. Поглядеть этой гниде в глаза... Так что, Виктор — уважь старика. И ещё. Послезавтра 21 сентября; Пересвет пойдёт за новой добычей, чтобы убить дополнительно две живые души, мать с будущим дитятей. Прикончи эту сволочь.

Холодным сентябрьским утром, когда было ещё темно, Упразднённый переулочек закупорили с обеих сторон два длинных закрытых диллижанса. Копыта лошадей были обмотаны тряпками. Из диллижансов без шума высадились стрелки роты по охране учреждений Военного министерства, и рассредоточились по переулку. Они выставили посты около тех домов, где, по сведениям, проживали люди петербургского «короля», и приняли оружие наизготовку.

Непосредственно к воротам лобовского дома подошли четверо: майор

Таубе, штабс-капитан Сенаторов, ротмистр Несвицкий и поручик Артлебен. Все, кроме барона, были в панцирях офицерского образца, но без шинелей и без сабель, только с револьверами в кобурах. На груди у майора тускло блеснул Владимир с бантом.

В это же время в кабинет к министру внутренних дел входил Енгальчев. Граф Толстой начинал свой рабочий день в семь часов утра, раньше всех в столице, и был удивлен появлением генерала без предварительной записи. Он, разумеется, знал о характере службы этого человека, поэтому сразу понял, что ничего хорошего сейчас не услышит.

— Прочтите, ваше сиятельство, — протянул генерал министру четвертушку бумаги. Там, хорошо знакомым Толстому почерком, было написано:

«Д.А.

Дело об убийствах в Петербурге беременных женщин, что я поручал Вам в мае месяце, передать военной разведке. — В их распоряжения не вмешиваться, но всячески содействовать. — Я принял решение о внесудебном решении данного вопроса.

Благово, и особенно Лыкова наградить.

А.»^[178]

— Что требуется от меня? — спросил Толстой, убирая записку в стол. — Кроме наград моим подчинённым...

Начальник разведки посмотрел на каминные часы.

— Через пятнадцать минут начнётся штурм одного дома в Коломенской части. Требуется не мешать.

Граф звонком вызвал знаменитого Романченко, бессменного секретаря четырех последних министров внутренних дел.

— Немедленно соединить меня через телефон с градоначальником... Что ещё, генерал?

— Скоро с заведующим Петербургским Охранным отделением подполковником Судейкиным произойдет несчастье: его убьёт собственный секретный агент. Прочтите пока признание этого агента, некоего Дегаева.

Толстой взял протянутую рукопись, углубился в чтение и очень скоро его залысины сделались пунцовыми.

...Таубе требовательно стукнул кулаком в калитку один раз. Открывшему её плечистому дворнику без разговоров выстрелил в грудь, перешагнул через упавшее тело. Офицеры ворвались во двор.

— Помните, господа — пленных не брать! Пересвет будет защищать Лобова; эти двое мои, остальные ваши.

И барон кинулся стремительно по чёрной лестнице на второй этаж.

Остальные оперативники рассыпались по дому.

Услышав первый выстрел, Пересвет вскочил с дивана. В последнее время он спал в гостиной, перед дверью в спальню хозяина, не раздеваясь. Лобов тоже завожился у себя, крикнул:

— Посмотри, что там?

И щелкнул курками ружья.

Громила не успел сделать и шага: дверь чёрного хода с грохотом влетела внутрь. В проходе показался молодой офицер с крестом на груди, высокий, стройный, широкий в плечах и узкий в бедрах. Спокойно вошёл в комнату, убрал револьвер в кобуру, снял и положил на горку фуражку..

— Ты, что ли, Пересвет?

— Ага, — сделал шаг ему навстречу гигант, и так же спокойно посмотрел на незнакомца с высоты своего роста.

— От Лыкова тебе привет. Поручил мне оторвать твою тупую башку. Сам не может — едет еще из Сибири; так меня прислал.

— Жив, значит, Лыков? Хитры, собаки...Эх! Ну, он-то наверное бы оторвал, — согласился Пересвет, — здоровый, чёрт; а ты, сморчок, куды полез? А полез — держись!

Он без дальнейших разговоров прыгнул на офицера и нанес ему страшный удар в голову. Но не попал. Таубе нырком ушел ему под руку, одновременно его кулак описал дугу и ударил великана под сердце.

На этом схватка закончилась. Майор отошел к горке, не спеша надел фуражку, глянул на Пересвета. Тот стоял посреди комнаты и тщетно пытался рассмотреть свои ладони — он их не видел. Всё вокруг словно заволгло туманом. На ватных ногах ученик басонщика медленно отошёл в угол и сел там. Белое в глазах сменилось красным, в ушах гудело. Откуда-то издалека до него донесся едва слышный голос:

— Эй, Пересвет! Пересвет!

— Чево? — спросил он, слепо озираясь.

— Ты людей-то много убил?

— А... люди — мусор...

— Понятно. Ну, приготовься — они там тебя ждут.

Таубе отвернулся от умершего Пересвета, прислушался. Внизу под ним хлопнул выстрел, затем второй, слышался топот ног; его офицеры зачищали дом. Барон подошёл к лобовской спальне, стал сбоку и ногой толкнул дверь. Изнутри гроыхнуло, и заряд волчьей дроби разнёс зеркало напротив. Таубе прижал пальцы левой руки к виску, постоял так секунду и резко присел. Второй заряд пробил тонкую перегородку навывлет, картечь прошла над самой фуражкой.

Майор вынул из кобуры револьвер и шагнул в спальню. Лобов, полуодетый, стоял с дымящейся двустволкой в руках и смотрел на него с ненавистью.

— Загрызу сволочь...

— Здорово, Шеломаев.

Лицо петербургского «короля» дрогнуло, стало растерянным.

— Старик исправник ещё жив; просил передать вот это...

Таубе выстрелил бандиту прямо в сердце; того отбросило на стену, но он устоял.

— ... а его императорское величество — вот это.

Вторая пуля разнесла Лобову-Шеломаеву голову.

Через минуту на дворе сошлись все четверо офицеров. У Сенаторова ухо висело на лоскуте кожи, кровь бойко лилась на шитый золотом погон. Его перебинтовали, затем команда Таубе уселась в закрытую коляску и быстро укатила. В городе начало уже светать.

Глава 37

Возвращение

Уже на следующий день, как оказался в Петербурге, Лыков поехал в Упразднённый переулок. Он сразу почувствовал, что отношение к нему в Департаменте полиции изменилось. Извлечения из многостраничного рапорта Алексея о перенесённых приключениях были представлены государю, и тот изволил начертать на полях: «Достойно наивысшей похвалы». В самый день приезда сыщика принял и обласкал министр. Плеве загадочно улыбался и сочинял наградную реляцию удалому коллежскому асессору, а уж Благово ходил вокруг своего ставшего знаменитым ученика кругами и всё пытался его подкормить. Сам Павел Афанасьевич тоже был у государя на виду и даже удостоился личной аудиенции; ходили слухи, что ему дадут ключ.^[179]

Наверху было признано, что именно Лыков, с риском для жизни совершивший полугодичную командировку в Забайкалье и Манчжурию, выяснил заговор с целью цареубийства. Благово кстати напомнил про февраль 1881 года, когда Алексей пролил свою кровь, спас от покушения в Нижнем Новгороде предыдущего императора, но награды за это так и не получил. Сыщика ожидало какое-то серьёзное отличие; пока же дело, которым он занимался, было строго засекречено — ещё не все его фигуранты ответили за содеянное... В частности, Корпус жандармов и столичное градоначальство были в полном неведении относительно операции разведки и участия в ней некоторых чиновников Департамента полиции.

Одним из неожиданных следствий опасной командировки стали предложения МВД по административной реформе. Товарищ министра Иван Петрович Дурново спрашивал мнения Алексея: не стоит ли разделить генерал-губернаторство Восточной Сибири на Сибирское и Амурское, с целью улучшения управления огромными территориями.^[180]

И, наконец, Лыкову дали три дня отпуска и выделили служебный экипаж. В нём сыщик и подъехал к дому Озябликова, как только смог освободиться от всех важных аудиенций. На углу Упразднённого переулочка и Витебской улицы он увидел городского; этого раньше не было. Получалось, что он словно бы караулит Власа Фирсовича.

В доме было тихо, как при покойнике. Сожительница Озябликова,

осунувшаяся и подурневшая, с синими кругами под глазами, не спрашивая, отвела Алексея к хозяину, как будто его ждали. Со времени штурма дома Лобова минуло три недели; по словам Благово, отставной штабс-капитан за это время ни разу не вышел на улицу, зато зачастил доктор. Из всего воинства питерского «короля» Озябликов остался один: кого не застрелили разведчики, тех арестовала полиция.

Лыков входил к другу своего покойного отца с тяжёлым сердцем. Он не мог отпустить его, как отпустил Челубея — не ему решать такой вопрос. Но даже будь его, Лыкова, воля, он не простил бы этому человеку его преступления. Как мог боевой офицер, дававший присягу, дойти до участия в покушении на государя? Поэтому, когда коллежский асессор ступил в знакомый кабинет, лицо его было печальным и суровым.

Влас Фирсович лежал на диване в шлафроке; грудь его была перебинтована, в комнате остро пахло лекарствами. Совсем неподвижные, исхудалые восковые пальцы, едва заметное дыхание, провалившиеся вглубь черепа глазницы. Разительная перемена произошла с бывшим начальником лобовского штаба: за те шесть месяцев, что они не виделись, он состарился лет на тридцать. Было шестьдесят — крепкий, уверенный в себе человек, с твердой походкой и ясным пониманием жизни. А теперь — девяносто; дряхлая развалина, живой труп.

Услышав шаги, Озябликов нехотя приподнял веки, увидел Алексея — и весь дёрнулся и даже попытался приподняться на локте.

— Жив!..

Лыков мигом подсел к больному, взял его бессильную ладонь в свою руку:

— Как же так, Влас Фирсович? Что это такое?

— Ты жив... слава Богу!.. Вот, Алеша... — хрипло, чуть слышно сказал Озябликов, — съел... сам себя съел изнутри... Застрелиться хотел, когда случилось... дочерей пожалел — они у меня сильно верующие... Но всё равно убил себя, только медленно, мучительно... терзаниями запоздалыми убил... что на государя посягнул... а когда Елтистов в Сибирь уехал тебя стрелять... отпустил его, не придушил... а мог... Побоялся, себя пожалел... а когда телеграмма от кержака пришла, что ты убит — плакал тайно... А ты живой... Это подарок... лучший мне подарок перед смертью! Спасибо, что пришёл, не побрезговал... Обманул, значит, этих? Молодец... А что Челубей — тоже живой?

— Жив и здоров. Я отпустил его в Америку. Его взаправду чуть не убили, не я, а люди Бардадыма. Мы их там выжгли, весь гадюшник, подчистую... Одна девушка, чеченка, его выходила, с того света вернула.

Они вместе уехали; начнут там новую жизнь — Бог им в помощь.

— Хорошо... А Елтистов?

— Стрелял мне в спину до трёх раз. Я был в бурке.

— Эх, вольно-оправится... — усмехнулся кончиками бесцветных губ штабс-капитан. — Кассир — он и есть кассир... А я умираю. Я ещё тогда хотел умереть, в ту ночь... Схватил револьвер и выскочил на улицу; пусть в бою убьют... А там солдаты... Не мог. Были б полицейские — ты уж извини меня, Алеша — я бы смог, и погиб бы там... а в русского солдатака стрелять рука не поднялась... Вернулся в дом... ждал, ждал... а ваши всё не идут... От ожидания этого и заболел... Тюрьмы боялся, на старости-то лет... и перед дочерьми стыдно... А потом стыдно стало за другое: что сына своего единственного друга убить дозволил... а тут Бог услышал... услышал...

И вдруг испугался:

— Ты не арестовать ли меня пришёл?

Вцепился слабыми пальцами в ладонь Алексею, задрожал, как в ознобе.

— Нет, нет, — поторопился успокоить его Лыков, — в таком состоянии арестовывать нельзя, я начальству объясню! Живите дома, сколько получится. Никто вас не тронет, обещаю.

— Спасибо... Скорей бы уж, Алеша... Устал... А всё хороший нынче день; помирать уже можно — ты живой... Ты простил ли меня?.. Прости, Алеша... прости, ежели можешь...

Алексей молча, по-сыновьи, поцеловал Озябликова в жёлтый лоб, перекрестил и вышел.

Вечером того же дня Влас Фирсович умер. Лыков приехал на отпевание. Вдова рассказала ему, что после его ухода и до самой своей смерти муж был, не как в предыдущие дни. Он заметно воспрял духом, скушал куриного бульону и велел позвать священника. Исповедовался, соборовался, простился с ней и с дочерьми — и благостно преставился. Так и сказала... Благостно и в душевном спокойствии. Она так устала три недели наблюдать, как от непонятной болезни угасает близкий ей человек, и хотя бы христианский конец его смягчил немного эту боль. Предсмертную душеспасительную в Озябликове перемену вдова отнесла к появлению Лыкова — и не безосновательно — и очень была ему за это благодарна.

— Так всегда богохульничал и ругался, мучал нас этим, и ничего поделать было нельзя, только молиться за него. А поговорил с вами — и к Богу-то и возвратился! Спасибо вам, Алексей Николаевич.

Похоронили старого штабс-капитана в Зимнюю Казанскую^[181] на Богословском кладбище, среди могил умерших в Военно-сухопутном госпитале офицеров. Погребли его торжественно, с протоиреем, четырьмя табуретами для орденов, катафалком и покровом первого разбора. Лыков про себя решил поставить Власу Фирсовичу на собственные средства памятник. Хотя Озябликов и отпустил негодяя Елтистова его, Лыкова, убивать — совесть его того не выдержала и сгубила порядочного в душе человека... Дело было ещё в том, что теперь Алексей стал богат. Там, на Нижней Каре, он сдал в казну двадцать два пуда золота, найденного им в подвалах «губернаторского дворца». Под слоем углей обнаружилась потайная комната со станком, а в ней — огромные сокровища сибирского Аль-Рашида. По закону, Лыкову полагалась треть от стоимости возвращённого; выходило на круг девяносто семь с лишним тысяч рублей. Алексей уже выделил хорошую сумму сестре в приданое, и теперь подбивал Павла Афанасьевича съездить на его счёт месяца на три на Платтенское озеро^[182], подлечиться. Учитель стеснялся, отказывался, но начал уже потихоньку поддаваться (со здоровьем у него становилось совсем плоховато).

Лучше же всего получилось с Варенькой Нефедьевой. Нижегородская любовь Лыкова, наследница огромного имения, стала теперь для коллежского советника не столь далека и недоступна. С таким капиталом Алексей решился вторично навестить барышню и даже испил у неё чаю. На неуклюжие расспросы его про женихов, Варенька подняла на Лыкова свои дивные серые глаза и сказала:

— Какие ещё женихи, Алексей Николаевич? Я же сказала, что буду вас ждать; вот я и жду.

От таких слов отважный сыщик совсем смутился и дал стрекача, но встреча с Варварой Александровной теперь грела его. Хогешат же вся осталась в прошлом, как сон. Ой, пора, пора собирать сватов...

Почти полгода Алексей ходил по ножу, ежедневно рискуя быть разоблачённым и зарезанным. Теперь он заново осваивал прежнюю жизнь столичного чиновника. Так непривычно было чувство покоя и защищенности! Можно почитать дома на диване новый роман земляка Боборыкина. Можно попить в гостях у Благово чаю «кохусин розанистый» и побороться с его могучим Василием Котофеичем. А потом скататься в воскресенье в невыносимо красивый осенью Павловск. Или сходить в Мариинку. Хорошо... Он, Лыков, проехал и прошагал по высочайшему повелению пятнадцать тысяч верст, переплыл Амур и побывал в Китае,

столкнулся с сотнями новых людей. Шесть раз его пытались убить — то московские бандиты, то кавказский абрек, то сибирские варнаки. Из Питера специально был послан человек, чтобы выстрелить Алексею в спину. А он жив и даже не был ранен! Нашёл и потерял нового друга и любимую женщину. Спас от гибели царскую семью. Перебил, выполняя поручение, два десятка человек — и всем им гореть в аду. Сделался материально независим. В целом, неплохо... Скоро, конечно, опять что-нибудь свалится на голову; долго ему ещё, по морской терминологии Павла Афанасьевича, кренговать и найтовить ^[183] всякую нечисть — но пока можно отдохнуть.

Вечером после похорон Озябликова Лыков и Таубе увлечённо сворачивали целковым головы. Они сидели в «Медведе», в отдельном номере, пили коньяк и хорошо молчали. Говорить не хотелось — было покойно и уютно. Виктор получил полчаса назад от Алексея дневник своего отца. Он был ошеломлён этой неожиданной находкой: начал было листать, потом закашлялся, шмыгнул не по-баронски носом и поторопился спрятать старую тетрадь во внутренний карман мундира. Сказал скупно:

— Я не знал его совсем; он оставил нас, когда мне было два года. От отца не уцелело даже записки — мать всё уничтожила. Я прочту это потом, один...

Снова помолчали, потом вспомнили про вензеля и ещё раз выпили за них. Военный министр Ванновский только что выхлопотал барону звание флигель-адъютана. Это была высокая по нынешним временам награда. Александр Второй успел наплодить 396 «флигелей», чем совершенно обесценил это звание. Нынешний же император жаловал с большим разбором (Таубе оказался всего тринадцатым), и отличие являлось выдающимся, к большому удовольствию Виктора.

Затем поговорили о Буффалёнке и его будущем в России. Таубе неожиданно предложил взять его под свою опеку в военную разведку. Пообтесался за границей, знает английский, как родной... Готовая легенда для долгосрочной засылки. Барон употребил загадочное слово «нелегал». Лыков не знал, что оно обозначает, но спрашивать постеснялся. Пробурчал только: «пусть чуток подрастёт». Выпили за Буффаленку и снова замолчали.

— Эх, Лёха, остался ты опять без жены, — лениво съязвил, после долгой паузы, новоиспеченный флигель-адъютант. Сыщик ещё за жарким излил ему историю о своей неудавшейся любви к прекрасной чеченке, а тот запомнил.

— Что же делать, ежели всех их вот такие, как вы с Челубеем,

разбираете!

— Отговорки, друг мой, отговорки. Лермонтов был очень некрасив: низенький, смуглый, сутулый... неуверенный в себе. А бабы его любили! Не все, правда...

— То Лермонтов. А я Лыков. Ладно, немец-перец-колбаса — выпей лучше с исконно русским человеком!

— А ты знаешь, смерд, что род баронов фон Таубе известен с тринадцатого века? И что бароны мы сразу в трёх ипостасях — римские, шведские и российские. А были ещё и польские...

— Всё равно немец-перец!

— Эх, Лешка — если бы все русские любили Россию так, как люблю её я, фон Таубе, много меньше делалось бы в нашей с тобой стране подлостей и глупостей. Так что, лапоть нижегородский — давай выпьем за Россию!

— За Россию!

Жизнь продолжалась, и служба тоже; враги не переводились, и зло по-прежнему таилось за углом. Обоим им были ещё уготовлены пули, и они об этом знали. И много им предстояло славных и опасных дел, что, в целом, их устраивало — такие были люди...

Глава 38

Смерть Судейкина

Последние два месяца Судейкин много нервничал. Цепь событий, вроде бы не связанных между собой, смущала его. Неожиданно уехал в Лондон Хинтерроу. Правда, в начале декабря появился от британцев новый агент, мистер Мак-Кулох, и всё опять вроде бы наладилось. Но вслед за Хинтерроу пропал верный Збышко-Загура, правая рука, ближайший помощник. Через неделю обнаружился на Горячем поле, под кучей мусора, с проломленным теменем. В сыском сказали: обычное дело, у нас в столице это запросто; будете по ночам шляться где попало, и вас так же найдут...

Неожиданным и самым страшным ударом стало истребление всей шайки Анисима Лобова. Сведения об этом происшествии тщательно скрывались, но подполковник прорвался-таки к Путилину и тот, плотно закрыв дверь, под большим секретом рассказал:

— Мерзавец этот, Лобов, давно уже был у нас на примете. Вы вот не знаете, а я открою: он являлся «королём» преступного мира Санкт-Петербурга! Ни одно значимое преступление в столице не совершалось без его ведома. Но Лобов решил распространить свою власть и на Москву, и с этой целью послал туда двух опытейших убийц. Не слышали об этом деле? Вот, а мы всё знаем! В июне в Первопрестольной застрелили средь бела дня московского «короля» по кличке Анчутка. Стрелявшим удалось тогда скрыться, но московские парни обиделись, провели своё расследование и в точности установили. Ну и... той же монетой! Приехали к нам целой командой, рано утром ворвались в дом к Лобову и всех там кончили, включая даже и канарейку. Когда мы подоспели, там уж одни покойники лежали...

— Что, всех прямо так в мёртвую и положили?

— Всю головку. Лобова самого в первую очередь; потом был там у него некий Чулошников, беглый в розыске — и его. Затем еще Пересвета — это кличка такая, лобовский первый телохранитель. Жуткий громила — каторга по нему давно рыдала... Этот пытался защищать хозяина, но и сам погиб, и Лобова не спас. Ну и там по мелочи, вам их и знать-то незачем: Озябликов, бывший офицер; Елтистов, бухгалтер; дворники...

— И что, никого не поймали?

— Да не больно-то и ловили. Тогда как раз приезжал в столицу наследник королевства Швеции и Норвегии — не до мазуриков было. А по правде сказать, так и черт с ними! Чем больше они друг друга перебьют, тем легче нашему брату, полицейскому. А?

— Иван Дмитриевич, мой агент сообщил, что в этом побоище участвовали солдаты. В форме, с ружьями. Как это может быть?

— Какие ещё, батенька, солдаты? Плюньте вашему агенту в глаза. Деньги, стервец, хочет выцыганить. Мой агент, например, тоже донёс, что видел там монахов. Может, Лавру запросить — не вела ли она каких операций? Я своему дураку затрещину дал и выгнал, и сразу все монахи пропали из донесения; и вам то же советую.

После этого разговора Судейкин вернулся к себе подавленный. Кто же теперь на акт пойдет? Что скажет Владимир Александрович?

Однако великий князь, покровитель и вдохновитель, повёл себя странно. Видимо, он уже знал из своих источников о разгроме банды Лобова, потому, как новость эту, высказанную по телефону, не дослушал, наорал на подполковника и велел ему больше не звонить. И не писать, и не встречаться. Никогда.

Попробовавши, вопреки запрету, всё же увидеться с Владимиром Александровичем, Судейкин натолкнулся на такое металлическое отчуждение и даже ненависть, что опешил и растерялся. Князь грубо прогнал и разве что не ударил его... И это после того, как вместе задумали и раскрутили такое дело!

Посидев и поразмыслив, подполковник понял, что «дело» можно теперь забыть. Заказчик почему-то отозвал свой заказ. А непосредственный исполнитель переоделся в саван... Может, оно и к лучшему? Оставил бы новый император Георгия Порфирьевича в живых после такого? Одного ответа на запрос генерала Черевина о благонадежности Пересвета достаточно, чтобы уничтожить подписавшего его. И если бы Владимир Первый захотел убрать свидетелей... Лучше уж, как и замышлялось изначально, вознести на небо графа Толстого. Занять освободившееся место, убить затем при задержании Дегаева и укрепляться себе потихоньку при нынешнем государе. Быть министром тоже нехреново. А может, и великого князя за компанию шлепнуть? Для спокойствия...

Приняв такое решение, Судейкин незамедлительно начал действовать. Предупредил графа, чтобы тот опасался на приемах дам в муфтах! Якобы получены сведения о готовящемся покушении. А мимо полпивных на Аптекарском острове пусть ездит спокойно... Кстати выехал на родину Дегаев, посланный во Францию с целью заманить в ловушку «последнего

из великих» Тихомирова. Можно было начинать партию и срывать банк.

16 декабря 1883 года Судейкин получил от своего лучшего агента сообщение, что тот прибыл из-за границы с интересными новостями и ждёт его к шести часам вечера на своей квартире на Невском проспекте, 91. Это была вторая квартира Дегаева, имевшая выход во дворе дома 8 по Гончарной улице; в ней он проживал под фамилией Яблонский.^[184] В отсутствие хозяина Судейкин нередко использовал это место в личных целях, а именно водил туда чужих жен. Привратник квартиры, отставной унтер-офицер Суворов был сотрудником Охранного отделения.

В последнее время Георгий Порфирьевич, что-то почуяв, ходил на встречи со своими агентами только в сопровождении телохранителя. Им являлся собственный племянник Константин Судовский, крепкий молодой человек, выписанный для этих целей из Киевского жандармского управления. Инспектору секретной полиции было известно, что революционеры давно хотят его убить. Год назад при разгроме динамитной мастерской Грачевского он обнаружил плоскую бомбу, специально сконструированную для террористики, и одновременно его агента, Осмоловской: она должна была принести её в дамской сумочке на встречу с подполковником. Были и другие попытки. Поэтому Судейкин был всегда настороже, носил постоянно в кармане заряженный револьвер, в руке трость со встроенным стилетом, а под сюртуком — стальную кольчугу.

Однако на этот раз полицейского привратника в квартире (под несчастливым номером 13) не оказалось — Дегаев заранее отослал его на другой конец города с поручением. Вместо него гостей дожидались два террориста, Конашевич и Стародворский, приехавшие с Дегаевым из Швейцарии; они были вооружены кусками разрубленного пополам лома. Как только Судейкин, сбросив шубу в столовой, быстро прошёл в гостиную, его агент выстрелил своему патрону в спину, в упор (пуля пробила печень). После этого Дегаев немедленно выскочил из квартиры в подъезд и убежал, отправившись сразу на Варшавский вокзал. Его поспешность понятна: провокатор вполне обоснованно допускал, что, покончив с жандармами, террористы возьмутся за него.

Судовский в это время снимал шубу в передней. На него налетел из засады Конашевич и первым же ударом свалил юношу на пол. Одновременно в гостиной Стародворский напал на раненого подполковника, но менее удачно: лом скользнул по краю черепа и сломал жандарму левую ключицу. Тот бросился назад, к выходу, но увидел там второго террориста и метнулся в ваттер-клозет. Судейкин пытался запереться изнутри, чтобы достать здоровой рукой револьвер.

Стародворский, не отставая, бегал за ним следом по квартире, нанося обрубком тяжелого лома удар за ударом. Он вышиб дверь в уборную; жандарм, обливаясь кровью, опять выскочил в коридор. И тут убийца попал, наконец, ему так удачно по темени, что инспектор секретной полиции рухнул на пол... Здесь к Стародворскому присоединился из передней Конашевич, добивший к этому времени племянника, и вдвоем они превратили голову подполковника в кровавое месиво...

Довершив убийство, террористы спокойно умылись, почистились и ушли. Явившийся через час с чаем и закусками полицейский служитель обнаружил залитую по щиколотку кровью конспиративную квартиру и два лежащих тела. Судейкин был мёртв и жутко обезображен, Судовский же еще дышал. Его на карете доставили в Рождественский барачный лазарет, где молодой человек успел дать показания, после чего тоже скончался.^[185]

Так закончилась жизнь русского правоохранителя и авантюриста, отца полицейской провокации, гения политического сыска подполковника Георгия Порфирьевича Судейкина.

Послесловие

Так, для кого удачно, а для кого трагически, закончилась совместная операция полиции и военной разведки под кодовым названием «Между Амуром и Невой».

Расскажем теперь коротко о дальнейшей судьбе некоторых участников описанных нами событий.

Сергей Дегаев после убийства Судейкина бежал через Швецию во Францию. В этом путешествии его сопровождал, а больше конвоировал опытный польский боевик Куницкий, имевший приказ от «Народной воли» застрелить Дегаева в случае попытки ареста его властями. В Париже состоялся суд. Патриархи (Тихомиров, Герман Лопатин, Марина Никанорова и кто-то ещё) приговорили изменника, спасшего себе жизнь повторной изменой, к изгнанию в Америку. Департамент полиции объявил награду в 10 тысяч рублей только за сведения о местонахождении убийцы. Дегаева тайно вывезли в Лондон — с Лондона выдачи нет! — и оттуда переправили вместе с женой за океан. Там он стал профессором математики (всё-таки артиллерист) под именем Алегзендер Пелл; умер в 1920 году в городе Вермингтон штате Южная Дакота в возрасте 66 лет.

На похоронах Судейкина полиция арестовала человека, ведшего себя подозрительно; это оказался Степан Росси, член группы приехавших из Парижа террористов. Он и назвал полиции имена непосредственных убийц. Один из них, В.П.Конашевич, вскоре после ареста сошёл с ума и умер в тюрьме. Н.П.Стародворский, давний секретный агент Департамента полиции (!), предупредивший начальство о подготовке покушения ещё из Парижа (сообщение «затерялось»), получил большой срок; потом помилован и внедрён в партию эсеров и в польскую ППС. При жизни так и не был разоблачён, и умер в 1925 году, окруженный почётом «старого революционера».

Император Александр Третий, по рапорту Толстого, назначил вдове Судейкина, оставшейся с тремя малолетними детьми без средств к существованию, солидную пятитысячную пенсию. Один из мальчиков, Сергей, сделался впоследствии знаменитым русским театральным художником.

«Дело Дегаева» сильно подорвало позиции и авторитет «Народной Воли». Окончательно добил её знаменитый Герман Лопатин, приятель Маркса, организатор успешного побега Лаврова и неудачного —

Чернышевского, «светоч революции». В 1884 году он был послан Исполнительным комитетом из Швейцарии в Россию для восстановления партии. Пламенный революционер несколько месяцев ходил по Петербургу, таская в карманах полные списки партийного актива, с адресами и фамилиями (более двухсот человек), даже не зашифрованные. Видимо, полагал, что его, такого опытного конспиратора, полиции не взять — странное убеждение, если учесть, что до этого он уже трижды попадался... Лопатина арестовали прямо на Невском проспекте, списки прочитали, и на этом история «Народной Воли» практически закончилась.

В 1886 году совместной операцией российских и китайских войск республика Желтуга была разгромлена. Президент И.Фашиши успел сбежать вместе с казной. Дальнейшая его судьба неизвестна: может, задрал уссурийский тигр или поймали хунхузы, но вполне возможно, что ловкий адвокат добрался до Америки и умер там богатым человеком. Министр внутренних дел П.Прокудин тоже бежал в тайгу, и тоже с двумя ящиками золотых самородков, но менее удачно. Пашка был выслежен своими многочисленными недоброжелателями, тяжело ранен и ограблен. Умер Прокудин в 1895 году в Благовещенске в бедности и забвении не очень пожилым ещё человеком. Ресторатор Руперт обосновался во Владивостоке; далее следы его теряются.

Комендант Нерчинского каторжного района полковник Н.А.Потулов отмочил такой фортель, что, вставь я его в эту книгу, читатель обвинил бы меня в дешёвом бульварном вымысле. Проиграв в очередной раз провиант на все три тысячи каторжных ртов на полгода вперед, он инспирировал поджог арестантами якобы наполненных запасами, а на самом деле пустых складов. Когда три каторжника по его приказу запалили амбары, полковник набросился на них с саблей; двух зарубил, а третий смог убежать в тайгу. Зная связи Потулова с администрацией всего Забайкалья, этот человек прошёл тайгой до Иркутска и открыл произошедшее только генерал-губернатору Восточной Сибири. Лихой рубака был отдан под суд.

Б.Л.Громбчевский ещё долго вредил России. В 1894 году в должности начальника памирского населения он отвечал за снабжение отряда знаменитого полковника Ионова. Отряду было поручено вернуть из афганской оккупации под покровительство империи княжества Шугнан и Рошан; присоединение их выводило Россию к Индии. Громбчевский сознательно оставил Ионова без фуража и боеприпасов и тем самым сорвал поход. Он служил в Туркестане, затем в европейской части России, достиг звания генерал-майора и должности астраханского губернатора. За антирусские взгляды был в конце концов уволен из армии и доживал свой

век уже в независимой Польше. В возрасте семидесяти лет написал три книги воспоминаний о Кашгарии и Памире, гонорар от продажи которых помог ему не думать о куске хлеба. (Вот бы кто-нибудь перевел их на русский...) В 1925 году вступил в переписку с Ф. Янгхазбэндом, прося его содействия в переиздании своих трудов в Великобритании. Скончался Б.Л.Громбчевский в 1926 году в Варшаве на семьдесят втором году жизни. Благодаря его стараниям и общему дилетантизму российской дипломатии, мы проиграли тогда тянь-шаньскую партию англичанам. Афганистан сомкнул свои границы с Китаем, и образовался тот странный аппендикс на его северо-восточной границе, который, помнится, столь удивлял меня в детстве. Русские так и не получили выхода к Гиндукушу. Сказать по правде, а и хрен бы с ним, с Гиндукушем; в нашей стране всегда хватало собственных, внутренних проблем...

Интересно сложилась судьба Френсиса Янгхазбэнда (в русских документах того времени его именуют Югунсбэнд). В 1891 году разведчик попался: отряд Ионова захватил его возле могилы Базая, на русской территории. Чтобы не ехать под конвоем до Кронштадта, англичанин был вынужден дать слово офицера никогда более не посещать Памира... Янгхазбэнд прославился в 1903 году, штурмом взяв Лхасу и вынудив Далай-Ламу подписать с Британией торговый договор. За эту операцию он был посвящён в рыцари. Под конец жизни шпион сделался мистиком-богоискателем и создал Всемирный Конгресс Верований. Общество, кстати, существует до сих пор: его задачи — сближение разных религий, межконфессиональное общение — актуальны до сих пор. Умер сэр Френсис Эдуард Янгхазбэнд в 1942 году, когда Англия и Россия вместе сражались с фашизмом.

Великий князь Владимир Александрович так никогда и не смирился в душе с тем, что не он занимает трон Российской империи. У него были для этого основания. Когда умер цесаревич Николай Александрович и наследником стал огромный и туповатый медведь Саша, в императорской семье случилась паника. Великая княгиня Елена Павловна, самый образованный член семьи Романовых, приятельница Гумбольта, Бэра и Тютчева, требовала от Александра Второго своим указом «перескочить» через второго сына и назначить цесаревичем третьего, Владимира. И государь всерьёз обдумывал это (зная умственные способности Саши), но не решился обидеть его...

17 октября 1887 года случилась страшная катастрофа: на 277-й версте Курско-Харьковско-Азовской железной дороги, между станциями Борки и Тарновка потерпел крушение царский поезд. 21 человек погиб на месте, 43

получили ранения и увечья. Вся царская семья находилась в этом поезде, включая цесаревича Николая. Из них не пострадал никто, что явилось настоящим, необъяснимым чудом... Вагон столовой, где семья обедала в момент крушения, оказался полностью разрушен, сорокапудовая крыша провалилась внутрь. Говорили, что могучий император удержал её на вытянутых руках и тем спас своё семейство; но это лишь красивая легенда. Просто стены вагона наполовину сложились и задержали падение крыши. Так вот, вся верноподданная Россия бросилась в Петербург выразить августейшему семейству радость по поводу счастливого и чудесного избавления от смерти. Министры, генералы, великие князья прервали отпуска и лечение и приехали в столицу — все. Кроме Владимира Александровича и его супруги. Тот не счел нужным прервать... охоту во французских угодьях своего приятеля А.А.Половцова.

Государственный секретарь Александр Александрович Половцов был самым богатым человеком в России, благодаря своей женитьбе на единственной наследнице барона Штиглица, его воспитаннице М.Июневой. Умный и независимый, он пользовался уважением Александра Третьего. Тот поручал ему многие щекотливые вопросы, которые можно было доверить лишь этому человеку (наподобие реформы, уменьшавшей в будущем количество великих князей и ссорившей его исполнителя со всем царствующим домом). Более того, Половцов приходился свойственником императору, т. к. его жена, уже упомянутая Июнева, являлась внебрачной дочерью великого князя Михаила Павловича, коему правящий монарх был внучатым племянником. И вот 11 ноября 1887 года этот избалованный вниманием императора чиновник является представляться во дворец по случаю возвращения из отпуска, и натывается на неожиданно холодный прием. После короткого и ледяного разговора с государем Половцова грубо выставляют из залы. Гофмаршал князь Владимир Оболенский объясняет ошарашенному магнату, что императорская чета крайне недовольна демонстративным хамством Владимира. Александр Третий, в частности, сказал: «Ведь если бы мы все были там убиты, то Владимир Александрович вступил бы на престол, и для этого тот час же приехал бы в Петербург. Следовательно, если он не приехал, то потому только, что мы не были убиты». («Дневник государственного секретаря А.А.Половцова», И. «Наука», М., 1966 г., т.2 стр.101).

Стань этот человек императором, возможно, многое в новейшей русской истории сложилось бы иначе. На голову выше своего царствующего брата по уму и образованию, пользовавшийся заслуженным

уважением как гвардии, так и интеллигентной части общества, он был сторонником конституционной монархии. Владимир Первый, весьма вероятно, дал бы России сословное представительство на пятнадцать лет раньше Николая Второго. И тогда, как знать — политические партии успели бы окрепнуть, а избиратель приобрел бы привычку бороться за свои интересы законными парламентскими средствами, а не штыками и бомбами... Жаль, что история не знает сослагательного наклонения. И потом — будучи умнее брата, Владимир не обладал его волей и твёрдостью; а мы знаем, до чего довел страну последний — безвольный — самодержец.

Когда Владимир Александрович в 1909 году умер, его вдова, та самая Михень, не прекратила поползновений на престол. Император когда-нибудь, да помрёт. Наследник болен неизлечимой гемофилией, а брат императора, Михаил, потерял права на трон вследствие женитьбы на дважды до того разведенной даме весьма скромного происхождения... Министр юстиции И.Г.Щегловитов по её запросу объяснил великой княгине, что трона Владимировичам не видать, поскольку их мать осталась после венчания лютеранкой. Уже на следующий день после этого разъяснения Мария Павловна приняла православие, и её дети притащили Щегловитову о том справку!

Российским императором в конце концов неожиданно стал сын Владимира, великий князь Кирилл Владимирович. В мутную пору февраля 1917 года, будучи контр-адмиралом и командиром Гвардейского флотского экипажа, он охранял в Царском Селе семью Николая Второго, лежавшую тогда поголовно в горячке. Узнав о революции в Петрограде, великий князь, единственный из всех Романовых, надел на шинель красный бант и повёл экипаж к Таврическому дворцу присягать Думе и Временному правительству. Оставив больных женщин с цесаревичем без охраны, в окружении пьяных дезертиров... Как только Николай Второй узнал об этом, он немедленно помчался на выручку, был блокирован на станции Дно и подписал отречение в обмен на право вернуться к семье. А Кирилл этим поступком спас себя и свою семью: благодарный Керенский отпустил его в Финляндию. И когда все прочие наследники престола, не вешавшие бантов, сгинули: кто в Петропавловке, кто в Екатеринбурге, кто в Алапаевске, Кирилл Владимирович 31 августа 1924 года объявил себя императором в изгнании... Сегодняшние Романовы, считающие себя наследниками российского престола — его потомки.

О ком ещё забыл рассказать? Красавец тобольский полицмейстер, а по совместительству главарь шайки конокрадов, через год после описанных

событий угодил на каторгу. Происшествие это наделало тогда в Сибири немало шума.

Бродяга Цыплов получил свой срок за «политику» и отбывал его на Каре вместе с народовольцами. Продержался с ними несколько месяцев, и написал прошение о переводе его к уголовным — не смог ужиться с «гордостью русского народа». Об Иване Николаевиче Цыплове с большим уважением отзывался в своих воспоминаниях В.Г.Короленко. После революции вскрыли полицейские архивы и выяснилось, что храбрый бродяга был секретным осведомителем «охранки»...

Следы военно-топографической экспедиции, пропавшей в окрестностях Шайтан-озера, так никогда и не были отысканы, хотя власти очень старались.

И, наконец, несколько слов о московской подруге Челубея Наденьке Ламановой. В 1885 году она открыла-таки свою мастерскую с магазином на Большой Дмитровке (по другим данным — на Якиманке). Быстро вошла в моду, была популярна среди аристократии и творческой интеллигенции; исполняла заказы и Императорского двора. С 1901 года стала костюмером МХАТ, где работала до конца жизни. Именно её портрет закончил писать Валентин Серов за день до своей смерти. После революции Н.П.Ламанова создала советскую школу моделирования, содействовала восстановлению отечественной швейной промышленности. В 1925 году на Всемирной выставке в Париже получила Гран-При за модели с использованием русского народного костюма. Работы Надежды Петровны мы и сейчас ещё можем увидеть: её платье носят герои старых фильмов «Цирк», «Александр Невский» и «Бесприданница». Умерла Ламанова в Москве в октябре 1941 года: МХАТ уехал в эвакуацию, а старушку забыли... Урна с её прахом покоится на Ваганьковском кладбище. Мне приятно упомянуть, что она моя землячка: на её родине, в селе Шутилове Первомайского района Нижегородской области, Надежду Петровну ещё помнят и чтут.

Примечания

1

Полуштоф, или мерная бутылка — 0,6 литра.

Маровихеры — карманники, шниферы — ночные воры, мойщики — обворовывающие спящих пассажиров, глухари — грабящие пьяных.

3

Делили украденное (жарг.)

«Двадцать шесть» — сыщик.

Трынка — простонародная картежная игра, презираемая уголовными.

Т. е. беглый.

7

С паспортом.

Ст. 1484 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» рассматривала смерть от увечья, нанесенного в драке. При смягчающих обстоятельствах (в запальчивости, без обдуманного намерения) предусматривала наказание до трех с половиной лет в исправительных арестантских отделениях. Брус — случайно попавший в тюрьму, не профессиональный преступник.

Веротрин — сильное снотворное, производное барбитуровой кислоты; в больших дозах смертелен.

Белый дворник — слуга для тяжелых работ в доме (топка печей, вынос мусора и т. п.).

«Вечность» — дворянский паспорт.

Жители знаменитого преступного уезда Гуслицы, в числе прочих своих уголовных специальностей торговали поддельными паспортами и видами на жительство («малашками»).

Предикты — формы обращения и титулования.

Рост часто считали в вершках свыше «положенных» двух аршин, т. е. 142 см. Таким образом, рост дезертиров — 195 см.

Популярное в 19-м веке средство от ревматизмов и вывихов, смесь камфоры с нашатырным спиртом и мылом.

Кондуктор — унтер-офицер военно-морского флота.

Воскресные молитвы, читаемые по воскресеньям на кораблях русского военного флота.

Печатались с изображением царя Алексея Михайловича, почему и назывались «лексями».

Цинтовка — тюрьма; дергачи — грабители, шниферы — ночные воры, счастливыцы — мошенники.

Инобытие — алиби.

Название российского Министерства иностранных дел.

Брайтова болезнь — старое название нефрита.

«Свод заслуживающих внимания сведений, полученных Департаментом полиции»; представлялся императору еженедельно.

Благово намекает на П.В.Оржевского, отец которого В.В.Оржевский с 1837 по 1855 годы состоял директором Департамента полиции исполнительной.

Рэкетеры — члены нью-йоркских уличных банд, приходившие по вечерам на общественные танцы («рэкетсы»), за что и получили такое название.

Указ от 3 мая разрешал раскольникам: 1) получать паспорта внутри империи (всем сектам, кроме скопцов); 2) заниматься торговлей и промыслами; 3) вступать в иконописные цехи; 4) занимать общественные должности. Они могли творить «общественную молитву», исполнять требы и богослужения как в частных домах, так и в специальных для этого зданиях. По-прежнему запрещались публичные шествия: крестные ходы, пение псалмов, ношение вне молитвенных домов духовного облачения. Уставщики и другие духовные лица старообрядцев освобождались от преследования.

В 1889 г. П.С. Вощинин сменил Путилина на должности начальника петербургской сыскной полиции; Л.С.Шереметьевский в 90-х годах станет его преемником.

Басонщик — изготовитель тесьмы.

«Пчельник» — трактир для уголовных.

«Синее вино» — дешевое и плохое вино для плебса.

Пушок под нижней губой; введен в моду Наполеоном III.

Сават — борьба грузчиков портовых городов Южной Франции.

Министр финансов Н. Х. Бунге был внуком аптекаря.

Пешая артиллерия с начала 80-х гг. переводилась на конную тягу по штату мирного времени (раньше она получала упряжи лишь во время военных действий), в первую очередь в западных округах.

Калоши, как и папаха, полагались в российской армии полковникам и генералам.

Подразделение британской военной разведки, расположенное в городе Дехра Дун в предгорьях Гималаев и отвечающее за «Большую Игру» — англо-российское противостояние 1860-90 г. г. на «Крыше Мира» (Памире).

В 1861-84 г. г. в российской армии капитаны (ротмистры, есаулы) производились в майоры не по выслуге лет, а исключительно за отличие (что привело, кстати, к «перепроизводству» капитанов).

В 1906 г. генерал-лейтенант Ф.Ф. фон Таубе действительно ненадолго, но стал командиром Отдельного корпуса жандармов.

«Бам-и-Дунья» — «Крыша Мира» (местн. наречие).

В.А.Ратьков-Рожнов — крупнейший домовладелец Санкт-Петербурга.
15-й том Свода законов описывал уголовные преступления.

«Виленцы» — жители Вильно и Витебска — специализировались в преступном мире Санкт-Петербурга на подделке документов. Блинодел — фальшивомонетчик.

Досрочные купоны процентных бумаг обращались наравне с наличными деньгами.

Дергач — налетчик.

Идолы — зубы.

Капитан Никифоров был зверски замучен, а потом повешен польскими повстанцами 10 апреля 1863 г. в лесу у селения Опочны.

Слово «мент» заимствовано из польского аргю, в котором обозначало солдата; в русском уголовном жаргоне первоначально означало тюремного надзирателя, к 1880-м годам — еще и полицейского.

«Чертова рота» — сыскная полиция (жарг.)

Духовой — наиболее точный современный перевод этого жаргонного слова 19-го века: «отморозок».

Термин, употреблявшийся в русском обществе до появления слова «хулиганы».

Горячее поле — огромная городская свалка по нечетной стороне Забалканского проспекта, доходила до Новодевичьего монастыря; многолетний приют для бродяг и беглых. (Сейчас на этом месте расположены дома №№ 73–83 Московского проспекта).

Согласно законодательству Российской империи, максимальный процент при отдаче денег в долг составлял 12 % годовых.

Как заслуживший крест 4-й степени в чине рядового, Алексей получал «крестовые деньги» в размере 90 копеек в год.

Видов на жительство для приехавших в столицу работать по найму (кроме дворян и купечества).

В 1889 г. несчастный человек, пьяница, вор и букинист (в промежутках между запоями) Н.И.Свешников написал воспоминания о своей жизни, где дал описание нравов «Вяземской лавры». Они были опубликованы лишь в 1896 г. и шокировали читающую публику. Свешников жил в том числе и в Стеклянном флигеле, но на первом, «мирном» этаже; третий этаж не описал никто.

Тогда слово «ликвидация» означало арест или иную нейтрализацию, но не убийство.

В психическое отделение «Больницы всех скорбящих», расположенное на 11-й версте по Петергофской дороге.

Кокаином.

Чин титулярного советника в сокращении записывался «ТТС» (тайный советник — «ТС»).

Элемент парадной формы чиновников от четвертого класса и выше (статских генералов).

15 мая 1883 г. указом императора министр внутренних дел Д.А.Толстой получил высший в империи орден Андрея Первозванного, его товарищ И.П.Дурново — орден Белого Орла, В.К.Плеве — чин тайного советника, вице-директоры Департамента полиции П.Н.Дурново и П.А.Благово — чин действительного статского советника.

Анчутка Беспятый — одно из зашифрованных обозначений чёрта в народе с целью не поминать его всуе.

62

213 cm.

Т.е. холодным оружием.

Вагоны 1-го класса окрашивались в синий цвет, 2-го — в желтый.

Т.е. рисом.

Растворимое какао.

Каторжникам тогда брили наголо правую сторону головы.

Сушеные абрикосы с косточкой.

Денег.

Пенник — водка высшей очистки.

Кле — любая вещь (жарг.).

Подпольные кабаки.

Аравийская камедь, или гумми-арабик — сок африканской акации, без вкуса и запаха, на воздухе быстро затвердевает; в 19-м веке использовался для изготовления жевательной резинки.

Цепная лавка — магазин фирменной торговли. Барменский товар (по названию немецкого города Бармен) — тесьма, пуговицы и прочий швейный приклад.

Древесная шерсть — грубая непрочная пряжа, получаемая из нагретой под давлением целлюлозы; шла на приготовление недорогого верхнего платья.

Гашник — шнур от портов.

Налить как богатому до полного удовольствия — избить до смерти
(жарг.)

Квартал домов женщин легкого поведения возник вокруг армейских казарм и железнодорожной станции г. Додж-сити в 1872 г. Станционные рабочие вечером оставляли на крыльце домов свои служебные фонари с красными стеклами в знак того, что место занято. Позже выражение «квартал красных фонарей» распространилось по всему миру.

Горбач — дикий старатель.

Пустынники — бродяги, один из самых влиятельных тюремных кланов.

Романов хутор — тюрьма (жарг.)

Спиридоны-повороты — лица, имеющие просроченные документы и высылаемые по месту приписки.

Брандахлыст — плохая картофельная водка.

Абас — двугривенный (жарг.)

Регалки — татуировки.

Хинная настойка — семидесятиградусный лекарственный препарат, охотно применявшийся населением для «иных целей». Доверов порошок — смесь опиума, ипекакуаны и сернокислого калия, средство для лечения бронхита и лорингита; использовался в тюрьмах как наркотик.

На дне чайных чашек часто изображали виды крепостей, в т. ч. и Кронштадта. Если картинка просвечивала сквозь чай, значит, он был слабозаваренным.

Пятак (жарг.)

Куликать — пить водку (народн.)

Галантир — студень, заливное.

Отпустить с полным почтением — освободить с формулировкой «оставить в сильном подозрении» (жарг.)

Дать резинку — подать руку (жарг.)

Таксыр — господин (перс.)

Прозвище генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана среди местного населения Туркестана.

Мандра — еда, провизия (жарг.)

Пироги без начинки.

Маз — преступный авторитет, руководитель отдельной банды; в иерархии следует сразу за «иваном».

«Азбука» — то же, что сейчас означает «понятия»; свод правил поведения в уголовной среде.

Лабардан — соленая треска, без головы, хребта и хвоста; до конца 19-го века часто заменяла селедку.

100

Игральные кости (тюремн.).

То же, что и шапо-кляк — складывающийся цилиндр.

Российский офицер обязан был носить исключительно военную форму, даже находясь в длительном отпуске (штатский костюм полагалось надевать, только будучи за границей).

Старое русское название болезни Паркинсона.

Диссиденты — поляки не католических вероисповеданий.

Сегодня Кашгар — восточная область китайской провинции Синьцзян.

Штаны из толстой оленьей замши, предохранявшие от колючек; были присвоены войскам Туркестанского и Оренбургского военных округов.

Приказный — ефрейтор в казачьих войсках. В российской армии ефрейторы освобождались от обычных караулов и ходили только в парадные.

Отдельного корпуса жандармов.

«Кисла шерсть» — солдаты конвойной стражи (жарг.)

Потышники — конокрады (жарг.)

«Диковинка» — бутылка водки (народное выражение 19-го века).

Т.е. «делать дело», воровать.

Рихт — конокрадство; барная скамейка — хорошая лошадь (жарг.)

Взять за пищик — взять за горло (жарг.)

Старое название алкоголизма.

М.Н.Галкину-Врасскому, начальнику Главного тюремного управления.

Капрал в турецкой армии.

Пьяный (жарг.)

Гуго фон Биллимек — майор, впоследствии полковник, в 1882-86 г. г. начальник разведывательного бюро австро-венгерского Генерального штаба.

Драгоценные камни (жарг.)

Видимо, Сноговский самостоятельно изобрел и использовал электродуговую резку металлов. Официальным изобретателем ее считается русский ученый Н.Н.Бернадос; первые опыты были произведены в 1881 году.

1523 ст. Уложения о наказаниях: растление девицы, не достигшей 14-ти лет, если оное было сопровождается насиліем.

В 1885 г. по «схеме Юрковского» уголовные ограбили гродненское казначейство.

Плитка — рубль (жарг.)

Военный не из плохих (жарг.)

Забивать гвоздя — врать (жарг.)

Старое написание слова «сектанты».

Бардадым — король черной масти в картах (каторжн. жаргон).

Бузуй — штрафной солдат (забайкальск.)

Буквы старославянской азбуки.

Озойный — большой, крупный (забайкальск.)

Шибенник — висельник, разбойник.

Золотник — 4,266 грамма.

Каторжное прозвище всех молодых кавказцев.

Прости, читатель, но такая улица в Нижней Каре действительно существовала...

Юрдовка — карточная игра, любимая уголовными, а также забайкальский аналог московского жаргонного слова «шланбой» (подпольный кабак — притон).

Вишневого цвета.

Обработанная кедровая смола, сибирский аналог «бубль-гумма».

Т.е. 2 аршина 12 вершков, или 196 сантиметров.

Куль, мешок.

Дьявол (евр.).

Черная каша — гречневая.

При Петре Первом староверы платили двойную подать (две дани), за что и назывались двоеданами.

Г.П.Судейкин погиб в 1883 г., а его агент Иван Окладский был разоблачен и осужден в 1924 г., спустя 41(!) год после смерти своего вербовщика.

Т.е. не окрашенной.

Мессер — нож (жарг.)

Берковец — 10 пудов, или 161,66 кг.

Последняя ступень послушничества перед принятием монашеского сана.

15 августа.

Грогрон — самый дорогой сорт шелка; использовался для пошива исключительно дамских платьев.

Анизет — французская анисовая водка.

В российских источниках этого человека чаще называют Карлом Фоссе, и не венгром, а словаком по национальности. Однако мы придерживаемся именно такого написания...

Маньцзы — уссурийские китайцы, подонки общества; жили без женщин, занимались звероловством и выделкой водки.

Лоху — китайские ссыльные.

Ханшин — рисовая водка.

Жинг-зенг — старое написание слова «жень-шень».

Отступи! (команда для охотничьих собак, когда их отгоняют от добычи).

Знаменитое волжское село Катунки славилось изготовлением подделок дорогих мехов из кошачьих шкур.

Саврас — мужлан, любитель грубых удовольствий (выражение 19-го века).

Карымы — забайкальские креолы; помесь русских с бурятами, монголами и тунгусами.

Атукать — травить зверя на охоте.

Порошица — анальное отверстие (устаревш.).

Гуран — дикий козёл (забайкальск.)

Боярка — терновник; мунтала — монгольская жимолость; сухие грузди — сибирское название сыроежек.

Копалуха — глухара (забайкальск.)

Кирюшка — палач (жаргон).

Заседатель — сибирское название станового пристава.

Лестовка — старообрядческие четки.

Кизельгур — один из сортов динамита: 75 % нитроглицерина и 25 % собственно кизельгура (особого сорта пористой глины); горит на воздухе, не чувствителен к удару. Взрывается детонатором. Гремучая ртуть — продукт обработки ртути серной кислотой и спиртом; взрывается от удара и трения; служит детонатором.

29 августа, праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи;
запрещалось брать в руки нож и петь песни.

Хаки́м — лека́рь.

Войсковой старшина — майор (до 1884 г.) казачьих войск. Строевые офицеры после перехода на службу в полицию сохраняли военное чинопроизводство.

Т.е. в наручниках.

Один из видов служебного поощрения — личное благоволение императора; заносилось в формулярный список наравне с орденами и медалями.

175

8 сентября.

«Драгунская реформа» — реорганизация в 1882 году всех не гвардейских гусарских и уланских полков в драгунские, с унификацией и упрощением обмундирования; вызвала большое недовольство в армейской кавалерии.

В императорской России уголовная ответственность наступала с семилетнего возраста (с 1903 года — с десятилетнего).

Таковы особенности письма Александра Третьего: после точки, перед началом каждого нового предложения, он еще ставил длинное тире.

Сделают камергером.

В 1884 г. это было осуществлено; первым генерал-губернатором «усеченного» Восточно-Сибирского края был назначен генерал-адъютант А.П.Игнатъев, брат Н.П.Игнатъева и отец автора знаменитых мемуаров «50 лет в строю».

22 октября — праздник Казанской иконе Божией Матери.

Сейчас — озеро Балатон в Венгрии (курортная местность).

Кренговать — валить корабль на бок (для ремонта), найтовить — связывать, скреплять (талями и концами).

И дом, и квартира сохранились.

По другим данным, К.Д.Судовский выжил.